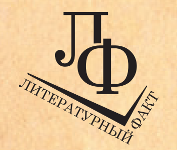
ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2021 № 4(22)

ИМЛИ
РАН
1932

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 4 (22). 2021

Published since 2016

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2021. № 4 (22)

Издается с 2016 г.

16+

Литературный факт: научный журнал. –2021. – № 4 (22). – 336 с.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67296 от 30 сентября 2016 г.

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а
Тел: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
Сайт: http://litfact.ru/

Literaturnyi fakt [Literary Fact]. No. 4 (22). 2021. 336 p.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296, September 30, 2016

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia
Phone: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
www.litfact.ru

Содержание

Литературный факт. 2021. № 4 (22)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

К 150-летию ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ВОКРУГ

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Contents

Literary Fact. 2021, no 4 (22)

FROM CREATIVE HERITAGE

TO THE 150th ANNIVERSARY OF LEONID ANDREEV

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

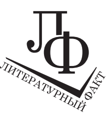
AROUND VYACHESLAV IVANOV
(part 1)

FROM SCIENTIFIC HERITAGE

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-8-48

А.М. Ремизов

«На вечерней заре». Глава из рукописи. Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1927 (окончание)

Комментарии *Е.Р. Обатниной*
Подготовка текста *Е.Р. Обатниной* и *А.С. Урюпиной*

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия;
Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, Москва, Россия

Аннотация: В научный оборот вводится фрагмент главы из рукописи Ремизова «На вечерней заре», созданной во второй половине 1940-х гг. на основании оригинальных писем писателя к С.П. Ремизовой-Довгелло. Рукопись представляет собой эскиз биографической прозы, отражающей отношение Ремизова к событиям двадцатилетней давности с позиций последующего опыта жизни в эмиграции. Именно поэтому многие сюжеты и характеристики современников, упомянутые в письмах 1927 г., дополнены и изменены писателем. Такого рода редакция прослеживается в сравнении с текстами оригиналов писем, приведенными публикаторами в Приложении. Оба корпуса писем предоставляют богатый материал для реконструкции истории русской эмиграций и творческой биографии Ремизова. Комментарии к тексту рукописи опираются на редкие, ранее неопубликованные архивные материалы и дополнены новыми биографическими данными ряда лиц из окружения супругов Ремизовых.

Ключевые слова: русская эмиграция, литературный быт, биография писателя, библиография, А.М. Ремизов, С.П. Ремизова-Довгелло.

Информация об авторах: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0003-1823-6321
E-mail: lena.eo@mail.ru

Анна Сергеевна Урюпина — кандидат филологических наук, хранитель, Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля (ГМИРЛИ), Трубниковский пер., д. 17, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: urana1409@gmail.com

Для цитирования: А.М. Ремизов. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1927 (окончание) / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 8–48. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-8-48

Глава из незавершенной рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре» публикуется по беловому автографу (Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея [далее ГМИРЛИ]. Ф. 156. Оп. 2. № 299) с преимущественным сохранением авторской пунктуации и некоторых особенностей авторской или дореволюционной орфографии. В Приложении представлены тексты оригинальных писем Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло (ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. № 340), подвергшиеся редактированию в составе рукописи в 1945–1948 гг. Фамилии лиц, обозначенных в оригиналах инициалами, неполными именами или прозвищами, раскрываются в угловых скобках. В обоих корпусах текстов авторские подчеркивания выделены курсивом; без дополнительных конъектур исправлены случайные описки и орфографические ошибки, случайные ошибки в инициалах упомянутых лиц.

Brides-les-Bains[1]

Paris 1927
6 сентября
вторник
117

Твои всякие эти затеи! Так неожиданно, что даже не могу сразу и сообразить. И сразу представил: ехать мне завтра!

А на самом деле, я так все дела расчитываю и выходит, что ехать мне ровно через неделю — во вторник 14-го IX.

13-го IX принесет прачешник, я уверен, что «Шляпино» (Диксон)[2] придет же, обещанное, а о корректуре в Plon написать надо[3].

А ты подробно напиши, что надо привезти с собой [в Brides-les-bains].

Будь осторожна с машинкой:

1) Не переливай спирт. А если перельешь, то около на стол воды налей, а если перелитое загорится на машинке, не бойся, скоро выгорит;

2) не дыши ды́хом;

3) Дай остыть, а потом подлей спирт;

5) Держи «бидон» дальше от огня; лучше куда-нибудь в угол отставь.

Для «очищения совести» написал прошение Ландовскому о льготном билете[4]. А не выйдет, ехать мне в III классе. Может быть, есть дневной поезд. Придется попросить Н. [Наташу Резникову][5] помочь мне.

А какая это портниха с тобой: не «Арфистка» же, верно, «Борщок» (Нина Каз<имировна-?> Статкевич[6]).

Тебе M-elle Annie Kraus, 2 Rue Duguay-Trouin, VIe. Она из Alliance’a, с тобой училась[7]: на этой неделе уезжает, просит повидаться. Это уж не та ли, к Архангельскому[8] петь ходила, «Карла»? Или та, которая приставала, ты мне рассказывала?

Напиши свои соображения о 14-м. Мне кажется, так лучше будет. Конечно, можно заложить и лететь. Но это не стоит делать, я так чувствую[9].

Привезу Лескова т. XXXIV: «Леди Макбет», «Левшу», «Павлина»[10].

7 сентября

Твое № 3 от 5 IX.

Из Москвы (Бреннер), что послано мне 1555 frs. (1449,90 — за «Олю» + 105,20 frs. за Диксоновские «Листья»). «Оля» — продано 179 экз<empляров>; «Листья» — 26 экз<емпляров>[11].

Из “Die Drei” № 6 с “Nicolaus als Richter”[12].

Paris 1927
7 сентября
середа
118

Твое письмо № 4 — 6 IX.

Будь осторожна с машинкой. Приеду, все налажу. Билет возьму в субботу. Не могу решить, как лучше ехать: ночь<ю> или днем. Ночью будет холодно, но есть ли дневные поезда? Все разузнаю. Хочу проверить о деньгах, не могу найти квитанции. Искал много. Всегдашняя история. Надо старые письма пересмотреть: может, в конверте, а конверт вклеен. Образцовый мой порядок! Подсчитал, сколько из “Die Drei”: 6 страниц х 4 М = 24 М = 24 М х 6,06 frs. = 144 frs. Я напишу, чтобы послали в B<rides>-l<es>-b<ain>s.

Во сне: хлеб и яблоки.

По-старому: к прибыли.

А мало продано «Оли» — 179 эк<земпляров>[13]. Остается 712. Да правда ли это? С Петербурга знаю, какая точность в книжном деле. Помнишь историю с Пирожковым — лишняя 1000 Мережковских[14] — и это у Пирожкова (б<ывший> революционер)[15], а Бреннер не Пирожков, 1000 ему ничего не стоит, с 1000 не стоит и мараться.

Если поеду во вторник, посылать тебе деньги или привезу?

Завтра, верно, получится перевод из «Москвы» (Бреннер).

Тебе открытка. Не могу разобрать подпись.

Мне от М.Л. Слонима: о моих легендах и о «Шляпе» (Диксоне): его «Кристик» пойдет в XI или XII кн<игу> «Воли России»[16].

Письмо от Шестова: у него была Даманская[17], рассказывала, что «вы уехали». Напишу: «ничего подобного, нашел слушать кого: Даманскую! Одобряешь? Не написать ли ему, что здешние доктора были правы: тебе надо было ехать в Brides-les-Bains, а не в Виши[18], да так и в Вишах сказали. А то пойдет разговор: зачем да кто сказал? — пустая канитель.

После трехдневного молчания написал I часть «Чудо с Василием»[19] (Basilio), завтра по утру буду продолжать — самое чудо.

Пневматичка от Chuzeville'a[20]. А поздно вечером он пришел и с ним Jarl Priel, бретонец-переводчик[21]. Priel'ю очень понравилась «Кукха»[22]. Какая противоположность: латинский Chuzeville и кельтский Jarl. Расспрашивал его о бретонских именах.

Но тут я не могу понять: о «Петушке» — если взять Piere, то не "Pierot", а "Pipi". "Pipi" — нет, что-то не то. Это они друг с дружкой петушились[23].

Chuzeville со мной рассчитался за "L'Incendi" и "Princesse Mymra"[24], дал мне 100 frs. И много обещаний, как всегда, с изданием, но я не придаю значения. Одно меня порадовало — эти неожиданные невероятные — 100 frs.

В "Cahier du Sud" со «Снами», перевод Р. Лапиной[25], надо мне написать, чтобы заплатили переводчице, авторам там не платят. Лапину не знают и самой ей никак невозможно.

Говорил по-русски, они по-французски. И все-таки устал. Обо всем подробно в твоей комнате — в "Terrasses"[26].

8 сентября

От Ландовского билет, как в Виши, со скидкой ½. Не ждал, так скоро.

Paris 1927
8 сентября
Nativité
Четверг
119

Рождество Богородицы по н/с, все равно, мой праздник[27].

Во сне видел англичанок (Miss Harrisson, Hop Mirrelis)[28] и тебя.

Проснулся около 11 ч<асов>. Нет, я поеду вечером, боюсь просплю — ведь, как на грех, сон возьмет — его предутренняя песня, а поезд и ушел. Лучше надену зимнюю фуфайку.

Получил «Путь» № 8[29], привезу.

В «Возрождении» П.П. Муратов о «Блоке»[30]; есть рецензии на Шмелева, изд<ательство> ТАИР. Пишет В.Н. Ладыженский (знаю его с Пензы, с 1898-го) [31] — «кажется, это первая книга в новом издательстве», а «Взвихренной Руси» он не знает[32].

Очень свежо. И я сижу зябко. Ждал перевода из «Москвы» (Бреннер). А нет. Но как это неожиданно от Ландовского: я взглянул на конверт и подумал: «комар»! С таким чувством и распечатал.

Кончил вчерне «Чудо о Василии» — о Василии, агриколове сыне[33]. Буду отделывать с тобой уж. Всегда важно не пустой лист, а хоть бы комар накомарил.

Отыскал ключ от чемодана — маленький, который в Bernerie[34] возил, его возьму — “la valise presieuse”[35]. Жду реестр от тебя, чего привезти.

История с Вл<адимиром> Ал<ександровичем> Перцовым[36]. Я знал его глухого несчастного дядю Петра Петровича («Новый путь») — постоянно под знаком «недоразумия», не женился, невеста тоже глухая, при «объяснении» оба кричали и ни до чего не докричались, так и остался «обиженный холостяк»[37].

Перцову назначено с 8-и. В 8-ь звонок. Входит: шейка на ниточке болтается, а руки — подал мне руку — как у Георгия Иванова[38], тряпка (у Георгия Иванова и губы тряпичные, а у этого вовсе нет, а прямо рот). А я, убежденный, что это и есть Перцов американский, назвал его Владимир Александрович. И вижу, Перцов совсем стряпался, и подает мне камушки, не простые, а «печеночные», о которых я ничего не знаю, и куда девать не знаю. А живет он не в Нью-Йорке, а там, где Бакунины[39], и жил он с Осоргиным, Вишняком и Степуном у Бердяева (помнишь, куда ты собиралась)[40]. От смущения вместо «Осоргин» он говорил «Ремизов». И камушки оказались от доктора «Ремизова», я понял «Бакунина».

В 9ь ч<асов> другой Перцов со Шклявером[41].

Сразу же выяснилось, что только что был у меня не Перцов, а сын присяжного поверенного, фамилия «наоборот Мочульского» Сочивко[42]. И сейчас же о тебе: Шклявер Brides-les-bain знает, и ездил, но не доехал.

Перцов-Дроздов, не красно-розовый, а серый и чуть повыше. А говорит с подлаем, но не лает, как Шлецер[43].

О сборнике «Вол»[44].

Вот его «деловой подход»:

1) распространение: рецензии. — Я сказал, что надо дать: «М.Л. Гофману, И.С. Лукашу, «Караиму» (Мочульскому)[45] — в «Последние новости» и в «Возрождение»;

2) «Нельзя ли привлечь к участию в сборнике солидных?» — Я перечислил зубров: Бунин, Мережковский, Куприн, Шмелев, Зайцев. Но все ли пойдут?» — Больше всех нравится ему Шмелев.

3) «А Цветаева?» — «Цветаева капризна».

4) Я назвал: Сосинский, Торский, Шкотт (Болдырев), Шаршун, Познер, Гингер, Вадим Андреев, Д. Резников[46]. — И увидел, что ему хотелось бы попасть в «Современные записки». — «Ну, Гиппиус, Ходасевич, кого еще?»

Шклявер рассказал запоздалую новость о мордобое в «Новом мире»[47].

«А Бердяев?»

«Ладно, пусть будет и Бердяев».

Он был у Бердяева. И теперь выяснилось со «Шляпой» (Диксоном): в Нью-Йорке Перцов встретился с американским Кульманом[48], и Кульман написал Бердяеву, что можно перевести его книгу, не называя имени переводчика, а Перцов, говоря с Кульманом, думал о «Шляпе», но «Шляпу» не известил.

Так вот, Перцов хочет, чтобы в сборнике был Бердяев. Я думаю, Бердяев согласится.

О «Москве» (Бреннер) — выбор Диксона — Перцов отозвался: «Порядочная шляпа».

Стало быть, «Шляпа» не «единичное» явление, а идет с Америки и невольно выговорилось у Перцова.

Со «Шляпой» (Диксоном) он думает увидаться в Мюнхене. В Париж — к Рождеству. Для «Вола» будет искать денег. Маловероятно, ну, пускай, ищет.

Не написать ли «Шляпе» (Диксону): будет в Берлине, зашел бы к Розенберг[49]: о весах[50]. Это надо сделать так же, как я написал «для очищения совести» Ландовскому о льготном билете.

В Париже Перцов виделся с Бердяевым, Степановым и Клепининым[51]. Клепинин едет в Америку на год[52] и «есть у него невеста Сеземаниха». И смех, и горе. Нина-то Николаевна в «невесты» попала! [53]

Шклявер обещал к понедельнику биографический очерк для Plon[54].

Подробности расскажу.

9 сентября

От Оберучева (Нью-Йорк). Я думал, чек. А вместо чека:

«Кассир в отпуску, но за этим дело не станет» [55]. Но когда?

Paris 1927
9 сентября
пятница
120

От Шершуна <sic!>[56] из Страсбурга с «видом»[57]. От Перцова — книжка — стихи,[58] просит подчеркнуть «несообразицу». Это в стихах-то. Или он не сумел выразиться и ляпнул вместо «сукна». Не понимаю, зачем без языка пишут стихи, словесное по преимуществу.

От R. Vivier (Bruxelles): перевел из «По карнизам» и о «Крестовых сестрах». «Крестовые сестры» я послал[59].

Напишу Розенберг (Берлин) о весах.

На твое № 5 от 8. IX.

Поеду вечером — 14-го. Вынул 2 фуфайки — «Богуславскую» и «Карлсбадскую»[60]. Дневным боюсь пересадок. Ровно будет 10 дней — с 15-го по 25-ое. И домой. Вот я так всегда: еще дома сижу, а как представлю себе, и хочется домой. И опять все ждал из «Москвы» и «Шляпиных» (Диксоновских), и ничего.

«Старице», ее зовут “Er-groah” (старуха) Lebris<,> скажу, что уезжаю в воскресенье, а то она так топчется, делать нечего.

Пересмотрел еще раз и еще раз все квитанции и не нахожу. Удивительное дело, ведь у меня все сложено, где «налоги». Конечно, это неважно, но уж взял упор непременно найти. Уж второй год, как и конвертов не уничтожаю, все подклеиваю и только не нумерую. Должно быть, есть мера всякому порядку.

Очень меня огорчает, что от «Шляпы» (Диксона) нет, а сегодня 9-ое!

Заходила Наташа (Чернова-Резникова). Она возьмет билет, и в воскресенье даст мне утром.

Сувчинский и Цветаева едут в Руан[61]. Приехала Папаушка <sic!> (Прага)[62]. И все Черновы сегодня у Лебедева[63]. Принесла <Н.В. Чернова-Резникова — Е.О.> мне «Крестовые сестры» по-немецки[64]: мне

они надобны на случай, если понадобится поехать послать Vivier для перевода на французский[65].

Написал с помощью Наташи Aimot[66]. Который уж год и все Aimot.

«Ну, давайте, говорю, напишем Vivier!»

Блохи? Непременно надо купить «флитокс». «Караим» (Мочульский) только фитоксом и спасался. Да и <у> Гофмана перевелись. А помню, пришел раз, они на меня, на свежего, как комары. А из Ростика[67] вылетали искрами.

Привезти пальто или еще что теплое — очень холодно.

Начал «чудо с насыщением голодных». И вдруг схватился, что с «чудесами» у меня ничего не выйдет. А чаю привезти? Только бы деньги поскорее, тогда я буду уверен. Деньги — кровь.

Paris 1927
10 сентября
суббота
121

На твое № 6, 9-го IX.

Наконец-то от «Шляпы» (Диксона), в понедельник пойду, получу. «Шляпа» простудилась, кашель — письмо от 6. IX. из Софии.

От Святополка-Мирского: можно ли зайти завтра — это о «Commerce» с «Неуемным бубном»[68].

«Старицу»[69] отпустил.

В «Москву» написал: «расследуйте, говорю, деньги переведены 6-го IX, а сегодня 10-ое; за 5 дней они до Китая дойдут, а до Av. Mozart почему-то не дошли». Просто, жулик, и посылать не думал[70]. В письме написать ничего не стоит. Это для моего «Воровского самоучителя» параграф. Все равно, как надо заметить: один добрый человек послал мне 100 frs. с письмом, а потом спрашивает: «получил ли?» — «нет, говорю, никаких 100-а франков не получил», — а по глазам вижу: да он и не думал посылать[71].

Киреев, если у него все сладится, и на вокзал меня повезет. Рассказывал о Бельгии. Перешел он на III-ий курс, осталось еще 3 года[72]. С каким-то Аббатом изъездил всю Бельгию, знает ее, как свою Одессу, побывал во всех монастырях, и мужских, и женских, две недели провел у иезуитов, а однажды прислуживал Аббату на мессе, звонил в колокольчик, латинских молитв не знает, так для виду бормотал губами, труд не велик: «бу-бу» — вот и все. «А вере своей не изменю». Он снимется в сутане и пришлет карточку.

Когда выпускал Киреева, вошел М.В. Добужинский, принес для твоего альбома автографов свой автопортрет и вклеил его[73]. Он

недоволен, что его сын не с ним[74]. «И лучше б, говорит, квартиру не находили!» Вот как, а мы мечтаем[75].

Все-то я теряю. И только после долгих поисков нахожу. Сколько времени сегодня я искал Николая-чудотворца — статуя в Шартре[76], потом свою Годуновскую рукопись[77]. Отчего вещи от меня прячутся. В чем дело? Чем я их отпугиваю? Или они не хотят мешать моим мыслям? Но рукопись или картинка, они нужны для моей мысли, иначе бы не искал? Так и не знаю.

Осенняя погода. Утром было тепло — мелкий теплый «мышкин» дождик, а потом поднялось и с холодом дождь.

Ходил платить за баранки, надел «карлсбадскую».

А Brides-les-bains параллельно Piemont'у, южнее Женевы.

Когда ждешь почтальона, от посетителей не убережешься. Боюсь не отворять: почтальон новый, тот в отпуску. А мне это очень мешает. Сегодня так мало сделал.

11 сентября

Что-то долго не несет консьержка писем. Много видел во сне хороших всяких вещей. И утро — северное — финляндское.

Paris 1927
11 сентября
воскресенье
122

Я уж волнуюсь. Наташа [Чернова-Резникова] принесла билет. Билет есть! 2 el, voit 5, place 36 — 14. IX. середа. Поезд отходит в 9 ч<асов> 40' вечера, а в Brides-les-bains в 9 ч<асов> 12' утра. За билет — 119 frs. (144,55 + 4,50) frs. Если неудобно в этот час встретить, ты ничего не изменяй, я подожду на вокзале. Наташа говорит, чтобы взять тебе пальто: возвращаться будет очень холодно. У нас — 12°R — 13°R. Не взять ли мне твою белую вязанную, она теплее всяких польт.

От Шклявера: краткая биография для Plon. Переписал. Пошлю с указанием адреса, куда посылать корректуру.

От Б.К. Зайцева: карточка к фотографу[78], о котором он мне говорил при встрече с «ухом»[79].

Завтра получу «Шляпино». Но этого мало. Если б тот жулик («Москва») действительно послал!

И опять дождь. Надел, как зимой, «Богуславскую» на твою, а на «Богуславскую» — «Карлсбадскую». Написал вчерне «чудо об избавлении от голода» и начал «чудо о налоге»[80].

Звонок — кто его знает, чей. Сейчас!

Князь, только не Святополк-Мирский, а Оболенский-Балда[81].

Все успокоились. Митрополит Евлогий написал в «Москву» (не Бреннеру жулику, конечно), а в «Первопрестольную», что остается верен Московскому Патриарху и по-прежнему «аполитичен». После съезда направление «русское» [82].

Я говорю: «Вот бы теперь и пора: и мою «Посолонь», и мои «Сказки», и мои «Страды»[83].

Я справлялся в YMCA. Никого нет еще: ни Б.М. <sic!> Вышеславцева, ни П.Фр. Андерсена[84].

«Политика совсем отходит, соединились просто на России». Это он о «христианской молодежи»[85].

В «Возрождении» сегодня Шмелев, Яблоновский и Тэффи[86].

За Оболенским П.П. Сувчинский и Святополк-Мирский. Святополк-Мирский написал о «Взвихренной Руси» и о «Оле» в «Версты» № 3, а когда выйдет № 3 и Сувчинский не может сказать[87]. Сувчинский уезжает к С.С. Прокофьеву[88] на 3 недели.

Святополк рассказывал о Понтеньи: был Бердяев[89] — понравился англичанам, была «барышня» (?) и Шифрин[90] с «женой» (Святополк всегда так говорит, скалясь волком и с пропусками).

Я говорю: «Почему меня никогда не пригласят?»

«А потому что Шифрин издает Дюбоса[91], а «барышня» от Шестова»[92].

Поил их чаем на кухне. Оба усталые.

А с переводом в “Commerce” произошло так: Святополк получил от них деньги на «Версты», не взаймы, а чего-нибудь перевел бы. Он и перевел. Рукопись ему исправляет Paulhan[93]. Он не думает, что ему свинью подложут, он только боится, что не понравится. Но тут-то вот и нажужжат Baciano («содержательница»“Commerce”)[94]. И из-за каких-то бабьих счетов ничего не выйдет[95]. Это очень все печально.

Я очень загрустил из-за денег.

В «Верстах» Бердяев рассказывал о себе[96].

Но я так и не кончил «чудо о налоге».

Главное, надо всегда написать, хоть бегло, когда слова сами-собой выходят. Это основа.

Напиши же, что тебе привезти теплое. Ты представить не можешь, какой холод.

Блохе нечего кусать — я весь в шкурках — так она около шеи вертится, Аббатская блоха — Киреев занес.

Paris 1927
12 сентября
понедельник
123

На твое № 7 — 10. IX.

Сон: Jarl Priel — «Пуанкарэ», но без бороды смотрит на меня из густого синего света и, как рак, шевелит усами[97].

Деньги из Праги за «Глухую тропочку» (Николины легенды)[98] — 10, 90 frs. — 50 см. высчитали, а 40 см. я почтальону дал, стало быть, ровно 10 frs. И то хлеб.

Принесли белье. Рассчитался — 41 frs.

И тут случилась очередная пропажа, с бельем не считается — какая же прачка все белье подает! — и в моем образцовом порядке: написал Aimot, а куда положил письмо, не могу найти. Пересмотрел все бумаги — нету.

Бросил Aimot искать, пошел за «Шляпиным» (Диксоновскими). И получил. А из Банка в Ломбард на Rue de Reine. За цепочку дали 270 frs. Решил заложить: ни в чем не уверен. Пошел в «Москву» к Бреннеру. Ну, и стервец: «на почте, говорит, напутали и уж хотел было посылать ко мне». И это тоже к моему «Воровскому самоучителю»: скажи: «на почте перепутали!» — и вразумитель<но> и правдоподобно — кто ж где не путает — путаница душа всех событий и ось хорошего рассказа «с заковыркой»[99].

Бреннер дал чек, но уж не 1555,20 frs., а поменьше 1536,50 frs., без 18,70 frs. — вычет за рассылку экземпляров для отзыва.

Выходя из «Москвы», встретил Ховина[100]. Посидел немного в его машине. К нему из России приехала жена. Просит, как вернемся, позвать. Страху натерпелся и опаски. И из Банка пошел, да не в ту сторону. Едва домой добрался, хорошо еще все деньги целы: и «Шляпины», и «Олины», и «цепные».

Купил я в «Москве» — «Россию» № 3[101]. Развернул — и что же ты думаешь, не третий, а № 1. Подсунули! Сейчас же забандеролил и снес на почту.

А когда я выходил из дому идти на почту, консьержка подала твое письмо.

Привезу все, только что же ты не пишешь, чего тебе — теплое?

Письмо от В.П. Кончаловской[102]: приехал из Москвы Fontenoy[103], был у Plon и надо какие-то «денежные сведения» для Fontenoy. Прилагает письмо из Plon: “Fontenoy partant, il lui impossible de nous donner les renseignements don’t nous avons besoin pour la mise en vente de cet ouvrage”[104]. Дело идет о добавочных — 500 frs., я их должен

получить. Наверно, это из той 1000 frs. — ½-а Fontenoy, ½-а — мне. Кончаловская свободна во вторник.

Написал ей, что буду около 5-и. И опять на почту.

С высунутым языком вернулся домой.

Эта история с Кончаловской мне очень неудобна. Завтра я должен идти в «Kra» к F. Souppolt <sic!>[105]. И уж очень неопределенно: «après midi»[106]. Шклявер говорит, что это от 2-х до 5-и. А к Souppolt мне надо непременно: потерял он перевод Parain'а — «Петушок», а у Parain'а нет копии[107]. И вообще, как мне дальше в «La revue européenne»[108].

А с "après-midi" у меня уже было недоразумение: мое посещение Pierre Mille'я[109], помнишь, я прихожу, а все расходятся.

Оболенский рассказывал, забыл тебе написать, о Фондаминском[110]: всякую субботу ходит ко всенощной.

Шестову написал о Brides-les-bains — приходится объяснять во избежание ненужных разговоров о всегдашнем, что выгодно и что невыгодно, что может себе позволить любой (с деньгами) и чего мне и тебе нельзя — я говорю, будто доктор сказал, что Виши — сильная вода и может вызвать припадок, и что надо тебе Brides-les-bains. А про Даманскую: информация прошлогодняя[111].

О Перцове. Если бы ты разговаривала или он с тобой! Он ничего не знает из здешних «обычаев» — я видел, как дипломатически-невозмутимый Шклявер возмущался, а Шклявер от нас много слышал.

А «подход» у него, какого у меня никогда не было. Он на моем месте, в Петербурге, конечно, пошел бы в «Вену» знакомиться[112]. Это я так подумал, когда услышал о «солидных именах», которые дадут лицо сборнику «Вол». Но в конце-то концов он согласился со мной, что «Вол» — сборник «непризнанных» или, как тут говорят «спорных», в их числе я, таких писателей, от которых «письмо в редакцию» не напечатают.

Письмо к Aimot нашел!

Paris 1927
13 сентября
вторник
124

На твое от 11 IX.

Чемодан готов: калоши, 2 полотенца, простыня, фильтр, 2 ложечки, тебе пелеринку.

Individualität[113] посвящен живописи и разным художникам, моего нету ничего.

«Слово» (Рига) статья И.С. Лукаша о «Взвихренной Руси»[114].

Поеду только к Кончаловской. Боюсь вчерашнего дня: я так устал, едва заснул. Souppolt не убежит, прием каждый вторник. Всего у меня, не считая мелочь, 1806 frs. Хватит ли?

У Кончаловской просидел 3 часа. Анкета для «Plon». Опять все сызнова, все названия книг — по-французски. И краткое содержание «Оли» («Sur champ d’azur»). Все записывала и переводила M. Etard[115]. Она тебя знает по школе. И письмо в Plon о 500 frs.

Должна была зайти Наташа (Чернова-Резникова) починить плед. А явилась Лисевна (О.Е. Чернова)[116]: Наташа простудилась. Я предупредил, что меня проводит Киреев, но потом взял страх: а вдруг что-нибудь ему помешает?

За починкой пальто. Не все разобрал — Лисевна говорит в-крутинку: что проглотит, а что и на пол.

Цветаева уехала с В.А. Сувчинской[117] в Руайан. Цветаева жалуется на Сувчинского и Святополка-Мирского, что не хотят устроить ее рассказ в «Commerce». Что им не нравится ее рассказ. А если бы устроили в «Commerce», ее открыли бы и стали бы знать французы. Что издает она книгу стихов — 8 листов[118]. Что «Дни» с октября будут печататься у Зелюка[119]. О Папаушках <sic!>[120], о Е.В. Постниковой[121] и о М.Л. Слониме[122], который не ответил Цветаевой на 5 писем («Заказные?» — «Нет, простые, не считая пневматичек». — «Сколько?» — –). И про Ауку[123] — «если бы ей устроиться в “Воле России”»! И про Ховина и про его жену.

Плед закончен.

Она заметила, да я и не скрывал, как я смертельно устал.

Кончаловская старается для славы учеников Боуйэ[124]. Со мной — Fontenoy и Parain первое выступление[125]. Если нужно тебе и мне, она порекомендует “échange”[126]. Что касается меня, я, ты знаешь, чему я могу научить французов? А тебе другое дело.

Когда шел от Кончаловской по Монпарнасу, смотрел новые книги: есть удивительно исполненные обложки. Нам так не сделать. Какие рисовальщики! На Монпарнасе всегда можно следить за новинками — это его преимущество перед нашим деревенским Auteuil[127]: что у нас увидишь в витринах: прошлогоднее разве, да и то на «общий» глаз. Видел и иллюстрации Алексеева[128]. Конечно, лучше Анненкова[129], но и только.

Ты перед отъездом сидела над корректурой «Оли», а я над анкетой о «Оле».

14 сентября
середа

В 9-ь разбудила пневматичка с доплатой 1 frs. — твое письмо.

Во сне: Е.В. Аничков[130]. Это к дороге.

Помню, как в «период» «Крестовых сестер» я ездил к нему в новгородские «Ждани» [131].

---

[1] Термальный курорт в Альпах.

[2] «Шляпа» — прозвище, которым Ремизов именовал поэта и издателя Владимира Васильевича Диксона. См. о нем: [26, с. 74–75].

[3] Речь идет о корректуре повести Ремизова «В поле блакитном» в переводе Ж. Фонтенуа, которая вышла из печати 25 октября 1927 г.: *Remizov A*. Sur champ d'azur / trad. J. Fontenoy. Paris: Librairie Plon-Nourit, [1927]. 248 p. (Collection "Feux croisés: Ames et terres étrangères").

[4] *Paul Landowski* в 1927 г. занимал должность генерального секретаря Союза иностранной Прессы во Франции (Association Syndicale de la Presse Étrangère).

[5] Подразумевается Наталья Викторовна (Митрофановна) Чернова (урожд. Федорова, в замуж. Резникова; 1903–1992). Друг семьи и биограф Ремизова. См. о ней: [25, с. 3–24].

[6] Неустановленное лицо.

[7] В тетрадях Ремизова, объединяющих копии биографических документов его жены, упоминается *Annie Krausé*, сокурсница С.П. Ремизовой-Довгелло в Alliance Française Ecole, курс современного французского языка; выпуск 1928 г. (ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. № 288. Л. 39).

[8] Алексей Алексеевич Архангельский (1881–1941) — композитор, дирижер, см. о нем: [28, с. 76].

[9] Подразумевается ломбардный кредит в залог цепочки Серафимы Павловны. См. С. 39 наст. изд.

[10] Издание Собрания сочинений Н.С. Лескова в 36 томах (СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1903).

[11] Евгений Александрович Бреннер (1895–1954) — в дореволюционном прошлом московский издательский работник, в 1926 г. переехал из Берлина в Париж и открыл книжный магазин «Москва» (9, rue Dupuytren, Paris). Подразумевается гонорар от продажи повести Ремизова «Оля», выпущенной на средства В. Диксона в его издательстве «Вол» (Париж, 1927), и авторского поэтического сборника Диксона «Листья».

[12] Речь идет о публикации ремизовской легенды «Никола Судия» («Nikolaus als Richter»; переводчик — W. Ruhtenberg) в сентябрьской книге (№ 6) журнала антропософии в науке, искусстве и общественной жизни «Die Drei. "Dreigliederung und Goetheanismiie"» (выходил в Штутгарте с февраля 1921 по март 1931 г.).

[13] Ср. наблюдения М.А. Осоргина по поводу законов книжного эмигрантского рынка, адресованные Ремизову 29 июля 1927 г.: «Мне говорили в магазине (в Родине), что после Вашей "Оли", которая идет хорошо, стали покупать и "Взвихр<енную> Русь". Но не забудьте, что новое правописание отнимает до 25% обычных покупателей. А главное — что Ремизов не по зубам эмигрантскому читателю» (Amherst. Series 1. Box 4. Foulder 12). Обе книги Ремизова были набраны по новой орфографии.

[14] Пирожков Михаил Васильевич (1867–1927). О его издательстве см.: [31, с. 159–185]; с марта 1903 по июнь 1908 г. в нем было выпущено 22 названия книг Мережковского и Гиппиус общим тиражом 86,5 тыс. экземпляров.

[15] Неподтвержденные биографические сведения.

[16] В своем письме М.Л. Слоним как соредактор журнала «Воля России» сообщал о публикации двух легенд Ремизова «Тя́бень: Якутская. Из легенд о построении

храма» и «Ангел-предтеча: Богомильская» (Воля России. 1927. № 8/9. С. 3–16) в сентябрьской книжке, выход которой был намечен на 25 сентября (Amherst. Series 1. Box 4. Foulder 12). Корреспондент Ремизова упоминал также и рассказ В. Диксона, запланированный к печати на конец года (*Диксон Вл*. Кристик (Бретонская легенда) // Воля России. 1927. № 10. С. 30–40).

[17] Августа Филипповна Даманская (урожд. Вейсман; 1877–1959) — писательница, переводчица, журналистка.

[18] Vichy — курортный город, в котором жена Ремизова ежегодно проходила лечение.

[19] В печатной редакции легенда называлась «Чудо о Василии» (Воля России. 1927. № 11/12. С. 14–31).

[20] Jean Chuzeville (Жан Шюзевиль; 1886–1962), см. о нем: [27, с. 73–74].

[21] Jarl Priel (наст. имя: Charles Joseph Tremel; 1885–1965) — писатель бретонского происхождения; актер, переводчик Гоголя, Мережковского и Набокова; автор исследования об искусстве и музыке в советской России (1924). В архиве Ремизова (Amherst) сохранились также его письма за 1946 г.

[22] *Ремизов А*. Кукха: Розановы письма (Берлин: изд-во З.И. Гржебина, 1923).

[23] Речь идет о вариантах перевода на французский язык названия новеллы «Петушок» (впервые в печати: 1911). См. также примеч. 95.

[24] Речь идет о гонораре за публикацию на французском языке двух рассказов Ремизова — «Пожар» (1906) и «Царевна Мымра» (1908), подготовленных Шюзевилем и К.В. Мочульским для журнала «La Revue Européenne»: «L'incendie» (1926. 1 avr. № 38. P. 22–31); «La Princesse Mymra» (1926. 1 déc. № 46. P. 36–57).

[25] Подразумевается перевод цикла «снов», впервые опубликованного в 1908 г. под названием «Бедовая доля»: *Rémizov Alexei*. Le Lot calamiteux / Trad. R. Lapina // Les Cahiers du Sud. 1927. Juillet. № 92. P. 28–37. «Les Cahiers du Sud» — литературный журнал, издававшийся в Марселе в 1925–1966 гг. Ср. оригинал письма на С. 34. наст. изд., из которого следует, что Ремизов с переводчицей не был знаком. Между тем в тридцатые годы в окружении Ремизовых появилась ее однофамилица Наталья Лапина.

[26] Террасы (*фр.*). Очевидно, название пансиона в Brides-les-Bains.

[27] Хронология личной творческой биографии, начало исчисления которой Ремизов вел с 8 сентября 1902 г., когда в московской газете «Курьер», выходившей под редакций Л.Н. Андреева, состоялся его литературный дебют — публикация стихотворения «Плач девушки перед замужеством» под псевдонимом «Н. Молдаванов».

[28] Jane Ellen Harrison, Helen Hope Mirrlees. См. о них: [26, с. 67– 69].

[29] Речь идет о журнале «Путь» (Париж, 1925–1940), издававшемся под редакцией Н.А. Бердяева с сентября 1925 г. В шестом номере была напечатана легенда «Рождество» (Путь. 1927. № 6. С. 3–14). Об участии Ремизова в первых выпусках см.: [27, с. 77–78].

[30] Павел Павлович Муратов (1881–1950) — писатель, искусствовед, переводчик, публицист. В 1922 г. командирован в Берлин, в дальнейшем жил за границей (с 1923 по 1927 г. в Риме, затем в Париже); сотрудничал в газете «Возрождение» с июля 1927 г. (см.: [15]). Речь идет о публикации фрагмента из его книги «Ночные мысли»: «IV. Воспоминание о Блоке» (Возрождение. 1927. 8 сент. № 828. С. 2). См. также републикацию [14].

[31] Подразумевается рецензия: [12]. Автор отклика — Владимир Николаевич Ладыженский (1859–1932) — поэт, прозаик, мемуарист, общественный деятель; в эмиграции с 1919 г. Ремизов вспоминает о встрече с ним в период своего пребывания под гласным полицейским надзором в Пензе (с 25 декабря 1896 по май 1900 г.). В это время Ладыженский был известным человеком в Пензенской губернии, писателем, принятым в литературные круги Москвы и Петербурга, корреспондентом А.П. Чехо-

ва; 1897 г. был назначен членом уездной земской управы, курировал местное народное просвещение [9, с. 9–10]. Ср. воспоминания Ремизова, совместившие момент, когда он впервые увидел Ладыженского на студенческом балу в Пензенском Дворянском собрании, с впечатлениями от встречи в парижском зале отеля «Лютеция» (Salle Lutetia, 43, Boulevard Raspail) в 1930–1931 гг.: «На эстраду вышел пензенский “кумир”, Владимир Николаевич Ладыженский. Он из своего имения под Пензой и к началу опоздал. Музыку и танцы остановили. В первый раз я видел близко “поэта”. А каким взволнованным голосом читал он стихи: “К моей сестре”. Глаза его дрожали на ниточках и язык заплетался, краской обжигая щеки. Подойти я не решился <…>. Через много лет — не счесть годов! — незадолго до его смерти, я его встречу в Париже, в серебряной Лютеции около буфета, стихов он не читал, но его глаза по-прежнему на ниточках висели и я читаю в них, мне одному понятное, по моей памяти, свое: “К сестре моей”» [29, т. 8, с. 316–317].

[32] Неточная цитата заключительной фразы из рецензии Ладыженского на книгу Шмелева. Ср.: «Если я не ошибаюсь, это первый опыт нового издательства “Таир”» [12, с. 2], которая задела Ремизова искажением реальных фактов, потому что первой книгой, выпущенной издательством С. Рахманинова, стал его роман «Взвихренная Русь», вышедший из печати в конце 1926 г. (на обложке 1927 г.). Подробнее об этом: [22, с. 16–19].

[33] В окончательном тексте (см.: [29, т. 13, с. 211]) отец Василия именуется Агриком (от *греч.* αγριος или αγριχος), очевидно, во избежание ассоциаций с римским военачальником, наместником Британии (Gnaeus Iulius Agricola; 40–93 н. э.).

[34] La Bernerie-en-Retz — городок в департаменте Луара-Атлантическая на западе Франции, неподалеку от которого, в деревне Le Clio sur mer, Ремизовы с 1924 г. снимали жилье для летнего отдыха.

[35] Компактный чемодан (*фр.*).

[36] Владимир Алексеевич Перцов. См. о нем: [28, с. 71].

[37] Петр Петрович Перцов (1868–1947) — поэт, публицист, критик, редактор-издатель журнала «Новый путь»; мемуарист. Перцов с 1908 г. состоял в гражданском браке с Марией Павловной Буниной (1872 или 1873 — после 1949), взявшей его фамилию. Биографические сведения революционных лет см.: [18]. О деятельности Перцова в журнале «Новый путь» см. его рассказы второй половины 1920-х гг.: [13].

[38] Георгий Владимирович Иванов (1894–1958) — поэт, прозаик, переводчик; в эмиграции с 1922 г.

[39] Подразумевается семья Татьяны Алексеевны Бакуниной (1904–1995), приехавшей в Париж из СССР весной 1926 г.; осенью того же года стала женой Михаила Андреевича Осоргина (наст. фам. Ильин; 1878–1942).

[40] Подразумевается место курортного отдыха. Названы — редактор журнала «Современные записки» Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976), писатель Федор Августович Степун (1884–1965), философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948).

[41] Георгий Гаврилович Шклявер (1897–1970). См. о нем: [26, с. 77].

[42] Неустановленное лицо.

[43] Борис Федорович (Фердинандович) Шлёцер (Boris de Schloezer; 1883–1969). См. о нем: [26, с. 73].

[44] Несостоявшийся проект В.В. Диксона, владельца издательства «Вол», по всей вероятности, сходный по своей идее с другим неосуществленным сборником молодых литераторов под названием «Ухват» (в издательстве Д. Кобякова «Птицелов»). Упоминания о последнем см.: [20, с. 281-282].

[45] Пушкинист Модест Людвигович Гофман (1887–1959), прозаик Иван Созонтович Лукаш (1892–1940), «Караим» — прозвище критика, литературоведа Константина Васильевича Мочульского (1892–1948).

[46] Ремизов перечисляет круг своих литературных учеников: Сосинский (Сосинский-Семихат) Бронислав (Владимир) Брониславович (1900–1987); Василий Васильевич Торский (1885–после 1968) — прозаик, поэт, художник; в эмиграции с 1920 г.; с 1926 жил в Алжире; ср. оригинал письма (с. 35 наст. изд.); Иван Андреевич Болдырев-Шкотт (1903–1933); Сергей Иванович Шаршун (фр. Serge Charchoune; 1888–1975); Владимир Соломонович Познер (1905–1992); Александр Самсонович Гингер (1897–1965); Вадим Леонидович Андреев (1902–1976); Даниил Георгиевич Резников (1904–1970). О взаимоотношениях Ремизова с поколением молодых зарубежных литераторов см.: [19].

[47] Описка: подразумевается литературный журнал «Новый Корабль» (Париж, 1927–1928), сменивший завершенный в июле на третьем номере журнал «Новый Дом» (1926–1927; ред. Н. Берберова, Д. Кнут, Ю. Терапиано, Вс. Фохт). См. оригинал письма (с. 35 наст. изд.), в котором Ремизов ошибочно упоминает название «Новый Дом». Значительная часть содержания первого и последующих номеров «Нового Корабля», редакцию которого представляли В. Злобин, Ю. Терапиано и Л. Энгельгардт, отводилась под публикацию стенографических отчетов о заседаниях литературного общества «Зеленая лампа», организованного Мережковскими. Очередная «беседа», заданная докладом З.Н. Гиппиус «Русская литература в изгнании», вызвала бурную дискуссию участников. В появившейся вскоре рецензии на дебют «Нового Корабля» прозвучала оценка неблагополучной атмосферы в редакции журнала, возникшей, очевидно, из-за противоречий молодежного состава со старшими литераторами. В частности, рецензент заметил: «некоторый неприятный оттенок семейной мелочности в журнале чувствуется и сейчас. Может быть, от него редакции удастся отделаться в дальнейшем» (*В.Л.* [Ладыженский В.]. «Новый корабль» [№ 1] // Возрождение. 1927. 12 сентября. № 832. С. 3).

[48] Речь идет о секретаре американского отдела YMCA , швейцарце по происхождению, Густаве Густавовиче Кульмане (Gustav Kullmann;1894–1961), который был одним из основателей Религиозно-философской академии, Русского студенческого христианского движения (РСХД), издательства «YMCA-Press», Свято-Сергиевского Богословского института, а также соредактором журнала «Путь».

[49] Переводчица Käthe Rosenberg (1883–1960). См. о ней: [26, с. 74].

[50] Оставшиеся в берлинской квартире (1921–1923) вещи Ремизовых, в том числе весы. К. Розенберг, с участием относившаяся к бытовым проблемам Ремизовых, отправила этот важный для С.П. Ремизовой прибор посылкой в Париж, о чем сообщила писателю в письме от 11 сентября (Amherst. Series 1. Box 4, Foulder 13).

[51] Дмитрий Андреевич Клепинин (1904–1944, концлагерь Бухенвальд, Германия) — священник, общественный деятель; во Франции с 1924 г. В 1938–1939 гг. настоятель Свято-Троицкой церкви в Озуар-ла-Ферьере под Парижем. Степанов — родственник Клепининых (по линии С.А. Степановой).

[52] По приезде в Париж Д.А. Клепинин поступил в Богословский институт преп. Сергия и стал активистом Русского Студенческого Христианского Движения. Вероятно, уже в 1927 г. шли разговоры о его переезде в США. Однако, согласно биографическим данным, диплом Сергиевского института и стипендию для обучения в богословской гимназии в Нью-Йорке он получил только в 1929 г. [8, с. 220].

[53] Путаница состояла в том, что Антонина (Нина) Николаевна Сеземан (урожд. Насонова; 1894–1941, Орел; расстреляна) — искусствовед, с 1925 г. была женой старшего брата Д.А. Клепиниа — Николая Андреевича (1889–1941, Орел; расстрелян) — писателя, историка, евразийца; близкого друга С.Я. Эфрона. О судьбе супругов Клепининых см.: [11, с. 658].

[54] Текст в печати не выявлен.

[55] Константин Михайлович Оберучев (1864–1929) — генерал-майор, революционер; в 1917 г. назначен Временным правительством командующим войсками Киевского военного округа; делегирован на Международную конференцию по обмену военнопленными в Копенгаген; после Октябрьской революции остался в эмигра-

ции; обосновался в Нью-Йорке, где занимался общественной и просветительской деятельностью: основал 24 мая 1919 г. Фонд помощи нуждающимся русским писателям и ученым, в котором выполнял обязанности многолетнего председателя [6, с. 159–160], а также стал одним из организаторов и преподавателем нью-йоркского Русского народного университета. Письмом от 5 июля 1927 г. Оберучев направил Ремизову приглашение к участию в литературно-художественном сборнике, предполагаемом Фондом к изданию. 27 августа было получено очередное письмо из Нью-Йорка, с благодарностью за предоставленный для печати рассказ и обещанием прислать гонорар после летних отпусков (Amherst. Series. 1. Box. 4. Folder. 12).

[56] С.И. Шаршун (см. примеч. 46). О его взаимоотношениях с Ремизовым см. в коммент. [19, с. 476–477]. В личных письмах к жене Ремизов во второй половине 1920-х гг. нередко искажал фамилию Шаршун, употребляя измененную форму «Шершун». Такое обращение, по-видимому, было связано с личной этимологической гипотезой, связывающей фамилию с украинским словом «шершун» (шершень). Очевидно, поиск начального имени, скрытого в фамилии Шаршун, угадывается и в сохранившейся в архиве писателя вырезке из неатрибутированного источника, в которой приводилось (подчеркнутое Ремизовым) древнерусское название Херсона — Шуршун (Amherst. Series. 1. Box 3. Foulder 11).

[57] На лицевой стороне открытки — фотография астрономических часов, установленных в кафедральном соборе Страсбурга в XIV в. На обороте — краткое приветствие: «Привет! Слышал, будто эти часы заводятся в 100 лет — раз. СШаршун» (Amherst. Seeries. 1. Box 4. Foulder 12).

[58] Речь идет о сборнике: *Перцов В*. Человек и Дух: Стихи и проза. Париж: Вол, 1927. 74 с.

[59] Robert Vivier (1894–1989) — бельгийский литератор, переводчик. Первая встреча Ремизова с ним и его женой Зенитой Вивьер состоялась во время поездки в Брюссель (в конце марта 1926 г.). Эти отношения были подкреплены знакомством Вивьер с Л. Шестовым. В 1926 г. Вивьер опубликовал свой перевод рассказа Ремизова «Жертва» (L'Holocauste / Trad. R. Vivier // Le Flambeau. 1926. 31 oct. № 10. P. 115–132). В течение 1927 г. он подготовил перевод фрагмента из повести «По карнизам» (La vie: Histoire-salade / Trad. R. Vivier // Europe. 1928. 15 oct. № 18/70. P. 217–224). Переговоры об издании на французском языке повести «Крестовые сестры» начались в конце 1927, о чем свидетельствует письмо З. Вивьер Ремизову от 9 декабря (Amherst. Series. 1. B. 1. F. 10). Книга увидела свет через два года: *Rémizov Alexéi*. Soeurs en croix: Roman / Trad. et introd. par R. Vivier. Paris: Les éd. Rieder, 1929.

[60] Речь идет о вещах, памятных по именам дарителей (К.Л. Богуславская) и местам покупки (Карлсбад).

[61] *Петр Петрович Сувчинский* (наст. фам. Шелига-Сувчинский, граф; 1892–1985). См. о нем: [21, с. 25–27, 75]; Марина Ивановна Цветаева (1892–1941).

[62] Надежда Филаретовна Мельникова-Папоушкова (1891–1978), см. примеч. 120.

[63] Речь идет об Ольге Елисеевне Черновой-Калбасиной (1886–1964) и ее трех дочерях (Наталье, Ольге и Ариадне); Владимир Иванович Лебедев (1885–1956) — эсер, политик, публицист; с 1921 г. жил в Праге; член редколлегии журнала «Воля России».

[64] Дореволюционный перевод повести: Die Schwestern im Kreuz: Erzählung / Vorw. E.V. Aničkov; Übers. F. Frisch. München; Leipzig: Georg Müller Verlag, 1913.

[65] См. примеч. 59.

[66] Jean-Marie Aimot (1901–1968) — переводчик; писатель; возглавлял отдел документального кино Франции; в 1941 г. удостоен премии Deux Magots и Бальзаковской премии в 1944 г. во время Второй Мировой войны сотрудничал с профашистским режимом в Виши; переводчик произведений Ремизова, автор рецензий, критик, в 1924 г. вступил с писателем в активную переписку в связи с подготовкой

к печати переводов на французский язык, которая оборвалась в 1930 г. (Amherst). Подробнее о переводах Aimot см.: [1].

[67] Ростислав Модестович Гофман (1915–1975) — музыковед, сын М.Л. Гофмана.

[68] «Commerce» — журнал, издававшийся в Париже в 1924–1932 гг. Записка, предваряющая визит приехавшего из Лондона Д.П. Святополк-Мирского, не содержала упоминаний о мотивах встречи [30, с. 392]. Очевидно, Ремизов, редактируя собственные письма во второй половине 1940-х гг., подразумевал гонорар за издание на английском языке повестей «Пятая язва» и «Неуемный бубен»: The Fifth Pestilence, together with the History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass, Ivan Semyonovitch Stratilatov / Transl. and Preface by A. Brown. London: Wishart & Co, 1927. 236 p. Подробнее о гонораре см.: [30, с. 393]. Реальная история 1927 г. была связана с неким переводом ремизовских произведений, который Святополк-Мирский выполнил для журнала «Commerce» в счет финансовой поддержки издания «Верст». См. примеч. 95.

[69] Речь идет о помощнице по хозяйству.

[70] Подразумевается Е.А. Бреннер. См. примеч. 11.

[71] Речь идет о публикации под названием «Воровской самоучитель» в сатирическом журнале «Ухват» (1926. № 5, 1 июля. С. <10>). См. также: [29, т. 14, с. 223–225].

[72] Григорий Сильвестрович Киреев (1902–1970). См. о нем: [27, с. 69].

[73] Портрет Мстислава Валерьяновича Добужинского (1875–1957) в архиве Ремизовых не обнаружен. О начале многолетнего знакомства и сотрудничества писателя с художником см.: [16, с. 155–156]. См. также воспоминания Добужинского: [5, с. 229–232, 276–278].

[74] Вероятно, речь идет о старшем из двух сыновей Добужинского — Ростиславе Валерьяновиче Добужинском (1903–2000), который в 1925–1927 гг. учился в парижской Национальной школе декоративных искусств; работал как художник-декоратор для труппы Ж. Питоева, театра «Летучая мышь» Н.Ф. Балиева, а также в театрально-декорационной мастерской, созданной его женой вместе с В.А. Стравинской.

[75] В 1927 г. Ремизовы искали новую квартиру. Проблема оплаты дорогостоящего жилья обострилась еще в конце 1925 г. [27, с. 38].

[76] Аберрация памяти: Кафедральный собор Шартра знаменит, в частности, витражами, один из которых посвящен деяниям св. Николая Мирликийского. Именно этот шедевр духовного искусства Ремизов упоминал в своей книге «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (Paris: YMCA-Press, 1931). Ср.: «Из всех житий, проникнутых общим веянием Архангела, одни, объединенные именем “иного жития” и Метафраста, описывают земное — человеческое, и для них есть византийский образ Николая-чудотворца, общеизвестный, сохранившийся в Менологии Василия II (X в.), и другое единственное — «Николай-странник» описывает силу чистого духа, и образ его закреплен в Шартрском соборе — витро: с сирийской миниатюры работа французского мастера (XIII в.) — юноша с чудотворными глазами воскрешает детей» [29, т. 6, с. 611–612]. В авторских комментариях к своему исследованию агиографической традиции, связанной с именем св. Николая, Ремизов выразил благодарность «С.Ю. Кулаковскому, Я.А. и Я.Д. Набоковым за чудесный снимок с витро Шартрского Собора, изд. Ed. Houvet и другие картинки с изображением Николая-чудотворца, положившие начало моему Никольскому альбому» [29, т. 6, с. 649].

[77] Речь идет о копии с исторического документа — «Царской жалованной грамоты» (1603) Бориса Годунова, разрешавшей «повольную» торговлю между Новгородом и Любеком. Первая публ.: Родная старина (Рига). 1928. 17 (30) сент. № 4. С. 26–28. См. также: [29, т. 13, с. 671–676].

[78] В письме 9 сентября Борис Константинович Зайцев (1881–1972) сообщал: «…Зейденберг, лирический иудей, милый, милый и отличный фотограф — он про-

сил меня направить Вас к нему — устраивает литературный альбом» (Amherst. Series. 2. Box 26. Foulder 1).

[79] Настоящее имя, скрытое под прозвищем, не установлено.

[80] Речь идет о работе над книгой «Образ Николая Чудотворца». См. примеч. 76.

[81] Андрей Владимирович Оболенский, князь (1900–1975). См. о нем: [27, с. 77].

[82] Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский; 1868–1946) — епископ Православной российской церкви; митрополит (с 1922 г.), управляющий русскими православными приходами Московской патриархии в Западной Европе. Речь идет о его конфликте с Московской патриархией. Летом 1927 г. митрополитом Евлогием было получено постановление № 95 от 14 июля митрополита Сергия (Страгородского) с требованием к заграничному духовенству о предоставлении письменных обязательств о лояльности советской власти. Это требование вызвало в пастве шквал политических страстей. Однако Евлогий заверил митрополита Сергия в своем отказе от политических выступлений, исходя из аполитичной позиции эмигрантской церкви. Митрополит Сергий счел условия и форму обязательства митрополита Евлогия приемлемыми. Подробнее см.: [7, с. 000].

[83] Книга Ремизова «Страды мира», единственный раз появившаяся в печати в переводе на немецкий язык Г. Ган: *Remisov A*. Die goldene Kette: Weltpassionen. Altrussische Legenden / Übers. und mit einem Nachw. versehen von G. Hahn. München: Pflüger Verlag, 1923. 60 S. В отзыве на это, в своем роде беспрецедентное, издание близкий Ремизову рецензент писал: «Немцы оказались счастливее нас — они, хотя и в подлиннике, но уже получили возможность читать книжку Алексея Ремизова, еще неизданную в русском подлиннике» (*Львов Л*. Страды мира // Руль. 1923. 9 сент. (22 авг.). № 845. С. 8). Отдельные тексты этого авторского собрания притч и легенд публиковались в русской периодической печати. В частности, см.: *Ремизов А*. Страды Богородицы: Из книги «Страды мира» // Благонамеренный. 1926. № 2. Март–апрель. С. 47–57.

[84] Речь идет о представителях издательства «YMCA-PRESS», созданного при американском отделении Young Men's Christian Association, — философе и социологе Борисе Петровиче Вышеславцеве (1877–1954) и Поле (Павле Францевиче) Андерсене (1894–1984) — секретаре руководителя YMCA д-ра Дж. Мотта.

[85] Имеются в виду члены Young Men's Christian Association.

[86] 11 сентября газета «Возрождение» (№ 831) опубликовала фельетон «Комитет взаимных одолжений» Александра Александровича Яблоновского (наст. фам. Снадзский; 1870–1934), рассказ «Княгиня» Ивана Сергеевича Шмелева (1875–1950) и рассказ «Женщина у моря» Тэффи (Надежда Александровна Бучинская; урожд. Лохвицкая;1892–1952).

[87] Две рецензии Святополк-Мирского под общим заголовком «Критические заметки» (Версты. 1928. № 3. С. 155–160). Сравнивая книги Ремизова, вышедшие на книжный рынок в 1927 г., критик отмечал: «"Оля" (Изд. Вол. Париж, 1927) в творчестве Ремизова противостоит "Взвихренной Руси" почти как антитеза. Если во "Взвихренную Русь" он вложил все свое богатство, в "Оле" он сосредоточил всю свою чистоту» (С. 156).

[88] Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) провел с женой три недели на морском курорте Saint-Palais-sur-Mer в регионе Пуату-Шаранта. Сувчинский с супругой присоединились к ним 17 сентября и вернулись в Париж 27 сентября. Подробнее см.: [23, с. 591–594].

[89] Ср. Воспоминания Н.А. Бердяева: «Pontigny — это имение, принадлежащее Дежардену, одному из самых замечательных французов этого времени. Он умер в 40 году, когда ему было 80 лет. Главный дом в Pontigny переделан из старинного монастыря, основанного св<ятым> Бернардом. <…>. Каждый год, уже более 25 лет, в течение августа месяца в Pontigny устраивались три декады, на которые съезжался интеллектуальный цвет Франции. Но декады носили международный характер

и на них бывали intellectuels все стран <…>. Обыкновенно на одной из декад ставилась тема философская, на другой литературная, на третьей социально-политическая. <…>. Меня всегда очень приглашали для активного участия в декадах, для чтения докладов, и меня там любили. <…>. Из русских был обыкновенно я один, а в прежние годы Д. Святополк-Мирский» [4, с. 271].

[90] Яков (Жак) Савельевич Шифрин (J. Schiffrine; 1882–1950) — владелец парижского издательства «Плеяда» (“Editions de la Pléiade”, впоследствии «Плеяда–Галлимар»).

[91] Шарль Дю Бос (Дюбос). См. о нем: [26, с. 74]. Речь идет о издании: *Du Bos Charles*. Extraits d'un journal 1908–1928. Paris: Éditions de la Pléiade, 1928.

[92] Упоминание дочери Л. Шестова. Татьяна Львовна Березовская (в замуж. Rageot; 1897–1972) приезжала в Понтиньи на декаду «Романтизм и его глубина» в Понтиньи (с 21 по 31 августа 1927 г.) с докладом о В.В. Розанове. См. письмо Шестова к дочери, написанное в ответ на ее первые впечатления от ученого собрания [3, т. 1, с. 348–349].

[93] Jean Paulhan (Жан Полян; 1884–1968) — французский критик, писатель, сотрудник, а затем соредактор (1925–1940, 1953–1968) журнала «La Nouvelle Revue Française» (Paris). Ср. оригинал письма (с. 39 наст. изд.), в котором имя переводчика не называется.

[94] Подразумевалась principessa di Bassiano — супруга графа Rofferdo Bassiano-Caetani (1871–1961) — профессионального пианиста и композитора, коллекционера произведений искусства, мецената. Графиня, американка по происхождению, урожденная Marguetite Chapin (1880–1963) занималась благотворительной деятельностью, в частности спонсируя журнал «Commerce» (см. примеч. 68). См. также комментарий в: [30, с. 395; 32, p. 192].

[95] История с публикацией перевода произведений Ремизова в «Commerce» имела продолжение в конце года, когда в письме от 27 декабря (Amherst. Series. 1. Box 5. Foulder 1) В.П. Кончаловская сообщала Ремизову о возобновлении интереса «prinsesse» Bassiano к изданию произведений писателя отдельной книгой. По инициативе Кончаловской для представления о художественном таланте писателя меценатке был послан рассказ «Петушок» (1911), в свое время переведенный Брисом Парэном и Я.Г. Шифриным [26, с. 78].

[96] Подразумевается содержание готовившейся к печати третьей книги «Верст», где был опубликован очерк Бердяева «Русская религиозная мысль и революция» (С. 40–63), написанный, несомненно, на основании собственного опыта.

[97] По всей вероятности, Жюль Анри Пуанкаре (Jules Henri Poincaré; 1854–1912) — выдающийся математик, механик, физик, астроном, философ; глава Парижской академии наук (1906), член Французской академии (1908), иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук (1895).

[98] Речь идет о сказке «Глухая тропочка» (1914), которая появилась во втором номере пражской газеты «Sozialdemokrat» на немецком языке, о чем Ремизов получил извещение от переводчицы Валли Козичек-Броннек (Vally Kozitschek; урожд. Goldreich von Bronneck; литературный псевдоним Valerie Rounecký; 1887–1944, концлагерь Аушвиц, Польша) еще 29 августа 1927 г. (Amherst. Series 1. Box. 4. Foulder 12). Согласно содержанию ее писем 1925–1927 гг., она также занималась переводом книг Ремизова «Зга», «Посолонь», «Шумы города», «Мара» и др. (Amherst. Series 1. Box. 4. Foulder 5, 7). Из зарегистрированных в библиографии Ремизова переводов в настоящий момент выявлен один: Malwine / Übers. V. Kositschek-Bronneck // Prager Presse (Dichtung und Welt, № 39). 1926. 26 Sept. № 264. S. III (рассказ «Мальвина») [1]. Комментатор выражает сердечную благодарность проф. Ф.Б. Полякову и Anne Hultsc (Венский университет) за биографические сведения о переводчице.

[99] См. примеч. 71.

[100] Виктор Романович Ховин (1891–1944, концлагерь Аушвиц) — русский литературный критик, журналист и издатель; исследователь и поклонник творчества В.В. Розанова; в эмиграции (Латвия. Рига) с 1924 г.; в Париже обосновался в 1926 г. В прошлом пропагандист новых форм литературы, в память о своем петербургском издательстве «Очарованный странник» и одноименном альманахе (Пг.,1913–1916) Ховин открыл в Париже под тем же названием книжный магазин (13, rue Monsieur le Prince, 6-e) и издательский дом, в котором выпускались книги серии «Библиотека поэта» и «Беллетристы современной России»; в Париже Ховин также продолжил издательско-редакционную деятельность, учредив «двухнедельник независимых» «Напролом» (1925; вышел один номер) и сатирический журнал «Звонарь» (1928; № 1–4). Участие Ремизова в этих проектах не зафиксировано.

[101] Речь идет о последнем в истории журнала «Новая Россия» номере за 1926 г. Журнал сменовеховского направления, начатый изданием в Петрограде в марте 1922 г. под редакцией И.Г. Лежнева в формате общественно-литературного и научного ежемесячника, по замыслу его инициатора являлся первым «беспартийным органом печати». В августе того же года журнал был закрыт петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, но вскоре, при поддержке правительства и лично Ленина, возобновлен в виде общественно-литературного журнала под названием «Россия» (М.; Пг.; Л.; 1922–1925). С этого времени издание стало едва ли не единственным, предоставлявшим свои страницы так называемым «попутчикам». В 1926 г. Лежнев восстановил первоначальное название («Новая Россия»), выпустив первый номер ежемесячного органа «политики — экономики — общественности — литературы — искусства — критики». Литературная составляющая этого формата оказалась значительно менее выразительной и свидетельствовала о переменах редакционной политики. Издание закончило существование после третьего номера за 1926 г., также внезапно, как и возникло — волею ЦК ВКП(б). Главный редактор подвергся аресту и высылке за границу, а образованное им к тому времени издательство «Новая Россия» было уничтожено. Ремизов с 1923 г. был лично знаком с Лежневым, приезжавшим в командировку в Берлин, и состоял с ним в переписке. Последние письма из Хаапсалу (где очутился показательно выдворенный из СССР Лежнев), с просьбой о протекции во французских редакциях, были получены Ремизовым 1 и 10 июня 1926 г. Подробнее см.: Письма И.Г. Лежнева А.М. Ремизову (1923–1926) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Архив советской эпохи. 2022. Т. 4 (в печати).

[102] Виктория Петровна Кончаловская (1883–1958) — филолог, специалист по русской этимологии. Эмигрировала во Францию в 1907 г. Преподавала русский язык в Школе восточных языков (Париж); переводчица произведений Ремизова на французский язык; помогала писателю в ведении переписки с французскими корреспондентами.

[103] Jean Fontenoy (Жан Фонтенуа; 1899–1945). См. о нем: [26, с. 74]. Упоминание о московском путешествии Фонтенуа вписано Ремизовым при редактировании оригинала письма (см. с. 40. наст. изд.). Знакомство с молодым переводчиком и журналистом началось в 1924 г.; в 1927 г. он уже обрел вес во французских литературных кругах. В 1924–1930 гг. Фонтенуа работал в Москве в качестве корреспондента французского информационного агентства «Havas». Его литературные контакты с советскими писателями локализовались вокруг Маяковского. Благодаря Фонтенуа частым гостем дома и на даче Бриков–Маяковского в Сокольниках стал французский писатель Поль Моран, который по возвращении в Париж издал повесть «Я жгу Москву», в саркастических тонах описывающую советские реалии и нравы русской литературной элиты, с легко угадываемыми прототипами. По воспоминаниям современника, очередной приезд Фонтенуа, получившего в Сокольниках прозвище «Фонтанкин», было отмечено выразительным высказыванием Маяковского: «Фонтанкин, если ты еще раз приведешь к нам француза, я тебе морду набью») [10, с. 18].

[104] «Поскольку Фонтенуа уезжает, он не может предоставить нам информацию, необходимую для поступления этой книги в продажу» (*фр.*). В своем письме

В.П. Кончаловская сообщала со слов Фонтенуа буквально следующее: «…издательство обещало выдать Вам добавочные 500 фр.; но Вам надо заполнить справочный лист» (Amherst. Series. 1. Box 4. Foulder 13). Для этой цели переводчица любезно приглашала писателя в назначенный день.

[105] Речь идет о встрече с поэтом-сюрреалистом Филиппом Супо (Philippe Soupault; 1897–1990), который вместе с Леоном Пьер-Куинтом (Léon Pierre-Quint) возглавил книжную серию издательства «Sagittaire» (основано Симоном Кра в 1919 г.) под названием «Collection de la Revue européenne», возникшую на основе публикаций в журнале «la Revue européenne». Книги издательства «Sagittaire» под лейблом «Kra» или «S. Kra», являлись продукцией своего рода дочернего предприятия, организованного совместно с детьми владельца — Люсьеном, Эленой и Сюзанной, специально для изданий литературы сюрреалистов. Подразумевается визит в магазин издательства «Kra» (6, rue Blanche, IXe).

[106] После обеда (*фр.*)

[107] См. примеч. 95.

[108] «La Revue européenne» — журнал, выпускавшийся издательством «Sagittaire» под редакцией Э. Жалу (Edmond Jaloux) в 1923–1926 г. С января 1927 г. формат журнала был изменен («Nouvelle série»), в таком виде он просуществовал до 1931 г. (закончен на № 7). Первая публикация Ремизова в журнале (рассказ «Пожар») состоялась весной 1926 г.: L'incendie / Trad. J. Chuzeville et K. Mochul'skii // La Revue Européenne. 1926. 1 avr. № 38. P. 22–31.

[109] Возможно, журналист, писатель Pierre Mille (1864–1941), корреспондент Ремизова с 1924 г.

[110] Илья Исидорович Фондаминский (Фундаминский, псевд. Бунаков; 1880–1942) — публицист, общественно-политический деятель, издатель; редактор журнала «Современные записки»; в эмиграции в 1907 по 1917; и окончательно — с 1919 г.

[111] Вероятно, речь идет о курортных впечатлениях.

[112] «Вена» — ресторан на углу М. Морской и Гороховой ул. (д. 13/8), открытый в 1870-х гг. В 1914 г. был переименован в «Ресторан И. Соколова». Популярное в литературно-артистической среде Петербурга место встреч.

[113] См. о журнале: [28, с. 64].

[114] Речь идет о публикации: *Лукаш И*. Мышиная Россия. О книге А.М. Ремизова «Взвихренная Русь» // Слово. 1927. 10 сент. № 619. С. 3. Ситуация, связанная с подготовкой статьи к печати, упоминается в письмах: [28, с. 60]. См. текст статьи, а также исследование, посвященное рецепции романа: Алексей Ремизов и его «исторический читатель» (Иван Лукаш — критик романа «Взвихренная Русь») / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2021. № 4. С. 208–223.

[115] Madeleine Étard (1897–?) — переводчица, состоявшая с Ремизовым в интенсивной переписке с 1925 г. Однако впервые они повстречались, очевидно, 13 сентября 1927 г. у Кончаловской, которая помогала Étard с переводами произведений Ремизова. Как следует из оригинала письма (см. с. 41 наст. изд.), Ремизов в эту встречу даже не догадался, что перед ним его давняя корреспондентка. Переводы произведений Ремизова и Ильи Эренбурга, выполненные Étard, публиковались в «La Revue Européenne» (см., в частности: [1]). В 1930 г. Этар подготовила перевод повести «Неуемный бубен», который так и не нашел своего издателя.

[116] Лисевна — прозвище О.К. Черновой-Колбасиной. См. примеч. 63.

[117] Вера Александровна Сувчинская (урожд. Гучкова, во втором браке Трейл; 1906–1987) — дочь А.И. Гучкова; жена П.П. Сувчинского.

[118] По всей вероятности, речь идет о сборнике Цветаевой: После России: Стихотворения. 1922–1925. Париж: YMCA-PRESS, 1928. 162 с.

[119] Директор (с 1921 г.) парижского издательства и типографии «Франко-русская печать» Орест Григорьевич Зелюк (1888–1951) — до революции как журналист работал в газетах «Киевская мысль», «Одесские новости», «Биржевые ведомости»; с 1919 г. в эмиграции; в 1919–1921 гг. — коммерческий директор франко-русской газеты «La Presse du Soir» в Константинополе; с 1921 г. жил в Париже.

[120] Надежда Филаретовна Мельникова-Папоушкова (Папоушек) (1891–1978) и ее муж Ярослав Францевич Папоушек (1890–1945). См. также о них: [27, с. 85].

[121] Елизавета Викторовна Постникова (ур. Ящуржинская; 1884–1961) — член партии эсеров; в эмиграции с 1921 г., жила в Праге вместе с мужем — Сергеем Порфирьевичем Постниковым.

[122] Писатель, критик, публицист Марк Львович Слоним (1894–1976) был соредактором журнала «Воля России» (Прага, 1922–1927; Париж, 1927–1932).

[123] Аука — прозвище младшей из сестер Черновых (см. примеч. 63) — Ариадны Викторовны (1908–1974).

[124] Директор Школы Восточных языков в Париже Paul Boyer (1864–1949). См. о нем: [26, с. 77].

[125] Возможно, речь идет о литературном вечере в Школе Восточных языков.

[126] Замена (*фр.*)

[127] Район Парижа, в котором жили Ремизовы на Avenue Mozart.

[128] Александр Александрович Алексеев (1901–1982) — художник-график, художник-декоратор, аниматор; жил в Париже с 1921 г. В конце 1920-х гг. с иллюстрациями Алексеева вышли малотиражные издания французских переводов, в частности гоголевские «Записки сумасшедшего», выпущенные в издательстве Я.С. Шифрина «Плеяда» (*Gogol Nicolai*. Journal d'un fou, 1927).

[129] Юрий Павлович Анненков (1889–1974) — художник, сценограф, автор портрета Ремизова (1920), театральный критик, мемуарист, прозаик; в эмиграции с 1924 г. История сотрудничества с Ремизовым отчасти описана в воспоминаниях художника [2, с. 215–234].

[130] Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) — историк литературы, фольклорист; в эмиграции после 1917 г.

[131] Позднейшее дополнение к тексту оригинального письма. См. также письма Ремизова Серафиме Павловне, написанные во время пребывания в Жданях в 1910 г. [17].

Приложение

№ 4
6.9.27 (вторник)
Paris
117

на письмо № 2 от 5.9., получ<енное> 6.9.

Ах, деточка, деточка, твои всякие эти затеи! Так неожиданно, что даже не могу сразу сообразить и сразу вообразил, что ехать надо завтра. А на самом деле надо поступить мудро. Я так все дела рассчитываю и выходит, что ехать мне ровно через неделю, т. е. во вторник 14-го.

(13-го принесет прачешник; я уверен, что Шляпино <В.В. Диксон> придет же, а о корректуре Plon напишу).

А ты подробно напиши, что *надо привезти* с собою.

Будь осторожна с машинкой:

1) не переливай спирт (а если перельешь, то около на стол воды налей, а если перелитое будет гореть на машинке, не бойся, скоро выгорит.

2) не дыши дыхом, пусть лучше горит и выгорит.

3) дай остыть, а потом подливай.

5) держи бутылку дальше от огня, лучше куда-нибудь в угол ставить.

Для очищения совести написал прошение Landowsk'ому о льготном билете, послал *pneu*. А не выйдет, что делать. М<ожет> б<ыть>, есть дневной поезд. Я думаю, что придется попросить Н<аташу> помочь мне. (Напиши, м<ожет> б<ыть>, не стоит).

А какая, деточка, это портниха: не арфистка ж? д<олжно> б<ыть>, борщок?

Тебе *pneu* M-elle Annie Kraus, 12 Rue Duguay-Trouin, Paris VIe. (Это из Alliance'а с тобой училась: на этой неделе она уезжает и просит повидаться — это уж не та ли, которая к Архангельскому петь ходила, Карла? Или еще та, которая приставала, ты мне рассказывала?)

Деточка, напиши свои соображения о 14-м. Мне кажется, так лучше будет. Конечно, можно заложить и сразу лететь. Но этого не стоит делать. Я так чувствую.

Привезу Лескова: «Леди Макбет Мценского уезда», «Левша», «Павлин» (из т. XXXIV).

Сегодняшний сон забыл. А<лексей> Р<емизов>.

7.9.27 (середа)

1) твое письмо № 3 от 5.9. (Приеду! Приеду!).

2) письмо из «Москвы», что посланы деньги 1555 frs. (за Олю 1449,90, за «Листья» 105,20). «Оля» — продано 179 экз., «Листья» 26 экз.

3) “Die Drei” № 6 напечатано “Nicolaus als Richter”.

№ 5
8.9.27
Paris
(середа)
118

Деточка, два твоих письма сегодня № 3 — 5.9., № 4 — 6.9.

Все себе представляю. Будь осторожна с машинкой. Когда я приеду, все налажу. Билет я думаю взять в субботу. Не могу решить, как лучше ехать ночью или днем. Ночью будет холодно, а есть ли дневные поезда. Все это я разузнаю. Хотел проверить, когда в прошлом году получил деньги и вот не могу найти квитанции за сент<ябрь>, окт<ябрь>, ноябрь 1926 г. Искал много, нету. Надо письма старые пересмотреть, может, в конверте и вклеен конверт. Конечно, я тогда напишу, чтобы послали в B<rides>-l<es>-b<ains>. Подсчитал, сколько придется из “Die Drei”: за стр<аницу> — 4 M; 6 ст<раниц> á 4 = 24 M (100 M = 606,50 frs., 1M = 6,06 frs.). 24 M =144 frs.

Видел во сне хлеб и яблоки. Это к прибыли.

А мало «Оли» продано: 179 эк<земпляров>. Остается у них: 712. (Раз я поеду во вторник: посылать тебе деньги, или привезу. Я думаю, завтра получится перевод из «Москвы»). Тебе, деточка, открытка, не могу понять подпись и потому посылаю. Мне от Слонима: насчет моих легенд и о Шляпе, что его «Кристик» пойдет в XI или в XII книгу В<оли> Р<оссии>. И еще письмо от Шестова. «Была Даманская, пишет, и рассказывала, что Вы уехали». Я напишу, «ничего подобного: нашел слушать кого — Даманскую?!» Одобряешь, деточка? Я подожду твоего ответа. Мне еще хочется написать ему, что здешние доктора были правы, что тебе надо было ехать в B<ride>-l<es>-b<ains>. Так и в Vichy’ах сказали.

После трехдневного молчания написал I ч<асть> про Basilio мальчика, завтра по утру напишу дальше — самое чудо. Еще получил *pneu* от Chuzeville’a. И в 10-м часу он приходил и с ним бретонский писатель и переводчик Jarl Priel, которому очень понравилась «Кукха». Это сидели две противоположности: такой латинский француз, как Chuzeville, и бородатый Jarl. Я его расспрашивал о кельтских

именах. М<ожет> б<ыть> если Pierre, то для детей, как «Петушок», будет Pipi, а ведь это куда выразительнее Pierot. Chuzeville со мной рассчитался: 100 frs. за Princesse Mymra и L'Incendi. Обещал, конечно, много с изданиями, но я не придаю значения. (Одно меня порадовало, что 100 frs. получил). В "C<ahier> du Sud", где напечатали сны, перевод Лапиной, надо чтобы я написал уплатить переводчице, п<отому> ч<то> я, конечно, я, какая-то Лапина неизвестно. Понимаешь, деточка, может кто угодно написать и назваться Лапиной.

Все-таки я устал, хотя говорил по-русски. Но они по-французски. Ну все подробно расскажу в твоей комнате "Terrasses". A<lexei> R<emizov>.

8.9. (четверг)

От Ландовского: такой билет, как в Vichy, со скидкой ½. Не ждал, что так скоро.

№ 6
8.9.27
Nativité
четверг
119

Деточка, сегодня по н./с. Рождество Богородицы — мой праздник.

Видел во сне англичанок и тебя, деточка.

И проснулся очень поздно: около 11-и. Нет, я поеду вечером, а то еще проспишь. — Надену зимнюю фуфайку. Получил «Путь» № 8. Привезу. В «Возрожд<ении>» Муратова о «Блоке» и есть рецензия на книгу Шмелева, изд<ательства> Таир. Пишет В. Ладыженский: «кажется, это первая книга в новом издательстве». У нас тут очень свежо. И я сижу зябко. Признаюсь, ждал перевода из «Москвы». А нет. Но как это неожиданно от Ландовского. Я взглянул на конверт и подумал: комар! С таким чувством и распечатал. Кончил сегодня вчерне про Василия, агриколова сына. Там уж буду отделывать. Всегда важно, чтобы что-нибудь было написано, а не пустой лист. Отыскал ключ от чемодана — и маленький, который в Bernerie возил, его возьму. Жду реестра от тебя, чего надо везти. Какое вышло недоразумение. Я Перцову назначил с 8 ч<асов> и в 8-ь раздался звонок: и вижу входит, тоненький, шейка на ниточке болтается, а руки — подал руку — как у Георгия Иванова. И я, убежденный, что это и есть Перцов, назвал его Владимиром Ал<ександровичем>. И оказывается, это вовсе не Перцов, а какой-то (я помню, про него говорили, сын прис<яжного> повер<енного>), живет там, где Бакунины: привез эти самые камуш-

ки, которые я не знаю, куда и девать. Я спохватился, он был сам-то смущен до невозможности. И рассказывал, как там живут, куда ты-то хотела ехать, вместо Осоргина говорил Ремизов. Ну, он скоро ушел и ровно в 9-ь звонок: Шклявер и Перцов. (Шклявер до Bride-les-bain не доехал). Перцов это вроде (только не чахоточный, серый, а не красно-розовый) Дроздов, пожалуй, повыше. А в выражениях чем-то похож на стихи, несуразный. Из разговора выяснилось (о сборнике Вол), что у него подход «деловой». 1) чтобы распространять — надо рецензии (я сказал: можно дать Гофману и Лукашу — П<оследние> Н<овости> и Возрожд<ение>; 2) нельзя ли привлечь солидных? (Я перечислил: Бунин, Мережк<овский>, Куприн, Шмелев, Зайцев. — и не надо, какой будет смысл? Да и не все пошли бы). Ему очень нравится, оказывается, Шмелев. 3) А М. Цветаева? (Очень капризна и лучше не иметь дела; и я перечислил: Сосинский, Вас<илий> Вас<ильевич Торский>, Шкотт, Шаршун, Познер, Гингер, В. Андреев, Резников). И увидал, что ему хотелось бы попасть в С<овременные> Зап<иски>. (Рассказал о Гиппиус-Ходасевич, а Шклявер — о Нов<ом> Доме и мордобое. 4) А Бердяев? Он был у Бердяева — кроме него никого не видел — ведь какое странное совпадение: вся эта история, помнишь с Диксоном, оказывается: в Америке был Кульман, американец, встретился с Перцовым, и написал Бердяеву, что можно перевести его книгу, не называя имя Перцова, а Перцов, говоря с Кульманом, подразумевал *Шляп*у. Теперь все дело выяснилось. И кто-то будет там переводить от Перцова. Какая заковыра-то вышла. Так вот, хочет он, чтобы был Бердяев.

— Конечно, отчего ж не Бердяев! Я думаю, он согласится. Про «Москву» он сказал: «порядочная шляпа». Со «Шляпой» он думает увидаться в Мюнхене. (Не написать ли Шляпе, если будет в Берлине, чтобы зашел к Розенберг насчет весов, это также сделать для «очищения совести», как я написал Ландовскому о льготном билете). На Рождестве он сюда придет. Для «Вола» он будет искать денег. Он видел здесь Бердяева, Степановых и Клепинина, который едет в Америку на год, и что у него есть невеста M-me Сеземан. — И смех и грех. — По-моему, это прежде всего очень стыдно. Шклявер написал мне письмо франц<узское>. И к понедельнику сделает биограф<ический> очерк для Plon. Ушли без 20-и 12. Ну, вот, деточка, а подробно расскажу тебе в Brides-les-bain. А<лексей> Р<емизов>.

Подробности расскажу.

9.9 (пятница)

От Оберучева. Я думал, чек. Нет: «кассир в отпуску. Но за этим дело не станет».

№ 7
9.9.27
Paris
пятница
от 8.9.,
получ<енное> 9.9.
120

Деточка, от Шершуна открытка из Страсбурга, от Перцова открытка — посылает свои стихи (книжку) и просит подчеркнуть «несообразицу», от Vivier (что Vivier перевел из «Карнизы» и о Крест<овых> сестрах). «Крест<овые> сестры» я послал. Написал Розенберг о весах. Лучше я поеду вечером — 14-го. Вынул 2 фуфайки Богуславскую, Карлсбадскую. Боюсь пересадок. Ровно будет 10 дней (15–25). А взять с собой, чтобы в случае разменять или не надо? (Напиши). Я сегодня все ждал перевода из «Москвы» и «Шляпиных», и ничего не было. Er-groah старуха Lebris (старице) я завтра скажу, что уезжаю в воскресенье. А то она так топочется, делать нечего. Опять пересмотрел все квитанции: не нахожу сен<тябрь>, окт<ябрь>, ноябрь 1926 г., — удивительное дело. Ведь у меня это все сложено, где «налоги» и всякие письма о налогах, совсем отдельно. Конечно, это неважно. Но уж взял упор непременно найти. Ведь я второй год и конвертов не уничтожаю (из-за подкладки). Ах, деточка, деточка. Очень меня это огорчает, что сегодня 9-ое, а от Шляпы нет. Заходила Наташа <Н.В. Резникова>. Она возьмет билет и привезет мне в воскрес<енье> утром. Рассказывала, что Сувч<инский> и Цветаева едут в Руан, что приехала Папаушка <sic! Н.Ф. Мельникова-Папоушкова> и сегодня все пошли к Лебедеву. Привезла Крест<овые> сестры (по-немец<ки>). Это на случай, если понадобиться послать Vivier. Написала письмо Aimot. (Который год пишет и все Aimot). Насчет блох непременно надо купить такую жидкость. Прямо беда. Как же, привезти *пальто* или что-нибудь еще теплое: очень холодно. Сегодня лягу раньше: с чего-то устаю и не выхожу ведь. Сейчас ½ 12 го. А клонит. Начал сегодня чудо с насыщением голодных. Вдруг, спохватываюсь, что у меня с чудесами ничего не выйдет. А чай нужно привозить? Только бы деньги поскорее пришли, тогда я буду уверен. А<лексей> Р<емизов>.

10.9.
суббота

Писем нет.

№ 8
10.9.27
суббота
на твое пис<ьмо> от 9го 9. (№ 6)
121

Ну, наконец-то, деточка, от Шляпы: в понедельник пойду получу. Kraus написала по-французски с ошибками. Да, Шляпа простудилась, письмо от 6-го из Софии, все кашляет. Еще письмо от С<вятополка->Мирского. Спрашивает, можно ли зайти завтра (это о “Commerce”). Старуху отпустил. В «Москву» послал pneu: говорю, расследуйте: деньги переведены 6-го, сегодня 10-е: за 5 дней они до Китая дойдут, а до Av. Mozart почему-то не дошли. Просто жулики, и посылать не думали. Заходил Киреев: он, если у него все сладится, и на вокзал меня повезет. Рассказывал о Бельгии. Перешел на 3 курс, осталось 3 года. С аббатом изъездил всю Бельгию, побывал во всех монастырях, две недели жил в иезуитском монастыре, а однажды даже прислуживал аббату на мессе, звонил в колокольчик. Но, говорит, вере своей не изменил. В Бельгии он снимется *в сутане* (достать можно) и пришлет карточку. Когда выпускал Киреева, вошел Добужинский: он принес свой портрет и вклеил его в альбом автографов. Он недоволен, что его сын теперь не с ним: и лучше б квартиру не находили! Вот, как, деточка. Вот и все события. Я как-то все теряю. И только после долгих поисков нахожу. Прямо беда моя: сегодня проискал сколько времени Николая-чудотворца (статуя в Шартре), потом свою рукопись (Годуновскую). Вещи от меня скрываются. Сегодня такая осенняя погода. Утром было тепло и мелкий теплый (мышкин) дождик, а потом поднялось и с холодом дождь. Ходил платить за баранки, надел карлсбадскую. А ведь B<ride>-l<es>-b<ains> это параллельно Piemont’у, итальянской земле, куда южнее Женевы. Когда ждешь почтальона — от посетителей не убережешься. И это мне мешает. А боюсь не отворять: почтальон новый, тот в отпуску. Сейчас займусь, а то сегодня так мало сделал. А<лексей> Р<емизов>.

11.9
воскресенье

Что-то долго не несет консьержка писем. Много видел во сне хороших всяких вещей и утро сейчас какое-то северное — финляндское.

№ 9
11.9.27
воскресенье
Paris
122

Я уж, деточка, волнуюсь, п<отому> ч<то> билет взят (утром привезла Н.): 14.9. voit 5, place 36, 2 kl. Поезд выходит в 9.40 вечера, приходит в 9.12 утра. (стоит билет 114,55 + 4,50 = 119 frs.). Если тебе неудобно в этот час встретить, ты ничего не изменяй, я посижу на вокзале. Н<аташа> говорит, чтобы везти тебе пальто, п<отому> ч<то> в дороге очень холодно. Тут стоит холод — 12°–13° по R. Не взять ли мне твою белую вязанную, она ведь теплее всяких польт.

Письмо от Шклявера с краткой биографией для Plon (переписал, пошлю с указанием адреса, куда корректуру прислать) и от Зайцева: карточка к фотографу, о котором он мне говорил, при встрече с «ухом». Завтра получу Шляпину. Но этого мало. Если бы те жулики действительно прислали. Сербам надо будет написать pneu во вторник. (А может, лучше приехать; увижу, как лучше). И опять дождь. Я надел, как зимой, и богуславскую на твою и карлсбадскую. Просидел целый день, написал вчерне о избавлении от голода и начал о налоге. Звон — кто его знает, чей — Князь (только не С<вятополк>. М<ирский>, а Оболенский). Рассказал, что теперь все успокоились: Евлогий написал в Москву, что остается верен Моск<овскому> Патриарху и по-прежнему аполитичен. После съезда направление русское. Все о России. Я говорю: «ну вот бы теперь и пора и Посолонь, и Сказки, и Страды». Он справлялся: никого нет еще: ни Вышеславцева, ни Андерсена. (Политика совсем отходит: тут сыграла роль и борьба в Возрожд<ении>, соединились просто на России — это он о христ<ианской> молодежи). Сегодня в Взрожд<ении> и Шмелев, и Яблоновский, и Тэффи. Пришел Сувчинск<ий>, а за ним С<вятополк>-Мирс<кий> (Оболенский ушел). С<вятополк>-Мирс<кий> написал о Взв<ихренной >Руси и о Оле в Версты, а когда они выйдут и Сувч<инский> не может сказать. Он уезжает к Прокофьеву на 3 недели. С<вятополк>-М<ирский> рассказывал о Понтеньи: был Бердяев, который понравился англичанам, была «барышня» (?) <Н.Л. Березовсекая> и Шифрин с женой (?). Я говорю: «почему меня никогда не пригласят?» — «А потому что Шифрин издает Дюбоса, а «барышня» от Шестова. Поил их чаем в кухне. Оба усталые. А с переводом в Commerce произошло так: С<вятополк>-М<ирский> получил от них деньги на Версты, но не взаймы, а чтобы он что-нибудь сделал: перевел. Он и перевел (т<ак>

ч<то> гонорар был бы весь мой). Сейчас рукопись ему исправляет француз. Он не думает, чтобы кто-нибудь ему свинью подложит, а через него и мне. Он только боится, что не понравится. Но тут-то вот и нажужжат. Это очень все печально. Из-за каких-то бабских счетов, все-таки. В «Верстах» Бердяев рассказывает о себе. Я очень загрустил из-за денег.

А жалко, что прервали. И не кончил о налоге. Главное, надо всегда написать, хоть бегло. Когда слова сами-собой выходят. Это основа. Деточка, напиши же, что тебе привезти теплое. Ты представить не можешь, какой холод! Да, кланяются тебе.

Блохе нечего кусать (весь я в шкурках), так она около шеи вертится. А.Р.

12.9.
понедельник

Кроме газет ничего.

№ 10
12.9.27
понедельник
Paris
на пис<ьмо> № 7
10.9
123

Видел, деточка, во сне того бретонца, который приходил с Chuzevill’ем, только он без бороды и весь в густом синем свете.

Около 12-и принесли деньги из Праги за перевод «Глухая тропочка» 10 frs. 90, но 50 высчитали, а 40 я дал. Да, сначала белье принесли, рассчитался (41 frs.). Тут случилась очередная пропажа — написал письмо Aimot и не могу найти, куда положил. Опять пересматривал все бумаги. Не нашел, — нет нигде. Пошел за Шляпиными. Получили все по 100 frs. А оттуда в Ломбард, заложил цепочку — 270 frs. (из страха заложил, так ни в чем не уверен). Пошел в «Москву». Стервецы: «на почте напутано и хотели посылать ко мне». Дали чек, но уж не 1555,20 frs., а 1536,50 frs.: забыли вычесть 18,70 за пересылку экз<емпляра> для отзыва.

Выходя из «Москвы», встретил Ховина и зашел к нему на ¼ часа. К нему приехала жена. Просит, как вернемся, пригласить их. А получал я деньги в самом пекле около Биржи. Оттуда пошел не в ту сторону. И вернулся домой очень усталый. А купил я в «Москве» «Россию» № 3. И что ж ты думаешь, развертываю: — № 1. Я сейчас же забандеролил и на почту снес. И еще больше устал. А когда

я выходил из дому, консьержка дала твое письмо (привезу все, только что же ты, деточка, не пишешь, чего тебе привезти? теплое?). И письмо от Кончаловской. Приезжал Fontenoy и был у Plon и надо дать какие-то сведения денежные, которых Fontenoy не знает. Она прилагает письмо от Plon, где говорится, что Fontenoy, partant, il lui impossible de nous donner les renseignements don't nous avons besoin pour la mise en vente de cet ouvrage. Он пишет о добавочных 500 frs., которые я должен получить. (Наверно, это из той 1000 frs. — ½ Fontenoy, ½ — мне). И говорит, что свободна во вторник. Я написал ей, что буду около 5-и. Опять ходил на почту. Мне это очень неудобно, завтра я должен идти к Kra (издательство), чтобы увидеть Souppolt <Philippe Soupault>. Только уж очень неопределенно: après-midi. Шклявер мне написал, что у французов считается: от 2–5 ч.

Забыл тебе написать: рассказ. Оболенский, что Фондаминский теперь ходит в церковь на всенощную. Шестову написал: что значит докторов (здешних) не слушаться и что доктор (не называю фамилию) сказал, что вода (Vichy) сильная и может вызвать припадок, а надо Bride-les-bains. И про Даманскую, что вся информация прошлогодняя.

Не знаю про Перцова, м<ожет> б<ыть> если бы ты разговаривала или с тобой он разговаривал. Ведь он ничего не знает, я видел, как Шклявер возмущался — ведь Шклявер от нас много слышал. Но, конечно, есть «подход» у него, какого во мне не было. Он, на моем месте, в Петербурге, конечно, пошел бы в Вену знакомиться. Это я так подумал, когда услыхал о именах, которые дадут лицо сборнику. Но в конце-то концов он согласился со мной, что этот сборник «непризнанных», таких, которых письмо в редакцию не напечатают.

Может, следует написать Познерам. Villa la Plage, st. Maxime s/m (Var).

(Письмо к Aimot нашел — и что это я все теряю?).

А<лексей> Р<емизов>.
13.9.27
вторник

Писем нет, только газета.

№ 11
13.9.27
вторник
Paris
на письмо от 11.9.
124

Рано утром, деточка, я послал Шляпе pneu с адресом, пишу, что еду 14-го на 10 дней. Оттуда в случае чего можно написать письмо. Я уж почти уложился: калоши, 2 полотенца, простыня, фильтр, тебе пелеринку, 2 ложечки. Поезд приходит в 9.12 утра. Принесли Individualität, но там моего ничего нет. Этот № посвящен живоп<ис-ному> искус<ству>, о разных художниках. В «Слове» появилась статья Лукаша о «Взвих<ренной> Руси». Он ее исправил. Привезу. Решил ехать только к Кончаловской, боюсь вчерашнего дня — я так устал, что едва заснул. Souppole <sic! Souppolt> не убежит. Прием каждый вторник. Всего у меня, не считая моих — 1806.

У Кончаловской просидел 3 часа. Анкета, на которую я должен был ответить для “Plon”, сложная, а главное пришлось все сызнова названия переводить книг. И краткое содержание Оли. И письмо к Plon с упоминанием 500 frs. со слов Fontenoy. Все писала и переводила какая-то m-elle на букву Е. <Madeleine Étard>. Она тебя знает. Черненькая, но совсем не красивая. Не то она кончила, не то еще учится у Boyer. Знает, видно, по-французски всякие тонкости. Я очень устал. (Вышел я в 4 ч<аса> дня, а вернулся в ½ 9-го). Должна была зайти Наташа починить плед, и в случае уложить твое пальто. А явилась Лисевна <О.Е. Колбасина-Чернова>. Говорит, что Н<а-таша> простудилась. М<ежду> п<рочим> я предупредил, что меня проводит Киреев. Но потом взял страх, а если что-нибудь К<ирееву> помешает? Зачиняя плед, рассказывала новости. Не все слышал, но что влетело: Ц<ветаева> уехала с В<ерой> Алек<сандровной Сувчинской> в Руайан. Ц<ветаева> жаловалась на Сувч<инского> и С<вятополка>-М<ирского>, что они не могут устроить ее рассказа в Commerce. Что им не нравится ее рассказ. А если бы поместили, ее открыли бы. Что она издает книгу своих стихов — 8 листов. Что «Дни» с октября, печататься будут у Зелюка. И про Папаушку <sic!>, и про Постникову, и М<арка> Л<ьвовича Слонима>, который не ответил Ц<ветаевой> на 5 писем. И про Ауку — если бы ей устроиться в B<rides>-l<es>-b<ains>, и про Ховина и про его жену. И т. д., и т. д. И в этот довольно короткий срок. Плед зачинила. И пошла: она заметила, да я и не скрывал, что очень устал.

О 500 frs. я думаю, это из той 1000 frs., которую выдают при выходе книги (F<ontenoy>, ½ мне).

Насколько вижу, Кончаловская старается для славы учеников Boyer. Это первое выступление. Она еще раз говорила, что если нужно тебе и мне, она порекомендует échange. Что касается меня, деточка, то, ей Богу, я ничему не научу. А тебе другое дело.

Когда шел к Кончалов<ской> по Монпарнасу, смотрел новые книги: есть удивительно исполненные обложки. Нет, русским художникам так не сделать. Преимущества жить там — всегда можно следить; тут у нас ничего не увидишь. Видел и иллюстрации Алексеева, но не в восхищении: что-то уж бывалое, вроде Анненкова. А как странно, ты перед отъездом сидела над корректурой Оли, а я — над «анкетой» о Оле. А<лексей> Р<емизов>.

14.9.
среда

В 9-ь разбудила pneu (пришлось еще прибавить 1 frs.) — твое письмо. А писем нет, только газета. Во сне видел Аничкова.

Литература

1. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2021) / авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. URL: http://pushkinskijdom.ru/remizov/Bibliografiay/index.html (дата обращения: 15.11.2021).

2. *Анненков Ю.* Дневник моих встреч: цикл трагедий / под общ. ред. Р. Герра. М.: Вагриус, 2005. 732 с.

3. *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова: по переписке и воспоминаниям современников: в 2 т. Paris: La Presse Libre, 1983. Т. 1. 359 с.

4. *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии) / сост., предисл., подгот. текстов, коммент. А.В. Вадимова. М.: Книга, 1991. 446 с.

5. *Добужинский М.В.* Воспоминания / сост. Г.И. Чугунов. М.: Наука, 1987. 744 с.

6. *Евдошенко Н.В.* Благотворительные организации и финансовая помощь писателям и ученым российской эмиграции в Европе в 1920–1930-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 5. С. 159–181. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.5.32

7. *Евлогий* (*Георгиевский*), *митрополит*. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий; Издат. отдел Всецерковного православного молодежного движения, 1994. 621 с.

8. Жизнь и житие священника Димитрия Клепинина: 1904–1944 / сост. Т.В. Викторова, Н.А. Струве. М.: Русский путь, 2004. 228 с.

9. *Забродина Н.И.* Владимир Николаевич Ладыженский. Биографический очерк // Владимир Николаевич Ладыженский: сборник / сост., автор коммент. и библиогр. Н.И. Забродина. Пенза: Областная б-ка для детей и юношества, 2010. С. 8–17.

10. *Катанян В.В.* Современницы о Маяковском. М.: Дружба народов, 1993. 172 с.

11. *Кудрова И.* Путь комет: Жизнь Марины Цветаевой. СПб.: Вита Нова, 2002. 768 с.

12. *Ладыженский Вл.* Ив. Шмелев. Про одну старуху. Новые рассказы о России. Изд. «ТАИР». 1927 г. // Возрождение. 1927. 8 сент. № 828. С. 2.

13. *Максимов* Д.Е. Мои «интервью» / публ. А.В. Лаврова // Архив ученого-филолога: Личность. Биография. Научный опыт. Сборник научных статей и публикаций / отв. ред. и сост. Е.Р. Обатнина. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 241–299.

14. *Муратов Павел.* Статьи и очерки. (1927–1931 гг.) / публ. и коммент. К.М. Муратовой // Наше наследие. 2012. № 104. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10406.php (дата обращения: 15.11.2021).

15. *Муратова К.* «Каждый день» П.П. Муратова-колумниста // Наше наследие. 2012. № 104. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10405.php (дата обращения: 15.11.2021).

16. На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 1. С. 149–178.

17. На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год / вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной, подгот. текста А.С. Урюпиной // Русская литература. 2017. № 2. С. 56–95.

18. На развалинах бытия (В.В. Розанов и П.П. Перцов в последний год переписки) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2019. № 4. С. 113–134.

19. *Обатнина Е*. Димитрий Солунский и Алексий человек Божий о литературных «чадах» (новонайденные дополнения к истории эпистолярных контактов Д.В. Философова и А.М. Ремизова) // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н.А. Богомолова / под ред. А.Ю. Сергеевой-Клятис, М.Ю. Эдельштейна. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 460–480.

20. *Обатнина Е.Р*. К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 278–303. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-278-303

21. *Обатнина Е.Р*. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 8–44. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-14-8-44

22. *Обатнина Е.Р*. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 8–39. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39

23. *Прокофьев С*. Дневник. Paris: SPRKFV, 2002. Т. 2: 1919 –1933. 891 с.

24. *Резникова Н.В*. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / подгот. текста и сопроводит. ст. А.М. Грачевой. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 272 с.

25. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи. Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 8–67. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2018-8-8-67

26. *Ремизов А.М*. «На вечерней заре». Глава из рукописи. Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 45–108. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-14-45-108

27. *Ремизов А.М*. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 42–114. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-42-114

28. *Ремизов А.М*. «На вечерней заре». Глава из рукописи. Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 40–108. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-40-108

29. *Ремизов А.М*. Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Росток, 2000–2003, 2015–

30. «…с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.

31. *Эльзон М.Д*. Издательство М.В. Пирожкова // Книга: Исследования и материалы. 1987. М.: Книжная палата, 1991. Сб. 54. С. 159–185.

32. *Smith G.S.* The Letters of D.S Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. 238 p. (Birmingham Slavonic Monographs. No. 26)

Research Article and Publication of Archival Documents

Alexey Remizov
“At the Evening Dawn.” A Chapter from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1927 (Ending)

Commentaries by Elena R. Obatnina
Text prepared by Elena R. Obatnina and Anna S. Uryupina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia
Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature,
Moscow, Russia

Abstract: Authors of the publication introduce a fragment of the chapter from Remizov’s manuscript “At the Evening Dawn” into scientific circulation. It was based on the original writer ‘s letters to S.P. Remisova-Dovgello and was created by Remizov during second half of the 1940s. The manuscript is a draft of the biographical prose, reflecting Remizov’s reception of to the events that occured 20 years ago from the perspective of his refugee experience. This is why many of the subjects and characteristics of contemporaries mentioned in the letters of 1927 are supplemented and modified by the writer. This type of redaction can be seen in comparison with the original text of the letters given by publishers in the Appendix. Both corpora of letters provide rich material for reconstruction of the history of Russian emigration and creative biography of Remizov. Comments to the text of the manuscript are based on rare, previously unpublished archival materials and are supplemented by new biographical data of a number of persons connected with Remizov and his wife.

Keywords: Russian emigration, literary life, writer’s biography, bibliography, A.M. Remisov; S.P. Remisov-Dovgello.

Information about the authors: Elena R. Obatnina — DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0003-1823-6321. E-mail: lena.eo@mail.ru

Anna S. Uryupina — PhD in Philology, curator, Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum), Trubnikovsky Alley 17, 121069 Moscow, Russia. E-mail: urana1409@gmail.com

For citation: Remizov, Alexey. “‘At the Evening Dawn.’ A Chapter from the Manuscript. Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1927” (Ending), comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 8–48. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-8-48

References

1. *Aleksei Mikhailovich Remizov: Bibliografiia (1902–2020)* [Alexei Mikhaylovich Remizov: Bibliography (1902–2021)], comp. by E. Obatnina, E. Vakhnenko. Available at: http://pushkinskijdom.ru/remizov/Bibliografiay/index.html (Accessed 15 November 2021). (In Russ.)

2. Gerra, R., editor. Annenkov, Iurii. Dnevnik moikh vstrech: tsikl tragedii [The Journal of My Meetings: A Cycle of Tragedies]. Moscow, Vagrius Publ., 2005. 732 p. (In Russ.)

3. Baranova-Shestova, N. *Zhizn' L'va Shestova: po perepiske i vospominaniiam sovremennikov: v 2 t.* [*The Life of Lev Shestov: by correspondence and memories of contemporaries: in 2 vols.*], vol. 1. Paris, La Presse Libre, 1983. 732 p. (In Russ.)

4. Berdiaev, N.A. *Samopoznanie* (*Opyt filosofskoi avtobiografii) [Self-knowledge (Experience of Philosophical Autobiography*)], comp., introd., text prep., comm. by A.V. Vadimov. Moscow, Kniga Publ., 1991. 446 p. (In Russ.)

5. Dobuzhinskii, M.V. *Vospominaniia* [*The Memory*], comp. by G.I Chugunov. Moscow, Nauka Publ., 1987. 744 p. (In Russ.)

6. Evdoshenko, N.V. “Blagotvoritel'nye organizatsii i finansovaia pomoshch' pisateliam i uchenym rossiiskoi emigratsii v Evrope v 1920–1930-kh gg.” [“Charitable Organizations and Financial Assistance to Writers and Scholars of Russian Emigration in Europe in the 1920s and 1930s”]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, no. 5, 2020, pp. 159–181. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.5.32840 (In Russ.)

7. Evlogii (Georgievskii), metropolitan. *Put' moei zhizni: Vospominaniia Mitropolita Evlogiia (Georgievskogo) izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [*The Path of my Life: Memoirs of Metropolitan Eulogy (Georgievsky) described by his stories for T. Manukhina*]. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., Izdatel'skii otdel Vsetserkovnogo pravoslavnogo molodezhnogo dvizheniia Publ., 1994. 621 p. (In Russ.)

8. *Zhizn' i zhitie sviashchennika Dimitriia Klepinina: 1904–1944* [*Life of Dimitri Klepinin the Priest: 1904–1944*], comp. by T.V. Viktorov, N.A. Struve. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, 229 p. (In Russ.)

9. Zabrodina, N.I. “Vladimir Nikolaevich Ladyzhenskii. Biograficheskii ocherk” [“Vladimir Nikolaevich Ladyzhensky. The Biographical Sketch”]. *Vladimir Nikolaevich Ladyzhenskii: sbornik* [*Vladimir Nikolaevich Ladyzhensky: The Collection*], comp., comm. and bibliography by N.I. Zabrodina. Penza, Oblastnaia biblioteka dlia detei i iunoshestva Publ., 2010, pp. 8–17 p. (In Russ.)

10. Katanian, V.V. *Sovremennitsy o Maiakovskom* [*Contemporaries about Mayakovsky*]. Moscow, Druzhba narodov Publ., 1993. 172 p. (In Russ.)

11. Kudrova, I. «*Put' komet. Zhizn' Mariny Tsvetaevoi*» [*Comet Way. Life of Marina Tsvetaeva*], St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2002. 768 p. (In Russ.)

12. Ladyzhenskii, Vl. “Iv. Shmelev. Pro odnu starukhu. Novye rasskazy o Rossii. Izd. 'TAIR'. 1927 g.” [“Iv. Shmelev. About an Old Woman. New Stories about Russia. “TAIR” Publ. in 1927”]. *Vozrozhdenie,* no. 828, 1927, p. 2. (In Russ.)

13. Maksimov, D.E. “Moi ‘interv'iu’.” [“My ‘Interviews’.”], publ. by A.V. Lavrov. *Arkhiv uchenogo-filologa: Lichnost'. Biografiia. Nauchnyi opyt. Sbornik nauchnykh statei i publikatsii* [*Archive of the Scholar-Philologist: Personality. Biography. Scientific Experience. Collection of Scientific Articles and Publications*], ed. and comp. by E.R. Obatnina. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2018, pp. 241–299. (In Russ.)

14. Muratov, Pavel. “Stat'i i ocherki. (1927–1931 gg.)” [“Articles and Essays. (1927–1931)”], publ. and comm. by K.M. Muratova. *Nashe nasledie*, 2012, no. 104. Available at: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10406.php (Accessed 15 November 2021). (In Russ.)

15. Muratova, Kseniia. “’Kazhdyi den'’ P.P. Muratova-kolumnista” [“’Every Day’ of P.P. Muratov-Columnist]. *Nashe nasledie,* 2012, no. 104. Available at: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10405.php (Accessed 15 November 2021). (In Russ.)

16. “Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1907 god” [“At the Evening Dawn. A.M. Remizov’s Letters to S.P. Remizova-Dovgello: 1907], introd., text prep., comm. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, no. 1, 2014, pp. 149–178. (In Russ.)

17. “Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1910 god” [“At the Evening Dawn. A.M. Remizov’s Letters to S.P. Remizova-Dovgello: 1910”], introd., comm. by E.R. Obatnina, text prep. by A.S. Uryupina. *Russkaia literatura*, no. 2, 2017, pp. 56–95. (In Russ.)

18. “Na razvalinakh bytiia (V.V. Rozanov i P.P. Pertsov v poslednii god perepiski)” [“On Ruins of Life (V.V. Rozanov and P.P. Pertsov in the last year of correspondence)”], introd., text prep., comm. by E.I. Goncharova. *Russkaia literatura*, no. 4, 2019, pp. 113–134. (In Russ.)

19. Obatnina, E.R. “Dimitrii Solunskii i Aleksii chelovek Bozhii o literaturnykh ‘chadakh’ (novonaidennye dopolneniia k istorii epistoliarnykh kontaktov D.V. Filosofova i A.M. Remizova)” [“Dimitri Solunsky and Alexy Man of God about literary ‘chadas’ (new found additions to the history of epistolary contacts D.V. Philosopher and A.M. Remisov)”]. *Russkii modernizm i ego nasledie: Kollektivnaia monografiia v chest' 70-letiia N.A. Bogomolova* [*Russian modernism and its legacy: Collective monograph in honor of 70-th anniversary of N.A. Bogomolov*], ed. by A.U. Sergeyeva-Klitis and M.U. Edelstein. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 460–480. (In Russ.)

20. Obatnina, E.R. “K istorii russkoi zarubezhnoi pechati: ideinyi vektor zhurnala ‘Ukhvat’ — neiavnoe i ochevidnoe” [““To the History of the Russian Foreign Press: ‘Ukhvat’ magazine.”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 278–303. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-278-303 (In Russ.)

21. Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: ‛La vie,’ ili zhizn' ‛chudesnym obrazom.’ Parizh, 1924–1925” [“Studies on Alexey Remizov’s Creative Biography: ‛La vie’, or Living ‛Miraculously.’ Paris, 1924–1925”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (14), 2019, pp. 8–44. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-14-8-44 (In Russ.)

22. Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' vtoraia: Byli i nebyli parizhskikh budnei” [“Studies on A.M. Remizov’s Creative Biography: 1926 –1927. Part 2. Facts and Fables of Parisian Everyday Life”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 8–39. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-18-8-39 (In Russ.)

23. Prokof'ev, S. *Dnevnik* [*Diary*], vol. 2: 1919–1933. Paris, SPRKFV Publ., 2002. 891 p. (In Russ.)

24. Reznikova, N.A. *Ognennaia pamiat': Vospominaniia ob Aleksee Remizove* [*Fiery Memory: Memoirs about Alexei Remizov*], text prep., introd. by A.M. Gracheva. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2012. 272 p. (In Russ.)

25. Remizov, A.M. "'Na vechernei zare.' Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg." (okonchanie)" ["'At the Evening Dawn.' Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922" (Conclusion)], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 8, 2018, pp. 8–67. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2018-8-8-67 (In Russ.)

26. Remizov, A.M. "'Na vechernei zare.' Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1924" ["'At the Evening Dawn.' Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1924"], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (14), 2019, pp. 45–108. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-14-45-108 (In Russ.)

27. Remizov, A.M. "'Na vechernei zare.' Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1925" ["'At the Evening Dawn.' Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1925"], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 42–114. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-42-114 (In Russ.)

28. Aleksei Remizov. "'Na vechernei zare'. Glava iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi- Dovgello. 1926–1927" ["'At the Evening Dawn'. A Chapter from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1926–1927"], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 4 (18), pp. 40–108. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-40-108 (In Russ.)

29. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015– (In Russ.)

30. "'…s Vami beda — ne perevesti': Pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929)" ["'…You Are the Awkward One — Untranslatable': D.P. Sviatopolk-Mirski's Letters to A.M. Remizov (1922 –1929)"], publ. by R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy* [*Diaspora. New Materials*], issue 5. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

31. El'zon, M.D. "Izdatel'stvo M.V. Pirozhkova" ["M.V. Pirozhkov the Publisher"]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [*The Book: Research and Materials*], issue 54. Moscow, Knizhnaya Palata Publ., 1987, pp. 159–185. (In Russ.)

32. Smith, G.S. *The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922 –1931*. Birmingham, 1995. 238 p. (Birmingham Slavonic Monographs. No. 26) (In Russ., English)

Статья поступила в редакцию: 18.07.2021
Одобрена после рецензирования: 05.09.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 18.07.2021
Approved after reviewing: 05.09.2021
Date of publication: 25.12.2021

К 150-летию ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-49-135

Письма Леонида Андреева к Зинаиде Сибилевой Часть 1 (1890–1891)

Подготовка текста *Н.П. Генераловой*
Вступительная статья и комментарии *М.В. Козьменко*

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия

Аннотация: В публикации впервые представлен полный корпус писем Леонида Андреева к его первой возлюбленной — Зинаиде Николаевне Сибилевой. Роман между ними имел бурное и весьма нелинейное развитие в 1889–1892 гг. В письмах выявляются многие ранее не известные реалии жизни гимназиста и студента Андреева. Но более важным представляется отраженный в них некий дневник «душевных состояний», поток сложных, подчас «пограничных» психологических переживаний адресанта. Полагая (с отсылкой к авторитету Мопассана), что в письмах наиболее точно высвечивается личность человека, что они «раскрывают душу без всяких прикрас», Андреев вместе с тем рассматривал свои эпистолярные опусы (наравне с дневниками) как некоего рода упражнение в писательстве.

Ключевые слова: Леонид Андреев, биография писателя, письма, архивные материалы, русская литература начала XX в., культура модернизма.

Информация об авторах: Наталья Петровна Генералова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Михаил Васильевич Козьменко — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1229-2210 E-mail: uzium@mail.ru

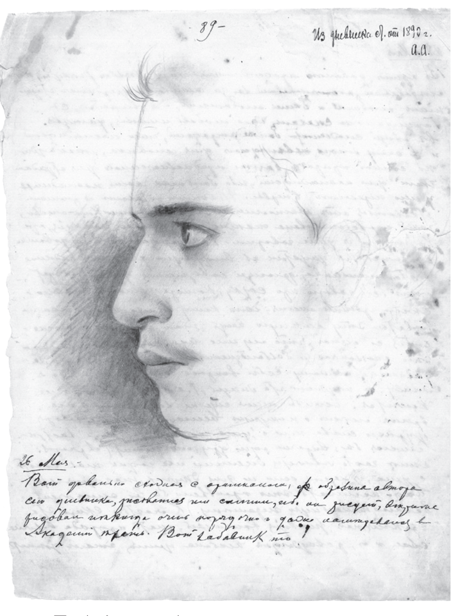
Для цитирования: Письма Леонида Андреева к Зинаиде Сибилевой. Часть 1 (1890–1891) / подгот. текста Н.П. Генералова, вступ. ст. и коммент. М.В. Козьменко // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 49–135. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-49-135

Материалы раздела к юбилею Л. Андреева подготовлены М.В. Козьменко.

Зинаида Николаевна Сибилева — первая большая любовь Л.Н. Андреева. В своих дневниках и письмах он несколько раз косвенно указывает на точную дату начала их отношений — 13 августа 1889 г. Леониду, перешедшему в седьмой, предпоследний класс гимназии, только что исполнилось восемнадцать лет, Зинаида, судя по всему, была его ровесницей. О Сибилевой известно, к сожалению, немногое. Она была из достаточно обеспеченной семьи (ее отец, Николай Евграфович, скоропостижно умерший в феврале 1891 г., был адвокатом). Отношения с Андреевым были глубокими и серьезными; они «сошлись», как тогда говорили. Но уже менее чем через год эта настоящая, «взрослая» связь становится психологически тяжелой для гимназиста, обремененного борьбой с нищетой, необходимостью окончить гимназию с хорошим аттестатом (ибо единственная возможность вырваться из нищенского прозябания — поступить в университет и получить профессию) и первыми всплесками алкоголизма. Но разорвать отношения был не в силах уже ни один из партнеров. Начинается длительный период тяжелой «полулюбви-полуненависти». Тяжесть ситуации Андреева усугубляется тем, что его (вероятно, как «неровню», рожденного в довольно простой семье, ныне впавшей в сугубую нищету) фактически третируют в семействе Сибилевых: «Действительно, одному лишь, пожалуй, хождению моему в дом Сибилевых можно приписать мое замечательно быстрое охлаждение и ту каторгу, а не жизнь, какую терпели оба мы с З<инаидой> до самого ее отъезда на урок. Положительно враждебная мне атмосфера Сибилевского дома с ее Николай Евграфовичем, сгорающим от бесплодного желания сбросить меня с лестницы, с сестрами, вечно иронизирующими и так же жаждущими отделаться от моего присутствия, со всей формальностью моего прихода, как прихода гостя, — могла действовать на меня только отрицательно» (*Дн2*. Л. 27 об.).

Начало публикуемой переписки связано с отъездом Зинаиды «на урок» (форма репетиторства) 20 июля 1890 г. И если на предшествовавших этому событию страницах дневника Андреев пишет об усталости от отношений, об упадке своей любви, то теперь даже эта короткая разлука заставляет его чувства вспыхнуть с неожиданной свежестью. Впереди однако еще более тяжелое испытание: после возвращения с «урока», Сибилева начинает собираться в Петербург, чтобы поступить там на курсы (она на год раньше Андреева закончила гимназию). Леонид, завороженный новой волной влюбленности в подругу, тщетно пытается удержать ее. Но 30 сентября 1890 г. в двенадцать часов ночи она уезжает в столицу. Письма, которые

пишет ей оставшийся в Орле гимназист последнего года, исполнены обожанием и подозрительностью, тоской и ревностью, дифирамбами и оскорблениями. Андреев тоскует, из «мести» пытается флиртовать с орловскими девицами (в частности, даже с родной сестрой Зинаиды, Натальей), пьет, дает уроки, пытается добиться в гимназии приличного аттестата…

Л. Андреев. Автопортрет на страницах дневника 1890 г., 26 мая: «Вот довольно сходная с оригиналом образина автора сего дневника, рисованная им самим…». Русский архив в Лидсе (Leeds Russian Archive). MS.606/ E.1. Л. 46.

L. Andreev. Self-portrait on the pages of the diary on 26 May 1890: "Here is a rather similar image of the author of this diary, drawn by himself...". Leeds Russian Archive. MS.606/ E.1. P. 46.

Через год они оказываются опять вместе: Андреев поступает в Петербургский университет. Но совместная вольная жизнь, практически без оглядки на окружающих (как было в Орле), лишь усугубляет психологическую тяжесть общения. Судя по письмам и дневникам Андреева тех лет, Сибилева была такой же независимой и страстной натурой, как и он сам, и столкновение двух сходных характеров вызывало бурные эксцессы. Один из пиков — видимо, кульминационный — этой драмы приходится на весну 1892 г., по возвращении Андреева в Петербург после рождественских каникул, проведенных в Орле. В дневнике он так описывает эти события: «Приехал я сюда битком набитый мрачными мыслями и намерениями. Денег, а с ними и надежд на будущее не было никаких. Пьяная безобразная жизнь в Орле отразилась на душевном состоянии. Раскаяние, упреки совести, а с другой стороны, мнимая или действительная невозможность изменить свое поведение, остановиться на наклонной плоскости — делали положение безвыходным. Выход был один — самоубийство. Здесь в Петербурге начались неприятности с З<инаидой> — и я в конце концов в субботу на масляной совершил попытку на самоубийство. В оправдание

неудачи приведу то, что совершил я ее пьяный до бессознательности, затем — очень неудобным оружием, ножом, и наконец — меня удержали от второй попытки ударить себя. Потом был несколько дней в больнице, а потом — потом началась та мерзостная жизнь, которая тянется по днесь. Вся она вращается вокруг З<инаиды> и отравляется ею. Полная духовная зависимость от нее. Мое настроение духа зависит от З<инаиды>, и зависит именно так: она может в одну минуту изменить хорошее настроение на убийственно дурное, но не в силах, да и не в желании, конечно, дурное хоть когда-нибудь изменить на хорошее» [6, с. 257]. Но лишь осенью эта связь будет окончательно разорвана. Отметим, что разрыв с Сибилевой был, весьма вероятно, одной из существенных причин, повлиявших на перевод Андреева в Московский университет.

Отметим также, что в Орле и Петербурге подругой Сибилевой являлась радикально настроенная Вера Гедройц[1], которая, в частности, входила в разгромленный в 1892 г. нелегальный кружок Вейнштока (оба поминаются в письмах и дневниках Андреева). Видимо, Сибилева пыталась приобщить к каким-то протестным акциям и политически индифферентного Андреева (в беллетризованных воспоминаниях Гедройц говорится об их участии в демонстрации на похоронах известного радикального публициста Н.В. Шелгунова в 1891 г.[2]).

О жизни З.Н. Сибилевой после разрыва с Андреевым известно немногое: мемуаристы отмечают лишь тот факт, что она «вышла замуж за инженера» (и стала Паутовой); это произошло приблизительно в 1893–1894 гг. [12, с. 295][3].

В позднейшем дневнике Андреева 1897–1902 гг. она упоминается (явно или косвенно) несколько раз. Одно из знаковых воспоминаний — это «романтический» образ своей прежней подруги, противопоставляемой тесному мещанскому мирку: «Зинаида Сибилева с ее ненасытной жаждой подвига и страданий» [3, с. 106]. Второе — отразило реальный образ навестившей Андреева в сентябре 1898 г. замужней женщины: «Проезжала через Москву Зинаида и сегодня большую часть дня провела со мной. Все та же. Прибавилось несколько жизнерадостности, мечтает о работе, но думаю, что через месяц ударится в старую хандру. Постарела, подурнела. Во мне не

---

[1] Вера Игнатьевна Гедройц (1876–1932) — профессор хирургии, участница революционного движения, литератор, писала под псевдонимом «Сергей Гедройц»; см.: [11].

[2] *Гедройц С.* Отрыв. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. С. 123.

[3] См. также: *Гедройц С.* Отрыв. С. 147.

будит никаких желаний — почти бесполое существо в моих глазах» [3, с. 175]. Последнее дружественное письмо Андреева «Зинаиде Николаевне» датировано 6 апреля 1902 г. Интересно, однако, что свой самый большой (и, вероятно, значительный для самого автора) дневник (который посвящен в основном следующей большой любви Андреева — Н.А. Антоновой) он в конце концов отдаст именно Сибилевой[4]. Произойдет это около 1908 г. или позже, что свидетельствует о неизвестных нам фактах позднейшего дружественного общения между бывшими возлюбленными. Отметим, что почти все ранние дневники (центральной героиней которых является именно Зинаида) писатель оставил у себя.

В письмах выявляются многие ранее не известные реалии жизни гимназиста и студента Андреева. Но более важным представляется отраженный в них некий дневник «душевных состояний», поток сложных, подчас «пограничных» психологических переживаний адресанта. Полагая (с отсылкой к Мопассану; см. п. 9), что в письмах более точно высвечивается личность человека, что они «раскрывают душу без всяких прикрас», Андреев вместе с тем рассматривал свои эпистолярные опусы (наравне с дневниками) как некоего рода упражнение в писательстве.

Письма Андреева к любимым, как понятно из вышесказанного, имеют крайне субъективный характер и даже в большей степени, чем его дневники, являют собой некую «психохронику»[5], пытающуюся уловить прихотливый поток мыслей, настроений и чувствований

[4] З. Сибилева в 1923 г. передаст этот дневник сестре писателя Римме Николаевне Андреевой-Оль [3, с. 242].

[5] По нашим наблюдениям, «в дневниках Андреева поражает усугубленная рефлексивность, крайняя сосредоточенность на собственных мыслях и чувствованиях, неизменно сопровождаемая напряженной самооценкой. Фиксация внешних событий (если для нее остается место), как правило, жестко связана с интроспекцией. Старательно сплетенная автором-героем дневника ткань многостраничных, до предела логически упорядоченных рассуждений, вместе с тем постоянно разрывается экстатическими взрывами эмоций (в последнем случае “архилогистику” неожиданно сменяет манера, близкая к “потоку сознания”). Таким образом, перед нами возникает весьма своеобразный тип повествования, который можно назвать психохроникой» [3, с. 4–5]. Можно также согласиться с первопубликатором андреевских дневников, Н.П. Генераловой: «Характерно, что письма к Сибилевой по стилю во многом напоминают дневниковые записи, носят столь же ярко выраженный исповедальный характер и дают богатый материал для проникновения в нравственные поиски начинающего писателя, являясь неотъемлемой частью его творческого наследия. Они уточняют и проясняют многое в дневниковых записях Андреева, нередко почти совпадая с ними по тону и настроению, так что подчас кажется, что письмо — это вырванная страница дневника, а страница дневника — неотправленное письмо (кстати, дневник предназначался Андреевым для чтения — об этом свидетельствуют неоднократные обращения к читателю и дальнейшая судьба дневника)» [6, с. 249]. Ср. образец развернутой записи из дневника — некоего «квази-письма» к Зинаиде (февраль 1892 г., см.: Часть 2 настоящей публикации, п. 51).

адресанта, в которых отразились бы интенции обожания, ревности и прочих оттенков «любви-ненависти», нацеленные на адресата. Однако нужно указать на мировоззренческую «надстройку», своеобразно окрашивающую эти эпистолярные излияния. В последних классах гимназии Андреев увлекается модными западными писателями: уроки «обольщения» заимствует у героев-циников Поля Бурже [9], отдельные письма подписывает именем героя популярного романа Фридриха Шпильгагена «Один в поле не воин» — Лео (личности «исключительной»). Но более всего его занимают труды столпов немецкого пессимизма — Артура Шопенгауэра [8] и Эдуарда фон Гартмана [10]. Отсюда черпаются представления о любви, женщинах, отношениях полов, роли в судьбе человека страданий и наслаждений и т. п., которые в существенной степени окрашивают письма Андреева в определенные, не самые радужные тона.

Нужно отметить, что «пессимистическая прививка» в определенном роде повлияла и на скептическое отношение студента — первокурсника Петербургского университета к общественному бурлению околоуниверситетской жизни (с собраниями и сходками, подчас имевшими явный подпольно-революционный привкус)…

***

Письма публикуются впервые, по рукописным автографам (РО ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 26).

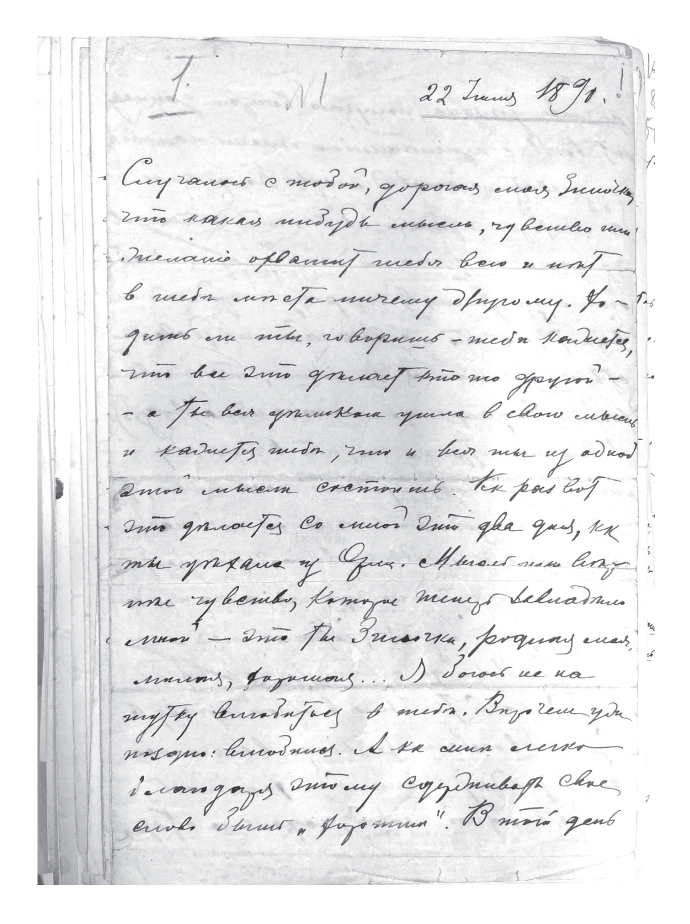
В настоящей публикации сохранены особенности авторского текста. Однако унифицировано устаревшее написание названий учреждений, издательств, печатных изданий. В тексте обычно не раскрываются используемые Л.Н. Андреевым и понятные из общего смысла инициалы, но сокращения, которые наиболее часто использовал автор: «кк» («как»), «п. ч.» («потому что»), «кот.» («который») и др., раскрыты. Если сокращенный текст мог быть истолкован неоднозначно, расшифровка приводится в угловых скобках. Пропущенные слова также восстановлены в угловых скобках.

1

22 июля 1890. Орел

22 июля 1890[1].

Случалось с тобой, дорогая моя Зиночка, что какая-нибудь мысль, чувство или желание охватит тебя всю и нет в тебе места ничему другому. Ходишь ли ты, говоришь — тебе кажется, что все это делает кто-то другой — а ты вся целиком ушла в свою мысль и кажется тебе, что и вся ты из одной этой мысли состоишь. Как раз вот это делается со мной эти два дня, как ты уехала из Орла. Мысль или, вернее, чувство, которое теперь завладело мной — это ты, Зиночка, родная моя, милая, хорошая… Я боюсь не на шутку влюбиться в тебя. Впрочем, уже поздно: влюбился. А как мне легко

1. 22 Июля 1890.!

Случалось с тобой, дорогая моя Зиночка,
что какая нибудь мысль, чувство или
желание охватит тебя всю и нет
в тебе места ничему другому. Хо-
дишь ли ты, говоришь – тебе кажется,
что все это делает кто-то другой –
– а ты вся целиком ушла в свою мысль
и кажется тебе, что и вся ты из одной
этой мысли состоишь. Как раз вот
это делается со мной эти два дня, как
ты уехала из Орла. Мысль или вер-
нее чувство, которое теперь завладело
мной – это ты Зиночка, родная моя,
милая, хорошая… Я боюсь не на
шутку влюбиться в тебя. Впрочем уже
поздно: влюбился. А как мне легко
благодаря этому сдерживать свое
слово быть „хорошим“. В этот день

Л. Андреев. Письмо от 22 июля 1890 г. РО ИРЛИ РАН
L. Andreev. Letter dated July 22, 1890 from Manuscript Division of IRL RAS

благодаря этому сдерживать свое слово быть «хорошим». В тот день, как ты уехала, получаю вечером записку от В<арвары> Н<иколаевны>[2] с приглашением ехать на лодке и захватить с собой мать. Когда мы с матерью пришли на место остановки, где они уже пили чай, Сахареночек[3] оттащил меня в сторону и предложил выпить, на что я с величайшим удовольствием согласился (помнишь, что я говорил о водке, когда мы ехали на вокзал?). И вот, несмотря на то, что в голове у меня шумело, шумело настолько, чтобы настроение изменилось и я начал выкидывать, по обыкновению, черт знает что — я ничего этого не сделал и по-прежнему думал о тебе, дорогая моя Зинурочка. И когда я вспоминал о тебе, такой, какой ты была в этот приезд в Орел, и в особенности когда вспоминал твою улыбку — мне так хотелось быть с одной тобой, подальше от этих неинтересных людей. Зато, когда вспоминались наши ссоры, вспоминалась вся гадкая и пошлая обстановка, среди которой эти ссоры происходили, становилось так тяжело и пусто на сердце — страх! А уж про И.И.[4] и не говори — вот теперь, когда я только сказал про него, мне уж хочется что-нибудь разбить или сломать. Только я эти черные мысли про ссоры и И.И. стараюсь отгонять от себя. Вот ты, Зиночка, говорила, чтобы я постарался не ходить в Сад[5] — а я вчера один вечер просидел дома — и чуть с ума не сошел от тоски: не могу ни за что взяться: тянет меня куда-то, хочется ходить, двигаться, уйти куда-нибудь, чтобы отделаться от этого желания жизни. А как вчера остался я один, как полезли мне в голову мысли о том, что я глупеть начал (серьезно!), что и чтение полезное и занятия мне впрок не идут и как сквозь бездонную бочку проваливаются — так впору хоть руки на себя наложить. Знаешь, деточка моя, когда я думаю о тебе, мне не целовать тебя хочется, не близко сидеть с тобой — а больше (не думай про какую-нибудь гадость, про то, «чего ты мне не позволишь») мне хочется *слиться* с тобой, скажу я, хоть это немного высокопарно выходит — да другого слова не подыщешь. Зиночка, не обращай, голубчик, внимания на дневник: — там ведь прошлое, а в настоящем я тебя люблю больше, чем когда-нибудь любил. Прощай, деточка моя хорошая. Написал бы больше, да знаешь, все это в письме както не так выходит. Меня теперь занимает мысль: как я мог уверить себя, что разлюбил тебя или, если правда разлюбил — то почему? Прощай, моя радость!

Твой — и теперь надолго — Л. Андреев.

---

[1] Письмо написано через два дня после отъезда Зинаиды «на урок», что радикально поменяло отношение к ней Андреева. См. запись в дневнике от 20 июля 1890 г.: «Зинаида уехала сегодня утром, и я провожал ее на вокзал и мне тяжело было

прощаться с ней, потому что я снова люблю ее и она опять так же дорога мне, хорошая моя Зиночка... Да, свершилось то, что не должно было свершаться, не могло, и не хотел я, чтобы оно свершилось, да видно, слишком рано я загадывал. <…>. А лучше Зинаиды нет никого и не будет. Что в ней говорит? ведь она читала мой дневник, а ведь в нем так много мерзости на ее счет... Любит ли она теперь меня? Теперь — да, но скоро, очень скоро разлюбит. Я прежде хотел этого — а теперь не хочу. Такая она хорошая...» (*Дн2*. Л. 12).

[2] Сестра З.Н. Сибилевой.

[3] Алексей Корнельевич Сахаров, товарищ Андреева по орловской гимназии, а позже — и по Московскому университету, юрист, одно время жил с ним вместе в номерах Фальц-Фейна, позже служил в акцизе в Карачеве Орловской губернии.

[4] Вероятно, во время очередной ссоры перед отъездом Зинаида рассказала Андрееву, что до связи с ним у нее были отношения с некоторыми их общими знакомыми, что стало источником постоянной ревности Леонида в последующем: «Зинаида сказала мне такую вещь, касающуюся своей прошлой жизни, что я просто не могу ей верить, не могу представить ее себе — а когда верю, страшно тяжело бывает. Както обидно становится за все свое прошлое. <…> А про И.И. противно, гадко вспомнить. Так и отрывается от тебя что-то, когда вспомнишь» (*Дн2*. Л. 12, 12а). Позже он возвращается к этому эксцессу: «В первом своем письме к Зинаиде, я говорил, что мне тяжело вспоминать о И.И.; она отвечает: “печалиться здесь нечего, потому что это было давно, когда я тебя еще не любила, а вот что ты скажешь, если тебя теперь поставить на мое место?” И здесь непонимание, полное непонимание, почему мне тяжело вспоминать и почему моих экспериментов с Н<атали> нельзя сравнивать с И.И. Здесь вся суть в том, что она И.И. любила, а я Н<атали> не любил» (Там же. Л. 18).

[5] Городской сад в Орле.

2

23 июля 1890. Орел

23 июля 1890.

Ах Зиночка, Зиночка — ты не поверишь, как тяжело мне вспоминать о своем дневнике, о том, что ты его читаешь. Вспомнится разом какое-нибудь выражение из него, которым я еще тогда любовался за его циничность или за то, что оно ясно выражало мою настоящую или мнимую подлость, к которой я тогда стремился — и станет так гадко, так мерзко. Чтобы понять этот дневник нужно знать, в каких обстоятельствах и под влиянием какой мысли он написан. Ведь когда я писал его, я гордился той двойственностью, которая была между тем, что я говорил и делал, и тем, что я думал. Мне доставляла удовольствие мысль, что вот — мол — все меня считают таким, а на самом деле я совсем иной, и для пущего удовольствия старался еще увеличить эту разладицу. Когда я заметил, что от этой разладицы только мне же хуже, — было уже поздно, да и неловко ворочаться назад. Потом ты знаешь, вот уж второй год мной завладела мысль о несостоятельности нашей нравственности, что нет ни «подло» ни «честно». Знаешь ли ты, какой идеал выработался у меня под влиянием этих мыслей: идеал подлеца-систематика. Не решаясь сперва на подлые поступки, я с радостью цеплялся за всякую мало-мальски

подлую мысль, носился с ней, гордился… Впоследствии оказалось, что и от этого одному только мне хуже, потому что всякая подлость труднее доставалась мне, чем тому, кому я ее делал. А там началась скука, все то, что хуже смерти вдесятеро; и если теперь начнется то же — я опять и подлости делать стану и все — только бы забыться как-нибудь.

А ведь этим дневником, родная моя, я всего себя тебе в руки отдал. Там ведь ни одной гадкой мысли не пропущено — а у кого их, деточка моя, не бывает? Разница только в том, что другой их забывает, а я записываю, — да еще с гордостью!

Да, Зиночка моя дорогая, я теперь весь пред тобою и *требую* того же от тебя. Ты мне говорила про И.И. и М<ихаила> И<вановича>[1]; я хочу знать про них *все*, а то эта полунеизвестность мучает меня страшно. Вот теперь, когда ты уехала и я чуточку пришел в себя — в особенности ярко выступает странность перехода от «Зинаиды, которую я не люблю», к «Зиночке, дорогой и милой». Родная моя, как мне хочется быть с тобой, целовать тебя. —

25 июля.

Пошел вчера в сад — и лучше бы я не ходил. По *не зависящим от меня обстоятельствам* пришлось быть вдвоем с Н<атальей>, следовательно объясняться — и опять пахнуло старым, опять грязными руками Теофилий[2] и проч. было отравлено все, что дорого было в моей любви к тебе и опять исчезла для меня Зиночка милая и дорогая, которую я так люблю, которая так близка мне. Жизнь несколькими глупыми словами разрушила все и что было новым — стало старым. Может быть то, что я сейчас пишу — дело минуты, но вот эти-то минуты и разрушают все.

Зиночка, зачем ты говорила дома про дневник, про мои отношения к Н.? Ведь ты знаешь, в какие руки отдаешь ты то, что я поверил тебе, только тебе одной. Лучше бы ты весь дневник отдала Н., но не делала посредницей эту Теофилию.

Я не хотел вчерашнего объяснения с Н., потому что я не ожидал от него ничего хорошего. Слушай, что сказала мне Н.: «Т.И. передала мне слова Зинаиды, что я вам разжигаю только кровь и советовала этому подлецу, т. е. Вам, дать в саду пощечину. Я согласна, что Вы подлец — и т. д.». Я принял это, как должное, потому[3]

---

[1] Орловский знакомый Андреева, судя по упоминаниям в дневнике, политический ссыльный, студент, исключенный из университета; какое-то время пользовался большим авторитетом; позже — объект ревности (см.: *Дн1*. Л. 53 об.; *Дн2*. Л. 38, 59, 62, 64).

[2] Теофилия Ивановна — родственница Сибилевых.

[3] Текст обрывается.

3

27 июля 1890. Орел

27 июля 1890.

Я твое письмо, Зиночка, получил в понедельник, а не в воскресенье, так что поневоле запоздал ответом. А я от тебя каждый день письма ожидал; отчего ты так долго не писала? Неужели из одного самолюбия? Оставь ты это самолюбие, Бога ради: и то ведь, говоря по совести, на долю его нужно отнести большую часть сцен, между нами происходивших, — а их ведь немало было и немало затормозили они любовь, по закону инерции долженствовавшую протянуться в бесконечность. Я очень рад, что тебе теперь не скучно: ты, очевидно, начинаешь привыкать к деревенской жизни. Постарайся на воле пополнеть и поправить свои нервы к приезду в Орел, где они у тебя опять расшатаются. Ты *до августа* не приедешь сюда?

Я тоже перестал скучать; да оно и мудрено в такую жару, какая сейчас у нас стоит. К тому же купил вот уж полторы недели столь желанный велосипед; пробовал несколько раз, учась кататься, сломать себе шею, но шею не удалось, а пришлось один день руку на перевязке носить, да вот теперь что-то с ногой сделалось, не только что кататься, а почти ходить не могу. Жизнь теперь вообще моя довольно полна и что лучше всего — идет по раз заведенному порядку — нечего голову ломать над тем, что завтра делать будешь… Утром хожу на урок, вечером в Сад, без которого я уже теперь не могу обойтись, — три раза на день пью чай и жалею только об одном, что каникулы, как и все в мире, имеют свой конец. Мое пессимистическое сознание тоже отдыхает: — немалая работа предстоит ему в августе… Каждый день почти вижусь в саду с вашими, беседую с ними, а больше, впрочем, молчу, одним словом, повторяю прошлое лето. Вот тебе вся, как на ладонке[1], моя жизнь. Уповаю, что и до конца лета она такой же останется. Я уже полнеть начал. Голова совсем не работает, читаю только вещицы легенькие и головы не обременяющие, а тяжелые и трудные, как все вообще тяжелое и трудное, оставляю до зимы. Да, я теперь начинаю поосторожней относиться к пище духовной: и то уже катар головы неизлечимый нажил…

Ну вот обо мне и все; сказал бы что-нибудь о других — да, к сожалению, не о ком и нечего. Вот в скорости, должно быть, явится в Орел Мих<аил> Иван<ович>, тогда поговорю о нем: ты, кажется, им интересоваться, к счастью, начинаешь. К счастью — для него, конечно.

Маменька с тетенькой тебе кланяются. До свидания! Желаю тебе всего лучшего. Ты спрашиваешь, что значит «пока»? Это переход к более простому.

Л. Андреев.

[1] Ладóнка — ладонь, рука (см.: Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. С. 237).

4

6 августа 1890. Орел

6 августа.

Не писал я тебе, дорогая моя Зиночка, все время потому, что, во-первых, боялся, что письмо мое не застанет тебя, а потом — уж слишком о многом переговорить с тобой нужно. Прежде всего твои письма. Буду говорить откровенно: они произвели на меня очень тяжелое впечатление. Ты называешь последнее мое письмо расстроенным — да и взаправду, Зиночка, я был очень расстроен, когда и писал его и ждал на него ответа; я хотел знать многое: и то, как отнесешься ты теперь, подумавши, к моей возродившейся любви, и какое впечатление произвел на тебя мой дневник (он все время страшно меня беспокоил)… Когда Вар<вара> в саду передает твое письмо, я с нетерпением распечатываю его, читаю — и остаюсь в полном недоумении. Остальные письма рассеяли мое недоумение и даже позволили мне сделать из них вывод, хотя очень печальный, но, кажется, справедливый: твои письма, с начала до конца, говорят о *разрыве*, говорят яснее, чем мои, с целью разрыва писавшиеся. Не говоря уже о таких фразах, не оставляющих никакого сомнения, как, например, «любовь настоящая, какая была у меня раньше, прошла», etc… — весь тон твоих писем, каждое слово в них дышит разрывом, не тем искусственным разрывом, к которому сводились все мои прежние письма, а настоящим, почти не сознаваемым тобой и тем более действительным. Я знаю, что я сам виноват в этом, с ног до головы виноват — но это только усиливает то мучительное чувство, какое я испытываю при мысли, что ты действительно разлюбила меня. Частенько сидя в саду или идя оттуда домой, я по обыкновению вспоминал тебя, вспоминал твою хорошую улыбку, которая до сих пор стоит передо мной, твои милые глазки, — и когда являлась проклятая мысль, что все это уж «не для меня, не для меня»[1] — я тогда *понимал*, как это из-за неразделенной любви люди убивают себя. Ты, может быть, скажешь, что я ошибаюсь, что ты все еще любишь меня — не верится, родная моя Зиночка… Треснувший *колокол не*

дает уж чистого звука — так и наша, твоя любовь. Ну довольно об этом — всего не скажешь, а тоску на себя нагонишь.

Я уж сегодня вечером надеялся видеть тебя — а вместо этого, оказывается, увидимся только 15-го[2]. Переход от одного к другому так резок, что я и посейчас не могу себе представить, как это мне еще целых две недели придется тянуть лямку и продолжать дело своего опошления среди Арханг<ельского>[3] и ему подобных. Да, хорошая моя Зиночка, я только теперь понял, какое значение имеешь ты для меня, как важно для меня твое присутствие: всем своим относительным «развитием» я обязан тебе, только тебе одной. А без тебя я и глуп и пошл и все что хочешь. Ты говоришь, деточка моя, что спокойнее перенесла бы эти две недели, если бы была уверена в моей верности. Ну, Зиночка, можешь быть спокойна: я тебе и не изменил ни одним словом, ни даже мыслью — и не изменю. Видишь, с самого твоего отъезда с Варварой я виделся только раз, на лодке; в саду я к ней не подхожу[4]

---

[1] Строки из популярного романса «Не для меня придет весна» (слова А. Молчанова, музыка Н.П. Девитте; 1838).

[2] Зинаида приехала 10 августа (*Дн2.* Л. 22 об.).

[3] Приятель Андреева. «Архангельские» как дружественное семейство часто упоминаются в его дневниках и письмах. С Еленой Николаевной Архангельской у него в августе — декабре 1892 г. был роман; см.: *Дн5*, [3, с. 102, 111; 6; 12, с. 212].

[4] Текст обрывается.

5

3 октября 1890. Орел

3 октября 90.[1]

Нового, Зиночка моя милая, нет ничего. Все вышло так, как я и ожидал: очень скучно, очень скверно без тебя, моя хорошая; ни за что браться не хочется, читать даже не читается. Первый вечер после твоего отъезда я еще крепился, твое присутствие заменил дневником, в котором все о тебе писал, ну а на другой день, когда уже и писать не хотелось, а хотелось только быть с тобой и целовать тебя — взял и напился. Прости, деточка, больше не буду. А вот теперь, в будни, еще скучней без тебя, потому что — идешь с урока и думаешь: некуда тебе спешить: никто тебя дома не встретит, не поцелует, и будет тебе дом тем же уроком. И вот сейчас, сидишь пишешь и невольно вспоминаешь, что неделю назад так же сидел здесь и писал — но здесь была ты, а теперь тебя нет; и становится скверно. Но все это старо, все это еще до твоего отъезда известно было: и то, что будет скверно, и то, что это скверно когда-нибудь пройдет. Был я нынче у доктора, Голостепова. И здесь

нет почти ничего нового. После весьма тщательного осмотра заявил следующее: грудь у меня очень здорова, только нервная система вконец расстроена, и все боли мои — нервного происхождения. Причина расстройства — ненормальная жизнь, которую я веду. А жизнь нужно вести такую: *как можно меньше утомляться физически и умственно*, не волноваться, есть как можно больше и лучше, не употреблять спиртных напитков, меньше курить, меньше пить чай и *совсем забыть о существовании женщин*, «ибо женщины, — как сказал он, — одна из главнейших причин вашего расстройства». При всем этом нужно каждый день устраивать души и глотать какую-то мерзость. Все это было и раньше известно. Видишь, Зинурочка, твой отъезд принес мне даже пользу: будь ты здесь, ни за что не стал бы я выполнять двух условий: вот о женщинах и потом, про которое я забыл сказать — спать каждый день не менее девяти часов. Последнего-то, да и многих вообще, мне и так исполнять не придется. Ну да ну ее все это к черту!

Скучно, Зинурочка моя дорогая, и занятия философией даже не радуют — а это дурной признак. Не хочется тебе даже обо всем этом писать: уж больно все орловским духом пахнет. Хотел я было с тобой о нашей любви потолковать, да голова как будто чем-то набита, двух слов не свяжешь. А завтра еще сочинение подавать — а я и не думал писать, завтра утром наваляю. Расскажу тебе по обещании, как я ехал домой с вокзала с Натальей. Сели мы на извозчика: верх поднят, темно, а погода холодная, ну и… начали мы с ней о гимназиях говорить, она о своей, а я о своей, а потом к Капиташке[2] перешли. Здесь произошла некая вещь, которая, боюсь, тебе не понравится. Нечаянно я в разговоре коснулся тебя и неосторожно дал понять, что люблю тебя… А потом мы приехали и я пошел домой. Когда я третьего дня был пьян, я написал в дневнике некоторые вещи, которых мне было потом так стыдно, что я даже эту страницу вырвал. Видишь, в чем дело: у меня помимо воли стало что-то вроде стихов выходить, очень скверных и притом пахнущих водкой и неверных. Так как думать я сейчас ничего не могу, то перепишу тебе их, надеюсь, не обидишься. И заметь, переход от прозы к стихам. Ей-богу, невольный.

«Зинурочка, жизнь моя, радость ты моя! Где ты теперь, что ты делаешь? Счастлива, довольна, может быть… А я… пьяный — опошляюсь среди пошлости, тупею среди тупости!

И вместе с тем холодный рассудок берет свое, доказывая, что *так* лучше, что эта любовь все равно к добру не привела бы! Привела — прошедшее время… и навсегда теперь, Зиночка, придется мне о тебе в прошедшем времени говорить: я любил тебя, Зиночка, и ты любила меня…

Да, я любил тебя и сейчас люблю — но всегда, и раньше и теперь, видел я то, что должно было положить конец любви нашей: разность нашу во всем, и в чувствах, и в желаниях, и во всем, что жизнь составляет. Мы оба и к правде и к свету стремимся, хорошие люди мы оба — но в иных условиях жизни родилась ты, иная среда воспитала тебя — и нет у нас ничего общего… (?) Я — плебей: весь многовековый вымученный опыт моих предков, рабов и холопей, передал мне одно лишь смиренье пред всем: пред жизнью, пред начальством во всех его видах, пред страстями…

Я смерти боюся, свободы не знаю, скованный вечно наследьем отцовским — холопскою кровью…

Я жил, прозябая… но ты мне явилась и новую жизнь мне открыла: жизнь мысли, жизнь чувства, жизнь жизни свободной… Меня подняла ты, и я, в благодарность, тебя ж разлюбил! Прости, моя радость, прости моя детка! — и вновь я тебя полюбил, да поздно схватился за разум, как видно. Ах, как тяжело мне сейчас! За что и зачем? Вот вечный вопрос, который судьбе предлагаю я, терзаюсь ли скукою жизни, иль *жизни* бесплодным желаньем. Вот счас: все тем же осталось: и комната та же, и та ж обстановка и так же сижу пред столом я, как прежде с тобою сидел, — а тебя уже нет, далеко ты… И может совсем уж забыла, что где-то, за тысячу верст от тебя есть Лина, который одну тебя любит, тобой лишь живет. Да, много есть в жизни и мерзости всякой и муки — но хуже разлуки с тем, кого любишь — нет ничего…

Тише: о жизни покончен вопрос — больше не нужно ни песен, ни слез!»[3]

Видишь, детка моя, ерунда-то какая писалась. И главное писалась вполне искренне и без всяких претензий. Ну да ну и ее к черту. Мне вот сейчас тебя просто до смерти хочется поцеловать, деточка моя, хорошая милая Зиночка — а вместо этого приходится ограничиваться одним: прощай! Поневоле рассердишься — и стихами запишешь! Зиночка, пиши мне поскорей. Чудачка ты этакая! Вспомнились мне твои слова из последнего письма: «скоро приеду в Орел и будем жить на одной квартире». Вашими бы устами, Зинаида Николаевна, да мед пить. Целую тебя. Скука ж какая, Господи…

К нам в 7-й класс поступил из елецкой гимназии Монастырев. Не тот ли?

---

[1] Первое письмо после отъезда Зинаиды в Петербург («30 сентября в 12 ч. ночи» — *Дн2*. Л. 27).

[2] Прозвище Николая Ильина, близкого друга Андреева (см. о нем.: *Дн1*. Л. 2, 8, 29 об., 93, 94). Прозвище, скорее всего, связано с тем, что Ильин, на год раньше за-

кончивший гимназию, вынужден был служить по военному ведомству в Курске, откуда периодически наведывался в Орел. Андреев называл его «воином поневоле» (*Дн1*. Л. 58 об.).

[3] Финальные строки стихотворения И.С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая…» (1860).

6

6 октября 1890. Орел

6 октября 90.

Странная вещь, Зиночка — твои письма. Ждешь-ждешь от тебя письма, получишь — и останешься в недоумении: что-то недоконченное, недосказанное, а чего ждал и что желал услышать от тебя — того нет. Вот, например, твое последнее письмо: половину занимает оборванный на средине рассказ о каких-то глупых маменьке и сыне, остальное — про Турчанинову и еще кого-то, а про тебя, про то, что ты чувствуешь и думаешь — нет ничего, или поток какой-нибудь слов, на основании которого нельзя составить ни малейшего представления о том, каково тебе *живется.* Объективность, бесспорно, хорошая и даже необходимая вещь в судебном протоколе, в письмах любящего человека совсем неуместна. Пиши мне, деточка моя хорошая, как можно больше про то, что ты чувствуешь, думаешь и делаешь и насколько можно меньше про то, что рассказывают тебе другие. Ведь теперь нам с тобой одни лишь письма остались, а что ж это выйдет, если ты в своих письмах будешь рассказывать про Ивана, а я про Петра. — Ты спрашиваешь, люблю ли я еще тебя? К сожалению, люблю, моя Зинурочка милая, и довольно основательно, надо признаться… Думая о твоем отъезде — когда ты была еще в Орле, — я составил целую программу «рациональной» и хорошей жизни. План этой жизни был очень прост: учиться, ходить на уроки — а по вечерам заниматься серьезным чтением. Но уехала ты — и все мои благие намерения прахом пошли: в гимназию-то и на уроки волей-неволей хожу, а что касается самой существенной части плана, т. е. дельного употребления вечера — не тут-то было: ни за уроки, ни за книгу взяться не могу; и весь вечер или мечусь взад и вперед по комнате, или лежу и размышляю о том, как скучно жить на свете. Твой отъезд произвел во мне страшную пустоту и умственную и душевную. Всю эту неделю я не живу, а прозябаю: ни мыслей в голове ни чувств; днем еще ничего: по привычке ходишь в гимназию, на уроке говоришь и думаешь, что там нужно — все это почти автоматически, ну а как придешь вечером домой, как встанет пред тобой картина всего вечера с его тоской и ничегонеделаньем — станет скверно; — сказал бы очень, но штука в том, что это очень

совсем теперь исчезло из моего жизненного обихода: бывает скучно, но не очень, бывает весело, но не очень, а все *так себе*. И вот самая интересная подробность в моем теперешнем настроении: все это проделываешь, т. е. ходишь на уроки, грустишь и проч., — как будто в ожидании *чего-то*, чего и сам, конечно, не знаешь… Состояние совершенно аналогичное с состоянием человека, когда ему нужно идти куда-нибудь на вечер, но он слишком рано собрался и вот теперь не знает, как убить эти остающиеся полчаса. Так и я убиваю свои вечера. А вот сейчас сижу и думаю: как раз неделю тому назад в это время я был с тобой: ты сидела и плакала, а я смотрел в твои милые глазки и говорил и думал: вот я сейчас в последний раз смотрю в них; скоро они будут далеко от меня и будут, глядишь, улыбаться кому-нибудь… И было тогда тяжело и гадко. И несмотря на это, душу бы свою бессмертную отдал я дияволу за то, чтобы теперешнее свое мирное и беспечальное житие заменить тогдашним, гадким и тяжелым. Передо мной лежит твоя карточка; посмотри и ты на мою, но только на последнюю, где я мрачен и зол — ибо таков я теперь. Ну да довольно об этом, *боюсь тебе надоесть*. Зинурочка моя дорогая, как мне хочется целовать, целовать тебя!

Да вот еще какая вещь: я вознамерился пресечь себе все пути к измене, буде меня к ней потянет, и с этою целью пустил в ход самое радикальное средство, бывшее у меня в руках: совершенно остригся и обрился. Ну и действительно: получилось такое безобразие, какого я и сам не ожидал. Мама, так та чуть не плачет, на меня глядя, а Андрюшка[1] совсем не узнает. В гимназии еще не видали; я и показываться боюсь; засмеют, подлецы…

Неужели ты, Зинурочка, не получила моего письма? Впрочем, убыток небольшой; одно там и есть существенное: мой визит к доктору Голостепову. Предписал он мне многое, и почти все невозможное, как я теперь убедился. Если не получила письма, напишу об этом поподробнее. Хотел было я завтра идти в концерт на Славянского, его капеллу послушать[2] — да концерт отменили и мне, чтобы не быть завтра вечер дома, придется идти в театр на галерку. А дома оставаться никак невозможно — тоска. Жду от тебя письма и целую тебя много-премного. Прощай, моя радость! —

Твой Л. Андреев.

От матери поклон.

---

[1] Младший брат Андреева.

[2] Дмитрий Александрович Агренев-Славянский (1834–1908) — российский певец и хоровой дирижер, собиратель народных песен. В 1868 г. основал смешанный хор «Славянская капелла».

7

12–13 октября 1890. Орел

12 октября.
Пятница.

Ну, Зинурочка — так много хочется сказать, что и не знаешь, с чего начать. Не думай, чтобы события какие-нибудь интересные были: все по-старому — но в этом-то и вся закорючка. По-старому хожу я в гимназию, где учу всякую ерунду до затемнения рассудка; по-старому хожу на уроки, где меня очень часто доводят до слез (факт!) и до грудной боли, от которой я в три погибели корчусь — все по-старому; одно, пожалуй, новенькое прибавилось — скука по вечерам, заменившая собою то, чем красива была моя жизнь, что скрашивало и заставляло забывать об этой каторжной, воловьей работе, положитель<но?> давящей, давящей меня. Эта работа, не прекращающаяся ни на день, не находящая ни малейшего отзвука себе ни в голове ни в сердце — поглощает всего меня. Она убивает во мне и мысль и чувство, доводя иногда до такого состояния, что положительно чувствуешь себя на границе сумасшествия… Долго было бы — да и не к чему: все равно дела этим не поправишь, рассказывать все то, что приводит меня к этому; одно лишь скажу: проклятие бедности и Тому, кто все таким создал!

А по вечерам, по вечерам… Лучше уж и не говорить, деточка моя… Поговорю лучше о чем-нибудь веселеньком. Помнишь ты, Зиночка, какой я был последние дни перед твоим отъездом? Ты даже говорила, что я не люблю тебя. Расскажу, так и быть, всю эту трагикомическую историю, тем паче, что все это, с тогдашним моим отчаянием включительно, имеет интерес, так сказать, исторический для нас — не больше. Видишь: таким страшным я был от массы мыслей, которые все можно выразить одним грибоедовским стихом:

Ах, если любит кто кого,
Зачем ума искать и ехать так далеко?[1]

Даже весело становится при воспоминании о том, как восхитительно глуп был я тогда! Вот теперь, когда свежим воздухом чуточку поразогнал весь угар, я отлично вижу всю эту глупость, а ведь тогда серьезно, честью заверяю, вполне серьезно думал я о том, что если бы ты любила меня, то должна была бы на один год отложить свое исканье лучшей жизни и остаться со мной, чтобы поддержать меня в неравной борьбе с жизнью и за жизнь, борьбе, в которой я сверну

себе шею… Теперь, конечно, я этого не думаю и верю, что ты меня любишь, а тогда, ей-богу, не верил, т. е. собственно думал, что ты меня меньше Питера любишь. Знаешь, милая моя Зиночка, как странно я люблю теперь тебя: как свою мечту или как воспоминание, так же, как люблю я, например, ну хоть своего отца. Так же и грустно и жалко становится, когда нечаянно вспомнишь или напомнит что-нибудь о тебе и с таким же чувством думаешь: «вот тут она сидела когда-то…». Как бы я желал, Зинурочка, перенестись сейчас к тебе, сесть с тобой и целовать тебя, целовать твои лапки, глазки твои милые — чувствовать твою близость и забыть, забыть про все!..

Избаловала ты меня, Зиночка: я теперь жить не могу без любви и такая у меня минутами жажда этой любви является, что даже страшно становится за себя: и как это я жизнь с этой жаждой проживу, ведь того и гляди скрутят и поведут бычка на веревочке — под венец — что значит конец всякой любви. А мне хочется постоянно любить (Замечаешь, Зиночка, я двух слов связать не могу; это от уроков, после которых я ни читать, ни говорить, ни писать не в состоянии. Я боюсь, что ты даже не поймешь меня). А у тебя, деточка моя, жажды этой нет? Петербург, впрочем, не такая безводная Сахара (в этом отношении), как Орел, который ты вполне справедливо ругаешь.

А мысль все возвращается к своему, что ни пишу и ни говорю. Тяжело, Зиночка, быть бедным, ой как тяжело. Все тебе господа — и всем ты раб. Какой-нибудь Иван Иваныч может исковеркать всю жизнь, поставив четверку поведения. Или, например, получу я на экзамене двойку по математике — и вся моя жизнь прахом пошла. А если и кончу? Что за жизнь впереди? В каком-нибудь провинциальном городишке покорять сперва на правах жениха сердца глупейших барышень, связаться, наконец, законным браком и, наплодив ребятишек, умереть, не испытав ничего, ничего хорошего, такого хорошего, чтобы всего тебя захватило.

Чем, например, отличается жизнь твоего отца от этой? А ведь он умный человек. Нет, не хочу я такой жизни. Хочу и любить и страдать и радоваться *вовсю*, а не принимать всего этого чайными ложками. Ведь жизнь одна и коротка она, эта жизнь. А тут, когда есть еще в груди чувство, когда все так манит, чарует тебя, когда хочется всего себя отдать чему-нибудь великому, хорошему, хочется забыться в гармонии чувства и мысли… да что тут! и пошлость, и мрак и работа, все притупляющая… А ведь ничего не может быть глупее, как *жаждая* жизни, лишить себя ей…

13 октября.

Сегодня суббота. Только что вернулся с уроков, мамы нет дома, где-то в гостях, детишки легли спать и я один, как есть. Ни читать, ни писать (я с неделю, должно быть, не раскрывал дневника) не могу. Тоска, тоска и тоска. А тут еще проклятая луна настроила черт знает как, просто не знаешь, что с собой делать. И впереди целый вечер. Да, сегодня суббота и, кроме того, — 13-е. Сегодня 14 месяцев нашей связи. И с тех пор ни одно 13-е не проходило так скверно, как сегодня. Бывало и горько и радостно — а сейчас пустота вокруг, пустота в самом тебе. И главное идет все недурно: исправился, хотя и с трудом, по истории, по остальным тоже гладко — лучше бы горе какое-нибудь. Тишина; одни часы. И ведь живешь одной надеждой на университет. А там что? То же хожденье по урокам, та же лямка, те же рассуждения о жизни взамен самой жизни… А хорошие минуты? Да и у каторжника бывают они, эти хорошие минуты, когда он, ложась спать, расправляет разбитые непосильной работой члены. Ну да к черту все это: «Полно, брат-молодец, ты ведь не девица: пей, пей, тоска пройдет!»[2]. Прощай, Зиночка. Целую тебя. Я тебя еще люблю. Пиши, деточка моя родная, почаще и побольше. Отвечу я тебе не раньше, чем получу ответ на *это* письмо, а то мы совсем запутались. Дорогая ты моя Зиночка, ты ведь любишь меня? Да? И я тебя также люблю.

Твой Линочка.

Целую, целую тебя.

---

[1] Реплика Софьи из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824; д. 1, явл. 5).

[2] Слова из популярной студенческой песни «Не осенний мелкий дождичек», основанной на одноименном стихотворении А.А. Дельвига (1829), в процессе фольклорного бытовании, однако, существенно переделанном. Музыка М.И. Глинки.

8

16–17 октября 1890. Орел

Твое письмо с извещение о перемене квартиры я получил в понедельник, а накануне я послал тебе письмо по старому адресу. Если ты, Зиночка, не взяла его еще, то возьми — хотя в нем очень мало или даже совсем ничего нет хорошего.

Я очень рад за тебя, Зиночка, что ты уже почти акклиматизировалась в Петербурге, и что вопрос о том, что тебе делать с собою, почти решен. Ты спрашиваешь моего совета о поступлении на курсы бухгалтерии и прочем — я, Зиночка, очень некомпетентен во всем этом и совет хоть того же Хлобощина[1], хорошо знакомого со всеми заведениями Петербурга, окажется гораздо пригоднее и полезнее.

Ведь притом же я совсем не знаю твоих ресурсов к жизни — а ста рублей, которые ты захватила, хватит тебе ненадолго. Да вообще и вся твоя жизнь в Петербурге представляется мне смутною и непонятною, потому что такие краткие характеристики, как: «пью, ем и сплю» так же хорошо могут охарактеризовать и орловскую жизнь и всяческую, как и петербургскую, а перемена квартиры, при незнакомстве с причинами, вызвавшими ее, только усугубляет мое недоумение. Ты, должно быть, до отъезда еще говорила что-нибудь обо всем этом, но все сказанное на этот счет тобою, вероятно, затерялось в тогдашнем хаосе мыслей и чувствований, обуревавших меня, так что я сейчас ничего не помню. Притом, каюсь, относясь тогда с предвзятою мыслью к твоему отъезду, я не хотел и слушать даже, что ты будешь делать в Петербурге.

Ну, Зинурочка, а в моей жизни ничего нового не прибавилось и не убавилось — с внешней стороны, впрочем, ибо извнутри — весьма многое поубавилось… Днем хожу в гимназию и на уроки, по вечерам — читаю французские романчики и рисую сального содержания картинки (по заказу отчасти Стаценко[2], а отчасти — по собственной склонности). В этом заключается моя жизнь умственная, что же касается физической — то дело швах, но не так, как прежде: натура берет свое, несмотря на все мои, по этой части, безобразия. Жизнь психическая, находящаяся в столь велией зависимости от физич<еской>, тоже, кажется, начинает приходить в норму… Здесь прямой переход к тебе. Острая тоска и абсолютная пустота во всем, явившиеся после твоего отъезда и продолжавшиеся первые три, четыре дня, сменились, — по вечным и непреложным законам природы — более спокойным чувством печали — «по утраченном идеале», как говорит директор — а эта печаль, в свою очередь, по тем же законам перешла в неприятное чувство утраты, когда вспомнишь о тебе. Переход этот продолжается обыкновенно несколько дольше — но у меня к законам природы присоединились еще известные обстоятельства (легкомыслие, например) и условия жизни, отнимающие возможность всякого вообще чувства. Да и где тут на самом деле чувствовать, когда с утра и до ночи на ногах и когда твоя голова в совокупности с языком всецело поглощены заботами об уроках своих и чужих! Временами, впрочем, является сознание того, что я теперь такое и *где ты*, и тогда чувствую себя очень несчастным и чуть не плачу и ненавижу тебя, и кляну все на свете. Очень тяжелые и гадкие минуты… Ты уж, конечно, заключила — и по обыкновению преждевременно, что я уже не люблю тебя; нет, я тебя люблю и очень — только вот эта тысяча верст… Доказа-

тельством этому, если хочешь, может служить мысль о полнейшей невозможности разрыва между нами. Лежал я вчера и фантазировал на тему «Зиночка», и представилась мне в будущем возможность такого случая: присылаешь ты мне письмо с кратким заявлением о том, что ты полюбила кого-нибудь и что между нами теперь все кончено — и при этом просьба возвратить тебе твои письма взамен моих, карточку и проч. И как представилось мне при этом, что ты теперь (т. е. тогда) совсем чужая, что уже не буду я тебе рассказывать про свои горести и свои мимолетные измены, что уж другой и целует и ласкает тебя, что у другого лежишь ты на плече и что между нами нет ничего-ничего общего: ты своей, а я своей дорогой — прямо как будто что-то в сердце кольнуло и… Эх, да и не может этого быть, Зиночка моя милая, и никогда я не поверю тому, чтобы мы стали с тобою чужими… Ведь я и изменяю тебе с мыслью о тебе, о том, что когда-нибудь все это расскажу своей Зиночке и пожурит она меня и будем мы с ней опять и милыми и дорогими друг другу… Боюсь, Зинурочка, что не поймешь ты меня, не поймешь того, что я чувствовал и чувствую, что такими же равнодушными глазами пробежишь ты все, сейчас написанное, как и книгу какую-нибудь постороннюю! Я люблю тебя — и в этом все горе мое!

17 октября.

Ну прощай, родная моя Зиночка, желаю тебе всего хорошего. Пиши мне, детка, поскорей. Отвечу я тебе тогда, когда получу ответ на это письмо. Целую тебя.

Твой Л. Андреев.

---

[1] Студент из петербургского окружения Сибилевой и ее подруг. Ср. запись в дневнике Андреева от 17 апреля 1892 г.: «Я, обозленный отчасти сообщением, отчасти тем, что меня ставят на одну доску с таким ослом, как Хлобощин, начал говорить то, чего не следовало» [6, с. 268].

[2] Семья Стаценко — знакомые, а одно время — и жильцы в доме Андреевых.

9

24 октября 1890. Орел

24 октября.

Ждал я, ждал от тебя, Зиночка, ответа на свое последнее письмо и вижу, что и не дождусь, если сам не напишу еще раз. Хочу опять поговорить о твоих письмах. Не помню, где-то, чуть ли не в Евангелии, читал я про голодного, которому люди вместо хлеба дают камень. И для меня, голодного и нищего духом, твои письма являются тем же камнем и как камень ложатся на душу. Не знаю, может я и ошибаюсь — но как будто мы на разных языках говорим и друг дру-

га не понимаем — до такой степени далеки и чужды выходим мы по письмам. А вместе с тем посмотри, что говорит о письмах Мопассан («Наше сердце»[1]): «Человек лучше всего познается по письмам. Речь ослепляет и вводит в заблуждение потому, что слушатель видит, как она сходит с уст, а уста эти нравятся и глаза подкупают. Тогда как черненькие буквы на белой бумаге раскрывают душу без всяких прикрас» и т. д.

Живу я, Зинурочка, так же, по-старому. Изредка пускаюсь в свет: был, уже очень давно, в театре, был на концерте Славянского, где видел всех твоих. С Варварой беседовал в концерте, а дорогой домой — с Натальей, которая рассказывала мне про свое новое увлечение (какой-то реалист). Был два раза у Пановых[2]; намереваюсь как-нибудь пробраться к Строеву и в маскарад. Всю эту неделю очень много рисую — и довольно удачно. Сначала рисовал разные сальности, но потом наскучило и вчера я нарисовал твой портрет, немного идеализированный. Как говорят все видевшие его, похож очень. Послал бы его тебе — да никак нельзя: мелки обязательно сотрутся, как его ни увертывай. Впрочем, на Рождество приедешь — увидишь. Вообще, с внешней стороны жизнь идет гладко. Недавно, например, вызвал меня вторично директор, чего я совсем не ожидал и потому урок знал плохо. Но мне удалось подчитать и директор поставил мне «5» и при этом произнес целую хвалебную речь, в которой превознес мой ум и способность мыслить и рассуждать. Потом по математике — написал в классе объяснение к задаче, очень плоховато, как мне казалось — и вдруг совсем неожиданно «четыре». По физике у меня стояло «четыре». — Вараскевич[3] сверх ожидания выпер меня — а я урок ни зуб толкнуть, — и я опять получил «четыре». Везет страшно и по латыни. У меня теперь, когда я отвечаю, вдохновение какое-то является и дар слова при этом соответствующий.

30 октября.
Вторник.

Прости, Зинурочка, что так долго не отвечал: совершенно не было времени; и вот теперь первые свободные минуты посвящаю на то, чтобы докончить письмо к тебе. Сама представь, какое стечение обстоятельств: прихожу в субботу из гимназии — и разом три письма получаю: от тебя, Сухорукова и Ильина. Узнаю при этом от братишки, что приехал и сам Ильин, действительно, как оказалось потом, удравший без отпуску на два дня в Орел.

Вечером этого дня, т. е. субботы, мы были с ним у Пановых (была там и Наталья), а оттуда он отправился ко мне ночевать и пробыл до половины следующего дня, т. е. воскресенья. Вечером же мы вместе

с ним отправились к Димитриевым[4], а потом к нему и, наконец, после чрезвычайно обильных возлияний — на вокзал. Кроме меня других провожатых не было. Да вот о Димитриевых: замечательно хорошее впечатление произвели они на меня, и я очень рад, что буду теперь, по всем вероятиям, посещать их. Самое главное то, что нет ничего похожего на дом Сибилевых, нет той убийственной атмосферы принужденности и всего прочего, что так скверно действовало на меня, привыкшего бывать только там, где мне рады. А у Димитриевых — простота и полнейшая непринужденность: чувствуешь, что и тебе рады, — и сам радуешься. Я уверен, Зинурочка, что все написанное ты поймешь так, как понимать нужно, а не выведешь из того, что я ругаю твой дом, что я и тебя не люблю.

Ну, а вчера мать была именинница, так что пришлось весь вечер просидеть с Стаценками. К тому же теперь я два раза в неделю возвращаюсь с уроков в 11 часов, так что времени решительно нет. А тут еще к четвергу сочинение писать нужно. Беда, да и только. Получил четвертные отметки: Закон, русский, физика и *поведение* — 4, остальные «тройки».

Ты, Зиночка, говоришь, что скоро мы с тобой будем жить в Петербурге. Едва ли, голубчик: ненавижу я твой Петербург страшно, и все симпатии мои на стороне Москвы, гостеприимной и радушной, Москвы, где все товарищи мои бывшие, где и побунтовать можно, и попить и погулять, где Михаил Иванович похорошевший и Ткачевский-пьяница, т. е. добрый человек… И начальства в Москве меньше и не такое начальство, как в Питере, где студентов начеку держат. Вижу, Зинурочка, что ты как следует за дело взялась. Помогай тебе бог, голубушка.

А я, деточка, опять начинаю в гартмановщину и шопенгауэровщину погружаться, хотя никого из сих славных философов и не читаю — так чтой-то от плохой жизни пессимизм обуревать начинает. И взгляд по временам безотрадный является, и на любовь, как прежде бывало, как на инстинкт и иллюзию смотреть начинаю — и более, чем когда-нибудь, мыслю об условности нашей нравственности и глупости и несуразности принципа: люби ближнего, как самого себя. Война всех против всех! — вот соль жизни, квинтэссенция соломоновской мудрости! К черту разум, к черту развитие с его дурацкими требованиями и претензиями. Будь животным, как и должно, ешь, пей, люби и веселись, пользуйся минутой и забывай о завтрашнем дне — вот философский камень, который я так глупо искал в книгах. И плюй на все! Прости, деточка, за сию ерунду, но она, ей-богу, сейчас занимает меня.

Твой портрет, Зиночка, оказался вовсе не так похож, как сначала казалось. Может, еще раз рисовать буду. Я тебя, Зиночка, люблю, и ты напрасно думаешь, что я изменил тебе: я тебе пишу одну лишь правду — честное слово! Не сердись на долгое молчание.

Твой Л. Андреев.

Как изменю — сейчас же напишу.

Зиночка, что я говорю о твоих письмах — ерунда: твое послед<нее> письмо очень хорошее.

---

[1] Роман Ги де Мопассана (1890).

[2] Пановы Николай Дмитриевич и Софья Дмитриевна — родственники Андреева. В 1895–1897 гг. Андреевым — студентом Московского университета — адресовано им 14 писем, все шутливого содержания (хранятся: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 44; из них 12 опубл.: [12, с. 94– 96, 99–102, 105–106, 109–111, 113–137, 141–143]).

[3] Лаврентий Павлович Вараскевич, учитель математики, физики и космографии Орловской мужской гимназии; см.: [1, с. 30].

[4] Дмитриевы — семейство орловского купца Николая Михайловича: жена Елена Викторовна, сын Сергей, дочери Любовь и Надежда. Настороженное отношение к нему со стороны Зинаиды Сибилевой было связано, видимо, с тем, что одно время Андреев пытался ухаживать за Любовью Николаевной (см.: п. 13). В конце концов отношения переросли в дружеские, Любочка помогала Андрееву материально в период острой нужды в Петербурге (подробно см.: [5]).

10

8 ноября 1890. Орел

8 ноября.

Согласно твоему желанию, буду говорить ничего не скрывая, даже мыслей, надеясь этим заслужить твое прощение. Да, Зинурочка, я очень виноват, запоздав отсылкой своего письма, но все-таки не так уж, как ты думаешь. Я запечатал его и положил на время в ящик, а потом мне почему-то вообразилось, что я уже послал его; и только через несколько дней, полезши в ящик и увидя там письмо, я схватился и послал его взаправду. При этом я ругал себя так, как, наверное, и ты не ругала. И в этом одном я прошу у тебя прощения, что же касается остального, то — поговорим…

1). О твоих письмах. Я их называю камнем для себя потому, что в них видно полное непонимание того, что такое «я», и что теперь волнует и терзает меня. Прочти все мои письма, вспомни все, что говорил я тебе пред твоим отъездом, вспомни всю историю наших отношений — и ты тогда поймешь и меня, и чего я жду от твоих писем. Я человек слабохарактерный, человек минуты. В этих свойствах заключается ключ ко всему, так возмущающему тебя. Для <меня> существует лишь одно настоящее, а ведь ты знаешь, каково это настоящее с самого твоего отъезда. Ты вон пишешь, что неприятно

в Петербурге то, что постоянно натыкаешься на картины борьбы за существование, борьбы за хлеб. Да, ты только натыкаешься, ты только, как в картинной галерее, видишь эти картины — и это тебе неприятно — а каково же должно быть мне, настолько же избалованному и изнеженному, насколько не привык я к труду и бедности, торчать в самом центре такой картинки, работать не разгибая шеи[1] и все-таки видеть, что нужда растет и растет? Меня тянет к роскоши, к обществу, к жизни привольной, широкой — а вместо того… Нечего удивляться и негодовать поэтому, если я топлю горе в водке и шаг за шагом, заведомо для себя, разрушаю свое здоровье и силы и все; нечего удивляться, что я ищу хоть где-нибудь уголка, где мог бы хоть на единую минуту отделаться от своих проклятых мыслей. Ты скажешь: «А будущее, а я?» Эх, Зиночка, подумай — и увидишь ты, что в будущем ждет меня такая же лямка, такая же каторжная работа, каторжная — ибо нет в ней иной цели, иного смысла, как набить брюхо себе и братишкам. А что касается тебя — так ведь, Зиночка, ты для меня приняла теперь форму *идеи*, неосязаемой и реальности не имеющей, а я ведь не из таких людей, которые умирают за идею. Мне нужно человека, нужно чувствовать его возле себя, забыть на груди у него всю муку, все горе — и даже поплакать: настолько я тряпка, — а мне вместо этого говорят: потерпи, деточка, и если будешь умницей, так приеду на Рождество и поцелую тебя, а потом, когда я через две недели уеду, ты… опять потерпи. Да, идея ты, Зиночка, идея — и больше ничего! А можно любить идею — и иметь любовницу. (У меня, впрочем, ее пока еще нет и ты ошибаешься, говоря, что я изменил тебе). И только поэтому пишу я тебе откровенно и напишу, когда изменю тебе. Ты говоришь, что я унизил тебя и себя Дмитриевыми. Это несправедливо, во-первых, по отношению к Дмитр<иевым>, которых ты не знаешь, и потом — по отношению ко мне, которого ты тоже не знаешь. Дмитриевы очень хорошие люди, а я — я ищу уголка и женской любви (но не любовных писем). Да, вот еще что, дорогая моя Зинурочка, по-разному смотрим мы на любовь: ты думаешь так, что если любить, так нужно забыть все остальное и жить одним только любимым человеком (на практике-то, впрочем, вышло иное: ты уехала в Петербург, хотя я предупредил тебя о том, что выйдет из этого), а я кроме тебя люблю и других, и общество и разные такие удовольствия — дело только в том, что тебя я люблю больше. Но если ты потребуешь, чтобы я любил *одну* тебя — я пасую.

Теперь приведу твои «возражения». 1). «Ты можешь переделать себя и не быть такой дрянной тряпкой». Не хочу, да и цели

не вижу; только даром намучаю себя. Впрочем, и невозможно это. 2). «Учиться, развиваться et cet.». Наплевать мне на развитие, кроме горя ничего не давшего мне; да потом и не развития хочу я, а жизни, любви… — Ты пишешь, что тебе *ничего* не остается теперь, как «самой пуститься в свет». Имеешь полное и неотъемлемое право. Я с своей стороны ничего не имею против, если ты рассчитываешь найти удовольствие. И можешь быть спокойна, что никогда и ни с кем ты *меня* не *унизишь*.

Воскресенье я провел так: утром рисовал, вечером отправился к Пановым. Н.Д. дома не было и мне пришлось быть с одними Соней и Зоей. Ушел домой в 10 часов. Не изменял тебе ни словом, ни делом, ни помышлением. У Дмитриевых еще не был, пойду в воскресенье.

Я тебя, Зинурочка, люблю и мне неприятно, что ты говоришь о каком-то оскорблении. Я не хочу тебя оскорблять, не хочу, мне тебя жаль, я тебя люблю — но мне и себя жаль и себя я, хоть глупо, но люблю.

[1] Семья Андреевых жила в относительном достатке, пока был жив ее глава, Николай Иванович. После его внезапной смерти в мае 1889 г. все заботы по содержанию семейства легли на плечи Леонида — старшего из шести братьев и сестер. Зарабатывал он уроками и рисованием (портретов по фотографии и т. п.). Семья также сдавала в аренду часть дома, закладывала вещи.

11

12 ноября 1890. Орел

12 ноября.

Положительно недоумеваю, куда адресовать тебе письмо. Напишу оба адреса. Ты, Зинурочка, не сердись, что я так нескоро отвечаю. Я пишу, когда мне хочется, а если принудить себя писать, то выйдет письмо очень злое и скверное, а я таких тебе, Зинурочка, посылать не хочу: ты и так на меня сердита. А ведь если подумать, так и сердиться-то ведь не за что. Вина моя в том, что я хожу к Пановым, Пацковским[1], Дмитриевым и т. д. — так ведь, Зиночка, не с тоски же мне умирать, сидя одному и не имея человека, с которым мог бы хоть словом перекинуться. Что я буду целовать других — так, Зинурочка, в этом ничего серьезного нет, так как люблю-то я все-таки тебя, а не кого-нибудь. И странно выходит, деточка моя, то, что ты после 15 месяцев таких близких отношений все еще не знаешь и не понимаешь меня, не понимаешь того, что я буду изменять тебе, буду целовать других и т. д., а любить только тебя и что всегда в конце концов я вернусь к тебе. Я знаю, что в этом ничего хорошего нету: я говорю только то, что есть. Я знаю, как ты посмотришь и что

скажешь на это… И знаю я, что твои взгляды гораздо и *честней* и выше — только они мне не по плечу, деточка. А подниматься до них, вообще коверкать свою натуру — хотя, пожалуй, и возможно — но бесцельно. Я хочу любить много — а ведь в этом случае мне всю любовь придется отдать одной — и выйдет мало и будет излишек. А ведь не в гроб же мне нести этот излишек с собой! Единственно хорошая вещь в свете — это любовь, и культу этой любви хочу я — по крайней мере теперь, — посвятить свою жизнь. Я хочу любить, хочу страдать и радоваться, жить хочу, а вместо того в данное время жизнь моя проходит в отправлении самых элементарных функций, вроде того, как бы попить, поесть, да спать завалиться. Умственный труд — вещь, конечно, хорошая — но дело опять-таки в том, что мне жить хочется, а не толковать о жизни, не мудрить над ней. Достаточно натолковался! И теперь еще является изредка отражение этих мудрствований в виде нелепых мыслей о самоубийстве.

Да, деточка моя, я тебя люблю, и очень. Жалею очень часто, что нет тебя со мной, жалею и тебя, бедную Зиночку, которой я доставляю одни неприятности за всю ее любовь и за все, что она для меня сделала (и что она кратко называет «скомпрометирована»). Очень рад был бы, если бы ты нашла людей, в обществе которых могла бы не скучать и потому жалею также о глупости Хлобощина и болезни Попова, хотя его к разряду интересных отнести нельзя. А то такая вещь глупая выходит: скучно мне, вспомню, что и тебе скучно — и станет вдвое скучнее. Весело мне, вспомню, что тебе скучно — и совестно веселиться становится. Очень глупо!

В субботу был у Пацковских — и чуть не плакал от злости, глядя на эту глупенькую Лелечку[2] и Коропета. Загубит он ее, дурак. И мать-то хороша — девчонке пятнадцать лет всего, а ей черт знает что позволяется. А Коропет этот глуп до безобразия: я целых три часа острил над ним, говорил такие вещи, за которые побить мало, а он, дурак, первый же смеется над собой и ничего не понимает! Вчера опять унизил себя — был у Дмитр<иевых>; впечатление такое же хорошее. Должно быть, скоро и к Архангельск<им> пойду, мне начинает нравиться эта смена лиц; и притом интересно иногда посмотреть на истинных человеков со всеми их животными атрибутами. Прощай. Целую тебя и еще раз говорю: люблю тебя.

Твой навсегда Л. Андреев.

(Последнее, впрочем, от тебя зависит).

---

[1] Родственники Андреевых, Николай Николаевич Пацковский — родной дядя Леонида Андреева со стороны матери.

[2] Возможно, Елена Николаевна Пацковская, двоюродная сестра Андреева.

12

19 ноября 1890. Орел

19 ноября.

Вот уж который день я напрасно жду от тебя письма, Зиночка… Объясняю я твое молчание трояко: или ты больна, Зинурочка, — и тогда прости меня, беспутного, что я так долго не пишу тебе; или же тебя рассердило мое последнее письмо, или же, наконец, ты совсем не получила этого письма (от 12 ноября), хотя я, не зная наверное, где ты живешь теперь, надписал оба адреса. В последнем случае ты до известной степени права, что же касается второго — то поговорим…

Сознаюсь, Зинурочка моя дорогая, что в письме этом я говорю иногда очень резко, и притом, как кажется на первый взгляд, очень оскорбительные и скверные вещи. Но ведь, голубочка моя, нельзя ставить этого в вину мне, так как я, только исполняя твое желание, пишу так откровенно и бесцеремонно. Я мог бы и обходить молчанием все, что я делаю и мыслю дурного — но что же бы тогда было? И как бы приятно было мне писать, а тебе читать такие заведомо фальшивые и притворные, гадко слащавые сочинения? Теперь же, Зинурочка, я пишу тебе, как вполне своему, близкому, родному человеку, который посердится на тебя, поругает и все ж таки останется тем же родным и милым человеком и не отринет тебя. Я знаю, деточка моя, что тебе, — как бы то ни было — страшно неприятно знать про меня, что я пью, что я ухаживаю, что я, наконец, со всякой сволочью изменяю тебе, моей милой, хорошей Зиночке, — но ведь, Зиночка, хуже было бы, если б я не пил и не ухаживал. И в водке и в любви я ищу лишь одного — забвения; я хочу забыть это «что-то», которое неуклонно ведет меня к могиле, которое не дает мне жить разумно и счастливо, как живут другие. Ведь, Зиночка, я несчастлив, страшно несчастлив; и в минуты успеха и кажущегося счастья, копошится внутри меня какая-то гадость и твердит мне, что — и сам не разберу я, но только такое ужасное и скверное, что и жизнь не мила становится и думаешь только о том, как бы отделаться от нее… Не думай, родная моя, что это одни фразы: ох, не к добру приведут эти «фразы» меня! И в твоей, Зинурочка, любви искал я забвения, и часто находил его и был счастлив, так счастлив, как никогда уж не буду. А теперь я люблю тебя и думаю о тебе так часто и много, что даже мешаю себе в деле забвения. Я знаю, что не имею права требовать от тебя любви, раз я такой подлец, но ведь не за добродетели любишь же ты (любила?) меня, а любишь просто потому — что любишь, так же, как и я тебя. А если нет — то рекомендую тебе добродетельного М.И.,

постоянного И.И. Панова и тупоголового Хлобощина, который будет носить поноски и с чувством лизать твою подошву, под которой будет находиться. А впрочем — дело твое: люби, кого хочешь и как хочешь — только пиши, чтобы знать мне, кем считать мне тебя и не находиться в этой гадкой неизвестности.

Вчера, только что я ушел с Архангельск<им> из дому к Дмитриевым, приходили ко мне В<арвара> и Наталья. Когда мне сегодня сказали об этом, я даже не поверил. Что это значит? Твоего здесь ничего нет? Я страшно ругал себя, что ушел из дому; их посещение доставило бы мне столько удовольствия… Жаль только, что немного поздно догадались они посетить меня. Все тревожит меня мысль о том, что ты больна. Пиши, Зинурочка моя, дорогая моя, ругайся, брани меня на чем свет стоит, но только пиши, иначе я подумаю, что в свете, в который ты намеревалась пуститься, ты уже нашла *суррогат* меня. И будь, главное, уверена, что я люблю, люблю тебя, моя хорошая Зиночка…

Твой Л. Андреев.

13

4 декабря 1890. Орел

4 декабря 90.

Прости за промедление — причины уважительные: на той неделе было чрезвычайно много дела, а с воскресенья я заболел очень сильно, так что не хожу даже на уроки. Вчера так болела голова, что я думал, не воспаление ли мозга у меня — что легко могло быть. А тут еще зубы. Поехал вечером к Валленштейну — рубль-то В. взял, а зуб дергать не стал, говорит, днем нужно. И сейчас нездоровится очень сильно.

Что мне сказать на твое письмо? Я, по крайней мере, из неоднократного чтения его вынес одно: что ты любишь меня вовсе не так сильно, как это тебе кажется и что, например, самолюбие твое, из-за которого ты не отвечаешь мне, чего доброго будет посильнее этой любви. Убедился я окончательно также в том, что ты совсем не понимаешь меня, как и я тебя. Совсем различно смотрим мы на жизнь и, что самое главное, на любовь. Ты видишь в ней что-то такое великое даже, что, во всяком случае, связывает на всю жизнь, а я смотрю на нее, как смотрю на все — на лишнее удовольствие жизни и жертвовать для нее ничем не стану. Не стану я для любви менять себя, не стану делать и того, что мне неприятно. Хочешь любить — люби меня таким, каков я на самом деле, не хочешь — можешь любить краснеющего реалиста или симпатизирующего сту-

дента, который, глядишь, окажется не такими эгоистом и подлецом. Я и сам не требую жертв: захотела ты поехать в Петербург и поехала, и я не стал удерживать тебя и просить подождать того времени, когда мы можем поехать вместе. Вместе с тем я предупреждал тебя, что твой отъезд — конец нашей любви и что я не стану жить тем, что находится за тысячу верст от меня и что я могу видеть два раза в год. Я хочу жить каждую минуту, а не два дня в год. И не из тех я честных и великих людей, которые переносят зло в надежде получить когда-нибудь за это удовольствие. Ты говоришь, что мое письмо дает тебе возможность определить наши отношения. Я сам желаю того же — и вот тебе данные для этой цели.

Ты просишь меня не унижать себя и не ходить к Дмит<риевым>. К величайшему своему сожалению, я не могу исполнить этой просьбы и буду ходить к ним — и теперь и на Рождество. Между прочим — я хочу просить тебя не делать моих писем общим достоянием и не говорить, кому не следует, будто я увлекаюсь Любовью Николаевной. Ведь я пишу тебе одной, Зиночка, а никак не всем. Относительно ученья и водки — определенного ничего сказать не могу. По всем вероятиям, не буду учиться, но буду пить. Обещанное же тебе — не возобновлять старого с Нат<альей>, я исполняю, хотя *мог бы* и не исполнить.

Когда я ставлю тебя, занимающуюся делом, живущую так, как жить надлежит, и себя, со всем моим пьянством и прочим — мне хочется еще больше пить и делать то, что навсегда бы разлучило нас. Прости, Зиночка, что мало пишу: нездоровится очень. На днях еще напишу. Главное, прошу тебя отвечать; молчание буду считать за casus belli, т. е. за прекращение наших отношений. Напиши, приедешь ли на Рождество. Я сознаюсь, что это письмо подло с начала до конца, но лучше, если ты не будешь обманываться на мой счет. Желаю тебе всего хорошего.

Твой Л. Андреев.

Мать кланяется тебе.

14

12 декабря 1890. Орел

12 декабря 1890 г.

Зиночка, — ты знаешь, какой я слабохарактерный и нерешительный человек, и вместе с тем взваливаешь на одного меня всю тяжесть решения вопроса: оставаться ли нам друг для друга тем же, чем мы были раньше, или же стать навсегда чужими людьми, потому что ведь если ты не приедешь в Орел, это будет значить, что

между нами все кончено. Я не в состоянии решить этого вопроса уже по одному тому, что люблю тебя, одну только тебя: всегда, прежде, теперь и после. Это правда. Сильнее того, чем я любил тебя, я никого и никогда любить не буду и помимо той любви, которую я отдал тебе, — другой у меня нет и не будет. Все мои увлечения и измены, бывшие и будущие, уживаются во мне с любовью к тебе и свидетельствуют не о том, что я не люблю тебя, но что я дрянь человек. Ты сама должна знать это. Ты знаешь, что меня клонит туда, куда подует ветер, и что этот ветер единственный закон и оправдание моих поступков. Нынче я оптимист, завтра пессимист, а потом еще что-нибудь такое — и все это не потому, чтобы взаправду видел скорби бытия, а просто потому, что обстоятельства у меня сложились известным образом. Я, впрочем, по живости своего ума всегда успеваю найти какую-нибудь «рациональную» причину для своей хандры и даже сам начинаю верить в нее — но все ведь это мыльные пузыри. И вот в этом письме я стараюсь избегнуть всей умственности и не хочу доказывать, как нужно поступать по справедливости. Это слишком обильный и объемистый вопрос двусмысленного свойства. Буду говорить только о том, что я чувствую, чего желаю и опасаюсь и что намерен делать. А там уж от тебя и твоего самолюбия будет зависеть решение задачи, приезжать или не приезжать.

Я сказал, что люблю тебя. Это не мешает мне изменять тебе самым пошлым образом, раз, и увлекаться на свободе всякой хорошенькой мордочкой — два. Я желаю, чтобы ты приехала, очень желаю, и вместе с тем опасаюсь (прости, но я не хочу оставлять недоразумений), что если ты приедешь, я буду связан, но не *твоей*, а *моею* любовью к тебе. Пойми это. Вследствие сего последнего я решил, насколько я вообще могу решить, как я буду вести себя на Рождество. Я буду *пить водку*, буду ходить к Дмитриевым, буду бывать у Архангельских и часто видеться с Ильиным. Вот это я буду делать, а почему, я тебе объясню. Когда ты в сентябре, несмотря на все мои просьбы, уехала (я тебя не просил прямо остаться, но в каждом моем слове видна была эта просьба, даже в моих угрозах изменить тебе; прочти все письма, которые я писал тебе вскоре после твоего отъезда — и ты увидишь то же самое) — я остался совсем один. Я вскоре положительно ошалел от этого одиночества, и, жертвуя своим самолюбием, стал искать общества, и после долгих усилий нашел. Каково это общество — к делу не относится: достаточно уж того, что у нас нет лучшего. И вот теперь единственная цель моя — удержаться в этом обществе. Ты скажешь, что, если Арх<ангельский> и прочие дороже мне тебя, то ты плюешь на подобную любовь. Нет не дороже, но дело

в том, что тебя я вижу две недели, а с ними живу весь год. А по-моему лучше все время хоть крохами, да питаться, чем раз наесться до тошноты, а потом зубы на полку. Оно, конечно, подобные <мысли> слишком пахнут дюжинной практичностью, — но я теперь вообще далек от идеализма — должно быть, от постной пищи.

Опасаюсь я еще одного — и если ты хочешь ехать в Орел, т. е. жертвовать Петербургом, студентами, Палкиным[1] и деньгами, ради *одного меня*, то, пожалуй, тебе не стоит ехать. Во-первых, я теперь очень изменился и мой характер стал еще хуже прежнего: крайняя раздражительность и придирчивость. Все от бедноты поганой. Во-вторых, эта самая беднота: у нас теперь до того гадко и скверно, что самому из дому бежать хочется. *Ты, впрочем, этого не поймешь.* В-третьих, — ты сама изменилась под влиянием среды и изменились твои взгляды. В результате ты найдешь в Орле много *горя* и мало *радости*.

Итак, я сказал все. Остальное зависит от тебя. Взвесь все и pro и contra. Что касается меня, то я люблю тебя и желаю твоего приезда. Прощай. Целую тебя — быть может, в последний раз.

Твой Л. Андреев.

Если не приедешь, обязательно ответь. А впрочем, можешь и не отвечать.

---

[1] Одна из достопримечательностей Петербурга того времени — ресторан-трактир Палкина на Невском проспекте.

15

20 января 1891. Орел

20 января 91 г.

Вот, Зинурочка, недавно ты уехала, а как будто уж целая вечность прошла с тех пор. А вместе с тем минутами так живо представляешь в воображении твою рожицу, когда ты, лежа на печке, стонешь от голода и к каждому слову присовокупляешь: «нельзя ли чего-нибудь поесть?», что мне кажется, будто все это вчера происходило.

Слава Богу, Зиночка, я теперь гораздо легче переношу твой отъезд и разлуку, чем первый, в сентябре. Происходит это не от того, что я меньше люблю тебя, но от того, во-первых, что я стараюсь заглушать всякое воспоминание о тебе, с каковою целью читаю самые залихватские романы. А прошлый раз я, не будучи в состоянии читать серьезное и в то же время не желая расслаблять свой ум легким чтением, по целым вечерам расхаживал из угла в угол и думал, что как это хорошо было с тобой и как скверно без тебя…

Второй причиной служит то, что тогда, в сентябре, действительно было хорошо, тогда как в последний твой приезд нельзя сказать, чтобы мы с тобой испытывали полное, безоблачное счастье: нет, были и облака и дождичек и в общем погода стояла сырая и пасмурная. Почему это так — ей-богу, не знаю. Должно быть, мы уже стали надоедать друг другу и уж слишком хорошо друг друга знаем, так что радуемся всякой неприятности, как теме для разговора. Итак, Зинурочка, я эту неделю почти не скучал, хотя изредка бывало очень тяжело, но это слишком обыкновенное явление для того, чтобы над ним останавливаться. Занимался математикой, впрочем, довольно умеренно; успехи, хоть и незначительные, но есть: в субботу был письменный ответ, и я в первый раз решил задачу, с маленькой ошибкой, впрочем. За первый письменный ответ, который был в ту субботу, получил кол, вместе с Никитским. Вообще пока я веду себя удивительно хорошо: не пью, не хожу к Дмитриевым и не ревную тебя к Мих<аилу> Ивановичу, хотя и стоило бы: вспомни, как ты обрадовалась, когда я попросил тебя поцеловаться с ним при прощанье. Одним словом, я пока еще живу хорошо; жаль только, что время идет черепашьим шагом, так как Радулович[1] еще не приезжал, а один урок берет очень мало времени; мне хотелось бы, чтобы скорей пролетели эти три месяца, которые отделяют меня от цветущего мая, поры цветов и любви, когда, по пословице, «щепка на щепку лезет». Ну, а теперь о тебе, Зиночка. Напиши мне, как доехала и как провела время в Москве. Я боюсь, что ты там изменяла мне с М<ихаилом> И<вановичем>, если не делом и словом, то уж мыслью наверное. Я и сон в этом роде видел. Расскажи, как встретил тебя Петербург и как твои благие намерения — все еще намерения? Кланяйся от меня Хлобощину.

Теперь, когда ты уехала, Петербург опять начинает представляться мне ужаснейшей гадостью, так что когда в гимназ<ии> спрашивают, в какой университет я думаю, я отвечаю, что в Москву. Впрочем, поживем — увидим. У меня сейчас горе — нужно писать сочинение Наталье — а у меня в голове такая же приятная пустота, как и в кармане.

Прости, что мало пишу, но материалу ни в душе, ни в окружающем нет, а переливать из пустого в порожнее, да еще письменно, выйдет хуже и скучнее классного сочинения. То есть материалу хватит, да уж больно залежался этот материал, ничего порядочного из него соорудить нельзя. Целую тебя 2 тысячи раз. Если слишком много, то отложи часть на черный день.

Твой Л. Андреев.

Две просьбы: 1) часы посылай на имя матери и 2) не пиши поперек письма, как ты это обык<новенно> делаешь.

Мать кланяется.

---

[1] Ученик Андреева, вероятно, сын одного из братьев Радуловичей (Владимира Ивановича или Аркадия Ивановича), известных орловских врачей и общественных деятелей (первый был гласным земского собрания); см.: [1, с. 64].

16

28 января 1891. Орел

28 января 91.

Спасибо тебе, Зиночка, что выводишь ты меня из апатии, которая начинает овладевать мною. Получил я вчера твое письмо, прочел — и чуть с сердцов не разорвал его, неповинное, вместе с каким-то клочком волос, вложенным в него. Сейчас я уж несколько успокоился и могу хладнокровно высказать тебе все то, чем ты было меня разозлила и вершиной чего является это самое письмо.

Ты пишешь, что тебе так много дела <sic!>, что даже некогда писать мне. Бедненькая Зиночка! Ты даже забыла, какую когда-то цену придавала ты подобным отговоркам с моей стороны. Объясни ты мне теперь одну вещь, которой я никак не могу понять: ты ужасно торопилась уехать из Орла, потому что тебя ожидали в Петер<бурге> лекции, и когда я спрашивал, долго ли ты намерена оставаться в Москве, ты весьма неопределенно отвечала, что может день, а может и два… В то же время ты говоришь своим, что будешь дожидать в Москве *М<ихаила> И<вановича>*, для чего — не ведаю и мужественно выполнила свое *благое* намерение, целую *неделю проскучав* без меня в Москве, и даже забыв о лекциях, которые теперь не оставляют даже свободного *полчаса*, чтобы написать мне. И когда, наконец, нашлись эти полчаса, ты написала поистине замечательное в своем роде письмо. Желая облегчить мои предполагаемые муки ревности, ты в нем с забавною точностью рассказываешь, где бывала и с кем, и наверно думаешь, что я и на самом деле придаю цену всем этим россказням. К сожалению, Зиночка, мой скептицизм теперь распространяется на все и на тебя, деточка, в особенности.

Не думай, что все это является результатом ревности — о нет! Это только старание открыть истину и желание показать тебе, как я отношусь к подобной истине. Я тебя не ревную: ты можешь, если это доставит тебе удовольствие, вешаться на шею к М<ихаилу> И<вановичу> — я сочту только своим долгом предоставить полную свободу для этих проявлений твоего чувства, ибо я прекрасно знаю, что сердцу любить не прикажешь; сознаю и то, что за мной нет

ничего такого, чем бы я мог удержать твою любовь, а даже напротив… И уж поверь, что не стану я на коленях вымаливать любви, которой не сумел удержать иным, более благородным образом. Если же теперь я невольно пишу тебе такое резкое письмо, то ведь во мне говорит не ревность, а голос оскорбленного в своих законных правах самолюбия. Ты можешь делать, что хочешь — только не обманывать меня и не лицемерить предо мной. Ты можешь сказать мне, что в Москву ты хочешь ехать просто для перемены места или *чего бы там ни было*, но не уверять, что спешишь в Петербург для занятий. Ты можешь откровенно объяснить, что тебе не хотелось, или нечего писать мне, но не пускать в ход глупую и избитую отговорку: «нет времени». Ты имеешь право, если это тебе желательно, поиграть с М<ихаилом> И<вановичем>, но не должна лгать мне, уверяя, что тебя оный М<ихаил> И<ванович> нисколько не интересует, а что мне это только кажется. Я не желаю играть роль добродетельного супруга, которого водят за нос и который только тогда замечает свои рога, когда ему покажут. Мне тяжело было бы, — сравнительно, — знать, что меня разлюбили, но я готов разбить свою голову о стенку при мысли, что меня и разлюбили и *провели*. Ты можешь сейчас спросить меня, как я сам поступал когда-то? — но ведь мы умнеем с опытом, а тогда я действительно, дурак, думал, что тебе лучше будет, если я буду обманывать тебя. Теперь же дело иное и ты дальше сама увидишь это; но говорю тебе, что если я хоть раз услышу фальшь в твоих словах, ты можешь считать себя вполне свободною от всяких обязательств, так же как и я. Dixi.

С письмом, которое я написал тебе, кончилась и моя удача и хорошее поведение. Во вторник утром я неповинно получил кол по истории, а вечером приехал Ткачевский, с которым мы начали пить, сперва понемногу, а в пятницу напились до того, что отправились *туда*, где пробыли до 11 часов утра следующего дня. В этот день были именины у Стаценок и мы, в 1 час дня отправившись туда, вновь напились. В 1/2 восьмого я отправился, совершенно пьяный, к Дмитриевым, и, к своему удовольствию, не застал их дома и пошел к Пановым, где оказались тоже именины и где я еще напился. В результате получилось то, что я на другой день, т. е. вчера, едва стоял на ногах, и вот сейчас нервы расстроены до невозможности, хотя я, собираясь писать тебе, выпил валерьяновых капель. А вчера приключился какой-то, по всему вероятию, нервный припадок, от которого я рассчитывал было подохнуть. Все время я совершенно хладнокровен и бесстрастен. Хладнокровно и бесстрастно пью и безобразничаю, хотя мне и не хочется ни пить, ни безобразничать.

Хладнокровно получаю единицу, хотя тоже не желал бы этого. Только две вещи возмутили мое бесстрастие: твое письмо и вообще ты, а потом отъезд Варвары, так как она последний человек в Орле, которого я люблю. А собственно я и сам не знаю, почему мне жаль ее: ведь она также смотрит на меня глазами Сибилевых. Прощай. Если не будет времени, можешь не торопиться с ответом. Целую тебя, но не прощаю. Что касается меня, то я в прощении не нуждаюсь. Еще раз целую тебя и твою руку, еще не опоганенную, надеюсь, М<ихаилом> И<вановичем>, как опоганен сейчас твой

Твой Леонид.

Кланяется мать и тетка.

17

5 февраля 1891. Орел

5 февраля 91.

Ты, Зиночка, спрашиваешь меня, в чем заключается твоя вина, вызвавшая с моей стороны такое, как ты говоришь, оскорбительное письмо. Видишь, голубчик: сопоставляя твои слова с твоими поступками, я нашел между ними противоречие и заключил, что иногда твои слова не соответствуют твоим мыслям и желаниям, другими словами, что сознательно или бессознательно ты обманываешь меня. И письмо мое единственною целью имело — не оскорбить тебя, но выяснить недоразумение, если оно есть, или обнаружить ложь, если таковая имеется, и во всяком случае, показать тебе, как я отношусь к обману. Если же ты говоришь, что не обманывала меня (и если даже нужно отнести в область химер студента, в присутствии коего ты раскисала), то я верю тебе, не видя мотива для обмана. И я очень рад, что все, что я думал, неправда, потому что мне очень не хочется порывать с тобой, что неминуемо должно последовать в случае обмана с твоей стороны. Что касается твоих слов: «я пишу не для оправдания, а из любви к тебе», так ведь это, голубушка, ничего не значащая и бессмысленная фраза, ибо всегда мне кажется, нужно оправдываться, когда тебя обвиняют, да еще несправедливо. Не имей я *никаких прав* для обвинения, для чего нам было бы совсем не знать и не любить друг друга, тогда статья иная: ты вместо всяческих оправданий могла бы наплевать мне в харю, — но теперь ты должна оправдываться, как вот сейчас буду оправдываться я от напраслин, возведенных тобою на меня. Ты с уверенностью говоришь, что я тебе изменю или уже изменил, и прегорько, конечно, ошибаешься, ибо, во-первых, я дал тебе честное слово до Святой ни–ни…, а во-2-х, я в данную минуту жажду лишь одного — спокойствия, с которым

измена и любовь, как известно, непримиримые враги. Телом-то, пожалуй, я тебе и изменил, *там*, но душою все так же люблю тебя (и одну тебя, что со мной редко бывает). Я даже, Зиночка моя хорошая, ни с кем не поцеловался, — раз только, впрочем, с Варварой, когда провожал ее, — и не хочу целоваться, и не буду целоваться. А ты, чудачка, уверивши себя, что я тебе изменю, сейчас же утешаешь себя угрозой, что и сама мне в таком случае изменишь. Ах, Зинурочка, Зинурочка, разве можно серьезно говорить такие вещи. Ведь это все равно, как если бы ты, желая доставить мне неприятность, побила самое себя. Не забывай, деточка, что мы с тобой природой и жизнью поставлены в совершенно различные условия. Если изменяет мужчина, то он ровно ничего не теряет (не говорю о нравственности); даже его фонды поднимаются в глазах других и он на 50% выше ценится, тогда как женщина теряет и репутацию и свою цену, становясь вещью легко или даже общедоступною. Ведь ты знаешь, что всякий мужчина слегка презирает отдавшуюся ему женщину, хотя бы он и любил ее и хотя бы она также по любви отдалась ему. Это мерзко, скверно — но с этим ничего не поделаешь: так уж свет устроен. И если ты, Зиночка, станешь изменять, так ведь тебе же, голубчик, хуже будет. Мне, конечно, сперва скверно будет, но ведь все горести преходящи и я, рано или поздно, утешусь, — тогда как ты, раз упавши, уже не встанешь. Итак, Зинурочка, не забывай, что хотя измена и оружие, но оружие обоюдоострое, и что всякая палка о двух концах.

Итак, в заключение: я тебя люблю, Зиночка моя милая, верю тебе и от тебя желаю того же.

Мне, Зинурочка, последнее время живется скверно. Стал каким-то бесчувственным, ничем не интересуюсь; голова и сердце не работают, работают одни ноги, таскающие меня на урок и в гимназию, да язык, который и там и здесь треплется. Позавчера в 5 часов утра проводил Варвару. Было очень грустно и жалко, как будто отрывалось последнее, что *действительно* связывает меня с домом Сибилевых. — Мои дела по гимназии несколько поправились: по истории совсем нечаянно 3 получил, а по-русски мое сочинение оказалось лучшим в классе — мне одному только 5. Директор[1] долго и ругал и хвалил его и говорил, что <для> разбора его нужен особый урок. Главнейшие недостатки сочинения те, что 1) оно слишком оригинально и выдается из ряда классных работ, а 2) в некоторых местах слишком пахнет фельетоном. «Ты, Андреев («ты» он говорит мне в знак своего расположения) мог бы его поместить в “Орловском вестнике” и тебе даже деньги за него заплатили бы, но я думаю,

что для этого “Орловский вестник” слишком низок, а твое сочиненье слишком высоко». Вообще говорил очень много. Это очень хорошо для меня, ибо директор говорил, что сочинениям теперь придается большее значение при получении аттестата. — Прости, деточка, что мало написал, но, ей-богу, не пишется, да и поздно. На днях еще напишу, а пока тысячу раз целую тебя и страшно жалею, что нет тебя сейчас со мной. Я даже желал бы, чтобы ты сейчас лежала на печке и ныла о том, что есть хочется, хотя у нас ужинать совсем нечего. Прощай, моя дорогая, дорогая Зиночка!

Твой Леонид.

У Дмитр<иевых> не был. Присылай часы. Мать кланяется.

---

[1] Иван Михайлович Белоруссов (1850–1920), учитель-словесник, автор ряда учебников, в том числе популярной «Теории словесности». С октября 1882 г. директор Орловской мужской гимназии, преподавал в последнем, восьмом классе русский и греческий языки.

18

13–15 февраля 1891. Орел

13 февраля.

Что ж ты, Зиночка, так долго не отвечаешь и заставляешь меня беспокоиться? Я могу придумать только два объяснения: или ты не получила моего письма от 5, кажется, февраля, или же получила, но за что-то сердишься и не хочешь отвечать. И то и другое одинаково прискорбно. Неприятно, если пропало письмо, потому что с ним, во-первых, пропало много хороших и дельных мыслей, а, во-вторых, потому что ты вследствие этого должна были провести несколько неприятных минут. Прискорбно, если ты получила письмо, но за что-то сердишься и не пишешь потому, что на меня сердиться совершенно не за что, в особенности теперь, когда я так хорошо веду себя: не пью, не ухаживаю и читаю умные книжки, следовательно, забочусь о своем здоровье физическом, нравственном и умственном. Есть у меня еще третье предположение касательно причины твоего молчания: это то, что ты, быть может, заболела, так как, по слухам, твой поганый Петербург в настоящее время представляет сплошную больницу. Взаправду, у меня все время вертится и не дает покоя мысль, что о твоей болезни, и вот за то, что ты не хочешь вывести меня из опасения, я даже сержусь на тебя, хорошая моя Зинурочка. Я сам, голубочка моя милая, вот уже второй день чувствую себя вельми скверно: голова проклятая не переставая болит. Душевное мое состояние в общем довольно хорошо. Мое пессимистическое миросозерцание начинает мало-помалу уступать место другому,

более светлому и жизнерадостному. Хотя в теории я и до сих пор еще придерживаюсь того мнения, что величайшим актом мудрости является самоубийство, но уж не так стремлюсь к нему и целью своей жизни поставил нечто другое: свободу, отчасти внешнюю, а преимущественно внутреннюю, ту свободу духа, которая дается изучением самого духа. И я с усердием читаю все, касающееся человека со всеми недостатками его психической и физ<ической> организации. Боюсь только, что ненадолго хватит этого усердия. Ну да все-таки чтение без пользы не останется. К свободе внешней я, признаться, стремлюсь довольно слабовато и учусь не так, как бы следовало. Вот мои баллы с Рождества по днесь:

Русский — 5. 3. 5
Латинский — 3. 4. 3
Греческий — 3. 3. 3
Математика — 1
Физика — 3
История — 3. 1. 3
Немецкий — 3

По математике кол я при тебе еще получил за письменный ответ, а с тех пор не вызывал, и боюсь, что раскается, если и вызовет, ибо я совсем мало занимаюсь по этой проклятой математике, от которой не знаю, когда избавлюсь. И в будущем моем аттестате для меня всего дороже то, что он будет служить для меня разрешением совершенно забыть о существовании этой математики, чтоб ей ко всем чертям провалиться! Поверишь ли, меня даже беднота наша, принявшая за последнее время довольно солидные размеры, не так терзает, как эта дьявольщина; и теперь для меня на свете есть только три вещи, о которых я ни вспомнить, ни говорить не могу хладнокровно: это — Мих<аил> Ив<анович>, Ив<ан> Ив<анович> и математика.

Общественная моя жизнь проходит довольно скромно. Никуда из дому не хожу, только вот Варвару провожал, о чем я уже тебе говорил. Бывает у меня Наталья, но можешь быть вполне спокойна: теперь, менее чем когда-либо, способен променять тебя, мою дорогую, хорошую ненаглядную Зинурочку на нее, … ну, да можно обойдетесь <sic> и без эпитетов (Да кстати: все домашние сердятся на тебя за твое долгое молчание; помни, самое главное, что и я сержусь). У Дмит<риевых> с Рождества не был. Сегодня был у меня Арханг<ельский>, и боюсь, что визит его был с разрешения Любочки и имел целью напомнить о ее существовании. Впрочем, может, я и ошибаюсь, но во всяком случае можешь быть и здесь спокойна:

не только не чувствую никакого позыва к ухаживанию за ней, но, наоборот, ужасно удивляюсь, что как это я мог когда-то чувствовать к ней симпатию, выражаясь по-столичному. Ну, теперь моя жизнь разобрана со всех сторон, и поговорим лучше о тебе.

Прежде всего напиши, кратко и ясно, как идет твое учение, кончила ли ты свою бухгалтерию и не имеется ли в виду места. Затем, как ты поживаешь вообще в отношении умственном, нравственном, физическом, общественном и *чувственном* (не совсем удобное выражение, но ты понимаешь, что я говорю о чувствах). Принадлежит ли еще мне твое сердечко или уже отдано какому-нибудь неотразимому в своих прелестях студенту, на манер Радина или того, московского, в присутствии которого ты кисла? Сообщи, как здоровье Релиско, Бодиско или как там его. Надеюсь, что он выздоровел. Пишет тебе Варвара или нет? Я сегодня послал ей письмо с самым формальным объяснением в любви. Мне очень желательно было бы, хоть письменно, подружиться с ней. В заключение две просьбы: не пиши ты так убийственно безграмотно и не делай ты таких изысканных ошибок, при виде которых у меня, репетитора и писателя по профессии, становятся волосы дыбом и захватывает дыхание. Ведь это даже на моем здоровье отражается. Вторая просьба — пиши, пиши и пиши, и если даже не можешь, то хоть со своими ужасными ошибками, но пиши. Целую тебя тысячу тысяч раз, родная, дорогая моя, хорошая Зинурочка! —

Твой Лео.

P.S. Мать по обыкновению кланяется, а я, по обыкновению: часы, часы!

19

15 февраля 1891. Орел

15 февраля.

Сейчас только получил твое письмо, и хотя несколько устал после гимназии, но спешу ответить. Все подробности моей жизни, интересующие тебя, ты найдешь в ранее написанном клочке, а здесь я только отвечу на некоторые твои вопросы. Бумаги почтовой (для рисования можно какой угодно цветной, только не гладкой, не блестящей) можешь прислать тоже какой угодно; лучше будет, если возьмешь с венз<елем>, но без линеек. С часами можешь не торопиться. Ты, Зинурочка, прости за откровенность — свинья. Ну разве можно говорить, что то мое письмо до того любяще<е>, что кажется даже неискренним! Ведь таким манером выходит, что я только тогда искренен, когда ругаюсь с тобой, другими словами, совсем не лю-

блю тебя. Не вернее ли будет наоборот сказать: что я тогда только не совсем искренен, когда ругаюсь?

Ну да все это чепуха. Знай только, что я тебя люблю, как сорок тысяч братьев[1], и даже больше чуточку. Странные несколько, Зинурочка, все твои письма: прямо кажется, что их писал человек больной и физически и душевно. И в этом я вижу не одно только влияние твоих усиленных занятий, с сопряженной с ними усталостью, но также влияние твоего отвратительного Петербурга. Ты говоришь: все серо вокруг — да чего иного можешь ты ожидать от этой северной Пальмиры, где солнце светит раз в год и где ночи светлее дня, где можно жить, только будучи земноводным, потому что иначе ни одно живое существо не вынесет тамошних туманов и слякотей. А твои петербургские знакомые — тоже хороши, нечего сказать: прервать почти знакомство из-за того только, что с ними водку пить не стала! И пусть я прежде трижды лопну, чем стану жить в этом болоте с этими миазмами, твоими знакомыми. И в Орле, Зиночка, тоже гадко: погода стоит плохая — и на душе скверно, одно только спасение — спать. К счастью, это теперь для меня возможно. Радулович еще не приезжал и хотя финансы наши терпят от этого, но в душе я желаю, чтоб он век не возвращался, ибо вся моя жизнерадостность юная, которой я тебе похвалялся, разом исчезнет тогда. Прощай, моя деточка ненаглядная; не предавайся ты этой скуке и помни, что есть в Орле Линочка, который и жалеет тебя и сочувствует тебе и ждет не дождется, когда придется ему поцеловать твои глазки милые. Целую сильно и крепко, Зинурочка!

Твой Л. Андреев.

---

[1] Ср. слова Гамлета, обращенные к Лаэрту на могиле Офелии:

Я любил
Офелию — и сорок тысяч братьев
Со всею полнотой любви не могут
Ее любить так горячо...
(У. Шекспир. «Гамлет», акт V, сцена 2; пер. А. Кронеберга (1844)).

20

24 февраля 1891. Орел

24 февраля.

Опишу тебе, Зинурочка, все по порядку. Папа[1] заболел недели две тому назад. Сперва болезнь его не представляла ничего опасного, он ездил в суд и занимался делами, но в четверг на той неделе оказалось, что у него начинается водяная: у него очень опухли ноги,

так что он с трудом ходил, а под конец ходил с чужой помощью; с трудом дышал, начал заговариваться и слегка бредить, так что иногда не узнавал своих. Несмотря на все это, он все почти время шутил, смеялся над своей болезнью и говорил, что нисколько не боится смерти, но вполне готов к ней. В субботу он даже ездил в Собрание, так как жаловался, что дома ему скучно, но был там недолго. У него очень часто бывала Т.И. Губер[2], с которой ему было веселей. В воскресенье, кажется, она предложила ему причаститься, но он отказался. Вот его почти буквальный ответ: «Вы верите в своего бородатого Бога, а она (Т.Ив.) в своего бритого, а я этих богов не признаю, а есть у меня свой Бог, которому я и верю». С понедельника ему стало хуже: не узнавал доктора, ежеминутно, даже сидя за столом, засыпал и никого не отпускал от себя, говоря, что одному скучно. Дышать почти не мог и доктор (Красин) велел ему вдыхать, отчего ему становилось <хуже?>. Впоследствии оказалось, что у него уже начиналась агония, но Красин ничего об этом не сказал, не желая пугать домашних. Во вторник весь день было то же. Вечером, перед тем как лечь спать, он был в столовой, говорил с своими, но очень бессвязно и заговаривался. В 9 часов его повели спать (он спал уже отдельно от Т.И.), в 3 часа ночи Т.И. услышала хрипенье и, бросившись к постели, увидела, что он уже мертв. (Да, забыл сказать: в бреду он очень часто повторял твое имя). Нат<алья> поехала за Еленой Адольф<овной>; его как следует одели и положили на стол, но он был как живой, так что утром посылали даже за доктором, чтобы удостовериться в его смерти. Утром же съездили за Зайцевыми и началась обычная хлопотня. Все хлопоты взял на себя Жур, заказывал гроб и т. д. и вообще все время не оставлял сестер. Из них Наталья довольно спокойно и твердо приняла смерть папы, но Надежда с Теоф<илией> очень убивались. С Надеждой несколько раз была истерика, а Теоф<илию> раз насилу оторвали от гроба. К вечеру я пришел к вам, ночевал, так как одни они боялись, хотя собственно у них были Жур и Борис[3], приехавший на телеграмму. Борис был довольно тверд, хотя и плакал. Ужасно убивалась няня и все время, вместе со мной, жалела Зиночку и Варю. На другое утро были похороны. Описать тебе подробно все это утро невозможно, потому что и сам я был как шальной. С Надеждой все делались истерики, с Теофилией тоже, а когда стали выносить тело, то обе попадали в обморок. В церкви все время приходилось нам с Журом выносить на паперть то одну, то другую. В церкви было очень много народу: кроме Зайцевых, все знакомые, даже Вериго, пропасть адвокатов, которые положили на гроб прекрасный металлический

венок с надписью: «от товарищей». Другой венок, из живых цветов, положила Губер. До кладбища (Троицкого) Наталья шла со мной за гробом, а Надежда с Журом, которого она не отпускала от себя, но потом не могла идти и поехала на извозчике. Теофил<ия> ехала почти от самой церкви. Погода была очень скверная: снег по колено, ветер ужасный. На кладбище, когда опускали гроб, опять плач и рыдания. После похорон был обед, которым занималась мать (она все время была у вас и Шинявская, но на обед поехали не все: из Зайцевых были Андрей и Жур, был Турчанинов, Пацковские, Пановы. С кладбища приехали в 2, а обед кончился около 7 часов. Вообще похороны были очень хороши и Зайцевы не скупились. После обеда я пошел домой, а вечером опять пришел к вам и ночевал, так что в гимназию пошел прямо от вас. Ночевал, кроме того, Жур, Катер<ина> Ивановна и няня. Теоф<илия> Ив<ановна> тотчас же после обеда уехала домой. Все дела Ник<олая> Евграфовича были разобраны следователем Чеботарем. Благодаря ему и Попову описали очень немного вещей, а большая часть осталась вам.

В пятницу сестры и Борис переехали к Зайцевым, но ночевали сестры в пятницу у Волковых, а вчера Надежда у Елены Адольф<овны>, а Наталья у нас. Сегодня они совсем переходят к Зайцевым. Тетка уже высказала им свое требование, чтоб они ни к кому, кроме Ел<ены> Ад<ольфовны>, не ходили и никого у себя не принимали. В настоящее время Нат<алья> хлопочет у Хлуденева о месте для Варвары, которую хотят призвать сюда. До приезда же в Орел ей ничего не хотели писать о смерти папы, так что твое письмо явится к ней совершенной новостью. Бедная она! Ей и так там ужасно скверно, а тут еще эта смерть. Я буду завтра писать ей, а ты во всяком случае зови ее оттуда, если хоть не в Орел, так в Петербург. — Теперь отвечу на некоторые вопросы. Тебя не известили телеграммой тотчас же потому, что боялись слишком поразить тебя. О болезни же Наталья просила меня написать тебе, но так как когда она говорила мне это, он был не опасно болен, то я хотел подождать и, если болезнь примет опасный оборот, то призвать тебя. Но когда я в среду не получил твоего письма, послал к вам спросить о его здоровье, мне принесли поразивший меня ответ, что он уже умер. И хорошо, Зинурочка, вышло, что ты не приехала, потому что делу уже не помогла бы, а только пуще расстроилась. Ты думаешь, что тебе легче было бы, если бы ты своими глазами видела его мертвым — нет, моя деточка, еще хуже было бы. Теперь ты избавлена была от этих мелочей, которые так ужасно действуют на нервы, от панихид, выноса и проч.; теперь не будет стоять у тебя перед глазами эта картина смерти и разложе-

ния. Когда ты захочешь вспомнить о папе, ты вспомнишь его таким, каким видела в последний раз: бодрым, красивым, а я не могу теперь иначе вспомнить его, как в гробу, разложившегося. И будет он, хоть бы только в голове у тебя, вечно живым и красивым и будет тебе казаться, что он как будто уехал куда-нибудь, а не умер и что ты увидишься с ним. Да, Зинурочка, и это будет и увидишься когда-нибудь с ним. Ты не виновата в том, что тебя не известили и что ты не отдала ему последнего долга, и тебе нечего упрекать себя. И нечего, голубка моя, не нужно мучиться и забывать, что таков уж удел наш, что всегда родители раньше детей умирать должны. Возьми, Зиночка, всех вокруг себя: у кого из них не было отца и у кого он остался? И у меня умер отец, и сами мы с тобой когда-нибудь помрем, и дети наши оплачут нас, но никогда не следует из-за смерти забывать свою жизнь. А в жизни еще дела много, и сейчас оно уже призывает тебя и заставляет подумать о дальнейшей судьбе всех вас. Ты скажешь, деточка моя дорогая, что сама все это знаешь, но что тебе жалко его, жалко, что тебе плакать хочется, когда вспомнишь, что он, когда-то такой и веселый и хороший, так любивший тебя, теперь лежит в могиле. Да как же, голубочка, не жаль, я и сам, как пришел с похорон и, оставшись один, как вспомнил его, так и то, голубочка, ревел до тех пор, пока подушка стала мокрая — но ведь нужно же сдержать себя и вспомнить, что ведь смерть его не такое уж несчастье для него. Ведь все хорошее у него оставалось позади, а впереди его ожидал только труд, да болезненная старость. И старайся, моя детка, не плакать, не терзаться, старайся думать о том, что я еще у тебя остался, что никогда я тебя не покину, моя радость. Подумай о жизни, которая ожидает нас с тобой, как хорошо будет, когда мы трое: ты, Вар<вара> и я будем жить вместе в Петербурге. Ведь со смертью папы твоя жизнь не разбита, ведь когда-нибудь, рано или поздно, должна была произойти эта смерть и даже лучше рано, чем поздно, потому что настоящая жизнь им была уже прожита, а впереди оставалось только сожаление о ней. Прощай, моя детка, крепко целую тебя и жалею только, что не могу своими поцелуями осушить твоих глазок.

Твой Л. Андреев.

Скоро еще буду писать. Все кланяются.

[1] Николай Евграфович Сибилев, частный поверенный. Проживал в Орле с семьей по адресу: Болховская улица, дом Зайончковского.

[2] Близкий друг Н.Е. Сибилева (судя по всему, к тому времени вдовца).

[3] Брат З.Н. Сибилевой.

21

1–2 марта 1891. Орел

1 марта 91.

Ты сильно огорчена смертью отца, — это вполне естественно, но ты не должна забывать, что и другим может быть скверно и что не одной тебе дана привилегия на нервное расстройство. В эгоизме своего горя ты спокойно пишешь мне оскорбительные вещи, укоряешь меня в том, что я тебя не известил о болезни Н<иколая> Е<awграфовича>, делаешь вольные предположения о моей будущей измене, сравнивая при этом меня с М<ихаилом> И<вановичем>, что одно, как *ты прекрасно знаешь*, способно довести меня до бешенства. Ты ни капельки не подумала о том, что я также живой человек, что и на меня подействовало все это, и смерть его и ваше общее несчастье, так что я теперь положительно выбит из колеи. Не подумала ты и о том, что если тебя не известили, так это не я виноват. Мне не хочется только быть виновником семейных дрязг, а то я мог бы написать многое. Я понимаю, что теперь не время для личных счетов, но твоя несправедливость возмутительна.

Твоей просьбы — описать в подробностях все, касающееся последних минут Н<иколая> Е<вграфовича>, к сожалению, исполнить не в состоянии, потому что совсем не вижу сестер, так как тетка не пускает их ко мне, а Т<еофилия> И<вановна> в самый день похорон переехала к себе домой. Наталья уже, *по слухам*, поссорилась с теткой и хочет жить в пансионе. Что касается Варвары, то напиши ей, пожалуйста, все о смерти Н<иколая> Е<вграфовича>, так как отсюда ей еще ничего не писали. Я опять-таки здесь не виноват, так как хотел было написать ей, но сестры сказали, что возьмут это на себя. Я сегодня или завтра напишу ей, хотя боюсь, что письмо уже не застанет ее там.

Что так скоро вышли у тебя все деньги? Ведь этак твоего капиталу и на полгода не хватит. Напиши мне, Зинурочка, что ты теперь там *делаешь* (в смысле учения), а то у меня существует довольно слабое представление о твоих занятиях: знаю, что учишься, а чему и как — не знаю. О себе писать совсем нечего. У нас все это время финансовый кризис, который разрешится только продажею дома. Денег до того мало, что уж не говоря о прочем, нельзя бывает иной раз достать денег на марку, и вообще моя корреспонденция доставляет поэтому много хлопот. К счастью, вчера играл в стукалку и выиграл три с лишком целковых, так что на некоторое время обеспечен марками. Второе счастливое для меня событие состоит в том, что

мне удалось, не готовившись, поправиться по математике, так что допущение меня к экзаменам вне всякого сомнения.

После смерти Н<иколая> Е<вграфовича> я не в состоянии ни одного вечера просидеть дома: такая тоска является, что не знаешь, что с собой делать. Чтение серьезное, которым я было как следует занялся, теперь остановилось вследствие полнейшей неспособности понять читаемое. Каждый вечер куда-нибудь хожу. Был раз у Дмитриевых, Пацковских, Пановых, сегодня хочу прострунуть на галерку в театр, малороссов посмотреть. Был несколько раз пьян, и в общем чувствую себя до невозможности отвратительно. Прости, деточка, что посылаю такое коротенькое и бессодержательное письмо; дело в том, что голова и все вообще мыслительные способности в данную минуту находятся в самом плачевном состоянии. Подробности о смерти отца постарайся узнать от сестер, они тебе напишут. Целую тебя.

Твой Л. Андреев.

М<ихаил> И<ванович> в Орле. Ты переписываешься с ним?

2 марта.

Виделся вчера с Натальей; особенных новостей нет: относительно папы говорит, что он почти весь день перед смертью провел в беспамятстве и ничего не говорил, кроме просьб напиться и т. п. Место уже выхлопотано, какое — неизвестно еще пока. Наталья старается Варвару перетянуть в Орел и противится тому, чтобы она ехала к тебе. Сама же она действительно поссорилась с теткой и дядей или, вернее, подверглась ссоре с их стороны и завтра переходит в интернат. Надежда еще в четверг уехала с Теофилией к Анне Ивановне; приедут завтра. Адреса Теофилии Наталья не знает. Борис в настоящее время освобожден от платы, а в будущем году его постараются определить на дворянский счет. Хотя Варваре почти отыскано место, но все-таки, Зиночка, старайся привлечь ее в Петербург, а то здесь ее ожидает одно горе среди Зайцевых и tutti quanti. Я сам пишу ей в этом духе. Ты ей вполне ясно написала, что папа умер, а то она во вторник, кажется, прислала следующего содержания телеграмму: «что с папой?». По обыкновению, послана к Корбе телеграмма, имеющая целью подготовить Варвару и т. д. Во вторник же Нат<алья> послала ей письмо с подробным описанием смерти отца. Хорошо ли ты знаешь адрес Варвары? Настоящий вот какой: Голта, Херсонской губернии, е<го> В<ысоко>б<лагородию> Антону Вас<ильевичу> Корбе[1], для В.Н.С.

Прости меня, Зинурочка, если я в этом письме слишком уж горячо отнесся к тебе и если кое-что может показаться оскорбительным:

мне, деточка, так скверно, как давно уже не бывало. Извини и за то, что замедлил с письмами: я выжидал для тебя чего-нибудь поновей. Прощай, моя деточка, целую тебя много раз и желаю тебе всего хорошего, насколько оно сейчас доступно. Напрасно ты не пошла в концерт: ты им могла бы рассеяться несколько. Нат<алья> просила передать, что траур был сделан в тот же день, как умер папа.

[1] А.В. Корбе (1833–1904), предводитель дворянства Херсонской губернии, врач по профессии, деятель народного образования.

22

2 апреля 1891. Орел

2 апреля.

Между нами, Зиночка, произошло очень крупное недоразумение, от которого мы оба одинаково пострадали. В ту самую минуту, как я получил твое письмо, я снаряжал Пашку на почту, чтобы отправить к тебе письмо, в котором я просил у тебя отставки на том простом основании, что ты меня не любишь. И я действительно был убежден, что твоя любовь кончилась. Доказательством этого, как мне казалось, служило твое поведение с самого Рождества, твои короткие, по сравнению с моими, и сухие письма и т. д. Вспоминалась всякая мелочь и каждая их них говорила о прекращении твоей любви. Тут умер твой папа. Все эти мысли должны были, конечно, отступить на задний план, и я думал только о том, как будет тяжело моей Зиночке, одной, на чужой стороне, когда она узнает об этом. И когда я так мучился за тебя и готов был отдать все, только бы избавить тебя от печали, я, в благодарность, получил от тебя письмо, в котором ты страшно, страшно оскорбляешь меня, и именно тем, что в такую минуту сравниваешь меня с М<ихаилом> И<вановичем>. Я высказал тебе это в своем письме, но это письмо вовсе не показывает, как ты утверждаешь, чтобы я не любил тебя. Наоборот: именно то, что я оскорбляюсь на это сравнение, говорит о моей любви. Не люби я тебя, ты спокойно могла бы хоть с чертом рогатым сравнивать меня, и я не подумал бы обидеться. А ты этого не поняла. Ты думаешь, что только в ласкательных именах любовь высказывается. Эх, Зиночка, поверь, что ты сама любила меня больше, когда глаза мне выцарапать хотела, чем теперь, когда ты называешь меня «милым Линочкой».

И когда я послал это письмо и с нетерпением ожидал каждый день на него ответа, который убедил бы меня, что мои вновь возродившиеся подозрения неосновательны, — письма от тебя все

нет и нет. Ну скажи мне, голубчик, что я должен был передумать? Я страшно мучился, тем более, что твое молчание, за которым я видел разрыв, добивало меня уже лежачего. Как раз в это самое время на меня обрушилась целая куча неприятностей, от которых я был сам не свой и о которых речь будет впереди. И вместо того, чтобы найти в тебе убежище от всех этих мерзостей, я находил в тебе источник новых, еще более сильных, мучений. Ведь не мог же я допустить мысли, что ты оскорбилась на меня и ждешь от меня извинительного письма, руководствуясь примером примерного Мих<аила> Ивановича. Зиночка, ведь это смешно, и печально и недостойно тебя, моей умницы. Ну как ты не можешь уразуметь того, что я не М<ихаил> И<ванович> и сам по себе и потому, в каких оба отношениях к тебе мы находимся. Ведь это все равно, как если б я сравнил тебя с Любочкой Дмит<риевой> и сказал, что ты и она для меня одно и то же. И если ты меня действительно любишь, ты *должна* понять, почему не *имеешь права* сравнивать меня с М<ихаилом> И<вановичем>. А ты свое последнее письмо начинаешь как раз заявлением, что это сравнение оказалось справедливым и стараешься еще доказать, что мне нужно было поступить так, как поступил М<ихаил> И<ванович>, написавши сперва наставительное, а потом извинительное письмо, и не только не видишь всей глупости этих наставлений и извинений, но даже растрогиваешься и посылаешь ему «большое» письмо.

Ах, Зиночка, Зиночка — ведь если б я тебя не любил так сильно, я за одно б за это разорвал с тобой. Потом ты говоришь, что у нас не должно существовать глупой привычки считаться письмами. Да, и когда я был уверен, что ты меня любишь, я не думал ни о какой очереди, и на одно твое письмо отвечал двумя. Но когда я стал думать, что ты не любишь меня, я стал соблюдать очередь. Это вполне естественно. Естественно и то, что я, не получая от тебя письма и не видя к тому никаких причин, должен был подумать, что твоя любовь прекратилась. Я судил по себе: я не мог бы выдержать и недели, чтоб не поговорить с тобой, — это просто потребность, — а если ты можешь спокойно забывать о моем существовании на целые месяцы, то что это доказывает? Я и до сих пор не могу этого понять: неужели ты действительно любишь меня и вместе с тем можешь так долго молчать? Ведь это немыслимо. Я хоть в дневнике каждый день о тебе страницы исписывал, а ты? А еще говоришь, что «до безумия любишь»! Ну да довольно об этом, всего все равно не выскажешь, а тут и помимо этого есть много нового. Да и голова страшно болит, насилу сижу. Да вот еще что: ты прямо с полной уверенностью

говоришь, что я тебе изменил. Это полнейшая ерунда: с самого Рождества я ни минутки не думал о какой-нибудь другой женщине, кроме тебя, и ни капельки не изменил, хотя возможность к этому представлялась очень часто. У Д<митриевых> был с Рождества всего два раза, по обязанности. Никогда я не был тебе так верен, как это время. Положим, я несколько раз был «там», но ведь ты это не сочтешь же за измену? Итак, дорогая моя Зинурочка, я тебя очень и очень и очень и очень (в периоде) люблю и стараюсь думать, что и ты меня любишь.

Теперь мои дела. С масляницы мне не повезло. За ответы одни двойки. Даже по Закону[1] два. Попался в куренье (первый раз за 4 года) и отсидел 12 часов. Наконец, финал: 13-го прошлого месяца я, возвращаясь в 11 ч. домой в нетрезвом виде, нечаянно разбил стекло у наших врагов, Кутеповых. Несмотря на то, что предложил заплатить за стекло, был немедленно отведен в полицию, причем дорогой страшно ругал оного Кутепова. Началась возня страшная. Все, начиная с част<ного> пристава, уговаривали К. помириться, но он не захотел. На меня было подано прошение к мировому. За меня хлопотал и хлопочут: Квитлицкий, полицмейстер, Козлов (наш попечитель), *директор*, Померанцев, Коссов и т. д. Разбор дела был назначен на 21 марта, но его удалось отменить: будет разбираться 6-го апреля. Чем еще кончится — неизвестно. Minimum — 4 поведения в аттестате. Директор говорил со мной об этом и предлагал мне выйти из гимназии. Дело обозначено так: «о буйстве, оскорблениях и угрозах». К счастью, удалось скрыть, что я был пьян, иначе давно бы уже выперли. Таким образом, вот уже три недели ни минутки нет спокойной. Теперь я почти хладнокровен стал, равнодушен и к 4-ке и к тому, если выгонят, но раньше порядком помучился. В особенности измучили переходы от надежды к полному почти отчаянию. Теперь дела мои по гимназ<ии> поправились. По математике получил *4*. За третью четверть мне одному из всего класса *5* по-русски. Директор отзывается обо мне, как о самом умном и развитом в классе. Здоровье мое ужасно плохо. Теперь у меня опять два урока, так что опять расстроились нервы, опять хандра и пр. На прошлой неделе простудился, так что пришлось даже полежать, а теперь насилу ноги таскаю. Нездоровью помогает то, что я стал довольно много и сильно пить, только по праздникам, впрочем. Пью оттого, что скучно и гадко. В умственном отношении *совсем* швах: ничего не читаю и поглупел. Стали удивительно часто появляться припадки *бешенства*, подобные тому, какой был на Рождество, когда я с Ильиным поссорился. В общем, ужасно скверно. Не дождусь

того времени, когда буду жить с тобой вместе, а то пропаду ни за грош. Неужели ты правда не приедешь на Святую? Из сестер у меня бывает Нат<алья>. Надежды давно уже не вижу.

Чувствую, Зинурочка, что и половины не высказал того, что хотел. Но голова ужасно болит и притом забита: весь день на ногах, ни минутки отдыху. Вот сейчас почти 12 час., а мне еще доверенность Померанцеву на ведение моего дела писать нужно.

Я тебя, Зинурочка, люблю, оказывается, так, что и сам не ожидал этого. И если ты любишь меня, то я тебя прошу, если ты не можешь прекратить знакомство с М<ихаилом> И<вановичем>, то по крайней мере мне ни слова не упоминать о нем. Дорогая моя, ты не можешь представить, как мне хотелось бы сейчас быть с тобой, Зинурочка, моя деточка. Прощай. Неужели ты вправду не любишь меня?

Твой Л. Андреев.

Скажи, ты действительно *ничего* не утаила от меня из твоих отношений с И.И.? Для меня это очень важно.

---

[1] Имеется в виду Закон Божий — один из предметов в гимназии.

23

10 апреля 1891. Орел

10 апреля.

Прости, Зинурочка моя дорогая, что не сейчас же ответил тебе: времени, деточка моя, ужасно мало, так как два урока, да к тому же к вечеру всегда ужасно устаешь. Относительно твоего предложения, чтоб ехать мне в Петербург, я скажу вот что: поехать я могу не раньше пятницы на той неделе, стало быть в Петербурге придется пробыть не более 3-4 дней. Из-за этих 3 дней ты стратишь 28 р., каковая сумма в настоящее время для нас, живущих трудом рук своих, является весьма большой, а я принужден буду отказаться от своего плана: подготовиться на Святой, хоть немного, по математике к экзаменам. Так что мне ехать не годится. Что же касается тебя, то я думаю, что лучше уж окончить тебе свою бухгалтерию, а там, если успеешь, то приедешь в конце мая, когда как раз кончаются и мои экзамены. И будем мы тогда с тобой, Зинурочка, ничем и никем не стесняемые, пользоваться всеми благами совместного жития долго, долго (до скончания века и даже больше). А то ведь на самом деле — три дня! Это значит, что только что успел привыкнуть и как следует войти в свое положение — и изволь ехать домой! Если же ты опасаешься за мое душевное состояние, то в настоящее время оно не так дурно, так как с одной стороны я теперь *почти* успокоился насчет

твоей любви (хотя все еще не могу понять, отчего ты молчала), а с другой, дела мои теперь идут довольно сносно. Так, по математике Булыгин <?> вывел мне 4 (не из снисхождения, но потому что у меня было две четверки: одна за ответ, другая за класс<ную> работу), и ты уже теперь можешь называть меня абитуриентом, тем паче, что окончательный Совет о нас в пятницу, а совет этот дает нам право, как говорит Горшечников[1], спокойно получать колы в те две недели, которые мы будем учиться после Святой, так как баллы будут уже выведены. Затем мое дурацкое дело хотя еще не кончилось (так как оно опять отложено), но есть надежда на благоприятный исход. Наконец, погода, которая до сих пор была ужасно скверная, теперь изменилась: и тепло стало и солнышко явилось. Вместе с ним и на душе у меня просветлело, хотя минутами бывает ужасно тяжело и преимущественно от нашей проклятой благородной бедности. А чтоб тебе, Зинурочка, не было скучно, я надеюсь к Святой, вместо себя, прислать тебе дневник, из которого ты узнаешь все, что я это время чувствовал и мыслил, даже лучше, чем от меня самого узнала бы. К тому же я надеюсь, что твои знакомые, вновь приобретенные, не дадут тебе скучать. Признаюсь, что не имею особенного желания лично узнавать их, хотя они, может, люди и хорошие. Потом ты можешь быть вполне спокойна и уверена, что я не изменю тебе, ибо несмотря на свои старания еще не нашел, да и не найду, кто мог бы мне заменить тебя, моя легкомысленная Зинурочка. Надеюсь, что и ты в Петербурге не найдешь никого лучше меня — в противном случае напиши. Относительно тамошней молодежи, которая, как ты думаешь, должна оказать на меня хорошее влияние, я тебе скажу одно: — не по душе она мне. А впрочем, как они там, выпивают здорово? Если выпивают, то, конечно, люди хорошие. Если же твой Петербург наполнен экземплярами, подобными почтеннейшему М.И., говорящими прописные истины, имеющими наклонность к самосовершенствованию и в сознании своих достоинств задирающими нос выше Адмиралт<ейского> (?) шпиля — то я им не товарищ. Неужели, Зиночка, ты так-таки и не расстанешься с Петербургом? и в Москву ни за какие деньги не поедешь? Ну да поживем — увидим.

Получил недавно письмо от Варвары. Не красно ей там живется. И ты, главное, ее забыла, так что она и у меня спрашивает, что с тобой. И я принужден был ответить, что и сам не знаю. Ведь действительно, из первого твоего письма я понял только, что ты подозреваешь меня в измене, советуешь мне подражать М.И., и что ты, кажется, была чем-то больна. Видно также, что ты расстроена. Из второго ничего нового к этим сведениям не прибавилось. Что с тобой происходит,

что так сильно расстраивает тебя; отчего ты никому не писала; как и чем ты живешь — ничего не знаю.

Постарайся, деточка, перетянуть В<арвару> к себе, если, конечно, ей может найтись там работа, а то она заглохнет в своем захолустье. Нат<алья> и Над<ежда> поживают, кажется, ничего, сносно; впрочем, я их редко вижу.

Прости, детка моя, за бессвязность и бессодержательность письма: еле сижу, так спать хочется, и ничего почти не вижу, глаза слипаются. Будь только уверена, что я преизрядно люблю тебя и больше всего тогда, когда ругаюсь. Знай, что еще ни один раз я не заснул без мысли о тебе, моем Боге, которому я верю, но которому не доверяю. Пойми, что я уж по одному тому не перестану любить тебя, что мне без тебя — капут. Прощай. Целую тебя столько раз, сколько может быть перестановок в этом слове (Не правда, видно сразу, что мне теперь 4 по математике?).

Твой Л. Андреев.

Мать кланяется, тетка кланяется. Влюбленный в тебя Лещинский просил передать тебе свои стихи, в которых говорит, что он сгорел от страсти, но я, кажется, потерял их. Целую твои ножки и ручки.

[1] Николай Иванович Горшечников, преподаватель истории и географии в Орловской гимназии. «Превосходно зная свой предмет, Горшечников умел увлекательно рассказывать, чем, естественно, привлекал слушателей. Отличался он и своим либеральным отношением к молодежи» [7, с. 18].

24

23 мая 1891. Орел

23 мая.

Зинаида,

Сегодня получил твое письмо. Не будучи свиньей, спешу ответить, но ограничусь пока пересказом одних наиболее важных событий, причем различные детали оставлю до следующего раза. После твоего отъезда, я, как и говорил раньше, стал пить. В субботу $11^{\text{го}}$ у нас кончилось ученье; решено было отпраздновать это солидной попойкой. Поехали на лодке; пили много, а я больше всех; часам к 11 я впал в бешенство, подобное тому, как на Святой у А.Ф., но еще более сильное и неукротимое. Картина 1-я. Я, освещенный заревом костра, стою с оскаленными зубами, с дикими глазами и говорю речь; красная рубашка с засученными рукавами и расстегнутым воротом и бутылка, которую я держу в руке и грожусь убить всякого, кто подойдет — делает меня действительно страшным. Речь

же произнесенная начинается так: «Вы все, подлецы, мать вашу… своей пошлостью и тупостью заели мою жизнь…» и т<ак> далее. Говорят, что я и трезвый никогда не говорил таких умных вещей, каких насказал тогда. Затем говорил некоторым в частности: так, Лещинскому: «Ты корчишь из себя идеалиста, а на деле такой же карьерист и мерзавец, как и все и т. д.».

Картина 2-я. Я разношу всех; паника; Шлеммер, спасаясь от меня бегством, переплывает реку; Арбузов[1] забирается в какой-то ров. Добираюсь до лодки, в которой сидят Лещинск<ий> и Плотников[2], и топлю лодку купно с пассажирами. Антоныч кричит: «Спасите, спасите!..», но, к счастью, оказывается мелко.

Картина 3-я. Я на лодке с Цвет<аевым>, Кречетниковым[3] и Лощинск<им> стараюсь нагнать реалистов, которых желаю бить; но так как гребу с такой силой, что после второго взмаха весло летит пополам, а Кречетников так пьян, что не в силах держать весла, то я бегу за ними по берегу. Они, выйдя из лодки, также бегут от меня, но потом останавливаются. Я врезаюсь в самый центр и через несколько минут ожесточенной борьбы, они меня сваливают и связывают. Я бьюсь головой о землю, затем развязываюсь как-то, бросаюсь в речку, откуда меня вынимают и отправляют, уже почти очухавшегося, домой.

Цветаев, один из всех не оставивший меня, хоть я его и бил, и со слезами моливший реалистов не бить меня, провожает меня домой (Реалисты были: Штернберг, Антонов, Харитон<ов> и Малинин).

После настроение отвратительное. Нервы вконец расшатаны, так что принужден пить все время. Во время наступивших за этим письменных экзаменов одна только водка поддерживает меня. Несмотря на это, сочинение пишу на 3, за что дир<ектор> страшно ругает меня; впрочем, экзамены сошли благополучно; по математике все три задачи списал при помощи Цвет<аева> и Арбузова. Но волновался страшно: *ни одной ночи не спал.* Провалившихся много. И.И. Немолякин по алгебре и тригон<ометрии> подал чистые листы. На него экзамены так же страшно подействовали: осунулся, похудел — и, кажется, задаром. У Козлова две задачи неверны. Всех решивших верно все задачи 6 человек и я в их числе.

Арбузов по геометрии не решил (виноват сам: я дал ему записку, а он не захотел переписать, потому что не понимал, откуда все это у меня берется; и часть взял моего, а часть своего оставил и вышла чепуха). Женичка Цв<етаев> решил (списал) все. Лещинский отчасти списал, отчасти сам решил. После экзамена мы все опять пили в Город<ском> саду. И вчера пили. И нынче пить будем.

Два часа тому назад мне сообщают, что меня кто-то спрашивает. Выхожу. Оказывается, от директора: просит прийти к нему на дом в пять часов. Зачем — неизвестно, Отправляюсь и ожидаю самого худшего. Оказывается, по делу Кутепова, которое разбирается завтра: Кут<епов> прислал директору письмо и просит обратить внимание на это дело, так что, говорит директор, мне теперь волей-неволей придется поставить 4 повед<ения>.

Хотя в данную минуту настроение мое довольно сносное, но я не хочу писать тебе ни о том, как подействовало на меня твое молчание (ты обещалась написать сейчас же по приезде), ни о том, как мне была приятна приписка в письме Вейнштока[4]. «P. S. Зинаида Николаевна просит *не обращать внимания* на то, что она Вам не пишет, что хлопоты (о примирении М.Г. и В<еры> Игнат<ьевны>[5]) и настроение (?!) не позволяют», ни о том, из-за чего и зачем я пью, ни о том, влюблен я или нет, а не хочу писать оттого, что боюсь наговорить тебе слишком много оскорбительных и грустных вещей. Но помни, что я никогда не прощу *этого* молчания и что *наши отношения с твоего отъезда изменились* (но не порваны). Целую тебя и твою руку.

Твой Л. Андреев.

---

[1] Александр Петрович Арбузов (1873–1916) — товарищ по гимназии, в будущем — близкий университетский друг. Как и Андреев, окончил юридический факультет Московского университета, был почетным мировым судьей в г. Болхове Орловской губернии.

[2] Владимир Александрович Плотников (1873–1947) — товарищ по гимназии, влиял на круг чтения Андреева, в частности, указал ему на работы Эдуарда фон Гартмана (*Дн1*. Л. 12 об.). Позже учился одновременно с ним на естественном факультете Московского университета, является прототипом Новикова, одного из персонажей «Рассказа о Сергее Петровиче», фабула которого связана с реальными событиями тех лет. В последующем выдающийся ученый, член-корреспондент АН ССР, основатель новой отрасли в электрохимии.

[3] Шлеммер, Цветаев, Кречетников — одноклассники Андреева; см.: [12, с. 59].

[4] В.А. Вейншток приехал в Орел летом 1891 г. и первоначально произвел своими радикальными взглядами глубокое впечатления на местную молодежь. Позже Андреев в нем разочаровался (см.: *Дн4*. Л. 23–23 об., л. 53 об. – 54). Организатор нелегального кружка, разгромленного в 1892 г., был дружен с В.И. Гедройц. Переводчик книги Ф. Ницше «Генеалогия морали» (СПб.: Вестник знания (В.В. Битнера), 1908).

[5] Серия эксцессов между В.И. Гедройц и ее женихом М.Г. П-ым в сентябре 1891 г. привела к кризису: после того, как Гедройц отправила ему «письмо с форменной отставкой», она получила ответ, в котором говорилось, что «пора кончать эту комедию, в которой он играл такую глупую роль. И он кончил ее, потому что, когда В.И. читает его письмо, его уже нет на свете. Конечно, с В.И. сейчас же нервный припадок; отправляется Зинаида к брату М.Г. узнать, действительно ли тот убил себя, — там ничего не знают» [2, с. 103]. Через два дня в дневнике Андреева отмечено: “О М.Г. вестей никаких нет. Можно предположить, что его письмо просто буффонада <…>» [2, с. 104]. Вместе с тем эту историю позже Андреев использовал (в трагическом ключе) в своем неопубликованном при жизни рассказе «Нас двое» (1899), см.: [4, с. 770–771].

25

30 мая 1891. Орел

30 мая 91.

Сию минуту получил твое письмо и спешу ответить, хотя решительно минуты нет свободной: завтра Закон, а я еще не готовился. Вчера был Совет; допущены все, за исключением Ив<ана> Иваныча. К Арбузову в 10 ч. ночи директор прислал сторожа с требованием явиться в гимназию. Там он, после изрядного нагоняя, заявил Арбузову, что только благодаря его, директора, стараниям он допущен, так как у него по гречески два, и по математике ужасно плохо. (Мне самому по алгебре 2). Сильно боюсь устных экзаменов: как есть ни черта не знаю, и готовиться почти не могу; вчера еще довольно сильно занемог, но нынче несколько лучше. Дело у мирового кончилось тем, что Кутеповой на ее прошение «о буйстве» отказано, а за «оскорбления и угрозы» я приговорен к 20 р. штрафу. Относительно 4 повед<ения> я спрашивал нынче директора, но он говорит, что вопрос о поведении будет обсуждаться 7 июня. Если мне поставят 4, то придется 1) ехать в Москву, где примут в университет *обязательно*, 2) лишиться права на стипендию и на освобождение от платы за ученье.

Теперь вкратце отвечу на другие твои вопросы, требующие слишком много времени для полного ответа. Я тебя люблю и никогда не сомневался в твоей любви, но наши любви вовсе не так сильны, как мы могли бы оба думать. Затем, я говорю, что наши отношения *изменились* вовсе не потому, чтоб я придавал много значения *одному* твоему молчанию, но потому, что вижу в нем подтверждение истины, в которой я убедился за твое пребывание здесь: *мы не понимаем и не можем понять друг друга*. И эта истина, а не твое молчание, служит основанием для перемены наших отношений. Как они должны измениться — напишу после, сейчас некогда. Замечу только, что они должны основываться на принципе *абсолютной* личной свободы.

Я пью сильно, хотя на время устных экзаменов придется, кажется, бросить это занятие. А пью я потому, что две недели тому назад для меня оставалось два выхода из гнетущего меня состояния: прикончить себя или пить. После целого ряда умозаключений, о которых тоже в свое время напишу, я пришел к последнему — и стал пить.

До сих пор я еще ни в кого не влюблен и, боюсь, не влюблюсь; ухаживать (за Д<митриевой>) ухаживаю, но фактически тебе не изменял. Об этом тоже после. Твое молчание огорчило меня потому еще, что ты 1) *обещалась* написать первой, тотчас по приезде

в Петербург, 2) и я находился все то время в таком мучит<ельном> состоянии, что твое письмо было бы для меня громадной поддержкой. — Приписке Вейнш<тока> я поверил потому, что там сказано: «Зин<аида> Ник<олавна> *просила передать*… и т. д.». — Арбузов от тебя в восторге; говорит, что в тебе первой видит настоящего человека. За время моего «пьянства» мы с ним еще более сошлись, и он, почти согласившись ехать со мной в Петербург, говорит только, что там не даст мне пить — много, конечно. Мать теперь тоже начинает сдаваться и не так уж ругает Пет<ербург>; дело, стало быть, за одной пятеркой. Вейнштока мать ненавидит и полагает, что я теперь совершенно подпал его влиянию. Почему она так думает — неизвестно. Ты слишком что-то боишься сплетен В<ейнштока>, но я постараюсь им не верить.

Итак, Зинурочка, прощай пока; спи спокойно и знай, что я теперь люблю тебя даже больше, чем когда ты здесь была. Ведь и ты, наверное, так же? Целую тебя, но не так, как ты думаешь, а крепко, крепко.

Твой Л. Андреев.

Сейчас пришлось быть свидетелем возмутительной картины: тяжело видеть слезы вообще, но невыносимо смотреть, когда навзрыд плачет двадцатилетний малый. Ты помнишь Наумова? Он ведь жил уроками и жизнь его сама по себе ад сущий, а тут он еще провалился на физике и его исключили. Страшно плакал; совестно даже за свою радость по поводу допущения становится, когда его увидел. Проклятая гимназия, с фундаментом бы тебя срыть нужно! И жизнь эта сволочная, беспроглядная.

Зинурочка, не смотри на то, что мало ласкательных слов написал: они у меня в сердце. Я люблю тебя, хотя чувствую, знаю, вижу, что в тысячу раз лучше было бы, если бы эту любовь уничтожить. Зиночка, вспомни твое письмо к кому-то из петербур<гских> знакомых. «*Единственная* отрада для меня — это ваши письма». Теперь вокруг тебя много отрад; кланяйся им, кланяйся Алек<сею> Ал. и скажи, что я, даже не видя его, на основании одних твоих рассказов, воспылал к нему нежной страстью. Целую еще много раз тебя.

Твой Лео.

Марок не присылай: теперь деньги есть.

26

1 июня 1891. Орел

1 июня.

Спешу воспользоваться свободной минутой и поговорить с тобой, моя дорогая Зинурочка.

Закон вчера сошел превосходно: мне удалось подметить один билет и заблаговременно выучить его. К довершению моего благополучия о. ректор, сволочь и придира, каких мало, явился только как раз к концу моего ответа. Нынче латинский тоже сошел благополучно и теперь приходится бояться (слегка) одной математики.

Вчера утром до экзамена виделся с В<ерой> И<гнатьевной>; довольно много говорили о Петербурге и всякой такой штуке. Узнал от нее, что ты никак не можешь добиться места и что, быть может, с половины июня поедешь к ней в деревню. Последнее для меня очень приятно: есть, стало быть, надежда увидеться с тобой, моя глупенькая Зиночка, полагающая, что я ее не люблю! В.И. мне очень понравилась. Скажи пожалуйста, свойство ли это всех петербуржцев — простота или только это В.И. такая? Удивительно, как я (а ты ведь меня знаешь) легко чувствовал себя с ней: как будто мы уже 200 лет знакомы. Днем же ко мне явился Вейншток, утерявший последнюю лепоту и благообразие, был у меня весь вечер и ночевал. Ты напрасно опасалась его сплетен: он оказался человеком очень благородным и или только хорошо говорит о тебе, или молчит. Несмотря на это благородство, разочаровался я в нем ужасно: в море слов капля дела. Скажи, он сильно ухаживал за В.И.? и где теперь и на каком положении М.Г.?

Чувствую я себя, Зинурочка, вообще, довольно сносно, но нынче хуже, чем вчера. Погода-дьявол виновата: дождь, холод, слякоть — точь-в-точь Петербург. Меня огорчает то, что тебе очень скверно теперь, одной, в Пит<ере>. Зачем ты порвала отношения с своими знакомыми? Не думай, голубка моя, что это приятно мне; нет, деточка, мне приятно, чтоб тебе было весело, но чтоб только я был для тебя дороже этих знакомых. А рвать с ними зачем? Без надобности… Неужели ты и с этим карапузиком бородатым тоже поссорилась?

У Арбузова и Лещинского экзамены идут тоже хорошо. Вот только греческого они боятся: ухитрились, дурачье, за письменный по паре получить, и их теперь будут страшно тягать.

Я не писал Варваре с Святой; если, голубчик, будешь писать ей, то извинись и скажи, что после экзаменов огромаднейшую епистолию пошлю ей. Да, Зинурочка, ты забыла здесь задачник Верещагина[1] и в нем карточку Николая Евграфовича; то и другое у меня спря-

тано. — Стаценко сошли от нас, и мы теперь на их месте; терраса теперь наша. Прощай, моя радость; теперь буду писать только после экзаменов, 6-го, и тогда подпишусь: полный студент, а пока тебя целуют только 3/4 студента

Л. Андреева.

Арбузов и Лещинский кланяются. Письмо не посылаю — денег нет на марки.

[1] Имеется в виду выдержавший множество изданий популярный «Сборник арифметических задач» математика и педагога Ираклия Петровича Верещагина.

27

8 июня 1891. Орел

8 июня 91.

Зинурочка, ура! Нынче утром имел неизреченное счастье получить из рук Ив. Михалыча аттестат, милый, дорогой, бесценный аттестат. И нужно отнести к чести нашего педагогического Совета вообще и И.М. в частности, что этот аттестат не запятнан четверкой поведения: поведение *отличое*. Представь, какой комизм: мне по-немецки на экзамене 4! Но пострадать вообще пришлось много; сама посуди: по математике на устном я отвечал ровно 1 ч. 20 мин., тогда как другие не больше 15 минут. Тягали как есть по всему курсу, а я готовился всего лишь *2 часа*.

Скверно только теперь одно: бедному Алекс<ею> Петровичу 4 поведения — за что, и черт их знает. Он, впрочем, не особенно огорчен. Да по математике-то: я тебе писал, что мне по всем отделам 3, а оказывается, что по тригонометрии 1, а по алгебре 2. А у Алекс<ея> Петрова и того лучше: по алгебре кол, а по остальным пара. Его с большим трудом допустили до устных. Ну да теперь все это к черту! Постигни, Зинурочка, теперь только одно: я, я студент, могу не знать математики, не помнить ни одного текста, судиться у мировых и т. д. А Кутепу-то нос какой! Мы еще вчера, бывши в подпитии, в 3 ч. ночи задавали ему под окнами серенаду, и голоса наши были столь дики, а напев так ужасен, что он принужден был во все горло звать городовых и сторожей.

Зиночка, что ты, радость моя, ерундишь и говоришь, будто я из жалости так писал тебе. Пора, голубчик, оставить это: знай твердо, что я тебя люблю, а ежели я говорю об изменении наших отношений, так только потому, что *я сволочь*, и прекрасно сознаю это. Я не могу не изменять, не могу не пить водки, не могу не безобразить; а если ты меня будешь удерживать от этого, то я тебя возненавижу. И я со-

знаю, что, будучи таковым, я не имею права требовать и *пользоваться твоей любовью.* И вперед тебе говорю: сколько б я ни давал тебе честных слов относительно беспорочности своего поведения, ты им, деточка, не верь: ни одного не сдержу, когда искушение явится.

У меня не рассудок руководит страстями, а наоборот, как сказал Горшечников. Поэтому отчасти замечательно верны и глубоки по смыслу слова твои: «видно, что ты любишь меня сердцем, а не головой». Да, Зинурочка, голова мне говорит: «брось эту любовь; ты сделаешь несчастным и себя и ее», а сердце, глупое сердце твердит одно: люблю, люблю! Ну да поговорим об этом, когда приедешь, а то писать не хочется. Настроение изумительное: спать не могу, нервы как струны: хочется двигаться, шуметь и т. д. Ты спрашиваешь, что значит фактически: значит, что я не осквернил уст своих сахарных ни одним поцелуем, и что другие части моего тела находятся в такой же ангельской чистоте. А вот объясни ты, что значит штемпель Москвы на твоих письмах? Я, как ни ломал голову, не мог понять. Мы с Вейнштоком довольно хороши. Сегодня он, кажется, уехал на Брянск *и другие места*, которые, как я боюсь после разговора с В.И., едва ли окажутся для него злачными. Он здесь старался совратить с пути истинного Арбузова, но, отдавши должное почтение его идеям, от более близкого знакомства с проповедником уклоняется. Прощай, деточка. Ожидаю скоро увидеть твою рожицу. Оставь ты поганый Питер и приезжай или ко мне, или к В<ере> И<гнатьевне> под сень струй. Не суди по разгонистому почерку и не думай, что это с целью больше места занять — нет, моя подозрительна Зинурка, это просто потому, что мое перо старается не отставать от моих мыслей. Прощай, тысячу раз целую тебя.

Твой студент Пет<ербургского> Им<ператорского> Унив<ерситета>

Л. Андреев.

Аттестат, ура!
Шапку я уже купил.

28

26 июня 1891. Орел

26 июня.

Ах, Зиночка, Зиночка, — скверно мне. Тоска смертная опять овладела мной; не знаю, что делать, куда бежать от ней. Утро-то и день еще ничего: забитый мелочами жизни, ходишь, говоришь, даже смеешься, как автомат, как не сознающая себя машина, но когда вечером в Саду останешься один, когда пробудится сознание и нах-

лынут на тебя страшные, скверные мысли — так, ей-богу, с радостью бы, кажется, уничтожил эту гнусную жизнь, что дает такие жалкие радости и такие могущественные скорби. С ненавистью гляжу на эту снующую, гомонящую толпу, на этих двигающихся, чувствующих, мыслящих манекенов. Вглядываюсь в каждое лицо с страстным желанием найти хоть одного человека, приметить хоть ничтожную искру Божию, — напрасно… Видишь одни пошлые лица, видишь одни бессмысленные глаза, слышишь одни убийственно скучные разговоры. Деревянные люди, деревянные мысли и чувства. И чудится минутами, что нет на самом деле ничего этого, нет ни Сада, ни этой толпы, что все это — шутка какого-нибудь злого волшебника, а что придет минута — и все рассыплется в прах, исчезнет, как дым и явятся настоящие люди, настоящая жизнь. Но проходит минута, проходит другая — а они все тут, они, единственно реальные, милые люди. Опять видишь себя затерянным в толпе, и возникает новый вопрос: «да что же такое сам-то я? откуда я беру право презирать и ненавидеть толпу?» Ведь взаправду, что я такое, как не такая же ничтожная, незаметная частичка презренного человечества, как и они. Быть может, среди них ходит такой же, как и я, так же ищет человека и не находит его, и смешивает меня с толпой. Есть ли в моей жизни, прошедшей и *будущей*, что-нибудь, что сделало бы меня хоть на линию <?> выше их, выделило бы меня из этого уровня посредственности и ограниченности? Нет, ничего нет. Говорю то же, что и они говорят, делаю то же, что и они. Ни один, решительно ни один мой поступок не выходит из этого уровня. Даже подлости мои, на которые я когда-то взял привилегию, так же мелки и посредственны, как и их. А голова, эта жалкая, безумная голова — отличается ли хоть на йоту от безмозглых голов этих идиотов? Родилась ли в ней хоть одна собственная оригинальная мысль, не была ли она весь век лишь снарядом, предназначенным для отражения чужих мыслей, чужих взглядов, да и то лишь таких, которые так же не выходят из уровня посредственности? Посредственность, посредственность и посредственность… Что такое Леонид Николаевич Андреев? А это — одна трехмиллиардная часть человечества!

И чувствуешь вместе с тем, что дремлет в тебе какая-то великая необъятная сила, и эта сила — сила любви. Найти бы только исход этой любви, полюбить что-нибудь так, как она того требует — и горы, кажется, с места сдвинул бы… Да что полюбить-то? Людей? Так ведь их можно только ненавидеть. Науку? Но науку любят умом, а у меня сердце, мятежное сердце ищет любви. Ведь сердце у меня чуть не разрывается от страстного, неистребимого желания любви,

а голова… голова только смеется над сердцем, над этими строками, писанными от сердца. Любить женщину? Но ведь женщина такой же человек, как и я, такой же смертный, несвободный, ограниченный, а я хочу любить то, что абсолютно, вечно, что меня, своего адепта, сделало бы бессмертным и великим… Да

Любить… Но кого же? На время
Не стоит труда, а вечно любить
— невозможно![1]

И все это ерунда. И ты, Зинурочка, пожалуйста не смейся надо мной, а, если можешь, постарайся почувствовать то, что я чувствую — мне будет легче. А тебе тяжелей… Вот он, беззастенчивый-то эгоизм человеческий. Не сердись, что я, любя тебя, говорю о любви к чему-то. Ты несовершенна. Александр Александрович… Но насколько могу я любить человека, настолько я тебя люблю. Люблю тебя как товарища по несчастью, т. е. по жизни, как друга, пред которым могу открывать святая святых души моей. А как пусто и бессодержательно это святая святых! Это, впрочем, в скобках. Еще люблю тебя как женщину — и эта любовь сильней всех, потому что теперь для меня во всем свете существует одна лишь женщина — это ты, ты, моя милая, дорогая, ненаглядная… А сейчас пойду в Сад — и опять буду тосковать. А нейти нельзя, и не быть одному также нельзя: если я все время, с утра до ночи, буду с этими милыми людьми, я сойду с ума и буду их «разносить». Прощай, целую тебя и жду письма.

Твой Лео.

[1] Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно…» (1840).

29

1–2 июля 1891. Орел

1 июля.

Очень рад, Зиночка, что тебе так хорошо живется. Напрасно ты жалеешь о своей теперешней неспособности жить умственной жизнью: она от тебя еще не уйдет, а здоровье тебе необходимо, вот ты им и запасайся. У меня самого, голубочка, несмотря на более благоприятные условия, редко, редко блеснет в голове какая-нибудь мыслишка, да и та сейчас же погаснет. Хотя на каждом шагу, всюду вокруг себя и в себе, видишь такие фактики, которые невольно вызывают критическую работу мысли, но сама мысль эта какая-то

сонная, вялая — противно думать даже. Таким манером я теперь, насколько это возможно, живу растительною жизнью: ем за пятерых, сплю за десятерых, а думаю за половину. Скучновато все-таки, серо как-то, и в настоящем и в будущем. «Будем жить вместе»… это действительно хорошо, да только нужно присоединить сюда еще один глагол взаимного залога, который может испортить эти хорошо, именно: «будем ругаться». Авось, впрочем, этого в новой обстановке и не будет. Скверно то, что теперь во всякой вещи одну ее изнанку видишь — и унываешь. — Несколько вечеров подряд бывал у Дмит<риевых>, вчера ходил с ними в Ботанику[1]. Мы с Л<юбовью> Н<иколаевной> окончательно решили быть братом и сестрой, и теперешние наши отношения, ежели они продолжатся, позволяют думать, что это возможно. Мне теперь совестно ее обманывать и корчить из себя влюбленного. В самом деле, она очень порядочный человек. Все вообще их семейство очень хорошо относится ко мне, так что я давно уже решил сбросить с себя напускное дон-жуанство и быть с ними, как с людьми хорошими, запросто. Совсем почти теперь не пью и не чувствую позыва к водке, но без нее очень трудно поддерживать душевное равновесие. Можете приезжать к нам смело: весь дом будет к вашим услугам: целых 10 комнат, в какой хочешь, в той и располагайся. Комфорту, конечно, ждать нечего — ты знаешь, как мы живем, — но пристанище есть. Повторю еще раз, что ваш приезд для меня был бы очень приятен. Передай В<ере> И<гнатьевне> мою благодарность за ее приглашение. Я бы — несмотря на прежде сказанное мною — воспользовался им, но дело в том, что я запоздал с своим прошением в унив<ерситет>, и мне теперь приходится возиться с перепиской бумаг и т. д. Передай ей также мои объятия родственного свойства и таковой же поцелуй. Тебя также, *голубка моя* (совсем нечаянно написал, извини) целую, но только и с количественной и с качественной разницей, т. е. целую бесчисл<енное> множество раз и притом крепко-прекрепко. —

Твой Л. Андреев.

2 июля. Зинурочка, я тебя очень люблю.

Мать была недавно в заведении, где ей делали какую-то операцию, и теперь несколько прихварывает. Вар<вары> не видал, а П.Ф. нет в Орле.

---

[1] Ботанический сад в Орле.

30

2–5 июля 1891. Орел

Так как до отхода почты времени еще много, а марок всего одна, то вместе с письмом к В<ере> И<гнатьевне> напишу и тебе несколько строчек, моя дорогая Зиночка. Но ведь

Non multum, sed multa[1],

и ты в этих немногих строчках найдешь очень много. Найдешь прежде всего, что я не забыл о твоем существовании и даже наоборот: думаю о тебе денно и нощно, и в особенности на сон грядущий: тогда сны хорошие видишь. Люблю тебя крепко-прекрепко. Сила моей любви в данную минуту, наверное, не меньше тысячи лошадиных сил. Сравнение хотя несколько аляповато, но зато верно. К женскому полу влечения никакого не чувствую, и каждая новая женщина, которую я вижу, заставляет меня только в более ярком свете видеть твои преимущества.

<сердит…>[2] за твое письмо. Какое ты имеешь право говорить: «писать нечего»? Да я, например, могу говорить о тебе 40 дней и ночей подряд, и все-таки всего не выскажу. Можешь письмо наполнить одним словом «люблю» и в одном этом слове будет столько смысла, столько содержания, сколько не найдешь его у всех мастеров разговорного дела. Я, Зинурочка, все продолжаю изнывать и казниться о своем ничтожестве. Ну да эта минута просветления скоро пройдет, и я опять сознаю себя великим, таким великим, как Эйфелева башня.

На твой вопрос, как учить граммат<ику>, ничего удовлетворительного сказать не могу. Иногда примечания и мелкий шрифт бывает важней крупного. Пока учи крупный, а когда приедешь в Орел, я покажу, что нужно учить из примечаний. Параллельно с изучением грамм<атики> занимайся переводом, а то иначе у тебя сейчас же все испарится. Напиши, когда приедешь, я выйду встречать. К В<ере> И<гнатьевне> я не могу поехать[3] потому, что 1) опасаюсь оказаться нежеланным гостем для ее родителей, и тем поставить ее в неловкое положение и 2) буду, с своим характером, стесняться. А это хуже всего. Надеюсь скоро увидеть тебя, моя радость. Целую тебя без счета.

Твой Лео.

---

[1] Не много, но многое (*искажен. лат.*: non multa, sed multum).

[2] Дефект текста, так как край письма оторван.

[3] Речь идет о приглашении в гости в имение родителей В.И. Гедройц. Андреев вскоре принял это приглашение; см. п. 33.

31

7 июля 1891. Орел

7 июля.

Зиночка, ты, наверно, поняла мое письмо, усмотрев в его бессодержательности признаки моей нелюбви. Я тебя люблю, но у меня в голове ни одной мысли нет и нет на языке слов, которыми я мог бы говорить о своей любви. Я же тебе об этом написал и теперь еще раз повторил, чтоб ты и из этого письма не вывела того заключения, что я не люблю тебя или люблю мало. А на тебя я, детка, сердит: слишком мало ты мне пишешь и оставляешь меня на жертву орловским влияниям. Ты ошибаешься насчет наших отношений с Дмитриевой. Она относится ко мне совершенно бескорыстно и не имеет никаких притязаний на мою любовь, как известно ей, вполне и безраздельно принадлежащую З.Н. Сибилевой. Несмотря на то, что я довольно часто хожу к Дмит<риевым>, эти визиты не мешают мне и не избавляют от матушки-сивухи. Последнюю неделю пил, и довольно сильно. Но ты не сердись и не огорчайся, а пойми, что иначе нельзя: можно с ума сойти от нашей пустоты и скуки, если время от времени не вливать в себя «воды живой», затуманивающей ум и из ничего создающей воздушные замки. Ты своими разговорами о приезде только расстроила меня: ожидал тебя каждый день и всуе радовался. Вчера вечером были у меня Арбузов и Лещинский. Лещинский по обыкновению наводил тоску своими старушечьи-благонамеренными рассуждениями и планами будущей жизни; Арбузов, по своему обычаю, хандрил и говорил, что только со мной он может перекинуться живым словом. Он пошел на компромисс: едет пока в Москву, а к Рождеству или в будущем году намеревается перебраться в Питер. О З<инаиде> Н<иколаевне> по-прежнему отзывается восторженно и краснеет, когда я говорю, что он понравился тебе и Гедройц. Через неделю он, по всему вероятию, будет опять в Орле. Он остался очень недоволен своей ролью пятой спицы, и боится, что если будет жить с нами в П., будет представлять из себя то же. Он, кажется, — судя по недосказанным словам и намекам, — очень желал бы взять роли первых любовников, не к тебе, конечно, но вообще. — Я снялся, послезавтра отправляю прошение; с Варварой иногда вижусь в Саду, где ее прогуливает тетка. Ты получила ее письмо? Вейншток сильно пьет и говорит горькие истины Алек<сандру>А<лександровичу> и его присным. Ал<ександр> А<лександрович> невидим и непостижим. Я этому, по совести, очень рад. Вейншток спрашивал у меня, как расстались В.И. и М.Г. Ответил, что хорошо. В<ейншток>, кажется, до сих

пор пламенеет к В.И., хотя скрывает это. До свидания, Зинурочка, целую тебя и жду как можно скорей в Орел.

Твой Л. Андреев.

Поклон Вере Игнатьевне. Арбузов также кланяется.

32

13 июля 1891. Орел

13 июля.

Дорогая моя Зинурочка! Приехать едва ли придется, и, во всяком случае, приеду не раньше среды, да и то если удастся достать билет на свое имя. Не сердись. Пойми, что мне и самому хотелось бы повидать тебя, моя деточка, и побыть с тобой. Сейчас, Зинурочка, 1/2 одиннадцатого, лег вчера в 3 ч. и теперь насилу встал, чтоб написать письма. Вчера был в Саду, где видел интересную компанию: А<лександра> А<лександровича>, Вейнштока, Розу и Короткова. Они сидели и за столиками и воодушевлялись, так что к концу вечера Вейншток ораторствовал на весь сад, вызывая комментарии к своей речи у соседей. У Дм<итриевых> я не был, нынче, должно быть, пойду: мне хочется поговорить с Кореневым (товарищем Ильина), который вчера приехал и нынче будет у них. Люблю тебя, Зиночка, сильно, хандрю еще того сильней: вчера весь день, как в воду опущенный, проходил. В следующем письме поговорю, как вяжется эта хандра с любовью и отчего она. А пока, детка дорогая моя, прости меня и прими от меня уверение в том, что ничего бы я сейчас так не хотел, как целовать тебя, целовать долго, крепко, горячо до умопомрачения.

Твой Л. Андреев.

33

15 июля 1891. Орел

15 июля 91.

Извини, Зиночка, что пишу не так часто, как обещал. Дело в том, что, давая обещание, я совершенно упустил из виду одно обстоятельство: семикопеечную марку, которую надо наклеивать на каждое письмо. Ты, счастливица, и не поймешь, как можно не писать из-за такого ничтожного обстоятельства и найдешь какую-нибудь другую сверхчувственную причину — но ты будешь неправа. — Сообщу тебе неожиданную и приятную новость. Вчера вечером, во время чая, является ко мне некая особа, в которой я сразу узнаю Ольгу Ярославну. Целью ее прихода было узнать твой адрес и оставить тебе свой, который я и сообщаю: Екатеринослав, Заводская улица,

дом Абазы. Она довольно сильно изменилась, похудела, постарела. Расспрашивала о тебе, что и как; показал ей твои карточки. Говорит, что ты на них слишком напоминаешь «барышню», но я ее успокоил и сказал, что ты та же, что и раньше была, только еще легкомысленнее стала. Расспросить ее о своей жизни я не имел возможности, так как при разговоре присутствовала мать и Т.Г. Знаю только, что она едет на родину, но о дальнейших ее намерениях и планах не имею понятия. Просила тебя писать ей. Не могу тебе сказать, понравилась она мне или нет. Удивительно только, что разговаривая с ней, я чувствовал, как будто мы давно, давно знакомы. С ней была какая-то тучная, гиппопотамовидная госпожа, но кто она — не знаю.

Ходил нынче в В. Прав<ление> доставать себе билет, но не достал: из Петерб<урга> приехало какое-то высшее начальство, Хлуденев[1] все время занят, так что видеть его нельзя было. Пойду опять послезавтра, и если достану, то в тот же день и выеду, т. е. буду в Слободище *в четверг утром.* Мне почему-то не особенно хочется ехать, хотя в Орле тоскую смертельно. Тоска временами доходила до того, что, увеличься она еще на йоту — и, кажется, с радостью убил бы себя. В особенности скверно было в субботу. Вечером, как я уже писал, отправился к Дм<митриевым>. Коренева не было. Следующая картинка даст понять тебе, как я был далек и от веселья и от самомалейшей тебе измены. Надежда и Арх<ангельский> играют на рояли какую-то наиглупейшую польку-мазурку, причем Архангельский подпевает и оба они хохочут. Я стою тут же, смеюсь с ними и на глазах у меня слезы, но не от смеха, а от страшной, невыносимой, душевной муки. С Люб<ой> за весь вечер обмолвился двумя-тремя словами. Но вчера вечером видел ее опять в Саду и долго гулял с ней. Но и тут я не изменил тебе, хотя был *несколько* пьян и бесшабашен. С удовольствием повторил бы тебе весь разговор наш, но не в состоянии, вследствие его вящей нелогичности и бессодержательности, а также потому, что рассказом только увеличу свою хандру, чего я *не хочу*. Да, Зинурочка, заметь, пожалуйста, это слово, тебе теперь часто придется иметь с ним дело. Видишь, я это время очень много размышлял о себе и о моем отношении к окружающим меня людям вообще, и к тебе в частности. Вот что я нашел. Вследствие особенностей моего развития, в силу которого у меня нет своей точки зрения ни на один предмет, я слишком часто свою *мысль*, свои *желания* подчиняю (иногда совершенно бесцельно) окружающим меня людям. Это заставляет меня страдать и мучиться сознанием своей несвободы. Крайним проявлением этого сознания служат мои дебоширства и расшибания. Я тебе как-нибудь после

объясню причинную связь между этим сознанием и расшибаниями, а пока буду продолжать. Итак, я подчиняюсь всем — и тебе, Зиночка, в особенности. Зависит это от того, что я тебя больше всех люблю. Ты, например, просишь меня — помнишь? — ехать с платформы, а не идти, потому что ты будешь беспокоиться обо мне. Для меня гораздо лучше было бы идти, но я знаю, что это тебе будет неприятно, мне жаль тебя — и я еду. Ты скажешь, что так и нужно, а я скажу — нет. В самом деле, мало ли какая фантазия может придти в голову любящим меня и[2]

---

[1] Николай Петрович Хлуденев, управляющий земской Орловско-Витебской дорогой. Андрееву нужно было получить льготный (или бесплатный) билет именно по этому направлению, так как он был приглашен в местечко Слободище Брянской губернии, где находилось поместье родителей В.И. Гедройц и где его уже ждала Зинаида Сибилева. Там он пробыл приблизительно с 18 по 23 июля.

[2] Текст обрывается.

34

24 июля 1891. Орел

24 июля.

Ну, Зинурочка, я уже в Орле. В Брянске Цветаевы приняли меня очень хорошо: накормили и напоили, еле до вокзала добрался. На вокзале (меня провожал Цветаев с братом и еще одним субъектом) опять пили, так что как только ввалился в вагон, так сейчас же заснул и только в Смоленске проснулся. Голова трещит и приклонить ее некуда — денег нет. Пошел с своим чемоданчиком шататься по городу — жара — смерть, еле двигаюсь. Добрался до Город<ского> Сада и, как сел, так сейчас же заснул. Проснулся, пошел в другой сад, разлегся на лужайке — и опять заснул. Проснулся от дождя — на мне сухой нитки нет. Отыскал трактир, напился чаю, купил колбасы и отправился с ней на берег. Там расположился около моста и, к соблазну прохожих, поел ее. Пришел на вокзал, сел и поехал домой. Всю дорогу спал. Во все время путешествия думал о тебе, моя радость, и не всегда эти мысли были радостны. Только замечтаешься о тебе, явятся, как живые, и рожица твоя милая, и губки, и вся ты, моя дорогая, милая — и вдруг сбоку тебя является этот длиннобородый пес и начинает целовать твои глазки… Конечно, мечты к черту, а вместо них изрыгнешь непечатное ругательство, к которым я имею слабость, и плюнешь и на него и на тебя. Ну, Зинурочка, бойся моей любви: несдобровать тебе, если изменишь — своими руками задушу. Если теперь при воспоминании развивается во мне так много зла, что, кажется, с удовольствием вырвал бы с корнем твои глазенки,

опоганенные этим нечистым животным, то что же выйдет, если ты мне на глазах сильно изменишь? Убью, ей-богу, убью! Да, деточка, тебе нужно порвать с твоим петербургским прошлым, со всем, со всем. Смеялась ты над Зинкой Рукав<ишниковой> <?> и Аракчеевой, а в сущности чем ваша жизнь лучше ихней? Тем, что они по Эрмитажам шляются, а вы по Аркадиям[1], — сущность же одинакова. У вас, впрочем, велись при этом просветительные разговоры, с помощью которых ваши безобразия облекались в форму дела — да ведь это еще хуже. Туман от этих разговоров заполонил ваши головы — и вы теперь зубами готовы загрызть того, кто стал бы ругать вашу жизнь. А со стороны-то видней. Да и сама, скажи по совести, что дал тебе Петербург? Развитие? Знания? нравственность? привычку к труду и любовь к нему? сделал тебя менее легкомысленной? Нет, Зиночка, одно дал он тебе — опыт, и дорожи ты этим опытом. А этот год — вычеркни из своей настоящей жизни. Ну довольно, не будем поднимать прошлого, а подумаем о настоящем. Ну как ты там устроилась? и как себя чувствуешь?

Начну с завтраго хлопотать о билете для тебя. А кроме Дмит<риевых> не знаю, где и достать. Зинурочка, дорогая моя, мне ужасно хочется опять быть с тобой. Ты так мало была со мной — и не наговорился и не нацеловался я с тобой. Был с тобой — а теперь опять один. Выпить, что ли? Придется, а то ошалеешь с тоски. Бедный М.Г. — он уже ошалел. Все время был, как ошпаренный. Почему В<ера> И<гнатьевна> была так суха и придирчива при прощанье? и почему она разом не покончит с этой галиматьей? Ведь она даже Вейнштока любит больше, нежели М.Г. Это было бы и честней и гуманней — т. е. порвать сразу. Впрочем, она сама достаточно умна, чтоб знать, что делать. А мне тебя очень хочется поцеловать. В Смоленске я нашел скамейку, где ты, помнишь, нацарапала свой вензель. Нашел я этот вензель, поднялись роем воспоминания, я расчувствовался и… заснул. Зинурка, неужели ты так же много думаешь обо мне, как и я — о тебе? А может об Арбузове или об той поганщине, что зовется А.А.[2]? Я теперь тебе совсем мало верю, уж больно ты, свинья этакая, хитроумна и изворотлива — из воды суха выйдешь. До свиданья, моя радость, мое сокровище неоцененное, целую тебя тьмы тем раз. Ах, как хорошо, если б это можно было бы проделать не на одной бумаге! Помнишь кондуктора? Я с ним ехал назад, и он смотрел на меня с уважением. Целую твою лапочку.

Твой Лео.

Скажи В<ере>И<гнатьевне>, что я скоро буду писать ей и передай поклон ей и Коссовой.

[1] «Аркадия» — увеселительный сад в Петербурге, открытый в 1881 г. купцами Д. Поляковым и Г. Александровым на берегу реки Большая Невка, славился множеством развлечений (эстрада, открытая сцена, постановка оперетт, цыганские хоры, рестораны).

[2] Вероятно, А.А. Хренников, общий орловский знакомый, который осенью 1891 г. поступит в университет и окажется в Петербурге вместе с З.Н. Сибилевой, а потому станет объектом постоянной ревности Андреева. Ср. позднейшую запись в дневнике, от 3 октября 1892 г.: «А повлиять на Зинаиду легко. Стоит только льстить ей, как можно грубее и беспардоннее — и она готова. Хренников же, А.А., несмотря на свою ничтожность, которую признает сама Зинаида, человек ловкий и сумеет легко обойти дурочку. Он ее, наверно, и обошел. Еще в мою бытность в Питере, он так ловко обращался с Зинаидой, что она нередко заявляла мне: “А.А. гораздо лучше относится ко мне, чем ты. Если б он был поумнее да поразвитей, я полюбила б его”» (*Дн5*. Л. 122 об.).

35

26 июля 1891. Орел

26 июля.

Зинурочка! Исполняю твое и собственное желание — поздравляю тебя с днем рождения.

Думал я поразить своих пушкарей рассказом о пожаре[1], а вышло наоборот: они меня поразили. Во втор<ник>, в 4 часа дня в сильный ветер загорелось у нас на угле (у нас, т. е. на Пушк<арной>) рядом с домом Болхов<атина?>. В каких-нибудь 3/4 часа сгорело 6 домов, несколько было разломано. Наш дом находился в сильнейшей опасности. О силе ветра и огня можешь судить по тому, что вся Пушкарная и прилежащие к ней улицы выносились и что у бабушки в саду загорелась вынесенная мебель. Дома у нас переполох был ужаснейший: всеобщий рев, крик. Дети были куда-то отправлены, у матери, вследствие сильного потрясения, открылась прежняя болезнь. Нам помогли вынестись Сахаренок, Хатяев и другие знакомые, буквально все перебывавшие в тот день у нас. Были даже Дмитриев и Наталья. Тушили до 1-го часу другого дня. Подозревают поджог. Пушкарная, а с нею и мама, и до сих пор еще не успокоились. Был и несчастный случай: пожарные налетели на извозчика и так сильно помяли его, что через день он умер. Прости, что пишу так бессвязно: устал и спать хочется. Передай В<ере>И<гнатьевне>, что поручения ее я не исполнил и телеграммы не послал по следующим причинам: на Любохну мы приехали после второго звонка. Когда я напомнил князю о телегр<амме>, он сказал, что пошлет ее из Брянска. На Стеклянной он был все время около меня, так что на его глазах и после его слов, мне посылать телеграмму было неловко. А в Брянске он сам послал. Что пишет Родин? Дорогой мы говорили с И.И. о на-

мерениях В<еры> И<гнатьевны>. Он толковал о ее непрактичности и любви к порханью и доказывал, что дело у нее не пойдет, а я упирал на энергию В<еры> И<гнатьевны> и на ее благие намерения. Кто кого убедил — не знаю. Зиночка, вышли мне, как можно скорей, мою книгу, а то мне читать решительно нечего. Квартира наша снята Поляковыми за 22 р. в месяц. Маловато, да что ж поделаешь. Перейдут с 1-го августа. До свидания пока, Зинурочка. Целую тебя. Передай поклон: глубочайший В<ере> И<гнатьевне>, Д.К. и всем Коссовым и нежнейший Н.И. Спроси у Егор<а> Ефим<овича>, не годится ли ему мой билет от Брянска до Орла (я ехал по билету И.И., в 1-м классе), а то я ему пришлю его. Не забудь, голубчик, прислать книгу. Что-то вы сейчас там поделываете? На основании того, что я клюю носом, вы, я полагаю, уже спите. Утешила В<ера> И<гнатьевна> этого ершеобразного офицерика? или он по-прежнему жалеет, что приехал в Слободище? Еще раз целую тебя и прошу уничтожить это письмо как плохой образчик моих писательских и умственных способностей.

Твой Л. Андреев.

Книгу!

[1] Во время отдыха в поместье родителей Гедройц Андреев стал свидетелем большого пожара. Позже эти впечатления сделаются основой для рассказа «Набат» (1901). В тексте рассказа упоминается деревня Слободищи.

36

30 июля 1891. Орел

30 июля.

Спасибо тебе, Зинурочка, за книгу: ты и не знаешь, как много ты для меня сделала, приславши ее. Одно только не хорошо: почему ты не пишешь ничего? Быть может, занялась другой корреспонденцией? Тогда Бог с тобой — но строчку одну написать все-таки надо. А у меня дела плохи. В воскресенье был ужасно пьян; понедельник болен; а сегодня также нездоровится. Дорогой в Орел простудил глаз, и теперь никуда выйти нельзя, до того он распух. Довольно сильная скука и ощутительная потребность в сильных ощущениях. Настроение то же самое, что и в Слободище было: боишься быть один, стараешься ходить, говорить и всячески действовать, дабы отвлечь себя от внутренней работы, работы самоанализа, который на этот раз грозит мне всем самым скверным. Радуюсь, что уехал из Слободища: хотя теперь к нам переходят Поляковы, так что все мы живем в амбаре, где на мою долю приходится только полтора

аршина пространства, однако я на этих полутора аршинах чувствую себя дома свободней, чем в Слободище на десяти. В этом никто, конечно, из слободищевских не виноват, а виноват всецело один я. Да, Зинурочка, вот для тебя еще новость, несколько неожиданная и неприятная: я решил не показывать тебе дневника. Не возражай на это афоризмом: «у нас с тобой не должно быть тайн друг от друга» — он не выдерживает критики. Если хочешь, я как-нибудь на свободе приведу разумные доводы в пользу своего решения, только боюсь, это будет напрасно: ты не поймешь их и не убедишься ими. По своему обыкновению приписывать подобные решения моей нелюбви к тебе, ты и на этот раз поступишь так же, хотя, честью тебя заверяю, твой контроль был *всегда* тяжел для меня. Не сердись, Зинурочка, но пожалей меня: ведь все следствие моего сознания несвободности, над которым ты, помнишь, смеялась. Напиши, как идут дела относительно пансиона и куда «порхнет» В<ера> И<гнатьевна> — в Париж или в Питер? Передай В.И. мой поклон и скажи ей, что письма, которое она послала накануне моего к ним приезда, я не получал. Очевидно, оно было слишком велико и не дошло с одной маркой. Поклонись всем, как есть, и не забудь В.Л. Целую тебя.

Твой Лео.

Видел вчера в саду М.И., гулял с Васильевой.

37

2 августа 1891. Орел

2 августа.

Зинурочка, что ж ты ничего не пишешь? Неужели это так трудно, или, быть может, некогда? О себе говорить совсем нечего. Был раз у Дмит<риевых>, — и, кажется, последний раз. Бываю в Саду, вижу там Наталью. Говорил с ней о сестрах, о неприятном положении Бориса, для которого в Орле нет вакансии, а в Елецкую не хотят отдавать. Говорил с ней о няне, говорит, что очень плоха, на ладан дышит, в понедельник чуть не померла. Просила сообщить тебе об этом — быть может, найдешь нужным и возможным приехать. Я на всякий случай выйду встретить тебя в субботу на платформу. Скверно то, что если ты приедешь, тебе придется остановиться у Зайцев<ых>, так как у нас абсолютно негде. Если думаешь приехать несколько поздней, сообщи, я выйду встретить тебя.

Твой Л. Андреев.

38

7 августа 1891. Орел

7 августа.

Зинурочка, голубчик мой — что с тобой делается? Только сильным расстройством нерв могу я объяснить и твои беспричинные (*в сущности*) слезы, и твои нелепые предчувствия, и те измены с моей стороны, о которых ты говоришь, как о совершившемся факте, но которые существуют только в твоем воображении. Откуда опять-таки эта уверенность, что я уже не люблю тебя, и просьба откровенно сказать об этом? Неужели ты все это выводишь из моего якобы скверного поведения в Слободище и из того, что я не хочу давать тебе своего дневника? Зинурка, детка моя, перестань быть такой маленькой. Я люблю тебя, люблю. Если я иногда и бываю скверен, так это, деточка, только следствие моего гадкого характера и каких-нибудь посторонних причин. (А они в Слобод<ище>, напр., были). Если я не хочу пока давать тебе дневника, так это вследствие каких-нибудь соображений — подчас слишком оригинальных, для того, чтобы быть нормальными — но все-таки соображений, но никак не нелюбви. Потом — эта Дмитриева. Да, Зиночка, будь я в другом настроении, я, пожалуй, и мог бы, ну хоть на словах изменить тебе — но теперь это для меня так же невозможно, как невозможно взобраться на луну. Чувствую я себя теперь хорошо, голова работает на диво, и если я изменяю тебе ради кого-нибудь, так это только ради книг, которые я буквально глотаю. И сказать ли тебе, какого я мнения о Дмитриевой, чтоб уж раз навсегда избавить тебя хотя от нелепых, но тем не менее, очень неприятных подозрений. Я ее презираю — но не в том пошлом смысле, с каким модистка говорит это своему «кавалеру», но в том глубоком смысле и значении этого слова, для объяснения которого не хватит целой книги. Я много знаю; слишком много для того, чтоб быть счастливым, и вполне достаточно для того, чтобы читать в душе человека, как в раскрытой книге. И я понял душу Дмит<риевой> — и это понимание стало презрением. О ней достаточно. Передам тебе некоторые факты. Няня по-прежнему плоха, но умереть может через год, а может и завтра. Вернее, что еще долго протянет. Был 4 и 5 ав<густа> Арбузов. Условились с ним ехать вместе, *обязательно* 18го августа.[1] — Надеюсь, что и вы соберетесь как раз к этому времени. Карточки тебе не дал: говорит «к чему?» Постарайся понять этот вопрос, в нем много лестного для тебя смысла. Архангельский достанет билет, но только мне одному, т. к. он сам с Дмитриевым едет в Москву и будет просить билет на три лица. На четыре, говорит, нельзя. Сообщи мне поподробней и поясней, чем

порешили дело о пансионе, а то из предыдущих писем я ничего не понял. Ну, до скорого свидания, Зинурочка. Целую тебя. Передай поклон В<ере> И<гнатьевне> и всем остальным. Да, объясни, пожалуйста, про какое это спокойствие я ей говорил? Я что-то не помню ничего такого, а может и забыл. Прощай.

Твой Лео.

---

[1] На самом деле Андреев выехал в Петербург позже. 17 августа он записывает в дневнике: «Я отложил свой отъезд до 20 или 21. Не хочется что-то уезжать» (*Дн4*. Л. 66 об.). А 3 сентября констатирует; «Вот уже полторы недели, как я в Петербурге» [2, с. 81].

39

9 декабря 1891. Москва

9 декабря.

Все идет в высшей степени хорошо. Без всяких затруднений перевез сам на извозчике вещи на Курский вокзал, отправился затем на извозчике (поезд наш опоздал на час и я боялся не застать Карташева в Правлении) в правление и весьма легко достал билет. Карташева я сам даже не видал, а попросил только передать ему карточку. Оттуда отправился в Кремль — и вот сейчас я сижу у Лещинского. Благодаря тому, что все идет удачно, настроение мое несколько улучшилось и я настолько уже спокоен, что кажется в состоянии буду спать. О тебе, дорогая моя Зинурочка, продолжаю неустанно думать и соображать, что ты делаешь в каждый данный момент. А на самом деле, что ты сейчас делаешь? Сейчас 4 часа, ты только что пришла с курсов, и наверное, в ожидании обеда лежишь и думаешь о реферате или обо мне. Да, кстати о реферате. Как хорошо, что в последнюю минуту на вокзал явился Комаров и отвлек твои мысли от меня и перенес их на этот самый реферат. Ну до свиданья. Тысячу раз целую. Прости, что мало: некогда.

Твой Л. Андреев.

40

11 декабря 1891. Орел

11 декабря.

Вот я и дома, дорогая моя Зинурочка, — и благодарю тебя за это, крепко благодарю. Приехал я так: на вокзале меня никто не встретил (Арханг<ельский> не получил моего письма) и я один приехал домой и даже въехал на извозчике на двор — никто не видал. Потом я вбежал в дом: мать сперва было не узнала, а там слезы, целые реки слез. К счастью, была у нас тетя, которая несколько привела мать

в чувство, хотя и сама плакала. Только что я успел прилечь соснуть, пришел Архангельский, за ним Немолякин с сестрой и просидели весь вечер. Все вообще обнаруживают большую радость по поводу моего приезда. Не было вчера одного только человека и одного этого мне больше всех хотелось видеть. Я говорю не про Дмитриеву, а про Ильина, который прибыл в Орел накануне меня. Сейчас был я у Подобед — ну нисколько не изменились: так же молчаливы и скучны. Замечательная вещь, Зинурочка: всего только второй день я в Орле, а кажется, что никогда не уезжал из него. Все питерское представляется сном. И знаешь, совсем не так хорошо я себя чувствую, как ожидал: скучно мне без тебя. Как вспомню, что тебя нет со мной, что я не могу, как только захочу, подойти к тебе, так все окружающее разом теряет в моих глазах всякий интерес и значение. Сегодня предстоит нелегкая обязанность: играть роль облагодетельствовавшего. Не привык я к ней. Да вот еще какая штука: вчера, награждая своих конфектами, я совсем забыл, сколько кон<фект> моих и сколько ваших, и решивши наугад, что ваших четыре коробки, остальные роздал. Потом только схватился я, что ваших пять, а не четыре, но уж взять назад неловко было. Думаю устроить фальсификацию: купить коробку у Губста и сказать, что это из Питера. Мать очень благодарна за материю. Что касается шарфа, то он ей очень понравился — она назначила за него 5 руб., — но только говорит, что слишком для нее ярок. Рассказал я ей, что ты для меня делала — она сказала, что она это всегда подозревала и потому только не так сильно беспокоилась обо мне. Зинурочка, как я люблю тебя, моя голубочка, как мне совестно пред тобой, что я отнял у тебя последние деньги и вдобавок еще как будто выражал недовольство, что мало. Ну пока покончу письмо. О том, как тут без меня жили, поговорю после. Жду твоего письма, деточка. Как идет дело с моим прошением. Прощай, целую тебя, мою голубочку. Не изменила еще мне? А я гляжу на твое колечко и вспоминаю тебя и думаю, что без тебя мне на свете жить не стоит. Прощай.

Твой Л. Андреев.

41

16 декабря 1891. Орел

16 декабря.

Первым делом, Зинурочка, сообщу тебе то, что для тебя будет новостью, а здесь давно уже стало ходячей истиной. Вы, т. е. четыре сестры и Борис, получили наследство. Каждая из сестер по тысяче, а он 11 тысяч. Тебе и Варваре, как совершеннолетним, деньги будут

выданы в конце этого месяца или в начале будущего, прямо в руки. Когда мне сказали об этом дома, я было не поверил, но потом увидел Наталью и она подтвердила это. Вчера встретился еще с Борисом и Лелькой Зайцевым, и Борис снова уверил меня, что деньги эти не миф и будут вами обязательно получены. Вот здорово-то, Зинурочка! Ты теперь можешь прекраснейшим образом устроить свою жизнь: урок передашь мне, можешь, если захочешь, и с пансионом развязаться, но ты едва ли этого захочешь. А что самое главное: ты можешь теперь приехать в Орел. Остановиться можно у Натальи, у нее комната большая. Тебе только предварительно стоит обратиться письменно к дяде, который ведет дела, и узнать, когда в точности получите вы деньги. Теперь перейду к себе. Совсем я, Зинурочка, завертелся, гуляю напропалую. Смотри, как и с кем провожу я время. Во вторник у меня присутствуют Немол<якин> с сестрой и Архангельский, мы слегка выпиваем; в среду мы с Арх<ангельским> вместо бани попадаем к Ильину, пьем с ним и идем к Дмитриевым все вместе. В четверг я, Арх<ангельский> и Ильин у Коссовых, в пятницу я, Арх<ангельский> и Козлов у Натальи (Ильин в пятницу утром уехал на неделю в Москву). В субботу у меня гости: 4 Подобед, Дмитриева, Овечкина, Наталья, Немолякина, Козлов, Лещинский, Арх<агельский>, Немолякин и Поляков; утром перед этим я был на именинах у Стаценко, а в воскресенье утром на именинах у Коссова, вечером был у Подобед, где познакомился с Ридигер; сегодня вечером иду к Дмитр<иевым>, а завтра утром к Немолякину, вечером же к Пановым. Соня приехала только вчера. Видишь, Зинурочка, как разнообразно провожу я время. Изменять тебе не изменял, тем паче с Дмит<риевой>. Правда, она ко мне слишком хорошо относится, я ей плачу тем же, но от *такого* отношения переход к измене слишком труден. Меня все находят сильно переменившимся, и кто только ни увидит в первый раз, обязательно кричит: «ах, как вы похудели и подурнели, ах, какие у вас волосы!» и т. д. Надоели они мне с этими аханьями до страсти. Относятся все ко мне хорошо; девицы Подобед, несмотря на свою велию застенчивость (?), чувствуют себя со мной как со своим человеком: просят доставать им молодых людей, устраивать увеселения и т. п. Только с двумя лицами отношения у меня не совсем в порядке. Первое — Наталья. Хотя в первый же день по приезде я услыхал о ней много такого, что уменьшило мою и без того невеликую охоту видеть ее, я тем не менее был у нее и даже пригласил ее к себе, в субботу и старался не обращать внимания на все те претенциозные глупости, которые всегда ее отличали: напр., изволила прочесть мне нотацию за то, что я сказал Варвара, а не

В<арвара> Н<иколаевна>. Не обращал я внимания потому, что хотел привлечь Нат. в круг удовольствий, центром которых является моя особа, и не для себя, конечно, ибо мне без Натальи и ее глупостей много веселей, а для нее собственно, ибо она одна скучает, хотя ей и «увлекаются» (?). Но в субботу Наталья вела себя так несуразно, изрекала такие вещи, что я, хотя и сдержался и ничего не заметил ей, тем не менее теперь уж постараюсь как можно менее видеть ее. Она стала мне физически противна, и я совершенно не могу выносить ее присутствия. Я знаю, тебе это неприятно, но ты сама хорошо знаешь, что такое Наталья, и не станешь вину случившегося слагать на меня. Второе — Ильин. Ильин страшно боялся объяснения как с моей стороны, так со стороны знакомых, которым он всем чем-нибудь да понапакостил, и потому боялся ходить к ним. К его удивлению не только я не потребовал от него никаких объяснений, но даже устроил так, что и знакомые их не требуют. Благодаря этому сердце грешника размягчилось настолько, что он сам стал искать объяснений, от коих в свою <очередь> уклоняюсь, и даже на день отложил свой отъезд в Москву, хотя никто не просил его об этом. Хотя мы ни слова не сказали друг другу лично о себе, и все время вращались на общих вопросах, но он, кажется, остался таким же, как и прежде. Мне было, Зинурочка, ужасно завидно, когда я узнал, что ты была на «Демоне»[1] и будешь на «Гугенотах»[2]: мне так хотелось их посмотреть. Большое тебе, деточка моя, спасибо за твое письмо: я знаю, как ты любишь писать письма, и полученное мною нынче служит *большим* доказательством твоей любви, и что бы там, Зиночек мой, ни было, знай, что без твоей любви пропащий я человек. До свиданья. Целую тебя и твои лапочки. Твой без изъятий

Л. Андреев.

Я уж, говорят, немного поправился, а вернее, привыкли к моей худобе.

Мать кланяется.

---

[1] Опера Антона Рубинштейна (1875).

[2] Опера немецко-французского композитора Джакомо Мейербера (1836).

42

22 декабря 1891. Орел

22 декабря.

Зинурочка, что с тобой, отчего ты молчишь? Меня твое молчание беспокоит. Хотя я не изменил тебе и не сделал, кажется, ничего такого, о чем не мог бы после рассказать тебе — но мне все время

представляется, что я в чем-то виноват перед тобой. Представлялось это и дорогой домой и теперь все время представляется. Но в чем вина — не понимаю. Она, очевидно, не в недостатке любви, ибо люблю тебя я очень сильно, и не в моем здешнем поведении, которое скверно, конечно, как и всегда, но не заключает в себе ничего такого, что могло бы оскорбить тебя. Только видишь, Зинурочка, какая вещь: кажется мне, что я хоть люблю тебя, но слишком мало высказываю свою любовь — и в этом, по всему вероятию, состоит моя действительная, или мнимая вина. Правда это или нет, Зиночка?

Вдобавок, я еще сознаю, что в прошлом моем письме также очень мало видна была моя любовь; едва ли также можно ее увидеть в том, что я редко пишу тебе. Только на все это есть свои причины, и надеюсь, ты найдешь их заслуживающими внимания. Во-первых, в том письме я прежде всего извещал тебя о получении тобой наследства, а, видишь ли, сейчас же после этого заговорить тебе о моей любви — было бы несколько… неловко. Я знаю, мы давно уже перестали различать «твое» и «мое» и оба эти местоимения слили в одно: «наше»; знаю, что мне нечего смотреть на свое самолюбие, потому что в таком случае нужно было бы раньше посмотреть на него, в то время, когда у нищего суму брал; ты, наконец, знаешь, что те подачки, которые год тому назад меня, жившего трудом своих рук, привели бы в негодование, теперь не только не приводят в негодование, но переполняют душу умилением и заставляют слагать благодарственные гимны — чуть ли не в стихах даже. Что ж поделаешь — оподлел, только. Прибавилась, стало быть, к ряду прежних новая величина, которую в свое время нужно будет привести к одному знаменателю — имя ему ты знаешь — и больше ничего… Да так вот, видишь ли, о чем я хочу сказать: я хочу сказать, что, как я ни плох стал в нравственном отношении, но еще не дошел до того, чтобы спокойно переносить подозрение в том, что я люблю того, кто мне деньги дает. Хотя без сомнения, все это: и самоугрызения разные и опасения — все это одна лишь игра в благородные чувства, потому что в конце-то концов я и деньги возьму, и если что из старенького пожертвуете, то и от этого не откажусь — но это зависит от того, что я еще не совсем освоился с своей ролью. — А вот посмотри, что через год будет! Похерятся благородные чувства, как похерились раньше многие другие, как похерится когда-нибудь и вся жизнь — и стану я… Так вот почему, дорогая моя Зиночка, я и был так сух в прошлом письме. А пишу я тебе так редко потому, что трудно бывает доставать бумаги и марок. Твою вторую марку я наклеил на письмо к Арбузову (он прислал мне письмо на второй день моего

приезда сюда. Уговаривает все в Москву переходить и ручается за счастливую жизнь), а так как эти дни нас постигло временное безденежье, то я и принужден был ограничиваться тем, что в голове писал к тебе письма — не такие: это против моего желания вышло таким амбициозным. Теперь скажу вкратце о моей жизни. Сутолока вся прекратилась — и я довольно изрядно скучаю. Думаю все больше о том, когда я это все к одному знаменателю приводить буду — и пью водку, где придется. Изображаю — к сожалению, неудачно — дон-Жуана и стараюсь ухаживать за разными девами и девицами, но не клеится дело, отвык. У Дмит<риевых> бываю довольно редко, и хотя только раз был трезвый, а то все пьяный — измены однако никакой не учинил и едва ли учиню. У Дм<итриевой> есть форменный обожатель в лице некоего из сослуживц<ев> Шведова, и дело, пахнет, кажется, «Исайя ликуй»[1]. Ильин еще не приезжал из Москвы и мне без него скучно. Вращаясь все среди людей высокого развития, начинаю несколько уподобляться им. Скучно, Зинурочка, жить на свете! Так скучно, что и в аду позавидуют. Расскажу кое-какие новости. На Болховской встретила меня твоя тетка, остановила и спрашивала о вас. Удивилась, что ты живешь в пансионе: она слышала, что ты живешь где-то на квартире. Спросила, нуждаетесь ли вы в деньгах, на что я, радостным голосом, заявил: очень. Она ответила, что «Александр сегодня или завтра (это было в понед<ельник>) посылает вам 50 р. к празднику, а там, когда нужно будет, еще пошлю». Вообще была очень милостива. Только, Зинурочка, если наследство получено, не будь овечкой и требуй от Зайц<ва> все деньги, а то выйдет то же, что с прежними. А закон на твоей стороне. Затем: в Петербург едут — Петр Федорович и *Иван Иванович Миронов*. Ну, других новостей пока нет. Что твой реферат? А Комаров? Увивается? И как дело с деньгами из Университета? Ты получишь письмо, вероятно, на первый день: будут в пансионе визитеры, ты будешь с ними весело говорить, а тут вдруг это письмо, едва ли веселое. Только ты наплюй на него. Я тебя, моя хорошая, милая деточка, люблю и всегда буду любить, а что касается остального — то все суета сует. Рано ли, поздно ли, хорошо ли, дурно ли — а все в конце концов один черт. До свиданья. Крепко-прекрепко целую тебя, целую твои лапочки, глазки… и т. д. Понимаешь? Прощай.

Твой Л. Андреев.

Жду письма. Поклон всем и Радину.

---

[1] Церковное песнопение, исполняемое при обряде венчания.

43

23 декабря 1891. Орел

23 декабря.

Пользуюсь оказией в лице П<етра> Ф<едоровича>. Зиночка, ты серьезно беспокоишь меня. Ничем не могу объяснить твоего молчания. Уж не больна ли ты? Или поспела изменить? Пиши мне, деточка, пиши больше: я очень тоскую здесь, как и везде и всегда. Хотелось бы хоть минутку посмотреть на тебя. Стоит передо мной твое личико, каким оно было на вокзале и мешает мне вдаваться в безобразия. Таким ли оно, это личико, осталось? Или улыбаться стало? Мое лицо стало шире, но теперь опять начинает вытягиваться. Не дождусь праздников — ну а что будет после них, боюсь подумать. Знаешь, я здесь хвалю Пет<ербург>, говорю, что жить там не особенно дурно, и действительно, по временам с удовольствием вспоминаю о своей в нем жизни, но когда я начну представлять свою будущую в нем жизнь, — я прямо начинаю ненавидеть Питер. Опять поганый Университет с погаными лекциями, профессорами и студентами, опять дервизовские обеды[1], опять бесцельное шатанье, говоренье, опять лестное участие в кружках полоумных саморазвивателей, опять тоска, опять скука. Только одно хорошее из всех этих «опять» и есть — это ты, хорошая моя деточка. Да и на тебя-то тошно смотреть: будь ты весела и счастлива — а то тоже, беганье с пансиона на курсы, уроки, слезы, нездоровье, ссоры… Голубочка ты моя, да что же это за жизнь проклятая, деваться некуда. И насколько ни загляни вперед — все то же и то же, вплоть до апофеоза, т. е. такого же глупого, бесцельного возврата туда, откуда вышел — в бесконечность. А ты говоришь: не пить! Да разве можно не пить? Зачем не пить? И скорей, и веселей, и безумней, и счастливей и полней становится жизнь, когда мозг отуманен водкой. Тоже, как и все, жить начинаешь, тоже становишься восприимчив и к горю, и к радости. А то нет тебе ни горя, ни радости, одна скука смертная. Детурочка моя, напиши, что хоть тебе весело, что хоть ты довольна. Дорогая моя, как бы хотел я сейчас спрятаться у тебя на груди, как бы хотел хоть поплакать при тебе, а то без тебя и слезы-то не льются — а с слезами легче. Пиши мне, Зиночка, пиши больше, больше. Буду ждать, как и все это время, каждый день от тебя писем. Дай Бог только, чтоб не так безуспешно, как до сих пор. Целую тебя, деточка, в полной уверенности, что ничьи еще горячие губы не прикасались к тебе. Прав я, в этой надежде? До свиданья, голубка моя, целую, целую…

Твой Л. Андреев.

[1] В Петербурге существовали две дешевые столовые, связанные с фамилией фон Дервиз: одна — на Васильевском острове (12 линия В.О., дом 23), а вторая — на Петербургской стороне, на Ружейной улице. Описанию малоаппетитных десятикопеечных обедов в подобном заведении посвящен неопубликованный при жизни рассказ Андреева «Голодовка» (РАЛ. MS.606/В.4). В дневнике, в записи от 5 октября 1891 г., он упоминает «очень скверный, грязный обед у фон Дервиза» [2, с. 112].

44

24–27 декабря 1891. Орел

24 декабря,
вечером.

Зина, прошу тебя, не выводи меня из терпенья! Почему ты молчишь? Ты представить не можешь, как действует на меня это молчанье и вечное ожидание письма. Пишешь, пишешь письма, отправляешь их куда-то в пространство — и ни слуху, ни духу. Получила ли ты письмо, затерялось ли на дороге, жива ли ты, здорова, или умерла — ничего неизвестно. Молчание. Ведь это черт знает что! Неужели твоей любви хватило на одно лишь письмо — а потом даже двух строк написать нельзя. Я не прошу от тебя длинных посланий, требующих времени и желания писать, — я требую, чтоб ты написала хоть одно, два слова, чтоб мне не приходилось строить разных предположений и догадок о том, что с тобой. Я не требую ни любви от твоих писем, ни утешения — я требую только, чтоб ты не ухудшала моего и без того скверного положения, чтоб ты не взвинчивала моих нерв молчанием. Я знаю, что значит это молчание, знаю по опыту — но если ты изволишь увлекаться, развлекаться и т. д., то будь хоть вежлива, не оставляй меня в неизвестности. Помню, ты молчала целый месяц; я, идиот, делал предположения о твоей болезни, чуть не проливал слез от жалости, а после оказалось, что ты это время разъезжала по Аркадиям и т. д. Если это письмо оскорбит тебя, вини себя. Я нахожусь в том состоянии, когда достаточно пустяка, чтоб довести меня до бешенства — и мне не до деликатностей. Если я не получу письма от тебя за эти два проклятые дня, пока мое письмо дойдет до тебя, изволь мне сейчас же ответить, как только его получишь — больше четырех дней ждать не буду. Если ты больна, то заставь написать Варвару, но обязательно напиши.

О себе мне писать нечего. Все то же. Скверно во всевозможных отношениях. Изменить, к сожалению, еще не изменил, к сожалению, потому что ты заслуживаешь этого. Отделалась — и довольна!

Прощай

Твой Л. Андреев.

27 дек.

Прости, Зиночка. Письмо мое несколько грубо, но не придавай ему большого значения. Я посылаю его — чего не хотел было делать — потому, что до сих пор ты молчишь, и я до сих пор очень плохо чувствую себя от неизвестности. Прошу тебя, напиши мне.

Мне пришла в голову новая мысль: что ты сердишься на меня за мой отзыв о Наталье. Но это было бы глупо, и я этого не допускаю. До свидания. Целую тебя.

Твой Л. Андреев.

45

29–30 декабря 1891. Орел

29 декабря.

Не знаю, Зиночка, что отвечать на твое письмо. Спасибо тебе за то, что ты его написала, но только в следующий раз не пиши так, чтобы из чтения письма можно было подумать, что никаких ты писем от меня не получала, ничего о моей жизни не знаешь и т. п. Хотя я уж привык к тому, что ты пропускаешь мимо ушей половину того, что я тебе говорю, но все-таки неприятно читать такие нелепые вещи: «тебе скучно в моем обществе и весело в обществе Овечкин<ой> и т. д.». Я повторю тебе еще 1001 раз, что мне, друг мой, к сожалению, скучно *везде*: скучно в обществе Радиных, Конст. etc., скучно в обществе Дмит<риевых>, Овеч. etc., скучно в обществе собственного *я*, скучно и в твоем, потому что ты мое второе я. Скучал я в Питере, скучаю в Орле, буду скучать везде, куда ни попаду — буду скучать по той простой причине, что веселье и скука зависят не от того, какие люди окружают субъекта, а от того, каков сам субъект. И скука приходит ко мне не извне, а постоянно находится внутри меня. Всюду ношу я ее с собой в виде «проклятых вопросов» — и не решаются эти вопросы оттого, что сейчас предо мною сидит Арханг<ельский>, а завтра будет сидеть Радин. И если бывает у меня минута веселья, так мне за эту минуту приходится платить столькими муками, что тебе никогда и не снилось. Да — а ты, Зинурочка, с твоим крохотным, детским миросозерцанием, с своей несчастной привычкой делать обязательным для всех то, что тебе кажется хорошим — ты говоришь такие наивные и смешные вещи: «ты унижаешь меня и себя тем, что бываешь у Дмит<риевых>» и т. д.

Милая моя — да разве может быть речь о самолюбии и унижении там, где дело идет о жизни и смерти? Разве может преступник, которого сейчас повесят, оскорбляться тем, что у палача грязные руки и от него дурно пахнет? Эх, Зиночка, Зиночка, пора тебе понять, что

это не одни только слова, что тяжело мне жить, нестерпимо тяжело, что тот день, когда я себя убью, будет счастливейшим днем в моей жизни. И недалек этот день, недалек… Сейчас, Зиночка, я разрешаю тебе рассмеяться и пожать плечами.

Действительно, я несколько увлекся и забыл, что подобные слова, когда за ними не следует *дело*, смешны и жалки. Эх, если б ты испытала хотя десятую часть того, что я сейчас испытываю! Ну да все это пустяки. Поговорим о чем-нибудь, более серьезном. Ты часто бываешь в театре? Это хорошо. Только не нужно исписывать об этом целые страницы. Ты мне не изменяешь — это очень хорошо, но только не забывай, что это отрицательное достоинство. Нужно еще положительное — нужно *любить*. Радин не достал денег? Жаль. Деньги нужны позарез. (Да, Зиночка, нетактично писать о том, что театр берет у тебя массу денег, — и сейчас же прибавлять, что ты не можешь послать марок за *неимением денег*).

30 декабря.

Спасибо, Зинурочка, за письмо. Я тебе вполне верю, и знаю, что ты мне не изменила и, быть может, даже не хочешь изменять. Молчание же твое так скверно подействовало на меня потому, что я все время нахожусь в очень дурном настроении, меня преследуют разные тяжелые мысли о будущем — и вот как раз в это время ты, как показалось мне, начинаешь дурно ко мне относиться. Ты знаешь, голубочка моя, я не шутя говорю тебе, что без тебя мне жизнь не в жизнь. Я могу ухаживать за другими, могу в погоне за разными ощущениями, которые так для меня необходимы, могу даже изменять тебе — но всегда ты для меня останешься единственно милой, дорогой, единственно мною любимой Зинурочкой. Я сержусь на тебя, оскорбляю тебя — в то время, когда сержусь, всего сильнее люблю тебя. Я знаю, что в наших отношениях я всегда почти грешил против тебя; знаю, что сам я требователен, а никаких требований с твоей стороны не исполняю — но вот за это все я и люблю тебя. Не люблю тебя за одно: за то, что ты не хочешь понять меня, не хочешь понять того, что я и сам не хотел бы быть таким человеком, что я отдал бы черт знает что за то, чтобы иметь возможность не пить, не безобразничать и т. д. Я не слепой; я знаю, к чему ведут меня водка и безобразия, но я не могу отказаться от них, не могу, потому что мне *скучно*. Да, скучно, все дело в этом *скучно*. А скучно потому, что у меня нет живого дела, а дела не может быть потому, что я не люблю людей, не верю ни во что, ни в Бога, ни в душу, ни в науку, ни в себя, наконец. И остается мне жить одними ощущениями, другими

словами, шаг за шагом убивать себя. Это я и делаю и не могу не делать.

Поблагодари Радина за деньги. Хотя они очень нужны здесь, но я их оставлю у тебя, но не <на> квартиру, а на то, чтобы доехать до Питера, потому что здесь денег я достать буквально не могу ниоткуда. У Дмитр<иевой> я брать *не хочу*. И если ты мне не вышлешь денег, я принужден буду остаться в Орле. Ах, Зинурочка, как скверно становится мне, когда подумаю, какая жизнь предстоит мне в П<итере>. Опять эти обеды, опять нужда, опять вся эта гадость. А тут еще в Университет платить. Как, откуда, чем — а черт ее знает. Хочется мне в Петербург, а как подумаю обо все этом, так кажется, что никогда б не заглянул туда. Я думаю ехать в П<итер> к 25 января. Узнай, голубчик, у Радина, нужно мне будет докторское свидетельство или нет. Денег, чтоб уплатить штраф и другие долги, мать достала под вексель. Кроме того, Дмит<риева> дала ей 10 руб. — Ильин приехал на второй день Р<ожде>ства, видимся часто, но отношения чисто внешние, формальные. Когда остаемся вдвоем, то молчим. 3 января приедет в Орел Алек. Петрович, кажется, на один день. Я ему передал твои слова о карточке. Он говорит, что, по условию, должен сперва получить твою. Был у тебя Петр Федор.? Деньги на поездку можешь послать с ним. Голубочка моя, как мне жалко, что ты больна. Я, как ни стараюсь, все здоров. Только нервы расстроены черт знает до чего, даже валериановку пью, а ты знаешь, как это мне приятно. Деточка моя, не сердись на меня. Забудь обо всем, помни только, что я люблю тебя, что я сплю и вижу, как бы расцеловать тебя, мою хорошую, милую Зинурочку. Ну до свиданья. Скоро еще напишу, мне доставляет удовольствие писать к тебе. Целую тебя и прощаю тебе все твои прегрешения. Ты за это не сердишься? Еще раз прощай.

Твой Л. Андреев.

Здоровье матери плоховато: одна — а работы и заботы на десятерых хватит. Слыхала: Теоф<илия> Ив. поступила на сцену, получает 25 руб. Говорят, ей кто-то покровительствует. Кланяйся Варваре и В. И. Целую тебя.

Принятые сокращения

Сокращенно даются ссылки на рукописные подлинники дневников Л. Андреева, хранящиеся в Русском архиве в Лидсе (РАЛ; Leeds Russian Archive). Лидский университет (Великобритания)[6].

Дн1 — Дневник. 1890.03.12 — 1890.06.30; 1898.09.21.// РАЛ. MS.606/ E.1.

Дн2 — Дневник. 1890.07.03 — 1891.02.18.// РАЛ. MS.606/ E.2.

Дн3 — Дневник. 1891.02.27 — 1891.04.13; 1891.10.05; 1892.09.26.// РАЛ. MS.606/ E.3.

Дн4 — Дневник. 1891.05.15 — 1891.08.17 // РАЛ. MS.606/ E.4.

Дн5 — Дневник. 1892.09.26 — 1893.01.04 // РАЛ. MS.606/ E.6.

Литература

1. Адрес-календарь Орловской губернии. Орел: Изд. Орловского губерн. статистического о-ва, 1885. 263 с.

2. *Андреев Леонид*. Дневник 1891–1892 гг. / публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 г. СПб., 1994. С. 81–142.

3. *Андреев Л.Н.* Дневник. 1897–1901 гг. / подгот. текста М.В. Козьменко и Л.В. Хачатурян (при участии Л.Д. Затуловской), сост., вступ. ст. и коммент. М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 296 с.

4. *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. 808 с.

5. «Да, вы друг, истинный друг…» Письма Леонида Андреева к Л.Н. Дмитриевой (1891–1892) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Л.Д. Затуловской // Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 5–30.

6. «Дневник» Леонида Андреева / публ. Н.П. Генераловой // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. С. 247–294.

7. *Кен Л.Н., Рогов Л.Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: ООО «Издательско-полиграфическая компания “КОСТА”», 2010. 430 с.

8. *Козьменко М.В.* Артур Шопенгауэр в ранних дневниках и позднейших произведениях Леонида Андреева: К проблеме корреляции философской и художественной картин мироздания // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. № 6. С. 21–30.

9. *Козьменко М.В.* Писатель Поль Бурже и гимназист Леонид Андреев: (Круг чтения и парадигмы поведения и письма) // Новый филологический вестник. 2009. № 3 (10). С. 108–116.

10. *Козьменко М.В.* Э. фон Гартман и Л.Н. Андреев: переклички двух пессимизмов. Статья 1 // Русская литература. 2021. № 3. С. 53–64. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-53-64.

---

[6] Выражаем глубокую благодарность хранителю Русского архива в Лидсе Ричарду Дэвису за предоставление расшифровок рукописей дневников Л. Андреева, а также за большую помощь в подготовке публикации.

11. *Мец А.Г., Заверный Л.Г.* Гедройц Сергей // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М.: Большая Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 535–536.

12. *Фатов Н.Н.* Молодые годы Леонида Андреева. М.: Земля и фабрика, 1924. 368 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Leonid Andreev's Letters to Zinaida Sibileva Part 1 (1890–1891)

© 2021. Natalia P. Generalova, Mikhail V. Kozmenko

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This is the first complete publication of Leonid Andreev's letters to his first lover, Zinaida Nikolaevna Sibileva. The course of their relationships between 1889 and 1892 was stormy and very uneven. The letters reveal a lot of previously unknown features of Andreev's life as a schoolboy and student. But more important is a certain diary of writer's "mental states" reflected in them, the stream of his complex, sometimes "borderline" psychological experiences. Believing (with a reference to the authority of Maupassant) that the letters most accurately highlight the personality of a person, that they "reveal the soul without any embellishment," Andreev at the same time regarded his epistolary opuses (as well as his diaries) as a kind of writing exercise.

Keywords: Leonid Andreev, writer's biography, letters, archives, Russian literature of the early 20th century, the culture of modernism.

Information about the authors: Natalia P. Generalova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Mikhail V. Kozmenko — PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1229-2210 E-mail: uzium@mail.ru

For citation: "Leonid Andreev's Letters to Zinaida Sibileva. Part 1 (1890–1891)," text prep. by N.P. Generalova, comm. by M.V. Kozmenko. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 49–135. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-49-135

References

1. *Adres-kalendar` Orlovskoi gubernii* [*Orel Government Address Book*]. Orel, Izdatel'stvo Orlovskogo gubernskogo statisticheskogo obshchestva Publ., 1885. 263 p. (In Russ.)

2. Andreev, Leonid. "Dnevnik 1891–1892 gg." ["1891–1892: The Dairy"], publ. by N.P. Generalova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 g.* [*The Yearbook of the Pushkin House's Manuscript Department for 1991*]. St. Petersburg, 1994, pp. 81–142. (In Russ.)

3. Andreev, L.N. *Dnevnik. 1897–1901 gg.* [*The Dairy. 1897–1901*], text prep. by M.V. Kozmenko and L.V. Khachaturian (co-authored with L.D. Zatulovskaia), comp. and comm. by M.V. Kozmenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2009. 296 p. (In Russ.)

4. Andreev, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [*Complete Works and Letters: in 23 vols.*], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2005. 808 p. (In Russ.)

5. "'Da, vy drug, istinnyj drug…' Pis'ma Leonida Andreeva k L.N. Dmitrievoj (1891–1892)" ["'Yes, you are a friend, a true friend…' Leonid Andreev's Letters to L.N. Dmitrieva (1891–1892)"], introd., text prep. and comm. by L.D. Zatulovskaia. *Leonid Andreev: Materialy i issledovaniia* [*Leonid Andreev: Materials and Research*], issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2012, pp. 5–30. (In Russ.)

6. "'Dnevnik' Leonida Andreeva" ["'The Dairy' by Leonid Andreev"], publ. by N.P. Generalova. *Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli* [*Literary Archive: Materials on the History of Russian Literature and Social Thought*]. St. Petersburg, 1994, pp. 247–294. (In Russ.)

7. Ken, L.N., Rogov, L.E. *Zhizn` Leonida Andreeva, rasskazannaia im samim i ego sovremennikami* [*The Life of Leonid Andreev, Told by Himself and His Contemporaries*]. St. Petersburg, OOO "Izdatel'sko-poligraficheskaia kompaniia "KOSTA" Publ., 2010. 430 p. (In Russ.)

8. Kozmenko, M.V. "Artur Shopengauer v rannikh dnevnikakh i pozdneishikh proizvedeniiakh Leonida Andreeva: K probleme korreliatsii filosofskoi i khudozhestvennoi kartin mirozdaniia" ["Arthur Schopenhauer in the Early Diaries and Later Works of Leonid Andreev: On the Problem of the Correlation of Philosophical and Artistic Pictures of the Universe"]. *Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka*, no. 6, 2010, pp. 21–30. (In Russ.)

9. Kozmenko, M.V. "Pisatel' Pol' Burzhe i gimnazist Leonid Andreev: (Krug chteniia i paradigmy povedeniia i pis'ma)" ["The Novelist Paul Bourget and the Schoolboy Leonid Andreev (Choice of Reading Matter and its Influence on Behaviour and Writing Practice)"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (10), 2009, pp. 108–116. (In Russ.)

10. Kozmenko, M.V. "E. fon Gartman i L.N. Andreev: pereklichki dvukh pessimizmov. Stat'ia 1" ["E. von Hartmann and L.N. Andreev: Exchanges Between the Two Pessimisms. Article 1"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2021, pp. 53–64. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-53-64 (In Russ.)

11. Fatov, N.N. *Molodye gody Leonida Andreeva* [*The Early Years of Leonid Andreev*]. Moscow, Zemlia i fabrika Publ., 1924. 368 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.10.2021
Одобрена после рецензирования: 05.11.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 19.10.2021
Approved after reviewing: 05.11.2021
Date of publication: 25.12.2021

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-136-145

Итальянские масоны и русское революционное движение: история Всеволода Лебединцева (о прототипе героя «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева)

© 2021, М.А. Ариас-Вихиль

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН хранится запись лекции итальянского масона, писателя и журналиста Арриго Риццини «Идеи и драмы Максима Горького», прочитанной автором 13 марта 1903 г. на заседании Литературно-философского кружка Римского университета. Тексту лекции автором предпослано посвящение: «Марии Феликсовне Зеленской и Всеволоду Владимировичу Лебединцеву с братской любовью посвящаю», приоткрывающее важную, но малоизвестную страницу истории русского революционного движения — его связь с итальянскими масонами и тайной помощи итальянских масонских организаций русским эмигрантам-революционерам, в числе которых был и В. Лебединцев, герой повести Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных», где он выведен под именем Вернера. Расследование Министерством внутренних дел Италии случая казни в 1908 г. эсера-боевика под именем итальянца Марио Кальвино вскрыло факт довольно масштабной и эффективной деятельности итальянских масонов по легализации русских революционеров в России и в Европе путем предоставления им паспортов членов масонских лож (только за 1907 г. было передано более 100 паспортов). Масоны, бывшие противниками насильственных действий, видели в русских революционерах, прежде всего, жертв самодержавия и борцов за гражданское общество, а не террористов, как об этом свидетельствует случай М. Кальвино.

Ключевые слова: А. Риццини, В. Лебединцев, Л. Андреев, М. Кальвино, М. Горький, итальянские масоны, «Рассказ о семи повешенных».

Информация об авторе: Марина Альбиновна Ариас-Вихиль — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Архив А.М. Горького, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4182-8213 E-mail: marina.arias@mail.ru

Для цитирования: *Ариас-Вихиль М.А.* Итальянские масоны и русское революционное движение: история Всеволода Лебединцева (о прототипе героя «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева) // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 136–145. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-136-145

Доктор Арриго Риццини был служащим Министерства земледелия Италии. Однако проблемы сельского хозяйства далеко не исчерпывали интересы этого итальянского интеллигента, магистра Ложи Порто Маурицио, одной из самых влиятельных масонских лож Италии. Риццини, известный писатель и журналист, одновременно руководил Римским отделением международной студенческой организации доброй воли «Корда Фратрес» («Corda Fratres», лат. «Сердца-братья»), объединявшей самые широкие круги европейской молодежи (в числе членов организации — Дж. Пасколи, Г. Д'Аннунцио, Г. Маркони и др.). Но и это по сути лишь деталь его биографии — одно из проявленных осуществлений его мировоззренческих установок, связанных с масонством. Мечта самого известного итальянского масона Дж. Гарибальди о свободном и демократическом гражданском обществе, не потеряла актуальности и для итальянского масонства следующего поколения, оказавшего огромное влияние на духовный климат эпохи, несмотря на систематическую критику со стороны правительственных кругов (в частности, именно поэтому в 1920-е гг. была запрещена студенческая организация «Корда фратрес»). Нельзя не признать, что социально-политическая деятельность масонского братства определила во многом идеалы и стремления самых разных кругов итальянского общества, в целом жизнь Италии этого периода. Проповедь солидарности, стремление к переустройству общественной жизни на духовных началах, закономерно приводила масонов в лагерь оппозиции существовавшим режимам. В 1911 г. Риццини издаст книгу «Arnaldo da Brescia» о монахе-еретике XII в. Арнольде из Брешии, последователе Пьера Абеляра, противнике обогащения духовенства и папской власти. Арнольд Брешианский возглавил народную партию в Риме, став идеологом воссоздания республики, и после многократных изгнаний был казнен по приказу папы Адриана IV. Книга Риццини вышла в серии «Мученики свободной мысли» известного римского издательства Подрекка-Галантара, опубликовавшего в той же серии книги Артуро Лабриолы о Джордано Бруно и Бенито Муссолини о Яне Гусе.

Интерес Риццини к России, где набирало силу революционное движение, закономерен. Ряды итальянских социалистов постоянно пополнялись русскими революционерами, бежавшими от преследований царской полиции. Посвящение лекции о Горьком В.В. Лебединцеву и М.Ф. Зеленской приоткрывает очень важную, но малоизвестную страницу истории русского революционного движения — его связь с итальянскими масонами и тайной помощи итальянских масонских организаций русским эмигрантам-революционерам.

История В. Лебединцева хорошо известна, в частности, благодаря повести Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных», где Лебединцев выведен под именем Вернера [6, с. 583–653]. Однако связь Лебединцева с итальянскими масонами до сих пор оставалась вне поля зрения российских исследователей (ср.: [1]). Эсер-боевик Всеволод Лебединцев (1881–1908), уроженец Одессы, потомственный дворянин, сын члена гражданского департамента Одесской судебной палаты, был неординарной личностью и произвел глубокое впечатление на Риццини при первом знакомстве с ним в Риме летом 1905 г.: «Высокообразованный человек, владевший в совершенстве несколькими европейскими языками, астроном, отличный музыкант, литератор, поборник крайних средств в политической деятельности и нежный лирик в частной жизни, Лебединцев выделялся даже среди тех незаурядных людей, с которыми ему приходилось работать. Особенности его психического склада, его взгляды на жизнь и сложная мотивация его поступков также представляют большой интерес для исследователя» [3, с. 147].

Бабушка Лебединцева Юлия Перозио была итальянкой, и Лебединцев унаследовал от нее утонченную внешность южанина. Он прекрасно говорил по-итальянски, много времени проводил в путешествиях по Италии, с помощью родственника, директора папской капеллы, разыскал гробницу предка, бывшего папой римским в IX в. Приехав в Рим в 1905 г., Лебединцев сразу же оказался в среде итальянской левой интеллигенции, где приобрел ряд близких друзей, в том числе и масона А. Риццини. Лебединцев занялся агитационной работой, выступал на митингах в Риме и в Генуе. С.Я. Зильберштейн[1] так описывает агитационную деятельность Лебединцева: «Он в увлекательных образах разъясняет своей экспансивной аудитории смысл русской революции и более широкие перспективы международного движения рабочих; он описывает кровавые ужасы погромов и казней на своей родине и протестует против займов, поддерживающих этот жестокий режим в России» [3, с. 153].

Готовясь к отъезду в Россию летом 1907 г., Лебединцев воспользовался возможностью легализовать свое положение на родине при

[1] Семен (Самуил) Яковлевич Зильберштейн (р. 17 июля 1892, Одесса) — доктор медицины, подполковник, масон. Окончил медицинский факультет Новороссийского университета, был слушателем медицинских курсов в Лионе. В начале Первой мировой войны находился во Франции, служил во французской армии военным врачом. В 1918 г. поступил в Русский легион чести, попал в плен. Награжден орденом Почетного легиона. После войны жил в Париже. Член-основатель ложи Золотое Руно (1924), был досточтимым мастером лож Юпитер и Горячие Товарищи. В 1931–1935 гг. депутат в Великой Ложе Франции. Во время Второй мировой войны участник Сопротивления [4].

помощи итальянских документов, полученных при посредничестве А. Риццини и масонской ложи Loggia di Porto Maurizio. Риццини передал ему паспорт на имя Марио Кальвино, с которым Лебединцев был знаком и неоднократно встречался. Вместе с паспортом Лебединцев получил удостоверение о том, что Кальвино является корреспондентом римской газеты «Ла Вита» («La Vita») и миланской «Темпо» («Il Tempo»). Марио Кальвино, «социалист, масон, симпатизировавший анархистам», был инженером-агрономом из Лигурии, членом Ложи, а впоследствии стал отцом известного итальянского писателя Итало Кальвино, который вспоминал: «Я вырос в городке, во многом отличавшемся в годы моего детства от остальных городов Италии — Сан-Ремо, населенном в те времена пожилыми англичаными, русскими великими князьями, публикой эксцентрической и космополитичной. Да и моя семья была необычна для Сан-Ремо и для Италии тех лет: она состояла из ученых, влюбленных в природу, свободных мыслителей… Мой отец принадлежал к семье приверженцев Мадзини, республиканцев, антиклерикалов и масонов, в молодости он был анархистом в духе Кропоткина, потом социалистом-реформистом… моя мать происходила из светской семьи, ее религией с детства были гражданский долг и наука, в 1915 г. она поддерживала социалистов — сторонников интервенции, но исповедовала при этом твердый пацифизм» [10, p. 11][2].

Разыскиваемый полицией Лебединцев въехал с паспортом Кальвино в Россию и более полугода жил на полулегальном положении в качестве итальянского журналиста. Профессия журналиста и итальянский паспорт позволяли Лебединцеву-Кальвино принимать участие в общественной жизни, присутствовать на заседаниях Государственного Совета (взрыв которого он готовил), Думы, посещать другие общественные и государственные учреждения. В это время Лебединцев был членом, а затем и руководителем эсеровской группы «Летучий боевой отряд Северной области». В отличие от многих других эсеровских объединений, группа Лебединцева действовала с большим размахом. 6 февраля 1908 г. члены группы В. Лебединцев, Л. Синегуб, А. Распутина, Е. Лебедева, Л. Стуре, С. Баранов и А. Смирнов, вооруженные бомбами и браунингами, готовились совершить террористический акт против великого князя Николая Николаевича и министра юстиции И.Г. Щегловитова. Однако полиция была осведомлена о целях террористов, преданных Е. Азефом (это было его последнее крупное предательство), и весь отряд был

[2] Здесь и далее итальянские источники цитируются в переводе автора статьи.

арестован с поличным. Поведение Лебединцева в момент ареста и в тюрьме характеризует его как человека редкого мужества. При аресте Лебединцев кричал: «Осторожно, я весь обложен динамитом! Если я взорвусь, то вся улица будет разрушена» [5]. Он должен был сыграть роль живой бомбы и броситься под колеса кареты в случае неудачи других бомбистов. Перед казнью он передал через своего защитника А.М. Земмеля записку отцу: «Смерти не боюсь, избегнуть ее не желаю. По-прежнему вас люблю. Скорблю, что так вышло, но иначе поступить не мог» [3, с. 164]. Осужденный как Марио Кальвино, Лебединцев был казнен вместе с другими членами своей группы. Эту казнь историки называют жестокой даже для революционных лет: «Массовая казнь через повешение, в том числе трех женщин, была совершена рано утром 17 февраля 1908 г. на Лисьем Носу, на берегу Финского залива, трупы казненных были сброшены в море» [5]. Л. Андреев был лично знаком и дружен с Лебединцевым, его жена брала у Лебединцева уроки итальянского языка, когда в 1907–1908 гг. ненадолго Андреев и Лебединцев оказались соседями по дачам на территории Великого княжества Финляндского («штаб-квартира» боевиков находилась на даче Боргоена в Келломяках), славившегося своими либеральными порядками. Понятно, что арест и дальнейшая участь Лебединцева произвели сильное впечатление на писателя. Об этом свидетельствует повесть «Рассказ о семи повешенных», написанная по горячим следам (март 1908 г.).

Когда Лебединцев был арестован Охранным отделением, началось расследование, которое сразу же привело в Италию, где теперь уже итальянская полиция обвинила Марио Кальвино в добровольном сотрудничестве с русскими террористами. 21 (8) февраля 1908 г. в вечернем выпуске газеты «Коррьере делла сера» появилось сенсационное сообщение о том, что в России раскрыт антиправительственный террористический заговор, ставивший целью покушение на русского царя. Главный обвиняемый по делу — итальянский журналист, как сообщал собственный корреспондент газеты в Москве А. Альбертини. Новость такого масштаба немедленно привела в действие дипломатическую машину Италии. Дипломатические службы Италии и России с 1904 г. занимались подготовкой приезда Николая II в Италию. Поездка царя состоялась лишь в октябре 1909 г. и закончилась ратификацией секретного соглашения между Российской империей и Королевством Италии о сохранении статуса кво на Балканах, в Триполитании и Киренаике, что отвечало русским и итальянским интересам в этих регионах. На последнем этапе подготовки визита русского царя в Италию новость об аресте

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДѢЛЕНIЕ

ОПИСАН...

Возрастъ по нар. виду Годъ и мѣс. рожденiя
Ростъ 1 метръ сант. Полнота Тѣлосложенiе Объемъ въ поясѣ
1) Волосы: Цвѣтъ Волнистость Густота Лысина
2) Борода и усы: Цвѣтъ Форма Густота Особ.
3) Лицо: Цвѣтъ Полнокровiе Выраженiе Особ.
4) *Лобъ:* Высота Накл. Морщины Форма головы
5) Брови: Цвѣтъ Форма Густота Расположенiе Особ.
6) Глазныя впад. (орбиты): Величина Глубина Особ.
7) Глаза: Цвѣтъ райка Классъ Особ. Разст. между глазъ
8) *Носъ:* Спинка Основанiе Выст. Длина Шир. Особ.
9) *Ухо:* Форма Оттопыренность Велич. Особ.
Ушн. { 10) борд.: Нач. Верх. Низ. 12) Противо-коз.: Накл. Проф. Вып.
11) мочка: Накл. Форма Приростанiе 13) Внутр. скл.: Вып. Велич.
14) *Губы:* Форма Высота Толщина Выступанiе Особ.
15) *Подбородокъ:* Длина Накл. Форма Полнота Особ.
16) Плечи: Ширина Накл. Шея Особен.
17) Руки: Величина Привычка держать Особен
18) Ступни ногъ: Длина (№ обуви) Особенность формы ногъ
19) Осанка (выправка корпуса. Манера держаться):
20) Походка:
21) Особ. въ жестикуляцiи, гримасы, мимика, и т. п.

Подпись

3) Во весь ростъ, стоя, въ 3/4 въ томъ самомъ головномъ уборѣ, верхн. платьѣ и обуви, въ котор. былъ задержанъ. Если носитъ очки, то одѣть.

Формуляр из следственного дела Всеволода Лебединцева («Марио Кальвино»), 1908
Form from the Investigation File of Vsevolod Lebedintsev (“Mario Calvino”), 1908

итальянца-террориста в Петербурге, обвиняемого в покушении на убийствО царя, не могла не вызвать дипломатический кризис. В преодолении кризиса приняли участие дипломаты, политики, чиновники разных уровней нескольких министерств. Через два дня после ареста В. Лебединцева, 23 февраля 1908 г., в Министерство внутренних дел Италии поступила телеграмма за подписью министра иностранных дел Италии Риккардо Боллати, в которой тот сообщал, что посол Италии в Петербурге подтвердил факт ареста корреспондента Марио Кальвино, обвиняемого в покушении на великого князя Николая Николаевича и министра юстиции. В телеграмме содержалась просьба сообщить о личности заключенного под стражу в России. 24 февраля начальник миланской полиции Бонелли сообщил в Министерство внутренних дел, что М. Кальвино не является членом Ломбардской ассоциации печати (профессионального союза), но коллеги характеризуют его как «серьезного

молодого человека, добродушного, неспособного к преступным действиям» [7, p. 5]. Начальник полиции сообщил о намерении Ломбардской ассоциации печати просить итальянское правительство ходатайствовать перед русским правительством об освобождении соотечественника. 25 февраля социалистическая газета «Аванти!» публикует статью, содержащую обвинения итальянской монархии в сервилизме перед русским самодержавием и заявление о солидарности итальянского народа с русскими революционерами. Так «дело Кальвино» перерастает в дело борьбы за свободу народа. 27 февраля новость о вынесении смертного приговора террористу с приведением его в исполнение не позднее трех дней мобилизовала итальянскую прессу, выступившую с требованием к правительству спасти жизнь журналисту. Газеты печатают обращение Ассоциации печати к председателю Совета министров Дж. Джолитти за подписью 50 известнейших итальянских журналистов с призывом к энергичным действиям по спасению жизни соотечественника, приговоренного к смерти за политическое преступление. Крупнейшим итальянским политикам направлены телеграммы. Наконец, депутат от социалистов досточтимый Л. Биссолати подал запрос в парламент о необходимости серьезно рассмотреть дело Кальвино, вследствие которого секретарь посольства Италии в Петербурге кавалер Артуро Герци посетил в тюрьме «итальянского террориста». Дипломат убедился в подлинности итальянского паспорта, выданного в Порто Маурицио в сентябре 1906 г. Марио Кальвино, по профессии агроному и журналисту, родившемуся в Сан-Ремо в 1875 г. Встреча с Лебединцевым проходила на русском языке, но на прощание узник сказал типичную для жителей Рима фразу («Grazie e tante belle cose») [2, с. 142]. Секретарь Посольства обещал просить суд об отсрочке приговора ввиду поспешности рассмотрения дела. 26-летний Лебединцев-Кальвино вел себя хладнокровно и проявил полное равнодушие к предложению дипломата. В тот же день он вместе с остальными участниками покушения был приговорен к казни через повешение. Скорость, с которой обвиняемый был осужден и казнен, не имела прецедентов в Европе того времени и вызвала сильнейшую эмоциональную реакцию.

Между тем Марио Кальвино, 33-х лет, был вызван к начальнику полиции Сан-Ремо Ринальди. Его биография подверглась тщательной проверке. Были опрошены университетские преподаватели в Пизе, родственники, друзья, знакомые. Полиция хотела знать, имел ли Кальвино отношение к казненному революционеру или тот воспользовался документами без его ведома.

Протоколы допросов Кальвино сохранились в архивах (Центральном государственном архиве в Риме и в Библиотеке Палаты депутатов). На допросе в Министерстве внутренних дел Кальвино рассказал, что случайно познакомился в поезде с обаятельным русским и получил от него предложение приехать в Россию для постановки виноделия в его богатых угодьях. С целью получения визы в Россию Марио передал русскому свой паспорт, который был им украден. Версия Кальвино показалась полиции неправдоподобной. В отчете Министерству внутренних дел префект Сан-Ремо предположил, что Кальвино добровольно отдал паспорт русскому революционеру. В ходе расследования «дела Кальвино» сотрудниками Министерства внутренних дел было выявлено более ста случаев передачи итальянских паспортов русским революционерам только в 1907 г. (сообщение от 5 марта 1908 г.) [7, p. 7]. Служащий Министерства земледелия — Гвидо Пардо, друг Лебединцева, с которым тот переписывался, узнал его по опубликованным в газетах фотографиям и подтвердил в префектуре полиции Рима, что повешенный в Петербурге итальянец никто иной как русский анархист Всеволод Лебединцев (партийный псевдоним «Кирилл»). Помогая Лебединцеву, Кальвино, возможно, не до конца отдавал себе отчет в характере деятельности русского «коллеги революционера», так как масоны не были сторонниками террора и руководствовались идеями общественного прогресса, достигаемого усилиями людей доброй воли [9, p. 1379].

Через год после казни Лебединцева, в январе 1909 г., самому Кальвино, находившемуся под угрозой ареста, пришлось стать эмигрантом и бежать из Италии через Гавр в Мексику, а затем на Кубу [8, p. 84–91]. Отблеск русской трагедии лег на жизнь итальянского масона, вернувшегося в Италию лишь 18 лет спустя.

Литература

1. *Аккатоли Аньезе*. Лебединцев В.В. // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / [ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци]. М.: РОССПЭН, 2019. С. 400–402.

2. *Делевский Ю.* Дело Азефа и «семеро повешенных» // Голос минувшего на чужой стороне. Журнал истории и истории литературы / под ред. С.П. Мельгунова и Т.И. Полнера. (Париж). 1926. № 4/17 (7). С. 121–156.

3. *Зильберштейн С.Я.* В.В. Лебединцев // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1928. № 2 (39). С. 146–165.

4. Российское зарубежье во Франции 1919-2000 / Л. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская: в 3 т. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. Т. 1: А–К. 796 с.

5. *Розенфельд Б.* К истории создания Леонидом Андреевым «Рассказа о семи повешенных» // Terra nova. 2006. № 17 (ноябрь). URL: www.muzause.net /2006_17_04 (дата обращения: 16.02.2020).

6. *Шишкина Л.И.* Комментарии: «Рассказ о семи повешенных» // *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2013. Т. 6: Художественные произведения 1908 года. С. 583–653.

7. *Adami S.* L'ombra del padre. Il caso Calvino // California Italian Studies Journal. 2010. URL: http://escholarship.org/uc/item/8qm3b0q3 (дата обращения: 13.05.2020).

8. *Calvino I.* Intervista // L'Europeo. 1980. 17 Novembre. P. 84–91.

9. *Calvino I.* Lettera al prof. Angelo Tamborra // Calvino I. Lettere 1940–1985 / a cura di L. Baranelli. Milano: Mondadori, 2000. 1379 p.

10. *Calvino I.* Risposta al questionario // Il paradosso. 1960. Settembre-dicembre. P. 11 –18. URL:https://iris.unica.it/retrieve/handle/11584/123853/99924/Revoluci%C3%B3n%20y%20 Cultura%20Eva%20Mameli....pdf (дата обращения: 15.09.2021).

Research Article

Italian Freemasons and the Russian Revolutionary Movement: Vsevolod Lebedintsev's Story (about the Prototype of the Hero of "The Tale of the Seven Hanged" by L. Andreev)

© 2021. Marina A. Arias-Vikhil

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The Archives of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences keep a record of the lecture of the Italian freemason, writer and journalist Arrigo Rizzini "Ideas and Dramas of Maxim Gorky," read on March 13, 1903 at a meeting of the Literary and Philosophical Circle of the University of Rome. Rizzini prefaced the recordings of the lecture on the Gorky's work with an unexpected dedication: "I dedicate with brotherly love to Maria Feliksovna Zelenskaya and Vsevolod Vladimirovich Lebedintsev." This early dedication reveals a very important, but little-known page in the history of the Russian revolutionary movement — its connection with Italian Masons and the secret assistance of Italian Masonic organizations to Russian emigrant revolutionaries. The story of V. Lebedintsev is well known, in particular, thanks to the story of Leonid Andreev "The Tale of the Seven Hanged," where Lebedintsev was bred under the name of Werner. However, Lebedintsev's connection with Italian Freemasons has so far remained out of sight of Russian researchers. The well-known fact of the execution of a militant Social Revolutionary under the name of the Italian Mario Calvino sheds light on the rather large-scale and effective activities of Italian Masons to legalize Russian revolutionaries in Russia and in Europe by providing them with passports of members of Masonic lodges (just in 1907 more than 100 passports were handed over, according to the results investigation by the Italian Ministry of the Interior).

Masons, who were opponents of violent actions, saw in Russian revolutionaries, first of all, victims of autocracy and fighters for civil society, and not terrorists, as the case of M. Calvino testifies.

Keywords: A. Rizzini, V. Lebedintsev, L. Andreev, M. Calvino, M. Gorky, Italian Masons, “The Tale of the Seven Hanged.”

Information about the author: Marina A. Arias-Vikhil — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Archive, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya, 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4182-8213 E-mail: marina.arias@mail.ru

For citation: Arias-Vikhil, M.A. “Italian Freemasons and the Russian Revolutionary Movement: Vsevolod Lebedintsev’s Story (about the Prototype of the Hero of ‘The Tale of the Seven Hanged’ by L. Andreev).” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 4 (22), pp. 136–145. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-136-145

References

1. Akkatoli, An’eze. “Lebedintsev V.V.” [“Lebedintsev V.V.”]. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: entsiklopediia* [*Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century: Encyclopedia*], ed., comp. by Antonella d’Ameliia and Daniela Ritstsi. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019, pp. 400–402. (In Russ.)

2. Delevskii, Iu. “Delo Azefa i ‘semero poveshennyh’.” [“The Case of Azef and the ‘Seven Hanged’.”]. Melgunov, S.P., and T.I. Polner, editors. *Golos minuvshego na chuzhoi storone. Zhurnal istorii i istorii literatury*. Paris, no. 4/17 (7), 1926, pp. 121–156. (In Russ.)

3. Zil’bershtein, S.Ia. “V.V. Lebedintsev” [“V.V. Lebedintsev”]. *Katorga i ssylka. Istoriko-revoliutsionnyi vestnik*, no. 2 (39), 1928, pp. 146–165. (In Russ.)

4. Mnukhin, L., and M. Avril, and V. Losskaya, editors. *Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsiii 1919–2000* [*Russian Diaspora in France in 1919–2000.* In 3 vols.], vol. 1: A–K. Moscow, Nauka Publ.; House-Museum of Marina Tsvetaeva, 2008. 796 p. (In Russ.)

5. Rozenfel’d, B. “K istorii sozdaniia Leonidom Andreevym ‘Rasskaza o semi poveshennykh’.” [“On the History of Leonid Andreev’s Creation of the ‘Tale of the Seven Hanged’.”]. *Terra nova,* no. 17 (November), 2006. Available at: www.muzause.net /2006_17_04 (Accessed 16 February 2020). (In Russ.)

6. Shishkina, L.I. “Kommentarii: ‘Rasskaz o semi poveshennykh’.” [“Commentary on the ‘Tale of the Seven Hanged’.”]. Andreev, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [*Complete Works and Letters: in 23 vols.*], vol. 6: Khudozhestvennye proizvedeniia 1908 goda [*Artworks. 1908*]. Moscow, Nauka Publ., 2013, pp. 583–653. (In Russ.)

7. Adami, S. “L’ombra del padre. Il caso Calvino”. *California Italian Studies Journal*. 2010. Available at: http://escholarship.org/uc/item/8qm3b0q3 (Accessed 13 May 2020). (In Italian)

8. Calvino, I. “Intervista”. *L’Europeo*, 17 Novembre, 1980, pp. 84–91. (In Italian)

9. Calvino, I. “Lettera al prof. Angelo Tamborra.” Calvino I. *Lettere 1940–1985,* a cura di L. Baranelli. Milano, Mondadori, 2000. 1379 p. (In Italian)

10. Calvino, I. Risposta al questionario. *Il paradosso,* settembre-dicembre, 1960, pp. 11–18. Available at: https://iris.unica.it/retrieve/handle/11584/123853/99924/Revoluci%C3%B3n%20y%20Cultura%20Eva%20Mameli....pdf (Accessed 15 September 2021). (In Italian)

Статья поступила в редакцию: 19.08.2021
Одобрена после рецензирования: 05.11.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 19.08.2021
Approved after reviewing: 05.11.2021
Date of publication: 25.12.2021

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
и публикация архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-146-163

«Мои встречи и переписка с Еленой Александровной Полевицкой (1958–1968)» В.Н. Чувакова

© 2021, Е.В. Булышева
подготовка текста, предисловие и комментарии

Российский государственный институт сценических искусств, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Публикуемые дневниковые записи из архива известного литературоведа и библиографа В.Н. Чувакова посвящены его встречам с актрисой Е.А. Полевицкой в 1958–1961 гг. В тексте возникает образ актрисы, необычайно популярной в 1910-е гг., прошедшей долгий и сложный творческий путь, но по-прежнему нуждавшейся в театре и в актерской реализации. Из воспоминаний Полевицкой о ее театральной деятельности и о театре начала XX в. Вадим Чуваков выстраивает главный для него сюжет, связанный с именем Леонида Андреева. Отрывочные, непоследовательные, но живые и яркие воспоминания актрисы о ее творческих взаимоотношениях и личных встречах с Андреевым дополняют наши представления о писателе, привносят новые оттенки в картину театрально-художественной жизни начала XX в. Публикация включает письмо Полевицкой к проф. К.И. Платонову, автору «судебно-психопатологического этюда» о пьесе Андреева «Екатерина Ивановна». В письме актриса излагает свое понимание образа заглавной героини и мотивации ее поступков — и это оригинальная, глубокая трактовка образа загадочной и притягательной Екатерины Ивановны. В записях Чувакова создается представление о Полевицкой как актрисе, способной серьезно, аналитически подходить к работе над ролью, глубоко вникая в авторский замысел, что делает небезосновательным вывод автора дневника: Полевицкая — лучшая Екатерина Ивановна (героиня одноименной пьесы Андреева).

Ключевые слова: Е.А. Полевицкая, Леонид Андреев, В.Н. Чуваков, русский театр начала XX в., «Екатерина Ивановна», «Тот, кто получает пощечины».

Информация об авторе: Елена Владимировна Булышева — кандидат искусствоведения, доцент, Российский государственный институт сценических искусств (РГИСИ), ул. Моховая, д. 34, 191028 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6839-0904 E-mail: bulysheva@yandex.ru

Для цитирования: Мои встречи и переписка с Еленой Александровной Полевицкой (1958–1968). В.Н. Чувакова / публ. и примеч. Е.В. Булышевой // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 146–163. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-146-163

Вадим Никитич Чуваков (1931–2004), вся жизнь которого была связана с ИМЛИ, в 1960-х – начале 1980-х гг. был в числе литературоведов, пытавшихся расширить весьма скромный в то время диапазон имен и источников русской литературы начала XX в.: в 1964 г. он составляет и снабжает глубоким научным комментарием том пьес писателей-знаньевцев (в сборник включены по сути заново открытые пьесы С. Найденова, Е. Чирикова, Н. Гарина-Михайловского, С. Юшкевича, Д. Айзмана); пишет обстоятельную главу о московской газете «Курьер», вошедшую в один из четырех выпусков фундаментальной коллективной монографии ИМЛИ «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века» (1981).

Младший научный сотрудник Архива А.М. Горького ИМЛИ АН СССР
Вадим Никитич Чуваков (1959)

Junior Researcher at the Gorky Archive of the Institute of World Literature of the USSR Academy of Sciences Vadim Nikitich Chuvakov (1959)

Но фигурой, на которой были сфокусированы его главные научные интересы, являлся Леонид Андреев. Вступление Чувакова в науку совпало с моментом частичной реабилитации творчества писателя в годы оттепели, и молодой исследователь оказался одним из когорты филологов (В.А. Келдыш, В.И. Беззубов, Л.Н. Афонин, Л.А. Иезуитова, Ю.В. Бабичева и др.), которые постепенно, преодолевая заметное сопротивление цензур разного рода, расширяли представления об этом, идеологически и эстетически сомнительном для официозного научного истэблишмента писателе. В 1956 г. с его предисловием выходит фактически первый после 30-летнего замалчивания (еще весьма куцый по составу, но знаковый по самому факту своего появления) сборник рассказов писателя. Прирожденный архивист и источниковед, Вадим Никитич уже в первых републикациях наследия Андреева (многие из которых также были сами по себе событием) демонстрирует фундаментальность и академическую

выверенность сопроводительного аппарата. Благодаря этому до сего времени сохраняют свою научную актуальность некоторые составленные им издания тех лет. Прежде всего, это — том пьес Андреева, вышедший в серии «Библиотека драматурга» в 1959 г. [3] и давший «зеленый свет» постановкам ряда пьес писателя в театрах СССР и некоторых стран социалистического лагеря в 1960–1970-е гг. Событием стал появившийся в 1971 г. двухтомник повестей и рассказов Андреева (обширные комментарии подготовлены Чуваковым в соавторстве с А.И. Наумовой), так как в него вошел основной корпус андреевской новеллистики, дополненный впервые полностью издаваемым в России романом «Дневник Сатаны».

В новых условиях, возникших в стране в годы перестройки, естественным шагом было издание собрания сочинений писателя. Чуваков возглавил подготовку шеститомника, выпущенного в 1990–1996 гг. издательством «Художественная литература», который по настоящее время является наиболее полным сводом художественных произведений Андреева. Энтузиаст-подвижник, он щедро и бескорыстно делился источниковедческими материалами, архивными выписками из писем и дневников, ксерокопиями редких статей с молодыми участниками издания, выступая фактическим соавтором их статей, преамбул и комментариев. Вадим Никитич становится инициатором проекта по подготовке Полного академического собрания сочинений и писем Андреева, вокруг которого объединяется международный коллектив исследователей. На начальном этапе проекта он публикует два тома фундаментальной библиографии, освещающей творчество писателя (1995, 1998), а также ряд ценных биографических и источниковедческих материалов в сборнике «Леонид Андреев. Материалы и исследования» (2000). Им подготовлены вводная статья и комментарии почти к половине рассказов для первого тома Полного собрания, который, однако, вышел в свет уже после его смерти.

В архивах исследователя (РГАЛИ, ОР ИМЛИ) содержится ряд требующих изучения и обнародования материалов: наброски к летописи жизни и творчества Л. Андреева, картотеки с росписями содержания дореволюционной и эмигрантской периодики, дневники и обширная переписка, среди адресатов которой — К.И. Чуковский, Д.Д. Шостакович и другие заметные деятели науки, литературы и искусства.

Представленная подборка материалов составлена самим В.Н. Чуваковым в 2002 г.

Елена Александровна Полевицкая

Е.А. Полевицкая (1881–1973) — натура одаренная, и в драматический театр она придет, уже имея некоторый творческий опыт: занималась живописью в Школе Штиглица, училась пению и выступала на открытых концертах. Но именно драматическая сцена станет ее «всепоглощающей страстью», «смыслом и содержанием существования» [9, с. 28].

Первые шаги актерской карьеры Полевицкой по окончании актерских курсов Е.П. Рапгофа в Петербурге — театральный сезон 1908–1909 гг. в провинции, показы в столичных театрах, в Александринке и в Малом, — и отказы, которые получает начинающая актриса по причинам, никак не связанным с ее профессиональными возможностями и артистическим дарованием. Их Полевицкая в полной мере проявит в театре Синельникова. В Николае Николаевиче Синельникове она найдет своего режиссера, наставника и учителя. Это будет ее «университет». Именно так — университетом для начинающих — в актерской среде называли театр Синельнекова, который неустанно работал с актером, полагая его «главным стержнем спектакля», «проводником драматического произведения, его внутренней сущности» [11, с. 284].

В труппе Синельникова в Харькове и в Киеве Полевицкая сыграет шиллеровских Марию Стюарт и леди Мильфорд, Ларису в «Бесприданнице», Юлию Тугину в «Последней жертве», Катерину в «Грозе» А.Н. Островского и множество других ролей в известных и малоизвестных, классических и проходных пьесах. Одним из высших ее актерских достижений стала роль Лизы Калитиной в «Дворянском гнезде» Тургенева. После этой постановки в историю театра вошла знаменитая «семиминутная пауза» Полевицкой в сцене прощания героини с домом. И по прошествии многих лет очевидцы будут вспоминать «это ощущение чистого света, какой исходил от ее Лизы Калитиной. Он изливался, этот свет, из ее глаз, из тембра голоса и даже из застывшей фигуры» [7, с. 18–19].

В 1910 г. Полевицкая выходит замуж за успешного в тот момент адвоката и театрального мецената, увлекавшегося театром и режиссурой, Ивана Федоровича Шмидта, возникает прочный личный и творческий союз, продлившийся вплоть до смерти Шмидта в 1939 г. В середине 1910-х гг. вместе они будут работать в Московском драматическом театре (театре Суходольских), где Полевицкая приобретает

огромную популярность у московского зрителя в пьесах «Вера Мирцева» Л.Н. Урванцева, «Черная пантера» В.К. Винниченко, «Мечта любви» А.Н. Косоротова и «утверждается на московской сцене как мастер мелодрамы» [5].

В этом театре актриса сыграет Консуэллу в пьесе Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» (1915, режиссер — Шмидт). Впервые с андреевской драматургией и с самим автором Полевицкая познакомилась в 1910 г., когда сыграла Ниночку в пьесе «Анфиса» на сцене Нового драматического театра в Петербурге. Потом у Синельникова Полевицкая — Екатерина Ивановна в одноименной андреевской пьесе. Драматург писал режиссеру: «Я, вероятно, один только знаю, насколько эта пьеса трудна для воплощения на сцене, каких она требует актеров и какой строгой и продуманной постановки» (цит. по: [9, с. 141]). Полевицкая — это становится понятно из публикуемых материалов — роль продумала и прочувствовала глубоко. И, как писал Андреев, в четвертом акте, наиболее сложном и неудавшемся Немировичу-Данченко в постановке МХТ (1912), производила «особое впечатление “гениальности”» [8, с. 279].

Е.А. Полевицкая в роли Консуэллы. 1915
E.A. Polevitskaya as Consuelo. 1915

И вот теперь — образ Консуэллы, созданный драматургом для Полевицкой, а возможно, и получивший черты актрисы: «По внешности она должна быть богиней — по точному смыслу законов классической красоты <…> Высокий рост, стройность, правильные и строгие черты, смягченные выражением почти детской наивности и прелести, — писал Андреев о своей героине, — Консуэлла возвышенна, чиста и бессознательно трагична <…> страшно велика трудность этой роли, где вся трагичность внешне основана на полутонах, на вздохе, на улыбке, на выражении печали в лице и глазах, где душа скрыта от самого переживающего» [3, с. 581]. С этой «трудностью» актриса справилась: в «прелестно сыгранной» Консуэлле современники видели «удивительную чистоту и наивность девочки вместе с задумчивостью не проснувшейся еще женщины»[1].

[1] *Глаголь Сергей* [*Голоушев С.С.*]. «Тот» Л. Андреева на сцене Драматического театра // Утро России. 1915. 28 окт. № 296. С. 5.

Но успех и радость творческой победы неожиданно обернутся неприятностями: конфликт с режиссером А.А. Саниным заставит Полевицкую и Шмидта покинуть театр и полюбившуюся им Москву. И опять провинция, Харьков, театр Синельникова, в котором посчастливится поработать с Н.Н. Ходотовым и В.Н. Давыдовым, сыграть в пьесах Ибсена, Островского…

В 1920 г., не выбирая эмиграцию, в результате сложившихся обстоятельств Полевицкая вместе с мужем уезжает из Советской России. Болгария, Латвия, Чехословакия, Германия, Австрия — вот приблизительная траектория их театральной жизни. Актриса играла на сценах многих европейских театров. Полевицкая и Шмидт плодотворно сотрудничали с Рейнхардтом. В его театре в Вене в знаменитой, сопровождавшей ее всю жизнь и неизменно вызывавшей восхищение роли Маргариты Готье актриса заговорила со сцены по-немецки. Ее будут сравнивать с Сарой Бернар и называть «русской Дузе». Но были, разумеется, не только триумфы, были тяжелые испытания военных лет, потеря мужа и соратника, периоды невостребованности и ощущение, что она — актриса «с русской психикой, с “психологическим акцентом”, чужая на немецкой сцене» [9, с. 258].

В жизни Полевицкой был разлом, разделивший ее актерскую судьбу на два — таких разных, непростых и все же творчески плодотворных — этапа. Но было и возвращение в Советский Союз, и попытка найти реализацию своих неиссякаемых творческих сил. По возвращении (в 1955 г.) Полевицкая была принята в труппу Театра им. Евгения Вахтангова на роли второго плана, сыграла барыню в экранизации «Муму» Тургенева (1959) и старуху-графиню в фильме-опере «Пиковая дама» (1960), выступала на своих творческих вечерах, занималась художественнным чтением на радио, преподавала. Ее любимой и самой известной ученицей стала Людмила Чурсина.

Именно в это время встречается с актрисой автор публикуемых дневниковых записей Вадим Никитич Чуваков и видит в ней по-прежнему красивую женщину «со строгим и даже несколько величественным выражением лица», которая то, погружаясь в свои воспоминания, отправляется в «плаванье по прошлому», то пытается найти себя и творчески реализоваться в современном театре, которому она — актриса с ярко выраженным мелодраматическим дарованием — оказывается все же совершенно чужда. В 1963 г. Полевицкая начала писать воспоминания (увы, не успев их завершить) о своей артистической жизни, о тех творцах, которые создавали театральное искусство первых десятилетй XX в. Отрывки из воспоминаний актрисы были опубликованы в сборнике «Встречи с прошлым» в 1978 г. [10].

Из дневника В. Чувакова

12 июня 1958 г.

— Полевицкая жива. Недавно был вечер в ее честь... Она — в театре Вахтангова[1]. Как она читала письмо Рашель![2] Изумительно. Семьдесят восемь лет! Но еще сохранилась! Обязательно узнайте ее адрес, — сказала мне сотрудница Музея Бахрушина[3] Филиппова и скромно добавила: — Я для вас просто клад...

И вот сегодня я в квартире Елены Александровны Полевицкой. Небольшая комната в новом доме: «театральное» — столик в углу с несколькими флаконами духов, впрочем, не дорогих; большое зеркало, дешевенькая вазочка на столе. В вазочке букетик цветов, уже не свежих.

— Меня три раза обокрали, — говорит хозяйка после первых слов традиционного вежливого разговора и усаживается к столу на диван. Я сажусь рядом на стул.

Теперь есть возможность рассмотреть лучшую «Катерину Ивановну»[4]. В старых романах пишут: «лицо ее сохраняло остатки былой красоты». Нет, Полевицкая и теперь очень красива. Я невольно вспомнил Нелидову[5] — бабушку на даче — грузную и хлопотливую, в широком, напоминающем халат, платье. Здесь же сидела пожилая женщина со строгим и даже несколько величественным выражением лица. Неприятным контрастом выделялись на скатерти сморщенные старушечьи руки с паутиной жил.

Кратко повторил цель своего посещения и передал копии писем к Полевицкой Андреева. Уже несколько раз за последние годы мне невольно приходилось напоминать старым людям их молодость. Стала читать... Глаза оживились, на губах появилась какая-то «интимная» улыбка.

— Я очень люблю Андреева. Шмидт[6] — это режиссер, мой муж. Леонид Николаевич, написав пьесу, прислал мне телеграмму, что роль Консуэллы[7] он написал для меня. Санин[8]... Вам что-нибудь говорит это имя? Да... Александр Акимович говорил, что это роль для Юреневой[9] (в голосе проскользнуло легкое пренебрежение). Он был ужасный интриган. Мой муж был подготовлен к режиссированию прошлой работой.

Елена Александровна все более увлекается и отправляется в плавание по прошлому. Цепь воспоминаний ее развертывается совсем не так, как это хотелось бы мне. Однако вежливо слушаю не очень последовательно изложенную историю столкновения Шмидта с Саниным[10]. Водоворот все расширяется. Называется Дуван-Торцов[11]...

Старые обиды и антипатии переживаются вновь. Наконец, Полевицкая спохватившись, произносит:

«Это были широкие скобки», а я пользуюсь паузой и прошу припомнить — говорил ли Андреев что-нибудь о замысле «Тота».

— Да… Он говорил, что написал роль Консуэллы для меня. Консуэлла — это «слеза в хрустале», «ландыш, сломленный бурей». Не помню, писал ли он мне это, или говорил. Но эти выражения я хорошо помню.

Убеждаюсь, что спрашивать о «Тоте» бесполезно и прошу Полевицкую рассказать, в каких пьесах Андреева она играла.

— В 1909–1910 я играла Ниночку в «Анфисе»[12] — эту еще совсем наивную девочку, к которой протягивает свои нити Костомаров. Это было мое первое выступление в пьесах Андреева. Леонид Николаевич остался очень доволен. Он пригласил меня к себе на дачу[13]. Тогда он увлекался живописью и рисовал портрет Саввы[14]. Он провел на лбу <сына> резкую линию и сказал: — Будет большой философ. Я хорошо помню дачу. Помню небольшую комнату со ступенями, а высоко наверху кусок серой материи, который колыхался. Леонид Николаевич ответил на мой вопрос, что здесь бывают привидения, а одно не успело улететь и оставило обрывок одеяния.

— Андреев любил мистификации.

Елена Александровна смотрит как-то по-девичьи снизу вверх широко раскрытыми глазами.

— Да, но почему там что-то висело!.. Потом неожиданно спрашивает:

Вам сколько лет?

— Двадцать семь...

Следует неопределенный жест, и Ниночка из «Анфисы», а может быть, и Полевицкая лет своей юности — исчезают.

— В сезон 1912–1913 гг. я играю Екатерину Ивановну в театре Синельникова в Харькове[15]. Андреев не видел меня в этой роли, но ему передали о моем большом успехе[16]. Позже — в Петербурге — он долго расспрашивал меня, задавал вопросы по психологии героини:

« — Куда она уезжает в последнем акте? — Никуда она не уезжает.

Она бросится под автомобиль... — Правильно!!!»[17]

Полевицкая почти выкрикивает последнее слово и ударяет кулачком по столу. От неожиданности я смеюсь.

— Мы сидели до позднего вечера, не зажигая огня, — продолжала Полевицкая. — Леонид Николаевич поразился, что мое толкование роли совпало с его собственным совершенно. Он подарил мне цветы.

В том же сезоне я играла княжну в «Профессоре Сторицыне». Там была такая роль...[18] Затем играла Дину Штерн в «Гаудеамусе»[19]. Да... Все в Харькове. В 1914–1915 гг. в Москве в театре Суходольской играла жену Метерлинка в «Короле, законе и свободе»[20]. Роль эта не интересная, но я была дисциплинирована.

И, наконец, Консуэллу. Тота играл Певцов[21], Безано — Олег Николаевич Фрейлих[22]. Александр Акимович Санин был ужасный интриган. Однажды он пришел к моему мужу и сказал: «Давай удалим этого еврея Дувана», но Иван Федорович отказался. Тогда Санин пришел к Дувану: «На что нужен этот немец?» И Дуван клюнул... это все интриги. Я писала Андрееву, и он ответил, что режиссером должен быть Шмидт...[23]

Во время рассказа Полевицкая показывала старые фотографии из растерзанного какими-то ворами и хулиганами альбома.

— Меня обокрали. Ящики разбивали и вынимали, что хотели. А альбом разорвали. Какие-то мальчишки срывали фотографии. Ну, я понимаю — хорошенькая женщина.

Полевицкая проводит мизинцем под глазом, словно поправляет теперь отсутствующую косметику. Жест совершенно непроизвольный.

— Да, но зачем они сорвали групповые снимки?

Я вижу обрывки фотографий. Полевицкая в роли Консуэллы, Екатерины Ивановны, еще несколько групповых снимков... Елена Александровна говорит о своем «успешном» ответе критику, не понявшему роль Екатерины Ивановны.

— Это чистая женщина. Но она попадает в такую среду, которая ее губит, и она все ниже и ниже спускается по ступени... <*Нелидова тоже так понимает андреевскую героиню. — Мое прим.*> Я ответила критику как женщина <*Снова уже знакомое движение мизинца под глазом и довольная, совсем «женская» усмешка. — Мое прим.*> Письмо это сохранилось. Мои поклонницы его переписали, и я могу вам его позднее показать.

Разговор подходит к концу. Оживившиеся глаза гаснут. Теперь Полевицкая со вспотевшим лицом больше походит на старуху, проступают тщательно скрытые морщины.

— Не знаю, удовлетворил ли вас мой рассказ?

Благодарю, обещаю принести копии писем Андреева и прощаюсь. Спускаясь по лестнице, некоторое время нахожусь под впечатлением встречи и думаю: «Сегодня я был у лучшей Катерины Ивановны»...

---

[1] В 1955 г. Е.А. Полевицкая после многих лет (с 1920 г.) жизни в Европе возвращается в Советский Союз. Актриса была принята в труппу Театра им. Евгения Вахтангова. 8 мая 1958 г. в этом театре состоялся творческий вечер, на котором со

словом об актрисе выступали режиссер Рубен Симонов и театровед П.А. Марков. В первом отделении актриса играла Кручинину (второй акт пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые»), во втором — Каренину в сцене из «Живом трупа» Л.Н. Толстого, в третьем — неожиданно предстала в образе испанской рыбачки в одноактной пьесе Б. Брехта «Винтовки Тересы Каррар».

[2] Элиза Рашель Феликс (1821–1858). Французская трагическая актриса. Вероятно, имеется в виду ее письма к поэтессе и романистке Дельфине де Жирарден (1804–1855), с которой Рашель состояла в дружеских отношениях, играла главные роли в стихотворных трагедиях, специально для нее сочиненных Дельфиной.

[3] Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина. Основатель музея — московский промышленник, видный общественный деятель и меценат Алексей Александрович Бахрушин (1865–1929).

[4] Главная героиня пьесы Л. Андреева «Екатерина Ивановна» (1912). Нередко ее называли Катериной Ивановной, возможно, подразумевая некую связь с героинями А.Н. Островского (Катерина в «Грозе») и Ф.М. Достоевского (Катерина Ивановна в «Братьях Карамазовых»). Заглавную роль в пьесе Андреева играли М. Германова (МХТ, 1912; реж. Вл. И. Немирович-Данченко) и В.Л. Юренева (Петроградский театр К.Н. Незлобина, 1914; Александринский театр, 1920; реж. Е.П. Карпов). Полевицкая сыграла героиню в Театре Синельникова (Харьков, 1913). Л. Андреев писал Вл.И. Немировичу-Данченко: «<...> в Вашем театре 4-й акт не вышел, это верно, а вот Полевицкая производит особое впечатление гениальности именно в четвертом, и рецензенты это утверждают» [8, с. 279].

[5] Нелидова (Хенкина) Елизавета Алексеевна (1881–1963) — общественная деятельница, актриса театра-кабаре Никиты Балиева «Летучая мышь». С 1923 г. — в эмиграции, в 1941 г. вернулась в Советский Союз, участвовала в создании Всероссийского театрального общества.

[6] В октябре 1910 г. Полевицкая вышла замуж за Ивана Федоровича Шмидта.

[7] Консуэлла — героиня пьесы Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» (1915). Л. Андреев, пообещавший написать пьесу специально для Полевицкой, в сентябре 1915 г. сообщил ей: «Подписался, поставил последнюю точку — пиеса готова. Автору, даже столь многоопытному, трудно судить, что за детище у него уродилось, но, думается, что вышло достаточно ладно. Задача же моя была такая: дать сравнительно легкую, чистую и красивую пиесу, которая и приятно игралась бы и смотрелась бы с удовольствием... А было и другое задание, о котором я писал Вам еще в прошлом году: соорудить нечто для Вас — такое, в чем мог бы достаточно полно выразиться Ваш талант, как я его понимаю. Образ женщины чистой и прекрасной... И если весь театр не влюбится в Вас (это должно быть!), то я просто перестал понимать и театр и публику» [9, с. 177].

Известно письмо Андреева к Полевицкой от 28 сентября 1915 г., в котором драматург дает подробные пояснения относительно образа Консуэллы и указывает на «трудность этой роли, где вся трагичность внешне основана на полутонах, на вздохе, на улыбке, на выражении печали в лице и глазах, где душа скрыта от самого переживающего» [3, с. 581–582].

[8] Санин (Шенберг) Александр Акимович (1869–1956). Актер, режиссер, театральный педагог, начинал режиссерскую деятельность в качестве соавтора Станиславского в постановках МХТ первых сезонов, в 1902–1907 гг. ставил спектакли в Александринском театре, принимал участие в организации Старинного театра, был главным режиссером в Новом драматическом театре в Петербурге, который критика и публика воспринимали как театр Л. Андреева.

В 1915 г. Санин — главный режиссер Московского драматического театра (частный театр Суходольских) — начинает работу над постановкой пьесы Андреева «Тот, кто получает пощечины», назначив на роль Консуэллы актрису В.Л. Юреневу, а Полевицкая получила роль укротительницы львов Зиниды. Для Андреева это представляется «кощунственным», о чем он пишет Полевицкой: «Если же Консуэлла будет не та, то при великолепии всего остального пьеса останется непонятною, сочинен-

ною, немотивированной. Чтобы убить Консуэллу и себя убить, убить из-за Консуэллы, надобно хорошую Консуэллу... И если не Вы, то кто же может одухотворить ее?» [9, с. 179]. Драматург вынужден был приехать в Москву, вмешаться в репетиционный процесс и настоять на том, чтобы Консуэллу играла Полевицкая, а пьесу ставил Шмидт. Виновным в этой конфликтной ситуации Полевицкая считала Санина. Премьера состоялась 27 октября 1915 г. С. Голоушев писал, что «театр понял символизм пьесы и не потопил его в мелочах циркового быта», а в Полевицкой-Консуэлле критик отмечал «удивительную чистоту и наивность девочки вместе с задумчивостью не проснувшейся еще женщины» (Утро России. 1915. 28 окт. № 296. С. 5).

[9] Юренева Вера Леонидовна (1876–1962) — актриса, играла в театре «Соловцов» в Киеве, в Театре Корша, в театре Незлобина, в МХТ 2-м и других. П.А. Марков писал о ней: «Юренева — загадочная, неожиданная. Именно такие загадочные женские натуры ей особенно удавались. Поэтому ее считали лучшей исполнительницей героинь Арцыбашева и Пшибышевского, с грехом, заложенным в них, при незыблемой их внутренней чистоте. Юренева играла изысканно, создав своеобразный сценический стиль» [6, с. 37].

[10] Речь идет об упомянутом конфликте Санина и Шмидта при постановке пьесы «Тот, кто получает пощечины», который имел продолжение и в который был втянут И.Э. Дуван-Торцов (см. об этом: [9, с. 177– 186]).

[11] Дуван Исаак Эзрович (Дуван-Торцов) (1873–1939) — актер, режиссер, антрепренер. В Малом драматическом театре исполнял обязанности директора-администратора, в спектакле «Тот, кто получает пощечины» сыграл роль барона Реньяра. Известно письмо Л. Андреева к Дувану-Торцову, в котором драматург разъясняет замысел пьесы и дает характеристику действующим лицам.

[12] Пьеса Л. Андреева «Анфиса» (1909) была поставлена режиссером А.А. Саниным в Петербурге, в Новом драматическом театре на Офицерской. Полевицкая «безукоризненно» сыграла роль Ниночки. В сценах с ее участием «прекрасно слился замысел художника с трогательной, очаровательной игрой г-жи Полевицкой» (*В-ский Л.* [*Василевский Л.М.*] ―Анфиса‖ // Новый журнал для всех. 1909. № 13. Ноябрь. С. 139). «Прелестна, в некоторых сценах тонко и ярко художественна была г-жа Полевицкая в роли Нины. Нельзя забыть этого нежного и нервного лица, в котором сквозь озаряющую его мечтательность робкой и восторженной юной любви уже проступает первая дрожь страсти» (*Гуревич Л.* Петербургские театры:
«Анфиса» Л. Андреева // Русские ведомости. 1909. 13 окт. (№ 234). С. 5).

[13] Имеется в виду собственный дом Л. Андреева в Финляндии, в Ваммельсуу (ныне поселок Серово), в котором писатель с семьей обосновался в 1908 г. Архитектор А.А. Оль при составлении проекта учитывал эскизы дома, сделанные Андреевым. Дом, по воспоминаниям старшего сына писателя Вадима Андреева, «был тяжел, великолепен и красив. Большая четырехугольная башня возвышалась на семь саженей над землею. Огромные, многоскатные черепичные крыши, гигантские белые четырехугольные трубы — каждая труба величиной с небольшой домик, — геометрический узор бревен и толстой дранки — все в целом было действительно величественным. Года через два дом перекрасили прозрачной краской, сквозь которую проступал рисунок дерева, — из рыжего он стал сине-черным, сделавшись еще красивее, но вместе с тем мрачней и тяжелее» [1, с. 35].

[14] Л. Андреев занимался живописью, современники писателя (И.Е. Репин, В.А. Серов, Н.К. Рерих) признавали в нем талантливого художника. Савва (Савва Леонидович Андреев) (1909–1970) — сын Л. Андреева и его второй жены Анны Ильиничны Денисевич.

[15] Театр Синельникова — один из лучших провинциальных театров России, организованный актером, режиссером, антрепренером Николаем Николаевичем Синельниковым (1855–1939) в Харькове в 1910 г. К творчеству Л. Андреева он обращался неоднократно; см.: [11].

[16] Рецензент газеты «Киевская мысль» писал: «Как понимает свою героиню г-жа Полевицкая? Прежде всего она верит в неумирающую светлую природу ее как человека, как женщины — вопреки Андрееву. Андреев думает, что Катерина Ивановна — мертвая. Нет, она жива! Загрязнили, придушили, осквернили люди ее подозрениями и своими ―прощениями‖, — мало того, они искалечили ее тело, но чем больше этой грязи, чем уродливей это качество, тем глубже тлеет и мерцает этот огонек... то вспыхивая, то потухая... И когда уже кажется — все кончено, г-жа Полевицкая, как молнией в черную ночь, на мгновение озаряется страданием, и неслышный крик пощады, милости, спасения как будто вспыхивает на ее сжатых губах...» [10, с. 140].

[17] Этот эпизод с опорой на архивные материалы воссоздан в книге Т.А. Путинцевой: «Тотчас же по возвращении Полевицкой в Петербург Андреев пришел к ней и просил подробно рассказать о ее психологическом состоянии в роли, о подтексте. Они сидели вдвоем, в сумерках, он просил не зажигать света. В заключение спросил:

— А куда уезжает Екатерина Ивановна в конце последнего акта?

— В смерть, — ответила Полевицкая. — Она дошла до своего предела, до полного безразличия. И потому больше не боится смерти. Она презирает себя, жалеет Георгия, но жить так больше не хочет, а иначе не умеет. Она устала. Поэтому она так трогательно ласково прощается с мужем. Он становится на колени, надевает ей боты, а она гладит его по голове. ―Ты тоже устал? Бедненький. Ты береги себя, не простудись... Хорошо?‖ После этого она сегодня умрет, что бы там ни было.

— Верно, — согласился он и добавил: — Я должен, должен написать для вас пьесу.

Не прошло и получаса после его ухода, как актрисе доставили от него большую корзину роз» [9, с. 141].

[18] Одной из значительных театральных интерпретаций пьесы Андреева «Профессор Сторицын» (1912) в провинции была постановка Н.Н. Синельникова в руководимом им театре в Харькове (19 ноября 1912). Полевицкая исполняла роль княжны Людмилы Павловны.

[19] Пьеса Андреева «Гаудеамус» (1910) была поставлена в театре Синельникова в Харькове 9 октября 1910 г. Полевицкая в роли Дины Штерн, по мнению рецензента, «ведет первый акт слащаво, точно заискивает, точно чего-то стыдится, о чем-то молит, точно она не курсистка, а дама, а светская дама, впервые столкнувшаяся со студентами, но во втором, третьем и четвертом играет проще, естественнее, хотя в общем определенного образа не создает» (*Ф.М.* Городской театр // Южный край. 1910. 16 окт. (№ 10113). С. 5).

[20] Пьесу Андреева «Король, закон и свобода» поставил И.Ф. Шмидт в соавторстве с А.А. Саниным в Московском драматическом театре (театр Суходольских). Премьера состоялась 23 октября 1914 г. О Полевицкой в роли жены Метерлинка критики высказывались противоречиво: «Очень нежно, чаруя лирикой, музыкальностью передачи, играет жену писателя г-жа Полевицкая, часто давая прозрачную пленительность и малозаметным местам пьесы…» (*Львов Як.* «Король, закон и свобода» // Новости сезона. 1914. 24–25 окт. (№ 2981). С. 5); «Г-жа Полевицкая играла искусственно, с «нарочным» напряжением, не давая воли и простора настоящим чувствам. Это была какая-то игра по нотам, сочиненная и потому холодная» (*Н.Эф. [Эфрос Н.]*. «Король, закон и свобода» // Русские ведомости. 1914. 24 окт. (№ 245). С. 6).

[21] Певцов Илларион Николаевич (1879–1934) — актер, исполнитель роли Тота в спектакле Московского драматического театра (1915).

[22] Фрейлих Олег Николаевич (1887–1953) — актер и режиссер, сыгравший в спектакле Московского драматического театра роль Безано.

[23] См. примеч. 9.

Из переписки

Е. Полевицкая — В. Чувакову

Уважаемый Вадим Никитич!

Спасибо Вам сердечное за присланные мне 2 копии с писем Леонида Ник. Андреева от 7 сент. 1915 г. и от 28 сент. 1916 г. Конечно, они мне очень дороги, как память. С своей стороны пересылаю Вам копию моего письма, возражающего профессору К.И. Платонову на его психологический очерк о «Екатерине Ивановне»[1], в котором он, по-моему, неправильно фиксирует причину падения Екатерины Ивановны. Леонид Николаевич был согласен с моей трактовкой, что он мне выразил в беседе с ним на эту тему весной 1917 г.

С приветом

Е. П о л е в и ц к а я.

25 июня 1958 г.

Москва.

<Адрес на конверте: > *Заказное, Москва Г-69. Ул. Воровского, д. 25 а. Институт Мировой литературы имени М. Горького. Вадиму Никитичу Чувакову. <Обр. адр.*:> *Е. Полевицкая. Москва Г-59. Кутузовский просп. 16, кв. 46.*

[1] Речь идет о брошюре проф. К.И. Платонова «“Екатерина Ивановна” Л. Андреева (Судебно-психопатологический этюд)», изданной в Харькове в 1913 г.

Приложение к письму:

ПИСЬМО ПРОФ. К.И. ПЛАТОНОВУ
по поводу его психологического очерка
о «Екатерине Ивановне» Л. Андреева.

Спасибо Вам за брошюру, прочла ее и очень хочется ответить. Отвечу частично, так как нет времени, но Вы как психолог разберетесь в том, что я хочу сказать.

Вы фиксируете момент выстрела, как важнейший в происшедшем в «Екатерине Ивановне» перевороте, упуская, как мужчина, момент, который мне, как женщине, кажется более значительным. Выстрел лишь приводит в хаотическое состояние, освобождает преступную волю, дает свободу идти направо и налево. Это индульгенция на будущий грех и такова женская волевая подчиненность, что даже идею греха она получает от мужа. Завершив этим круг, Екатерина Ивановна, испугавшаяся и раскаявшаяся, могла бы вернуться в старые нормы, но тут начинается новое и более тяжелое преступление мужа, дающее направление ее силам. Ее, распинающую себя, надевшую вериги очищения, желающую восстановления брака на коленях,

брака освященного детьми («Горя, пойдем к детям. Горя, сегодня не надо... через год»), он настойчиво берет сегодня. Не пьет с ней вместе чашу искупления, а как страус прячет голову («Ментикова нет, этого не было совсем»), чтоб иметь право утолить сегодня же мужской голод. В этом моменте мне чудится гибель К.И. Вчера Ментиков, сегодня муж, которому оказывается так же просто можно отдаваться не душой, которая болеет еще грехами и не хочет радости тела, а так же, как и другому, технически, телом, по-проститутски. Вот момент действительного падения. Не с Ментиковым, а с мужем. Падение с Ментиковым ужасно, а это просто, обыденно. Этим актом муж уничтожает и себя и отношения к их браку, как освященности, таинству исключительности, и ставит себя в ряды мужчин, им же нет числа. Это понятие для нее новое, собирательное. Вот момент для Е.И. решающий, — мужа нет, рядом оказывается мужчина, который ищет не общей гармонии мужа и жены, духа и тела, а мужчина, берущий плохо защищенную женщину. Женщина всегда выдвигает из себя то, чего сознательно и подсознательно ищет мужчина, и Е.И. совершенствует технику тела, дойдя до ночей «красиво пошлых», а который мужчина возьмет — это неважно, раз пророк не найден и муж единственный им не оказался.

Может быть, профессор, Вам этот момент, который мне хотелось Вам указать, не важен, но для меня в понимании мира Е.И. он — все.

Поэтому мне хотелось его подчеркнуть. Ваша мысль о половом инстинкте, который должен быть в женщине разумно переведен в физическую или психическую энергию абсолютна по истине, я ее на себе провела и осознала.

Полевицкая.

Харьков, 1916.

В. Чуваков — Е. Полевицкой

Уважаемая Елена Александровна,

посылаю Вам только что вышедший однотомник избранных пьес Леонида Андреева[1]. Я с удовольствием вспоминаю встречу с Вами и буду очень рад, если эта книга, включающая в себя замечательную пьесу Леонида Николаевича «Тот, кто получает пощечины», доставит Вам несколько приятных минут. Еще раз благодарю Вас за любезное разрешение опубликовать в комментариях отрывки из писем к Вам Леонида Андреева (стр. 581–582).

С искренним уважением и пожеланием новых творческих успехов

В. Чуваков.

5-го января 1960 г.

Москва. К-9. Ул. Горького. д. 17. кв. 97. Чувакову Вадиму Никитичу.

Авторизованная машинописная копия.

[1] Имеется в виду изданный в 1959 г. в серии «Библиотека драматурга» том пьес Л. Андреева [3].

Из дневника В. Чувакова

18 мая 1961 г.

Звонила Полевицкая. Разговор продолжался более часа. Предлогом для звонка было письмо Полевицкой из Орла от Афонина[1]. Я посоветовал ей написать для Орловского музея воспоминания. Е.А. долго рассказывала, как понимать образ старой графини в «Пиковой даме»[2], восторгалась Стриженовым-Германном[3]. Вернувшись на родину, Полевицкая не нашла себя. Ее искусство — искусство мелодраматическое. Театр, которому Е.А. служила, умер у нас... Видно — она очень хотела бы «идти в ногу» с современностью, но для этого ей пришлось бы перешагнуть через саму себя. А теперь чувство неудовлетворенности, уязвленное честолюбие («меня приглашают в Харьков... Когда я прочитала «Как хороши, как свежи были розы»[4], меня целовали...) — и старость.

30 августа 1961 г.

Был у Полевицкой по ее просьбе. Отбирали фотографии для пересъемки. Елена Александровна рассказывала о своей театральной деятельности, ругала Художественный театр, Дувана-Торцова. В заключение подарила свою фотографию (в роли Консуэллы) и после долгих размышлений написала на обороте: «На память об интересных, увлекательных встречах Вадиму Никитичу».

---

[1] Афонин Леонид Николаевич (1918–1975) — орловский писатель, журналист, литературовед, создатель первой биографии Л. Андреева, изданной в 1959 г. «Написанная с любовью и пониманием личности писателя, книга совершила прорыв в андрееведении <…> Исследователю удалось разрушить стереотипы и в значительной мере пересмотреть взгляды на творчество и личность писателя, бытовавшие в советское время» — так оценивают этот труд современные исследователи, авторы биографической книги о Леониде Андрееве [4].

[2] В 1960 г. на экраны вышел фильм-опера «Пиковая дама» («Ленфильм»; режиссер Р. Тихомиров), в котором Полевицкая сыграла графиню (пела С.П. Преображенская).

[3] Стриженов Олег Александрович (род. 1929) — актер, исполнитель роли Германна в фильме «Пиковая дама».

[4] «Как хороши, как свежи были розы» — стихотворение в прозе И.С. Тургенева. В последние годы своей творческой жизни Полевицкая занималась художественным чтением на концертах и на радио и, в частности, читала Тургенева.

Е. Полевицкая — В. Чувакову

Милый Вадим Никитич, спасибо за новогодний привет. Мне была приятна Ваша память. Мои записки[1] движутся медленно, порой с месячными перерывами — отчасти из-за отсутствия необходимых матерьялов, которые приходится разыскивать, отчасти отвлекают другие задания жизни: На днях вернулась из Киева, куда выписывало меня Украинское Театральное Товарищество[2]. Я не была в Киеве с 1925. Прием превзошел всякие мечтания. Я окунулась в горячую волну любви киевлян. За почти 40 лет меня не забыли, не разлюбили. Люди окружали меня, глядели, а слезы лились от радости встречи. Поразительно. Флюид актера необычайной силы, живущий за счет иллюзий, вопреки реальности. Я счастлива приемом. Желаю Вам в Новом году много творческих радостей, здоровья, светлого духа.

Е. Полевицкая.

7. 1. 65

В оригинале описка: 64 г. Автограф на иллюстрированной почтовой открытке. Обр. адрес: *Москва Г-248. Кутузовский прос. 16, кв. 46.*

---

[1] В 1963 г. Полевицкая начала писать воспоминания, основанные на документальных материалах. К.Н. Кириленко, опубликовавший небольшие отрывки из незаконченных воспоминаний актрисы, замечает: «Так как архив ее, ввиду бесконечных переездов, не сохранился, Полевицкая обращалась в музеи, государственные архивы, в том числе и в ЦГАЛИ, где разыскивала свои письма, программы, афиши, смотрела старые газеты, выписывая оттуда рецензии, так что ее воспоминания должны были стать документальной повестью. К сожалению, смерть прервала работу над ними, даже собранный ею материал не весь был использован. Воспоминания, насчитывающие 343 страницы, доведены до 1914 года» [10, с. 109].

[2] По возвращении в СССР Полевицкая провела несколько творческих вечеров — в Театре имени Вахтангова, в Центральном Доме работников искусств, в Доме актера в Москве, Ленинграде, в Театре имени Леси Украинки, в Киевском театральном институте, в Украинском театральном обществе в Киеве.

Литература

1. *Андреев В*. Детство. М.: Сов. писатель, 1963. 291 с.

2. *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. 808 с.

3. *Андреев Л.Н.* Пьесы / сост., подгот. текстов и примеч. В. Чувакова. М.: Искусство, 1959. 591 с.

4. *Кен Л.Н., Рогов Л.Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: ООО «Издательско-полиграфическая компания “КОСТА”», 2010. 430 с.

5. *Литаврина М.Г.* «Своя – чужая» в театрах разных стран. П.А. Марков о Елене Полевицкой. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svoya-chuzhaya-v-teatrah-raznyh-stran-p-a-markov-o-elene-polevitskoy/viewer (дата обращения: 10.08.2021).

6. *Марков П.А.* Книга воспоминаний. М.: Искусство, 1983. 607 с.

7. *Петкер Б.Я.* Это мой мир. М.: Искусство, 1968. 351 с.

8. Письма Л.Н. Андреева к Вл.И. Немировичу-Данченко и К.С. Станиславскому (1913–1917) / публ. и коммент. Н.Р. Балатовой и В.И. Беззубова // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1971. Вып. 266: Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Литературоведение. С. 231–312.

9. *Путинцева Т.А.* Елена Полевицкая. М.: Искусство, 1980. 304 с.

10. Путь актрисы: Воспоминания Е.А. Полевицкой. The path of the actress: Memoirs of E.A. Polevitskaya / публ. К.Н. Кириленко // Встречи с прошлым. М.: Сов. Россия, 1978. Вып. 3. С. 105–126.

11. *Синельников Н.Н.* Шестьдесят лет на сцене: Записки. Харьков: Изд-во Харьковского гос. театра русской драмы, 1935. 348 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

V.N. Chuvakov. My Meetings and Correspondence with Elena Aleksandrovna Polevitskaya (1958–1968)

© 2021. Elena V. Bulysheva

Text editing, introduction and commentary

Russian State Institute of Performing Arts,

St. Petersburg, Russia

Abstract: The published diary entries of the famous literary critic and bibliographer V.N. Chuvakov are devoted to his meetings with the actress E.A. Polevitskaya in 1958–1961. In the text there is an image of an actress who was extremely popular in the 1910s, who had a long and difficult creative path, but still needed theater and acting. From Polevitskaya’s memoirs about her theatrical activity and about the theater of the early 20th century Chuvakov builds the main plot for him, associated with the name of Leonid Andreev. Fragmentary, inconsistent, but vivid, the actress’ memories about her creative relationships and personal meetings with Andreev complement our ideas about the writer, bring new shades to the picture of theatrical and artistic life of the early 20th century. The publication includes a letter from Polevitskaya to prof. K.I. Platonov, the author of a “forensic psychopathological study” on Andreev’s play “Ekaterina Ivanovna.” In the letter, the actress expounds her original, deep interpretation of the image of the mysterious and attractive Ekaterina Ivanovna and the motivation for her actions. Chuvakov's notes create an idea of Polevitskaya as an actress, capable of seriously, analytically approaching work on the role, delving deeply into the author's intention, which makes the diary's author's conclusion reasonable: Polevitskaya is the best Ekaterina Ivanovna (the heroine of Andreev's play).

Keywords: E.A. Polevitskaya, Leonid Andreev, V.N. Chuvakov, Russian theatre of the early 20th century, “Ekaterina Ivanovna,” “He Who Gets Slapped.”

Information about the author: Elena V. Bulysheva — PhD in Art History, Associate Professor, Russian State Institute of Performing Arts (RGISI), Mokhovaya 34, 191028 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6839-0904
E-mail: bulysheva@yandex.ru

For citation: Chuvakov, V.N. “My Meetings and Correspondence with Elena Aleksandrovna Polevitskaya (1958–1968)”, publ. by E.V. Bulysheva. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 146–163. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-146-163

References

1. Andreev, V. *Detstvo* [*Childhood*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 291 p. (In Russ.)

2. Andreev, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [*Complete Works and Letters: in 23 vols.*], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2005. 808 p. (In Russ.)

3. Andreev, L.N. *P'esy* [*Plays*], ed. by V. Chuvakov. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 591 p. (In Russ.)

4. Ken, L.N., Rogov, L.E. *Zhizn' Leonida Andreeva, rasskazannaia im samim i ego sovremennikami* [*The Life of Leonid Andreev, Told by Himself and His Contemporaries*]. St. Petersburg, Izdatel'sko-poligraficheskaia kompaniia KOSTA Publ., 2010. 430 p. (In Russ.)

5. Litavrina, M.G. “‘Svoia – chuzhaia’ v teatrakh raznykh stran. P.A. Markov o Elene Polevitskoi” [“‘Insider – Alien’ in Theaters of Different Countries. P.A. Markov about Elena Polevitskaya”]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/svoya-chuzhaya-v-teatrah-raznyh-stran-p-a-markov-o-elene-polevitskoy/viewer (Accessed 10 August 2021). (In Russ.)

6. Markov, P.A. *Kniga vospominanii* [*The Book of Memoirs*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983. 607 p. (In Russ.)

7. Petker, B.Ia. *Eto moi mir* [*This is My World*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. 351 p. (In Russ.)

8. “Pis'ma L.N. Andreeva k Vl.I. Nemirovichu-Danchenko i K.S. Stanislavskomu (1913–1917)” [“L.N. Andreev’s Letters to Vl.I. Nemirovich-Danchenko and K.S. Stanislavsky (1913–1917)”], publ. and comm. by N.R. Balatova and V.I. Bezzubov. *Uchenenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Tartu State University Proceedings*], issue 266: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. XVIII. Literaturovedenie [Studies in Russian and Slavic Philology. XVIII. Literary Criticism]. Tartu, 1971, pp. 231–312. (In Russ.)

9. Putintseva, T.A. *Elena Polevitskaia* [*Elena Polevitskaya*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980. 304 p. (In Russ.)

10. “Put' aktrisy: Vospominaniia E.A. Polevitskoi” [“The Path of the Actress: Memoirs of E.A. Polevitskaya”], publ. by K.N. Kirilenko. *Vstrechi s proshlym* [*Encounters with the Past*], issue 3. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1978, pp. 105–126. (In Russ.)

11. Sinel'nikov, N.N. *Shest'desiat let na stsene: Zapiski* [*Sixty Years on Stage: Notes*]. Khar'kov, Izdatel'stvo Khar'kovskogo gosudarstvennogo teatra russkoi dramy Publ., 1935. 348 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.09.2021
Одобрена после рецензирования: 15.11.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 19.09.2021
Approved after reviewing: 15.11.2021
Date of publication: 25.12.2021

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Рецензия на книгу
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-164-172

«Русские — скитальцы нашей эпохи»: воспоминания о детстве внучки Леонида Андреева*

© 2021, Г.Н. Боева

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных
технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья представляет собой рецензию на книгу воспоминаний о детстве внучки Леонида Андреева О. Андреевой-Карлайл — «Остров на всю жизнь», впервые переведенную (Л. Шендеровой-Фок) на русский язык с английского и французского, языков первых публикаций. Автор воссоздает в книге пятилетний период (1939–1945) пребывания своей семьи на французском острове Олерон, оккупированном нацистами, реконструирует «русский мир» диаспоры, создаваемый чтением книг, общением с соотечественниками (Г. Федотов, М. Цветаева, А. Ремизов и др.), горячим интересом к России. В рецензии анализируется жанровая природа книги, сочетающей верность факту и беллетризацию документального материала в духе «девичьей» повести; вскрывается «книжный код», позволяющий автору романтизировать повествование и представить события Сопротивления, в которые включена семья, в авантюрном ключе. Показано, что изображаемые события и атмосфера в деревне Сен-Дени на берегу океана ассоциируются в книге с художественным миром Э. По, которого читает детям вслух их отец, Вадим, живший в детстве в Финляндии в доме на Черной речке. Воссоздаваемый по рассказам образ знаменитого деда автора, русского писателя Леонида Андреева, тоже смыкается с представлением об американском романтике Э. По. Портрет Леонида Андреева в книге предстает мифологизированным, преломленным призмой восприятия сына Вадима и определенным литературной репутацией самого писателя.

Ключевые слова: Ольга Андреева-Карлайл, эмиграция, воспоминания, Вторая мировая война, французское Сопротивление, «книжный код», Леонид Андреев, литературная репутация, рецепция.

Информация об авторе: Галина Николаевна Боева — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Б. Морская, д. 18, 191186

* Рецензия на книгу: *Андреева-Карлайл О.В*. Остров на всю жизнь. Воспоминания детства. Олерон во время нацистской оккупации / пер. Л.Е. Шендеровой-Фок, послесл. Н.А. Громовой. М.: Изд-во АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. 281 с. («Чужестранцы»).

г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6021-3687
E-mail: g_boeva@rambler.ru

Для цитирования: *Боева Г.Н.* «Русские — скитальцы нашей эпохи»: воспоминания о детстве внучки Леонида Андреева // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 164–172. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-164-172

Известны две книги о детских годах в доме отца, написанные детьми Леонида Андреева, — повесть «Детство» (1963) его сына Вадима и «Дом на Черной речке» (1974) дочери Веры. Эту традицию продолжают внуки писателя: книгу «Остров на всю жизнь…» написала старшая дочь Вадима Ольга Андреева-Карлайл (род. в 1930, сейчас живет в США, Сан-Франциско). В ней рассказывается о пяти годах, проведенных автором — с девяти до четырнадцати лет — в маленькой французской деревне Сен-Дени на острове Олерон. Сюда, на берег Атлантики, семья русских эмигрантов приехала в 1939 г. отдохнуть на море, но, застигнутая Второй мировой войной, вынуждена была остаться, воссоединившись с еще несколькими членами семейства, и, вступив в ряды Сопротивления, пережить немецкую оккупацию — лишь в 1945 г. им удалось покинуть приютивший их остров.

Ольга Андреева вырастет, будет учиться в Сорбонне, в 1951 г. выйдет замуж за американского писателя Генри Карлайла и переедет в Нью-Йорк, где станет учиться живописи, займется переводами (в том числе Достоевского, Пастернака, Мандельштама, Солженицына), напишет несколько книг. «Остров на всю жизнь…» появился в 1980 г. на английском языке, в 2005 и 2015 гг. был дважды опубликован на французском — теперь мы можем прочитать книгу и на русском.

Хотя подзаголовок ориентирует нас на жанр мемуаров, это не совсем так: в книге сильно ощутима беллетризация докумен-

тального материала — и в замене реальных имен вымышленными (в послесловии переводчика даны биографические справки, позволяющие разъяснить эти шифры), и в концептуализирующем повествование сюжетно-мотивном рисунке. Пожалуй, можно говорить о жанровой соотнесенности книги Андреевой-Карлайл с романом воспитания, а еще в большей степени — с «девичьей» повестью в духе Л. Чарской. В самом деле, здесь есть и влюбленность в юношу Жюльена, с которым героиня знакомится в первые же дни на острове, и «красавица-злодейка», авантюристка Клара, из-за которой приходится страдать героине, а в конце книги она осознает, что из ребенка прекратилась в привлекательную девушку и с ней стремятся познакомиться молодые люди на пляже…

Замечательно владея мастерством рассказчика, автор пишет так, что книга читается как остросюжетная, особенно в конце, где борьба против нацистов прибавляет повествованию изрядную долю авантюрности. А временами рассказ замедляется дотошным (но совсем нескучным), в духе классического мемуарного non-fiction, описанием вещного мира, который окружает семейство изгнанников: подробно изображаются заботы о пропитании (работы на огороде, сбор винограда и водорослей), одежда, досуг и прочие повседневные подробности жизни. Чередование описательно-неторопливых и повествовательно-стремительных страниц как будто имитирует наплывы волн океана, которым окружена островная вселенная героини.

Книга издана в серии АСТ «Чужестранцы»[1], настраивая на эмигрантский лад, на оптику взгляда «оттуда». В самом деле, несмотря на то, что девятилетняя девочка в начале книги никогда не видела Россию, все в ее воспоминаниях пронизано русским и семья ни на минуту не забывает о России и своем изгнанничестве. Бабушка героини, бывшая жена эсера В.М. Чернова (он тоже как «эпизодический гость» появляется на страницах книги), три ее дочери, их мужья, один из которых — сын писателя Вадим Андреев, и их дети — они и есть «русский мир», данный в ощущениях девочке.

А еще «русский мир» — это книги и стихи, которые герои читают и о которых спорят при свете горелок на дельфиньем жире. Именно чтение русских книг оказывается средством национальной самоидентификации — неслучайно, когда отец Оли вовлекает в Сопротивление соотечественников, вынужденных служить в вермахте, им дают читать Лермонтова и Достоевского из семейной библиотеки. Попутно сообщается о литературных знакомых семьи:

[1] В этой серии вышли также «Курсив мой» Н. Берберовой (2021) и «путеводитель» О. Лекманова по мемуарам И. Одоевцевой «На берегах Невы» (2020).

Алексее Ремизове, Марине Цветаевой, которая первое время в Париже жила у бабушки героини, О.Е. Колбасиной-Черновой, в доме появляется Георгий Федотов с женой…Однако родители и бабушка живут не только в «русском мире»: по своей культуре и образованию они европейцы, и сама девочка Оля, благодаря новому знакомому Жюльену, открывает для себя еще и французскую словесность, читая Ламартина, Бодлера, Верлена, Малларме, Поля Валери.

В портрет своего окружения автор тоже впускает много литературного: Ольга (мать героини), Наталья и Ариадна — почти чеховские «три сестры»; Клара, «злой гений» их семьи, уподобляется панночке из гоголевского «Вия» (аллюзивно в ней сквозит и Наташа из чеховской пьесы); любимый отец описывается как романтик, любитель Эдгара По, сын писателя и сам поэт: «Проведя детство на берегу моря практически в одиночестве, в редкой компании отца-меланхолика, Вадим Андреев никоим образом не чувствовал себя чужим на суровом и оторванном от мира Олероне. От матери, бывшей в родстве с Тарасом Шевченко, он унаследовал спокойный нрав и умение радоваться жизни» [2, с. 70]. Как видим, в этой характеристике акцентируются и «литературные корни» по линии Александры Михайловны Велигорской, первой жены Леонида Андреева.

«Книжный код» позволяет автору интерпретировать действительность, вчитывая в нее личностные смыслы и расцвечивая в романтические тона: в тревожное время, в непростой ситуации для ребенка это своего рода психотерапия. Так, Жюльен привозит в дом диккенсовскую «Крошку Доррит», с которой ассоциируют себя «Чернушки» (бабушка и ее дочери), и новеллы в переводе Эдгара По, ставшего для девочки своего рода «гением места»: «“Лигейя”, “Морелла” и “Падение дома Ашеров” стали важной частью нас самих. Зимними ночами весь Сен-Дени, дом Ардебер и даже наши спальни выглядели так, будто вышли из рассказов Эдгара По» [2, с. 60].

Американский романтик любим и отцом Оли — Вадимом Андреевым, который читает его страшные истории детям вслух: «Еще со времен одинокого невеселого детства, проведенного в огромном деревянном доме на берегу Финского залива, отец полюбил По. Он много рассказывал нам о судьбе американского поэта, о его склонности к опиуму и детской любви к Леноре» [2, с. 71].

Неудивительно, что с Эдгаром По ассоциируется и знаменитый дед Ольги — Леонид Андреев, о котором девочка, родившаяся через 11 лет после его смерти, могла знать только со слов родителей. Но тем интереснее присмотреться к тому образу, который возник в ее сознании на основе этих рассказов:

Папа вырос на берегу Финского залива и любил море так же, как и его отец, русский писатель Леонид Андреев.

Леонид Андреев стал знаменитым в предреволюционное время. Его перу принадлежит, например, «Рассказ о семи повешенных» (он был ярым противником смертной казни). Красивый, талантливый и угрюмый, Леонид Андреев был одним из последних представителей романтизма в русской литературе — течении, начавшегося с Лермонтова и завершившегося со смертью Бориса Пастернака. Все, что делал Андреев, было утонченным и неординарным. Он страстно любил море и построил себе на побережье большой деревянный дом, великолепный и одновременно печальный. Там он оплакивал смерть своей *Леноры*, матери моего отца — ее звали Александра Велигорская, она умерла, когда отцу было всего четыре года.

Леонида Андреева можно было бы назвать нравственным ориентиром. Он близко дружил с Максимом Горьким, но тот выступал как политик и «совесть общества», тогда как Андреев защищал ответственность и права каждого человека. Оба они открыто высказывались против еврейских погромов. До самой своей смерти в 1919 году Андреев яростно разоблачал бесчеловечность, зло и разрушение, присущие политике Ленина, а Горький, наоборот, стал приверженцем большевизма [2, с. 69–70].

Как видим, «след Эдгара По» в восприятии Ольгой Андреевой своего деда очевиден. Очевидна и призма этого восприятия, заданная отцом, Вадимом: и его непростое детство в доме отца и мачехи, и представление о том, что умершая мать незаменима, и большой уединенный дом на берегу моря, и суровая северная природа, окружающая его. Понятен и налет романтизма, идущий от впечатлительной, поэтической натуры Вадима, в восприятии которого его отец тоже предстает одним из последних романтиков — непонятным, эксцентричным, одиноким, загадочным (романтизм при этом понимается автором, скорее, как мировоззрение).

Впрочем, современники тоже часто сближали Андреева и Эдгара По[2]. Американский романтик стал для русского читателя, по словам К. Бальмонта, «Колумбом новых областей в человеческой душе», которые открывали «поэзию ужаса»[3]. Да и сам Андреев не скрывал

---

[2] См.: «Мистический ужас человека, во всем прозревающего тайну, бездну, стихию: вот основной тон г-на Андреева — тон, оправдывающий <…> сопоставление с другим певцом ужаса, с Эдгаром По…» [3, с. 101].

[3] *Бальмонт К.* Гений открытия (Эдгар По. 1809–1849) // Ежемесячные сочинения. 1900. № 10. С. 109.

влияния на свое творчество Э. По[4] (любил и его соотечественника Джека Лондона). Рассказ Андреева «Он. Рассказ неизвестного» (1913) как будто навеян новеллой «Падение дома Ашеров» (1839)[5].

Заметим, что Андреев в процитированной характеристике противопоставляется Горькому, который крестил Вадима и с которым, как он хорошо знал, отец разошелся именно после смерти первой жены. Конечно, ощутимо в этом противопоставлении и ставшее уже устойчивым представление о литературной репутации Андреева и его месте в русской литературе XX в.

Интересно, как срифмовалась судьба сына в его олеронский период с судьбой отца: та же уединенность у моря, большой дом, полный домочадцев, которых надо кормить, работа на земле, мысли о литературе. Когда мы читаем в книге Андреевой-Карлайл, что ее отец умел сочетать «писательские занятия с зарабатыванием денег на содержание семьи и получать удовольствие от жизни в суматошном доме, полном детей» [2, с. 70], то можем усомниться в том, насколько отец действительно получал в этой ситуации удовольствие, но точно не можем не вспомнить о последних годах хозяина дома на Черной речке. Который тоже, кстати, был крайне озабочен садом, все не приживавшимся на скудной финской почве и, хотя имел в штате прислуги садовника, сам работал на земле. И, конечно, страстно любил море[6] — эта страсть, заставлявшая его неделями пропадать на шхерах, передалась сыну: море в книге Андреевой-Карлайл — любимая семейная стихия, «место силы», утешитель и врачеватель.

Стиль прозы Андреевой-Карлайл, переведенной Л.Е. Шендеровой-Фок, выдает языки оригинала — французский и английский. Вероятно, это хорошо: сохраняется интонация человека, говорящего «оттуда» (хотя некоторых странностей в употреблении сложноподчиненных предложений можно было бы избежать). Крайне полезны написанные переводчицей предисловие и содержащее реальный комментарий послесловие «О героях этой книги», где подлинные

---

[4] В этом он признается в одном из писем, см.: [4, с. 24].

[5] Сюжетные ходы: столкновение героя с таинственными, непонятными силами в чужом доме на берегу моря, страшная семейная тайна, тяготеющая над обитателями дома и придающая всему странный тон, образы несчастных женщин и остающаяся в финале недосказанность, — все в этом андреевском рассказе «Он», «сделанном по лекалам» Э. По, прекрасно ложится на олеронские обстоятельства жизни во время нацистской оккупации.

[6] В поздних дневниках (запись от 25 мая 1918 г.) Леонид Андреев признается, что для него «любовь — море — литература связаны» как некая единая стихия жизни: «Любовь даст мне активность, даст и творчество и океан. Этот океан в его синей бесконечности я в и ж у с мучительной ясностью. Порой мне кажется, что и самая любовь… есть тот самый океан…» [1, с. 97].

имена героев повести сопоставлены с теми, которыми наделила их автор. Помещенные же в книге фотографии позволяют представить героев визуально. Одна из первых — Леонид Андреев с Александрой Михайловной и маленьким Вадимом на коленях.

Читателю пригодится и помещенная в конце книги краткая хронология «Франция во Второй мировой войне» — исторический подстрочник к изображенным событиям. Помогает в этом и послесловие Натальи Громовой «Между двух миров», в котором дан краткий историко-культурный очерк, позволяющий рассмотреть повесть Андреевой-Карлайл в контексте истории русской эмиграции, французского Сопротивления и русско-французских и русской-американских литературных связей.

Наконец, замечательный подарок читателю этой книги — автоиллюстрации Андреевой-Карлайл: тонкая, изысканная черно-белая графика, запечатлевшая пейзажи Олерона и передающая лирическую интонацию автора.

В книге есть одна сюжетная пружина, позволяющая понять смысл заглавия. На протяжении всех пяти лет, проведенных в Сен-Дени, дети ищут клад в саду у дома, в котором живут, и так и не находят. Однако на последних страницах, вместо этих ненайденных сокровищ, автору открывается подлинный смысл их пребывания на острове. Он становится метафорой утраченного детства и — шире — утраченной родины: «Каждый из нас вернулся домой, к себе домой. Вернулись ли мы? Русские — скитальцы нашей эпохи. Все мы мечтаем вернуться на тот остров, залитый солнцем, где сбегают в море кудрявые виноградники» [2, с. 258]. Образ «острова на всю жизнь», сродни набоковским «другим берегам», придает воспоминаниям внучки Леонида Андреева экзистенциальное звучание, а читателю дает ощущение художественности прозы, перерастающей жанровые рамки мемуаров.

Литература

1. *Андреев Л.Н.* S. O. S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1994. 598 с.

2. *Андреева-Карлайл О.В.* Остров на всю жизнь. Воспоминания детства. Олерон во время нацистской оккупации / пер. Л.Е. Шендеровой-Фок, послесл. Н.А. Громовой. М.: Изд-во АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. 281 с.

3. *Жаботинский В.Е.* Полн. собр. соч.: в 9 т. / сост. и общ. ред. Ф. Дектора. Минск: МЕТ, 2010. Т. 3: Проза. Публицистика. Корреспонденции. 1903. 744 с.

4. *Львов-Рогачевский В.* Две правды. Книга о Леониде Андрееве. СПб.: Прометей, 1914. 232 с.

Book Review

"Russians are Wanderers of Our Era": Childhood Memories of Leonid Andreev's Granddaughter*

© 2021. Galina N. Boeva

St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design,
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article is a review of the childhood memories' book by Leonid Andreev's granddaughter O. Andreeva-Carlisle — the novella "An Island for Life," first translated (by L. Shenderova-Fock) into Russian from English and French, the languages of the first publications. In the novel, the author recreates the five-year period (1939–1945) of her family's stay on the island of Oleron, occupied by the Nazis, reconstructs the "Russian world" of the diaspora, created by reading books, socializing with compatriots (G. Fedotov, M. Tsvetaeva, A. Remizov, etc.), and ardent interest in Russia. The review analyzes the genre of the book, which combines fidelity to fact with fictionalization of documentary material in the spirit of a girly story; it also reveals the "book code," allowing the author to romanticize the narrative and present the events of the Resistance, in which the family was included, in an adventurous manner. It is demonstrated that the depicted events and the atmosphere in the village of Saint-Denis on the ocean coast are associated in the book with the artistic world of E.A. Poe, read aloud to the children by their father, Vadim, who lived as a child in Finland in a house on the Black River. The image of the author's famous grandfather, the Russian writer Leonid Andreev, recreated from the stories, also merges with the notion of the American romantic Poe. The portrait of Leonid Andreev in the book appears mythologized, refracted by the prism of perception of his son Vadim and determined by the literary reputation of the writer himself.

Keywords: Olga Andreeva-Carlisle, emigration, memoirs, Second World War, French Resistance, "Book code," Leonid Andreev, literary reputation, reception.

Information about the author: Galina N. Boeva — DSc in Philology, Associate Professor, Department of Advertisement and Public Relations, Institute of Business Communications, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, B. Morskaya 18, 191186 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6021-3687 E-mail: g_boeva@rambler.ru

For citation: Boeva, G.N. "'Russians Are Wanderers of Our Era': Childhood Memories of Leonid Andreev's Granddaughter." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 164–172. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-164-172

* Book review: Andreeva-Carlisle, O.V. *An Island for Life. Childhood Memories. Oleron During the Nazi Occupation*, trans. by L.E. Shenderova-Fock, afterword by N.A. Gromova. Moscow, AST Publishing House; Elena Shubina, 2021. 281 p.

References

1. Andreev, L.N. *S. O. S.: Dnevnik (1914–1919); Pis'ma (1917–1919); Stat'i i interv'iu (1919); Vospominaniia sovremennikov (1918–1919)* [*S. O. S.: Diary (1914–1919); Letters (1917–1919); Articles and Interviews (1919); Memoirs of Contemporaries (1918–1919)*], introd., comp. and comm. by R. Davis and B. Hellman. Moscow, St. Peterburg, Atheneum-Feniks Publ., 1994. 598 p. (In Russ.)

2. Andreeva-Karlail, O.V. *Ostrov na vsiu zhizn'. Vospominaniia detstva. Oleron vo vremia natsistskoi okkupatsii okkupacii* [*An Island for Life. Childhood Memories. Oleron During the Nazi Occupation*], trans. by L.E. Shenderova-Fok, afterword by N.A. Gromova. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2021. 281 p. (In Russ.)

3. Zhabotinskii, V.E. *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t.* [*Complete Works: in 3 vols.*], vol. 3: Proza. Publicistika. Korrespondencii. 1903 [Prose. Journalism. Correspondence. 1903], comp. and gen. ed. by F. Dektor. Minsk, MET Publ., 2010. 744 p. (In Russ.)

4. L'vov-Rogachevskii, V. *Dve pravdy. Kniga o Leonide Andreeve* [*Two Truths. Book about Leonid Andreev*]. St. Petersburg, Prometei Publ., 1914. 232 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.09.2021
Одобрена после рецензирования: 05.11.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 19.09.2021
Approved after reviewing: 05.11.2021
Date of publication: 25.12.2021

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

ЛФ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-173-224

Н.М. Языков и граф Д.И. Хвостов: диалог романтика и классика

© 2021, А.В. Курочкин
Всероссийский музей А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям ярких представителей противоположных литературных направлений — романтика Н.М. Языкова и классика графа Д.И. Хвостова. Начинаясь как стихотворная игра, общение двух поэтов постепенно переросло в переписку. История их диалога воссоздается на основе прижизненных стихотворных публикаций и эпистолярных материалов из архивов Языкова и Хвостова, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Впервые в научный оборот полностью вводится переписка двух поэтов. В работе раскрывается характер их творческих связей, обрисовываются грани литературных интересов и оценок, дополняя картину истории словесности пушкинского времени. Уточняются некоторые факты, относящиеся к А.С. Пушкину.

Ключевые слова: Н.М. Языков, Д.И. Хвостов, А.С. Пушкин, романтизм, классицизм, стихотворный диалог, переписка.

Информация об авторе: Александр Валентинович Курочкин — научный сотрудник, Всероссийский музей А.С. Пушкина, наб. реки Мойки, д. 12, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8291-0427
E-mail: alkurochkin@mail.ru

Для цитирования: *Курочкин А.В.* Н.М. Языков и граф Д.И. Хвостов: диалог романтика и классика // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 173–224. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-173-224

В эпоху противостояния литературных течений творческие диалоги их представителей в большинстве своем приобретают полемический характер. Возникает взаимный обмен колкими эпиграммами, обычный для поэтов-антагонистов[1]. Однако с особым интересом

[1] Подобные любопытные дебаты происходили не только в поэзии, но и в прозе. Так, предисловие П.А. Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком

можно наблюдать за более редким явлением, когда поэтический разговор участников — стихотворцев разных школ — представлял собой не спор, а скорее своеобразную литературную игру. Среди творческих диалогов, происходивших в писательской среде в пушкинскую эпоху, отдельного внимания заслуживает поэтическое общение, возникшее между «романтиком» Н.М. Языковым и «классиком» графом Д.И. Хвостовым. Стихотворцам не суждено было встретиться лично, но тем не менее их литературные отношения явили яркую страницу в творчестве каждого.

Предпосылкой этого удивительного диалога поэтов разного направления стали активные наставнические установки Хвостова, привлекавшие внимание поэтических оппонентов апологета классицизма. Поэты младшего поколения обращались к престарелому графоману с хвалебными панегириками и просьбами научить мастерству. Как отмечал Ю.Н. Тынянов, Хвостов и сам «вовлекал в эту двусмысленную игру поэтов помоложе и менее опытных, и они не всегда с честью выходили из этого положения» [24, с. 305].

Для ответа на вопрос, почему Хвостов, отошедший в 1820-х гг. от активных литературных дебатов, вступил в публичное общение с поэтом диаметрально противоположного направления, необходимо рассмотреть его отношение к романтической школе. Рассуждая о классиках и романтиках, он полагал, что «в обоих учениях, или толках, может быть худой и хороший поэт; только равно классик и романтик не должны погрешать против рассудка и вероподобия» [19, т. 7, с. 246]. Ему «грустно видеть, что многие разбиратели (так Хвостов именовал критиков. — *А.К.*) занимаются только тем, что Певец Кубры[2] или другой Автор Классик, не Романтик, а нимало не смотрят на красоты и недостатки разбираемого сочинения» [19, т. 7, с. 247]. Вступать в открытую дискуссию с романтиками граф считал бессмысленным занятием: «Спор классика и романтика — есть такая плоскость, что насмешит каждого: ты говоришь, что я раскольник, я говорю, что ты старовер» [11, с. 75–76], — писал он, характеризуя поэму Пушкина «Граф Нулин», помещенную в альманахе «Северные цветы на 1828 год». Стоит отметить, что к представителям романтической школы Хвостов относился терпимо, хоть и позволял себе критиковать их. Свои мысли он заносил в тетради и часть этих заме-

---

с Выборгской стороны или с Васильевского острова» к «Бахчисарайскому фонтану» А.С. Пушкина (М., 1824) встретило живые отклики в оппозиционном романтикам лагере.

[2] На реке Кубре под Переславлем-Залесским находилось принадлежавшее Хвостову имение Выползова Слободка и граф именовал себя «Певцом Кубры».

ток намеревался включить в свои «Записки о словесности». Так, он обратил внимание на рассуждения К.Ф. Рылеева на страницах «Сына отечества»[3] о классическом и романтическом течениях. В архиве Хвостова сохранился его неопубликованный отзыв на рылеевскую статью:

> В ноябре месяце сего года в Сыне Отечества № [4] есть рассуждение Г. Рылеева о поэзии, в коем он силится доказать, что романтик есть первый поэт на свете, хотя и говорит, что классики есть только образцовые писатели древности, а не составляют особливого учения или разряда. Сие, мне кажется, не основательно. Можно быть классиком по таланту, и классиком по наблюдению правил природы, однажды принятых о сущности поэзии. Можно быть хорошим писателем, т. е. иметь хорошие отрывки без наблюдения трех единств; но сомневаюсь, чтобы самый гений без наблюдения первого единства, т. е. узла и без цели в каком бы то роде стихотворства ни было, мог быть *образцовой* писатель. Поэзия есть дело общее; она равно должна пленять всякого человека просвещенного или невежу, обитателя севера или юга, нелепица — пустословие, многообразие узла или частей — не пленяет каждого читателя или зрителя. Ненаблюдение правил нравится, примерно говоря, в Англии и Немецкой земле. Это привычка, а, может быть, и незнание о красоте изящной (La belle Nature)[5].

Хвостов не разделяет литераторов на представителей различных школ, для него не столь важно соблюдение традиций, установленных классицизмом и искусственно привнесенных в поэзию, сколь значимо наблюдение правил, определяемых природой.

Любопытно, что в 1821 г. Рылеев обратился к Хвостову с посланием. В сохранившемся в архиве графа печатном оттиске на листе синей бумаги читаем:

> П е р е в о д ч и к у А н д р о м а х и
> (На случай пятого издания перевода
> сей прекрасной Расиновой Трагедии)
> Пусть современники красот не постигают,
> Которыми везде твои стихи блестят;

---

[3] *Рылеев <К.Ф.>* Несколько мыслей о Поэзии (Отрывок из письма к N.N.) // Сын отечества. 1825. Ч. 104. №. 22. С. 145–154.

[4] Далее пробел в рукописи. Должно быть: № 22.

[5] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 31. Л. 62 об.– 63.

Пускай от зависти их даже не читают,
И им забвением грозят![6]
Хвостов! будь тверд и не страшись забвенья:
Твой славный перевод Расина, Буало,
В награду за труды и дивное терпенье,
Врагам, завистникам на зло,
Венцем бессмертия венчал твое чело.
Так, так; твои стихотворенья
В потомстве будут все читать,
И слезы сожаленья
За претерпенные гоненья[7]
На мовзалей <так!> твой проливать.

К. Рылеев[8].

Рылеев пародировал высокопарный язык поэта-старца, и Хвостов почувствовал в его послании иронию. На своем веку Хвостов уже вдоволь наслушался подобных саркастических панегириков в свой адрес. Стоит лишь вспомнить получившую широкий резонанс в литературной среде речь Д.В. Дашкова, восхвалявшего сверх меры творчество графа на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.: [23]). Послание Рылеева вызвало следующее возражение Хвостова:

Примеч<ание>.
Так, так; твои стихотворенья
В потомстве будут все читать,
И слезы сожаленья
За претерпленные <так!> *гоненья*
На мавзолей твой проливать.

Прекрасно; но ополчение зоилов и даже невнимание современников не есть гоненье. *Гонимы* — были Тасс, Галилей и другие. Г. Рылеев напечатал сии стихи с переменами: см. Сын Отечества

[6] В журнальных публикациях (см.: <*Б.п.*> Переводчику Андромахи. (*На случай пятого издания перевода сей прекрасной Расиновой Трагедии*.) // Невский зритель. 1821. Ч. 5. № 3. Март. С. 259; <*Б.п.*> Переводчику Андромахи. (*По случаю пятого издания перевода сей прекрасной Расиновой Трагедии*.) // Сын отечества. 1821. Ч. 69. № 15. С. 35–36) следом за этой строкой Рылеев вставил четверостишие:

Не верь Зоилам сим: они шипят из праха;
Ни дарования, ни вкус им не даны,
Коль Гермиона, Пирр, Орест твой, Андромаха
Им кажутся смешны.

[7] В журнальных публикациях эта строка была опущена.

[8] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 69. Л. 180.

того времени, что лица мои смешны. Я примечание о сем поместил в примечания к одному из моих посланий: см. том 3 полного издания[9]. Рылеев был еще тогда не на воздухе. И сказал, прочтя мое замечание: я пошутил, а ваше замечание пойдет в потомство. В ответ ему отвечать надобно было: *Потомства не страшись — его ты не увидишь*[10].

Время показало, что прав был Рылеев: Хвостов остался в памяти поколений потешным творцом «образцовых глупостей». Граф употреблял приемы своих предшественников некритично, порой не замечая иронии в их произведениях. Как было отмечено, Хвостов «воспринимал авторитетные классические руководства и правила *буквально* и стремился в точности и целокупности воплотить их в собственном творчестве и поведении» [5, с. 160]. В теоретических прокламациях Хвостов выступал против буквализма в сочинительстве[11], однако сам был бессилен порвать силки буквализма; все его попытки представить накопленный классицистический опыт критически осознанным выглядели неудачно. Стремление Хвостова адаптировать на русской почве классическое наследие подвергалось критике и насмешкам современников, не был исключением и его перевод «Науки о стихотворстве» Буало. Хвостов не пытался спорить с «зоилами» о бессмыслице собственных стихов, но при этом граф не выказывал и тени иронии по отношению к своим произведениям и всячески пресекал подобные мысли у читателей. Хвостов нашел способ отвести эти обвинения, объясняя в комментариях употребление тех или иных выражений, чтобы предупредить их неправильное истолкование. Более того, он хотел придать своим утверждениям научную основательность, иногда ссылаясь на Академический словарь, отчего объяснения выглядели еще комичнее.

Обращаясь к Хвостову с посланием, Языков не повторял «ошибок» занявшего позицию критика классического учения Рылеева. Он не стал столь открыто проявлять иронию по отношению к старому графоману, а выбрал беспроигрышный вариант: завуалировать на-

[9] На рылеевский отзыв у Хвостова готова отповедь. В примечании к посланию Н.Ф. Остолпову (1821) он пишет: «Нескромные ценители найдут везде место к приветствию. Иные даже превозносили Автора за то, что лица в *Андромахе* им переведенной некоторым *казалися смешны и что многие его не читают*» [19, т. 3, с. 162].

[10] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 69. Л. 181–181 об. Этот отзыв Хвостова опубликован в: [14, с. 412], где дается ссылка на примечание в предшествовавшем собрании сочинений графа [18, ч. 2, с. LIII], практически не претерпевшее изменения в следующем издании.

[11] См. об этом: [11, с. 80].

смешку просьбой поэтического совета и, таким образом, польстить самолюбию Хвостова. Более того, следуя традициям классической школы, он прибегает к уничижению собственных поэтических достоинств. Свое послание Языков, как неопытный младший собрат по перу, наполняет восторженным подобострастием:

Почтенный старец Аполлона!
Как счастлив ты: давным-давно
В тенистых рощах Геликона
Тебе гулять позволено.
Еще теперь, когда летами
Твоя белеет голова,
Красноречивыми хвалами
Тебя приветствует молва —
И поздний глас твоей цевницы
Восторгом юным оживлен; —
Так блеском утренней зарницы
Вечерний блещет небосклон.

Слуга Отечественной славы,
Ты пел победы и забавы
Благословенного Царя,
Кубры серебряные воды,
И ужас Невской непогоды,
И Юга бурные моря.
Ты украшал, разнообразил
Страннолюбимный наш Парнас,
И зависти коварный глаз
Твоей поэзии не сглазил.
А я… какая мне дорога
В гурьбе поэтов удальцов?
Дарами ветреных стихов
Честим блистательного Бога;
Безделья вольного сыны,
Томимы грустью безутешной,
Поем задумчивые сны
И грезы молодости грешной;
Браним людей и света шум,
Иль чувством гордости ленивой,
Питаем, лакомим свой ум
Самодовольный и брюзгливой. —

Что слава? Суета сует!
Душой высокой и свободной
Мы презираем благородно
Ее докучливый привет;
Но соблазнительные девы
За наши милые напевы
Дарят нам: пару тайных слов,
Иль кошелёк хитросплетенный,
Иль скляночку воды бесценной,
Отрады ноющих зубов.
Вот наш венец и вся награда
Текучим сладостным стихам!
Но, люди… горькая досада
На свете ведома и нам! —
Нас гонит зависть, нам злодеи —
Все записные грамотеи,
И часто за невинный вздор,
За выраженье удалое,
Нас выставляет на позор
Их остроумие тупое.
О, научи меня, Хвостов!
Отречься буйного союза
Тех утомительных певцов,
Чья — недостойная Богов —
У Касталийских берегов,
Шальная вольничает Муза.
Дай мне классический совет
Свой ум настроить величаво —
Да увенчаюсь доброй славой
Я на Парнасе наших лет[12].

Языков не забывает «красноречивые хвалы»: разнообразные рецензии критиков на публикации сочинений Хвостова вызвали живую реакцию как самого графа и его соратников, так и оппонентов. Позитивных оценок было предостаточно, хотя они и принадлежали литераторам старой школы. Например, когда в 1820 г. вышел в свет очередной сборник стихотворений Хвостова, В.Г. Анастасевич откликнулся на него статьей, в которой именовал графа «маститым

[12] *Языков Н.* Графу Д.И. Хвостову // Славянин. 1827. Ч. III. № 36. С. 388–390, с датой: «1827. Июля 29. Камби»; включено в: [22, с. 283–286, с датой: «1828. Д.<ерпт>»].

Пиитом». По мнению рецензента, сочинения графа могут служить примером «для юных питомцев муз, если они дорожат судом потомства, которое одно властно приговорить — к бессмертию или к забвению»[13]. Мысли Анастасевича были созвучны хвостовским, и можно предположить «заказной» характер рецензии.

Престарелый поэт, предчувствуя неизбежность скорого конца, загорелся желанием поделиться опытом с начинающими поэтами, ощущая для себя в этом насущную потребность. Возможно, обращение к нему Языкова побудило Хвостова к объединению написанных в разное время четырех посланий в наставнический «Совет юным питомцам Муз». Однако почему Хвостов решил публично ответить именно Языкову, выделив его из числа других «юных питомцев муз»? Адресуя графу свои стихи, которых немало сохранилось в его архиве, их авторы — по большей части, второстепенные поэты — заискивая перед ним, слагали панегирики, наполняя их пиететом к старцу-поэту, но далеко не все из этих стихотворцев были его последователями и учениками. В их ряду находились и те, кто стремился отметить его реальные заслуги, избегая при этом чрезмерного восхваления. Например, уже после появления послания Языкова, в «Дамском журнале», издаваемом князем П.И. Шаликовым, было напечатано стихотворение Ф.П. Немчинова, озаглавленное «Старцу-Поэту юный питомец Муз»[14]. Хотя молодой поэт и не

---

[13] *Анастасевич В*. Некоторые Духовные и Нравственные Стихотворения Графа Хвостова. С. Петербург, в Типографии Н. Греча. 1820. 8. стр. 31 // Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1820. Ч. IX. № 2. С. 243.

[14] Дамский журнал. 1830. Ч. 29. №. 7. С. 103–105. В послании можно уловить влияние языковского обращения к Хвостову. Приведем фрагменты стихотворения Немчинова:

Певец, давно известный миру,
Наш Буало и Лафонтен!
Прими в покров младую лиру:
Сей огнь души тобой возжен.

<…>

Прошли лета твои младые,
Но в жилах не угасла кровь;
Нет к прелестям любви земные:
К отчизне, к славе есть любовь.
Питомцам Муз дав наставленья,
Картины света пишешь ты,
И славив Русские сраженья,

смог избежать восторженных слов в адрес Хвостова, тем не менее, он стремился к объективной оценке его творчества. Немчинов не наделяет Хвостова неким исключительным даром, а указывает, что граф сочиняет для собственной услады, при этом стихи «юного питомца муз», в отличие от иных льстецов-хвалителей, проникнуты искренним уважением к Хвостову. Тем не менее это послание не встретило публичного отклика старого графомана. Причиной тому была, по-видимому, малая известность автора. Дифирамбы Немчинова и подобных ему третьестепенных поэтов не могли иметь веса среди именитых литераторов[15]. Языковское же послание куда

Ты миру в дань несешь цветы.

<…>

Чело зима осеребряет,
Но огнь в душе твоей горит;
Нить жизни Парка доплетает,
А лира все еще гремит.
Нет, не узнаешь ты кончины:
У нас в сердцах ты оживешь;
С последней песнью лебединой
К бессмертью только перейдешь.
Любимец бога песнопенья,
Чувств сердца Русского Певец!
Из рук любви и удивленья
Ты примешь там златой венец.
Ты чтил в других талант и гений;
Россия твой талант почтет,
И дань любимцу вдохновений (*),
Тебе плод славы принесет.

<…>

Себя отчизне посвятив,
Стихи ты пишешь для забавы;
Для Россов слишком мало жив,
Ты слишком много жил для славы.

(*) Не могу умолчать о достойном поступке Певца Кубры, показывающем уважение к чужим талантам: когда было предположено соорудить памятник Ломоносову, отцу нашей Поэзии, тогда Граф Дмитрий Иванович, сочинив на сей случай Оду, собрал до 3000 рублей и принес их в дань великому человеку. Так поступают немногие. *Соч*. (прим. Немчинова). (Там же. С. 103–105).

[15] Исключение составляло только окружение графа. Так, Шаликов сравнил Немчинова с Пушкиным. См. об этом: [12, с. 87–88].

более угождало тщеславному стихотворцу. Ф.Ф. Вигель вспоминал: «Вошло в обыкновение, чтобы все молодые писатели об него оттачивали перо свое, и без эпиграммы на Хвостова как будто нельзя было вступить в литературное сословие; входя в лета, уступали его новым пришельцам на Парнас, и таким образом целый век молодым ребятам служил он потехой» [7, с. 145]. Можно представить, сколь неожиданно было обращение Языкова для графа, привыкшего получать от поэтов-антагонистов лишь колкую эпиграмму в свой адрес или пародию. И тем значимей было Хвостову узнать о желании юного романтика вступить под его знамена. Думается, подкупала графа и созвучная его собственному мнению мысль Языкова о несправедливой критике поэта за присутствие в стихах «невинного вздора». Поэтическое долголетие Хвостова, который попрежнему «восторгом юным оживлен», Языков ставит в параллель с нынешним собственным творчеством, в котором он — «сын безделья вольного» — не просматривает будущего.

Между тем «выражений удалых» в поэзии самого Хвостова было предостаточно. От «отца зубастых голубей» (как метко назвал его Пушкин [20, т. 13, с. 239]) с нетерпением ждали новых «образцовых глупостей». Проявлял живейший интерес к стихам графа, «в которых почти всегда нет смыслу, не только что мыслей» [16, с. 78], и Языков, так охарактеризовавший их в письме к братьям от 2 июня 1823 г. Или в другом письме к ним от 2 марта 1824 г. читаем: «В поэзии всего несноснее посредственность; веселее читать Хвостова — тогда по крайней мере смеешься — но читать какого-нибудь Плетнева, Туманского и многих других — это скучно как нельзя больше: что называется ни молока, ни шерсти — ни большого ума, ни большой глупости!» [16, с. 120].

Просьба поэтического совета встретила живой отклик адресата, и Хвостов обратился к молодому поэту с письмом, наполненным нескрываемой радостью[16].

Милостивый Государь мой,
Николай Михайлович!

Вы удостоили одно из посланий Ваших приписать мне. Оценяя к Старику, которому в прошедшем Июле месяце минуло 70 лет, таковую благосклонность Вашу, имею честь принести совершенную и искреннюю благодарность. Случай, который Вы представили сделать Ваше лестное мне

[16] Это и последующие письма написаны разным писарским почерком. Хвостову принадлежат только подписи. Приписка к данному письму также писарским, но другим почерком, сделана позднее, по-видимому, непосредственно перед отправкой письма. Подчеркивания в письмах выделены курсивом.

знакомство, меня чрезвычайно обрадовал. Я за удовольствие себе поставляю войти с Вами в переписку, и начать ее приложением ответа моего на Ваши прекраснейшие стихи, говорю не лестно, они у меня и в сердце, и в памяти. Посылаю Вам стихи мои не в виде Литературного произведения, но в знак давнего моего к Вашим достоинствам уважения. При получении сего моего письма около 10-го Сентября, то есть в следующую субботу, печатные стихи Ваши ко мне будут сиять в Славянине, в которой я отослал и мои стихи, прося Александра Федоровича[17] оные напечатать, если Вы на сие согласитесь, а я прошу Вас дозволить престарелой и дряхлой Музе моей объявить публике благодарность мою Вам. Ожидая на сие благосклонного уведомления есмь и буду

С истинным почтением
Милостивый Государь
покорнейший слуга
Граф Хвостов.

Августа 5-го дня
1827-го года.

P. S. Я на сей почте в особливом посылочном реестре имею честь сообщить Вам печатный пятый том моих стихотворений, Вы найдете тут почти все те мои сочинения, о коих Вы удостоили упомянуть в стихах Ваших. В пятом же томе на странице 184 в моем Надгробии Вы найдете:

Меня за перевод представят
На суд к Расину, Буало.

Перевод мой Науки стихотворной, напечатанный 1824-го году вместе с подлинником[18], он находится в Библиотеке Вашего Университета, я предаю на суд Ваш и Вы меня много одолжить изволите, если сообщите откровенно Ваши дружеские замечания, коими я за честь себе поставлю при случае воспользоваться[19].

Идею, побудившую обратиться к Хвостову с посланием, Языков объяснял в письме к родным из Дерпта от 14 сентября 1827 г. следующим образом: «Сюда дошли слухи, что в пятом томе его (Хвостова. — *А.К.*) стихотворений[20], недавно изданном, содержатся самые галиматьистые; желание иметь оный том — и притом безденежно — побудило меня написать послание к Хвостову.

[17] Воейкова — издателя «Славянина».

[18] Хвостов пишет об издании: «Наука о стихотворстве в четырех песнях. Сочинение *Г. Боало*. Переведенное стихами с подлинника *Графом Хвостовым* 1804 Года» (СПб., 1824).

[19] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 1–2.

[20] Языков имеет в виду вышедший по завершении [18] дополнительный том: «Разные стихотворения Графа Хвостова, сочиненные после полного собрания. Т. 5» (СПб., 1827).

Я получил и послание, и пятый том! <…> Само собою разумеется, что старик принял их (стихи Языкова. — *А.К.*) за чистые деньги» [16, с. 342]. Сведения о выходе дополнительного тома Языков мог получить от профессора Дерптского университета К.-Ф. фон дер Борга, которому Хвостов регулярно присылал пару экземпляров выходивших в свет своих сочинений (один — для передачи в университетскую библиотеку) и просил перевести их на немецкий язык. В письме к братьям от 2 июня 1823 г. Языков рассказывал об обещании профессора старому метроману «передать германской публике несколько листков лаврового венца его музы; этакая лесть, которую всякой не Хвостов почел бы за насмешку, чрезвычайно понравилась графу, и теперь почти каждая почта привозит Боргу или письмо, или стихи Хвостова» [16, с. 78]. Думается, подобной реакции графа Языков ожидал и на свое обращение, полагая, что просьба поэтического совета будет приятна старцу-поэту и тот не почувствует иронии, однако не предвидел, что столь прагматичная причина написания послания приведет к началу стихотворного диалога.

Как и предполагал Хвостов, его стихотворный ответ молодому поэту увидел свет в «Славянине»[21]. Затем вместе с посланием Языкова он появился в особом издании[22], после — вновь отдельной брошюрой, с двумя другими посланиями — к Д.М. Княжевичу и барону А.А. Дельвигу[23]. Ответ Языкову дважды был напечатан в пятом и седьмом томах Полного собрания стихотворений графа. В предисловии к пятому тому издатель хвостовских сочинений Авксентий Мартынов (а, возможно, сам граф, который, скрываясь за именем Мартынова, выступал в печати[24]) признал послание к Языкову образцовым [19, т. 5, с. II]. Неутомимый перфекционист Хвостов постоянно стремится внести изменения, усовершенствовать свои написанные ранее сочинения. Как подчеркивал Анастасевич, граф «исправлял не только некоторые свои стихи и выражения, но переделывал целые строфы и пьесы» и «последовал совету облеченных им в российское слово законодателей поэзии —

[21] *Граф Хвостов*. К Н.М. Языкову // Славянин. 1827. Ч. IV. № 40. С. 30–32.

[22] Послание к Николаю Михайловичу Языкову. Сочинение Графа Хвостова. СПб.,1827.

[23] Переписка стихами. На 71 году от рождения Автора. Сочинение Графа Хвостова. СПб., 1828. П.А. Катенин удивлялся: «Переписка графа Хвостова на 71-м году от рождения жалка до слез: как не стыдно сенатору, старику, печатать вздорные послания к юношам, каковы Языков и Дельвиг? Как он не видит, что его дурачат?» [17, с. 116–117].

[24] См. об этом: [11, с. 84].

Горацию и Боало»[25]. Приводим две печатные редакции послания к Языкову из Полного собрания стихотворений Хвостова. Они дают представление о том, как автор перерабатывал ранее написанное и уже опубликованное произведение.

Николаю Михайловичу Языкову	**Николаю Михайловичу Языкову**
1827 года[26]	1827 года[27]
Пускай летал, иль только лазил	Пускай летал, пускай проказил,
Я без удачи на Парнас;	Скучая Фебу каждый раз,
Коль зависти лукавый глаз	Коль зависти лукавый глаз
Моей Поэзии не сглазил,	“*Моей поэзии не сглазил*,”
Прими, восторга сын — Поэт!	Сын вдохновения, Поэт!
Которому я благодарен,	Которому я благодарен,
Прими классический совет,	Прими классический совет;
Он простодушен, не коварен,	Он простодушен, не коварен.
Ты говорил про Муз завет:	Ты говоришь про муз завет,
Что слава? — суета сует.	Что *слава, суета сует*.
С тобой, Языков, я согласен, —	С тобой Языков, я согласен, —
Поэту лести дым опасен;	Поэту лести дым опасен;
Но здесь о славе речи нет.	Но здесь о славе речи нет.
Марон, настроя глас свирели,	Марон, пастушьи взяв свирели,
Румянцем юности горя,	Румянцем юности горя,
Как летом ясная заря,	Как летом ясная заря,
Не миновал и дальней цели;	Не миновал поэта цели,
Услыша гром, увидя кровь,	Послыша гром, завидя кровь,
На лире благость пел, любовь.	На лире благость пел, любовь.
Будь сердца пламень чист в Поэте;	Питомцу горняго совета,
Внимая чистых хор певиц,	Любимцу Фебовых сестриц

[25] *Анастасевич В*. Некоторые Духовные и Нравственные Стихотворения Графа Хвостова. С. 243.

[26] Сие Послание сочинено в ответ на то, которым удостоил Автора Н.М. Языков, и было напечатано в Сентябре месяце 1827 года в издании А.Ф. Воейкова, называемом: *Славянин*. См. в журнале: *Московский Вестник 1830 года*, новое послание Г. Языкова к Автору, № 3 и ответ последнего в том же *Вестнике*, № 4 (прим. Хвостова) [19, т. 5, с. 386].

[27] Сие послание напечатано было много раз, и в последнем полном издании на странице 176. Автор здесь его перепечатывает по случаю разных перемен. Оно написано в ответ на то послание, которым удостоил Автора Почтенный Николай Михайлович Языков с требованием от Певца Кубры *Классического совета* и которое было напечатано в Журнале г. Воейкова: Славянин в Сентябре месяце 1827 года (прим. Хвостова) [19, т. 7, с. 256].

Он лавр забыл, забыл о Лете[28],
Натуры царству нет границ.
Коль взял волшебный жезл природы, —

Земля, эфир, и ад, и воды
В движеньи быстром и борьбе,
Языков, рабствуют тебе.

Мир видимый и мир возможный
Умом своим создаст Поэт;
Но будет труд его ничтожный,
Коль благодатной искры нет.
Пускай земною славой дышит,
Прелестно чувственность опишет,
Ему не внемлет песней Бог,
Один наперсник Муз — восторг
Отселе в небо преселяет;
Там звезд пылающих чертог,
Там жизни дух все оживляет;
Там вечно-юный дар певца
Влечет к себе умы, сердца.
Новграда Бард! не медли боле,
Представь премудрость на престоле,
Греми Екатерины меч,
На Альпы стань, когда Суворов,
Чуждаясь мелких разговоров,
Вещал устами грома речь.
Пускай Афинян басни, драки
Отринул вкус, безмерно строг,
Представь Эдипа жалкий рок
От рук свирепого Шемяки.
Кто здесь, людских дурачеств враг,
Забыв о гордой Мельпомене,
Заметным хочет сделать шаг
В гостиной Талии — на сцене,
Тому *Кутейкин*, *Верхолет* — [29]

Нелестен лавр, не страшна Лета;
Натуры царству нет границ.
Коль взял волшебный жезл
природы —
Земля, эфир, и ад, и воды
В движеньи быстром и борьбе, —
Языков, рабствуют тебе.

Мир видимый и мир возможный
Умом своим создаст поэт;
Но тяжкий труд его — ничтожный,
Коль благодатной искры нет.
Пускай земною славой дышит,
Прелестно чувственность опишет,
Ему не внемлет песней бог.
Ловец изящного — восторг
Отселе в небо преселяет;
Там звезд пылающих чертог,
Там жизни дух все оживляет,
Там вечно-юный дар певца
Манит к себе умы, сердца.
Жрец Аонид, пари по воле,
Воспой премудрость на престоле,
Греми Екатерины меч;
Тогда, чуждаяся Суворов
Обыкновенных разговоров,
Вещал на Альпах грома речь.
Пускай Афинян басни, драки
Отринул вкус безмерно строг,
Гласи Эдипа жалкий рок
От рук свирепого Шемяки.
Кто здесь людских дурачеств враг,
Забыв о гордой Мельпомене,
Заметный хочет сделать шаг
В гостиной Талии на сцене,
Тому Кутейкин, Верхолет

[28] Автор разумеет вдохновение, которое, удаляя истинного Поэта от прилепления к тщетной славе, отчуждает и от внимания на гонение Зоилов (прим. Хвостова) [19, т. 5, с. 386].

[29] *Кутейкин* — лице в Комедии: *Недоросль*, соч. Фонвизина; о *Верхолете же* — см. Комедию Я.Б. Княжнина, называемую: *Хвастун* (прим. Хвостова) [19, т. 5, с. 386–387].

Живой перед лицем совет.

Клоринда, друг любви мечтанья —
Таит у светлого ручья
Приют, где прелестей семья
Амуру шепчет час свиданья;
Живописуй, коль нежен ты,
Филлиды милой красоты,
Вверяя воздуху стенанья,
Пой резвой юности игры
И хороводы, и пиры.
Пусть к потолку летают пробки,
Веселость царствует одна;
Заморских хрусталей обломки
Прольют на стол реку вина.

Певец! постигни цель искусства,
Славь добродетели поток,
Страстям, пороку дай урок;
Тебе любви высокой чувства
Откроют истины предел,
Где Пиндар брал запасы стрел.
Языков! не проси совета
У старика глубоких лет;
Но если нужен, — вот совет:
В десницу взяв доспех Поэта,
Напрасно время не губи,
В обителях и Муз и света
Советодателя люби.
[19, т. 5, с. 176–179].

Живой перед лицем совет.

Наперсница луны, мечтанья,
Таит у светлого ручья
Приют, где прелестей семья;
Амуру шепчет час свиданья.
Живописуй, коль нежен ты,
Параши милой красоты,
Вверяя воздуху стенанья.
Пой резвой юности игры,
И хороводы и пиры:
На потолок летают пробки,
Веселость царствует одна;
Заморских хрусталей обломки
Прольют на стол реку вина.

Орфей! постигни цель искусства,
Славь добродетели цветок,
Страстям, пороку дай урок;
Тебе любви знакомой чувства
Откроют истины предел,
Где Пиндар брал запасы стрел[30].
Языков! не проси совета
У старика глубоких лет;
Но если нужен — вот совет:
В десницу взяв доспех поэта,
Напрасно время не губи,
В обителях и муз и света
Советодателя люби.
[19, т. 7, с. 79–82].

Как представляется, граф стремится подыграть Языкову. Усмотрев иронию в его послании, старый графоман пытается пародировать своего молодого собрата по перу, настроиться на одну с ним волну. На восхищенное обращение Языкова: «Ты украшал, разнообразил / Странноприимный наш Парнас» — следует отклик, не разделяющий эйфории молодого поэта. В ответ на восторг звучит уничижительное: «Пускай летал, иль только лазил / Я без удачи на

[30] Любимое выражение Пиндара, который стихи свои, по остроте мыслей, называл стрелами, имея их довольное число в своем колчане (прим. Хвостова) [19, т. 7, с. 256].

Парнас». Однако в последней редакции Хвостов все же переделал стих о своей неудаче на литературном поприще.

Упоминая языковскую «Военную Новгородскую песню 1170 года», Хвостов дает понять, что знает о творчестве Языкова не меньше, чем молодой поэт о его сочинениях. Граф не оставил без внимания историю, связанную с публикацией «Песни» Языкова в «Северной пчеле» (1825. № 60, 19 мая): стихи вызвали недовольство министра просвещения А.С. Шишкова, который обнаружив в них политическую подоплеку с намеком на современную Россию, обвинил цензора А.И. Красовского, пропустившего «Песню» в печать, в попустительстве, а самому автору стихотворения предъявил лингвистические претензии, указав на недостатки языка [3]. По этому случаю Хвостов писал: «Злоумышление, подстрекаемое злоречием, разгласило, что в этой песне под именем древних новгородцев намекается на лица и обстоятельства нынешнего времени. <…> Красовский доказал выписками из Истории Карамзина и других летописателей, также из *Пролога*, что содержание Песни новгородцев Языкова есть историческое и что точно рать Суздальского великого князя Андрея Боголюбского была ослеплена так, что воины, во мраке ничего не видавшие, *поражали друг друга*. <…> Второе нападение или вопрос заключается в том, для чего в упоминаемой песне Языкова язык не XII столетия, а нынешнего времени? <…> Я бы на сей вопрос коротко и ясно заключил словами велеречивого Тредьяковского, что язык славянский тяжело ныне слышится ушам нашим. И подлинно, в наше время никто не станет читать стихов, написанных языком XII столетия»[31]. Упоминая «Новгородскую песню», Хвостов намекает, что молодому поэту, уже обратившемуся к отечественной истории, теперь следует воспеть монархов и недавние победы Суворова. Призывает он Языкова проявить себя и в драматургии.

В архиве Хвостова сохранились копии языковского послания[32] и первых строк его ответа молодому поэту[33]. В оглавлении рукописной книги, в которой они помещены, имеется пометка

---

[31] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 31. Л. 34 об.–35. К своему замечанию Хвостов позднее оставил следующее примечание: «Сочинитель Песни новгородцев есть тот самый г. Языков, который в 1827 году требовал у меня стихами классического совета. И удостоил прекрасным посланием. Пользуясь сим случаем, я в ответе моем пишу *Новграда Бард* и проч.» (Там же. Л. 34 об.). Обратим внимание, что в хронологически последней публикации ответа Языкову Хвостовым исключено упоминание о «Новгородской песне».

[32] Там же. Ед. хр. 32. Л. 34 об.–35 об.

[33] Там же. Л. 36. Здесь ответ Хвостова имеет некоторое отличие от приведенных печатных вариантов:

графа: «Сие прекрасней<шее> стихотворение заслужило мне великую похвалу. Многие приятели говорили, что я мастер обращать неверных и раскольников на путь истинны<й>»[34]. Действительно, Хвостов разослал отдельное издание своего поэтического диалога с Языковым знакомым литераторам, ожидая их реакции. Так, в письме к А.Е. Измайлову от 18 октября 1827 г. Хвостов с гордостью замечает: «Не отриньте желания семидесятилетнего старца, который просит Вас прочесть прилагаемую любопытную переписку в стихах романтика и классика, и сообщить многия о сем чудесном явлении в литературе»[35].

Один из корреспондентов графа — генерал, герой 1812 г., поэт А.А. Волков в письме от 5 октября отвечал ему: «Вы выиграли самую трудную победу: Вы обратили к православию раскольника, т. е. романтика, каким был г. Языков. Честь и слава прекрасному таланту Вашему! Такая победа при нынешнем греховном направлении словесности — есть торжество всех благомыслящих людей! Дай Бог, чтоб и впредь сие чаще случалось! И мы тогда, хотя в шутку, будем припевать: нашего полку прибыло, прибыло»[36]. В ответном письме к Волкову от 13 октября 1827 г. Хвостов признавался: «Вы одни угадали, со мною вместе, что я принимаю послание Языкова за обращение *раскольника*. Вот и причина, по коей кроме журнала, оба послания я, слив, печатаю в одну книжку, которую у сего посылаю. Если бы Языков к похвале моей не примешал (положим, что иронически — Ironiquement) толка своего о романтике, я мой ответ совсем бы иначе расположил; как бы то ни было, не имея удовольствия

Пускай летал, иль только лазил
Я без удачи на Парнас;
Коль зависти лукавой глаз
Моей поэзии не сглазил,

За ласковой отзыв тебе
Питомец муз я благодарен,
Услышь классической совет,
Которой право не коварен
О! слава! Суета сует. И проч…

[34] Там же. Л. 2 об.

[35] Там же. Л. 53–53 об.

[36] Там же. Л. 48 об.–49. Здесь находится копия фрагмента письма со следующей аннотацией в оглавлении рукописной книги: «Выписка из письма Волкова о поэте Языкове — раскольнике. Необходимо нужное в записках о словесности» (Там же. Л. 2 об.).

и в лицо знать дерптского поэта, я ему очень благодарен, и посылал мой ответ стихами в рукописи, при весьма ласковом письме» [37].

16 октября 1827 г. Хвостов обратился к генералу П.А. Кикину, участнику «Беседы любителей русского слова», двоюродному дяде Языкова, с письмом, в котором замечал: «Сей богатый талантами молодой человек, не будучи мне знаком и даже в лицо, удостоил меня недавно посланием, в котором просил у меня классического совета, присовокупя обещание отстать от буйной шайки романтиков. Прекрасное послание юного наперсника муз, блистательными стихами написанное, Вы сами признаетесь, что находка для семидесятилетнего поэта, которого публика не читает и не знает по невниманию к произведению изящных искусств, а иные — без толку бранят и гонят, за то, что Певец Кубры (то есть я) вооружается на романтиков, которые не довольно, что испортили в словесности вкус и язык, портят нравы, вселяя в мысли и сердца безначалие и разврат. Я романтиков не люблю, и охотно дал Языкову совет, который, как и в стихах мною сказано, самой простой и чистосердечной. Вы, любя все полезное и изящное, одобрите мой совет Языкову: лирик должен быть благонравен, любить свое отечество и выставлять примеры знаменитые. Он должен петь Екатерину, Суворова или подобных им. <…> Цель благонравия и превосходство в артисте — вот что составляет венец славы каждого поэта и художника. Я для того напечатанные в журнале Славянин стихи Языкова и мои напечатал особливою книжкою вместе и у сего к Вам несколько экземпляров посылаю. Вопрос Языкова мне слишком лестен, а мой ответ, кажется, справедлив»[38]. Несмотря на столь горькое признание, граф не скрывает, что тронут вниманием «юного наперсника муз». Для Хвостова-классика обращение к нему романтика с просьбой поэтического совета предоставляло возможность отреагировать на брань и гонения других представителей новой школы. В целом относясь критически к происходящим в словесности изменениям, но, тем не менее, принимая их как неизбежные, Хвостов мог своим ответом публично заявить о лояльном отношении к романтическому течению.

Представляет интерес письмо к Хвостову профессора Дерптского университета В.М. Перевощикова от 29 октября 1827 г., где последний дает следующую характеристику языковского творчества: «Я имел честь получить письмо Ваше и при нем послания Ваше и г. Языкова. Он неоспоримо имеет пиитическое дарование, но слишком

[37] Там же. Л. 47. С пометой: «Для записок <о> словесности» (Там же. Л. 2 об.).

[38] Там же. Л. 50–51.

увлекается модным вкусом, как и Вы изволили заметить. Впрочем, он еще молод, пишет более по памяти, в подражание другим. Со временем, с большими знаниями и природы, и людей, и искусства, вероятно, вступит на лучшую дорогу. Да послушается он Ваших советов» [39].

Московские знакомые графа также не остались в стороне. 1 ноября 1827 г. Хвостову ответил М.Н. Макаров: «Присланные вами стихотворения, говорю о *Посланиях*, доставили мне весьма добрую минуту. Языков-певец приятный, *шальная его муза вольничает*, но вольничает не по-цыгански, не *по-разбойничьи*, а весьма благородно? Ваш ответ ему (Языкову) без лести, очень хорош и *советодателя* любить должно*: Певец-старик глубоких лет умеет влечь к себе сердца!*»[40]. И.А. Щедрицкий писал Хвостову 9 ноября 1827 г.: «Послание к Вам, сиятельнейший граф, г-на Языкова и ответ Ваш к нему — прекрасны. Кто же, как не Вы, старейший член нашего Парнаса, постоянно идущий верным путем древних, может дать классический совет шальной и недостойной богов музе, скитающейся у берегов кастальских. Кому приличнее, как не Вам, маститому певцу, вразумить сына вольного безделья, поэта-удальца, следующими словами: “Певец постигни цель искусства”. <…> Какой высокий и мудрый совет, достойный небесной дщери поэзии и земного любимца ее! Сии стихи должны быть ключом к Вашим сочинениям и эпиграфом похвального Вам слова: ибо с сей точки возвышенной надобно рассматривать дела и труды; достигая сей цели, писатель становится бессмертным, гражданином всех веков и всех народов!»[41] Еще один знакомый графа П.И. Лялин писал ему 13 ноября 1827 г. из Калуги: «Послание к Вам Языкова прекрасно, но не столько по стихам, как по принятому им намерению отказаться от цели романтизма, к чему его, конечно, принудили блистательные успехи очаровательной классической музы Вашей» [42].

Находящемуся на лечении в Одессе Н.И. Гнедичу Хвостов сообщал 21 ноября 1827 г: «Я на 71 году от роду являюся на Невском тротуаре, посещаю спектакли и даже иногда рифмоплетствую, почему прилагаю Вам печатную мою переписку с одним молодым поэтом. Николай Михайлович Языков, которого я не имею удовольствия знать ниже в лицо, сделал мне честь прекрасными и затейливыми стихами:

---

[39] Там же. Ед. хр. 74. Л. 176. К письму граф сделал приписку: «Перевощиков хорошо постиг Языкова и письмо сие в записки о словесности».

[40] Там же. Л. 53 об.–54.

[41] Там же. Л. 120 об.–121.

[42] Там же. Л. 145 об.

вызвал на поединок, прося *классического* совета. Мое дело было и чувствовать, и сказать, что Гомер, Виргилий, Расин и подобные им всех веков и земель поэты не ласкали той музы, которая вольничает и пишет только для получения скляночки от ноющих зубов или для хитросплетенного кошелька. Вы знаете, что я никогда этих правил не держался и, следственно, не счел за нужное выкупить лестные мне отзывы поэта Языкова похвалою романтической школы»[43].

Наступает годовой перерыв в общении романтика и классика. Поводом для его возобновления становится третье по счету Полное собрание стихотворений Хвостова. 30 августа 1828 г. он отправляет Языкову первый том нового издания[44] вместе с сопроводительным письмом:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Долгом себе поставляю свидетельствовать снова мою благодарность, знаменитому превозносителю моему, но превозносителю в стихах, а не в прозе. Я уже прошедшего года имел честь благодарить Вас за прекрасное Ваше ко мне послание, напечатанное в Славянине; но хотя доселе лишаюся удовольствия и лично вас знать и получать Ваши письма, я прилагаю у сего 1-й том моего полного последнего издания. Примите его благосклонно и верьте почтению, с которым есмь и буду

Ваш Милостивый Государь мой
покорный слуга
Граф Хвостов.

30-е августа
1828 года[45].

Получив подарок, Языков пишет 20 сентября 1828 г. брату Петру: «Хвостов печатает новое издание всех своих стихотворений, прислал мне первую часть; я уже не рад, что с ним связался — надоест, окаянной!» [16, с. 371].

Затем следует еще одна годичная пауза в общении. 20 августа 1829 г. Хвостов посылает Языкову второй и третий тома Полного собрания[46]. Чувствуя утрату внимания к себе со стороны молодого поэта, граф с сожалением пеняет ему:

---

[43] Там же. Ед. хр. 32. Л. 67 об.–68.

[44] [19, т. 1]: Лирические стихотворения. СПб., 1828. Цензурное разрешение получено 17 января 1828 г.

[45] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 5.

[46] [19, т. 2]: Стихотворения о разных предметах. СПб., 1829. Цензурное разрешение от 18 марта 1829 г. [19, т. 3]: Послания к разным лицам. СПб., 1829. Цензурное разрешение от 16 октября 1828 г.

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Проситель у меня классического совета не удостоил доселе ниже строчкою прозы и приметно не хотел хотя заочно со мною познакомиться. Я все-таки себе долгом почитаю, препроводя к Вам в свое время 1-й том моего издания, препроводить 2-й и 3-й томы, недавно вышедшие. Удостойте их принять благосклонно и верьте, что есмь и буду с истинным почтением

Ваш Милостивый Государь мой
покорный слуга
Граф Хвостов.

20 августа 1829[47].

Хвостов, не зная точного местонахождения Языкова, адресует корреспонденцию для него через М.П. Погодина и знакомых издателей. Поэтому не удивительно, что хвостовские письма, которые непременно сопровождали вновь выходившие из печати произведения старого поэта, Языков мог получать с задержкой. Хвостов пишет, регулярно посылая свои книги, а молодой собрат по перу молчит; наконец, после получения от Хвостова второго и третьего томов, Языков впервые отвечает ему, адресуя следующее письмо:

Милостивый Государь
Граф Дмитрий Иванович!

Получив через Г-на Аладьина прекрасный подарок ваш, я спешу принесть вашему Сиятельству мою чувствительнейшую благодарность — *прозою*; стихотворный же ответ предоставил я довесть до сведения Вашего Сиятельства, посредством Московского Вестника, Г-ну Погодину: пусть же Белокаменная узнает прежде всех — классическое мое уважение к певцу Кубры!

Усердно поздравляю вас с появлением Илиады[48], наконец мы сподобились на собственном своем языке причаститься великих таин Поэзии Эллинской! Слава Мужу, совершившему сей подвиг бессмертный. Что предпринимаете Вы на поприще литературы — и что замышляют сподвижники ваши на петроградском Парнасе?..

---

[47] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 3.

[48] Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем. СПб., 1829. Хвостов не разделял восторга Языкова и критически относился к переводческому труду Гнедича, замечая: «Перевод, конечно, хорош. Знатоки греческого языка утверждают, что ближе к подлиннику, чем Кострова, что первое достоинство; но, по мнению моему, полета стихотворного менее, чем у пьяного, доброго и почтенного Ермила, при том не чистоты тьма. Похвалиться собою, летел и полетел рифмы и пр. пр.» [8, с. 378–379].

С истинным уважением и совершенною преданностию имею честь быть вашего Сиятельства покорнейшим слугою Н. Языков[49].

Обратившись к старому графоману за советом, нарушив при этом традицию его возвеличивания, «Языков, — как пишет Ю.Н. Тынянов, — сам, вовлеченный в отношения с Хвостовым, оказался в ложном положении» [24, с. 305]. И Языков решает продолжить игру. Второе его послание к графу появилось в «Московском вестнике»:

Итак — мне новая награда
От Музы доблестной твоей,
Младых поэтов Петрограда
Серебровласый Корифей!
Ее с поклоном принимаю,
Умею чувствовать ее;
Но заслужил ли я, — не знаю —
Неоставление твое?
Какими подвигами славы
На свете выказался я?
Уж не стихами ль про забавы,
Про удаль братского житья,
Про негу дружбы вольнодумной,
Про незабвенные края,
Где пролетела шумно, шумно,
Лихая молодость моя?
Нет. Но зато, главою трезвой,
На последях моей весны,
От жизни праздничной и резвой
Поникший в лоно тишины,
Теперь, как сердца не тревожит
Мне красота веселых дней, —
Достоин буду, Бог поможет,
Я благосклонности твоей.
Ведь я недаром же оставил
Потехи лени и гульбу,
На свой обычай переправил
Свою грядущую судьбу,
И посвятил уединенью
Мой возраст силы и трудов!

[49] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 76. Л. 43–43 об. Это письмо, впервые публикуемое по подлиннику, является первым в ряду дошедших до нас писем Языкова к Хвостову, оно не содержит даты и написано в январе 1830 г. Ранее публиковалось по содержащей ошибки копии: [2, с. 91 (фрагмент); 15, с. 275 (полностью)].

От первых смысленных годов
Знаком и верен вдохновенью,
Лишь всемогуществу его
Обязан вольностью и счастьем,
И чистым, светлым сладострастьем
Ума и сердца моего, —
Его забуду ли я ныне?
Я ль, живо сознанный собой,
В моей любви, в моей святыне,
Раскаюсь зрелою душой?
Но признаюсь, я робким взором
Смотрю на будущность мою,
Хотя не вместе с буйным хором
Бескнижной сволочи пою;
Кого талант мой разобидел?
Кого мой стих оклеветал?
Какой невежда иль нахал
Меня торгующимся видел
На рынке браней и похвал?
Почто же страхом ожиданий
Грудь возмущается моя?
Уберегусь ли мирно я
От криводушных порицаний,
От пошлых козней и обид?
Мне ль предузнать: каким возгласом
Мои труды перед Парнасом
Его кричальщик возвестит?
Он чуден: карлу великаном,
Гетерой Музу, хмель дурманом
Во всеуслышанье зовет
Немилосердо-самовластный!
И кто противу, кто несчастный?
Ну, право, дрожь меня берет!
Ты Феба ревностный поклонник,
Его классический законник!
К тебе с надеждою моей,
С моей неопытною лирой,
К тебе, ужасному сатирой
Главам парнасских бобылей,
Прибегну я: грозою правой
Ты знаменито их пугнешь —

И пощадит меня их ложь
Твоей заступленного славой![50]

Молодой поэт насмешничает, ему и окружающим кажется, что Хвостов вовсе не чувствует комизма ситуации, в которой оказался. Однако, как явствует из приведенных нами писем графа, он уловил иронию еще в первом послании Языкова. Растроганный новым поэтическим обращением, Хвостов сомневается, что послание молодого поэта увидит свет в «Московском вестнике», и 31 января 1830 г. обращается с письмом к издателю журнала М.П. Погодину, приложив к нему копию письма Языкова, замечая: «Если по обстоятельствам или по какому-либо уважению не напечатаете их (стихи Языкова. — *А.К.*), то, сделайте милость, сообщите мне оные в рукописи. Мне приятно будет иметь сочинение отличного нашего поэта» [15, с. 275].

Прочитав новое послание Языкова, граф тотчас принимается за поэтический ответ и 10 февраля 1830 г. отправляет его молодому поэту при следующем письме:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Я так обрадован был письмом Вашим в прозе, что получа оное, писал к Михайле Петровичу Погодину, чтобы он мне сообщил, хотя в рукописи, стихи Ваши ко мне; но, не дождавшись ответа на сие письмо, получаю третью книжку Московского Вестника, и в оной вижу незаслуженное мною от Вас весьма лестное внимание. Итак, Ваш *классический законник* спешит благодарить Вас вместе за оба письма и в прозе, и в стихах, а особливо за печатное, от которого истинно при старости я могу возгордиться. Вы меня балуете не только лестными и откровенными приветствиями, но редкими на Руси прекрасными стихами. Пишите, пишите, и Вы увидите, что совет мой Вам и прежде, и теперь тот же, и если меня послушаете, то за оный словесность наша мне будет благодарна. Я сообщил в копии письмо Ваше Н.И. Гнедичу, а стихи Ваши гремят уже по всему Петрограду. Еще Вам скажу с душевною откровенностию, что мне очень приятно, что Вы заметили во 2 моем томе послание к Питомцам Муз, тут нет (сохрани Боже) пасквиля, ниже сатиры, но если позволено писать (смотри альманах Подснежник, прошедшего году[51]), что передо мною, 70-тилетним Старцом, красавицы

[50] *Языков <Н.М.>* Графу Дмитрию Ивановичу Хвостову (при получении от Его Сиятельства трех первых томов полного собрания его творений) // Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 3. С. 234–236; включено с небольшими изменениями в: [22, с. 244–247, с датой: «1829. С.<имбирск>»].

[51] Хвостов подразумевает обращенное к нему пародическое послание неизвестного автора:

расстегивают банты, то для чего же и мне не молвить игриво, *что* “*забавляют Муз не площадные франты*”[52]. Я всегда говорил, думал и говорить буду, что Вы — поэт, и что Ваши стихи прекрасны, а особливо те, которые я читал, по предварению Вашему, в 3-й книжке Московского Вестника. Вы избрали корреспондентом Вашим достойного Погодина. Я тоже делаю. С сею почтою сообщаю ему стихи, мною Вам на образцовое Ваше послание написанные, и прошу его оные в журнале своем напечатать. Вы их увидите на обороте сего листочка. Прошу их принять благосклонно и верить, что я есмь и буду навсегда с истинным почтением

Ваш Милостивый Государь мой
покорный слуга
Граф Хвостов.

10 февраля 1830[53].
<на обороте:>
Вот ответ на Ваши стихи:

Певца Кубры почтил Языков похвалой;
Поэту мил привет от Музы молодой,
Которая, паря к вершине Геликона,
Не бросила стези Гомера и Марона.

Когда старик Анакреон
И новых лет седые франты,
Проказ любовных музыканты,
Вольтер, Державин, с ним же в тон
Красавиц тешили; их звон,
Как старомодные куранты,
На милых нагонял лишь сон.
С тобой дружнее Купидон
И на беду прелестным дан ты,
Счастливый Граф! Красой пленен,
Стихов ты сыплешь бриллианты:
И безотвязный Аполлон,
Сердец развязывая банты,
Несет тебе красавиц фанты.

(Графу Д.И. Хвостову, по случаю издания им нового своего стихотворения: Консерты в зале Д.Л. Нарышкина // Подснежник. СПб., 1829. С. 54). Имеется в виду отдельное издание: «Консерты в зале Д.Л. Нарышкина зимою 1828 года. Стихотворение Графа Хвостова» (СПб., 1829).

[52] Хвостов намекает на следующие строки из четвертого послания своего «Совета юным питомцам Муз»:

Пусть Музы в праздники порой играют *в фанты*,
Их забавляет Феб, не площадные *франты*.

[19, т. 2, с. 189].

[53] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 6–7.

Пускай певец Кубры давно то знает сам,
Что он и с лирой лишь в реку забвенья канет;
Потомства суд его невольно воспомянет,
Поверя огненным Языкова стихам[54].

В тот же день, 10 февраля, с просьбой о помещении своих стихов в «Московском вестнике» граф обращается к Погодину (см.: [15, с. 277–278]), который, не отказав Языкову в предоставлении поэтической трибуны, опубликовал в своем журнале и ответ Хвостова[55].

К следующему письму Языкову, датированному 5 мая 1830 г., граф приложил четвертый том своих сочинений и обещал представить пятый[56], содержащий стихотворения, написанные по выходе прежних изданий:

Свидетельствуя мою снова усерднейшею благодарность почтенному благодетелю моему Николаю Михайловичу Языкову, прилагаю мой четвертой том полного издания. Прошу оной принять благосклонно, а пятый — чрез посредство Михайла Петровича Погодина также Вам доставится не позже, как через две недели, то есть: около 20-го Маия. Он уже переплетается, и в Петербурге четвертой покажется вместе с пятым. В последнем Вы найдете два мой <так!> ответа стихами на прекрасные два ваши ко мне послания. Вы меня слишком балуете. Благодарю Вас за внимание, боюся, заслужил ли приятные и лестные Ваши мне похвалы. Я уважаю всем сердцем истинно редкие ваши таланты, любите меня и будьте нашим Гомером. Я показывал знаменитому Гнедичу Ваше прозаическое ко мне письмо, коим он очень был доволен.

Ожидая на сие строчки в прозе, есмь и буду с истинным почтением

Ваш Милостивый Государь мой
Покорный Слуга
Граф Хвостов.

5-го Маия 1830-го[57].

---

[54] Там же Л. 7 об. Последние две строки очерчены слева и сопровождаются позднейшей записью карандашом неизвестной рукой: «Только Языкова стихи могли вызвать даже у графа Хвостова такие два стиха!».

[55] *Граф Хвостов*. В ответ Николаю Михайловичу Языкову на послание его стихами, напечатанное в I-й книжке, М.В. 1830 года, в Феврале месяце // Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 4. С. 434 (в заглавии описка, должно быть: «в 3-й книжке»). Первые две строки второго четверостишия в печатной редакции отличаются от тех, что привел Хвостов в письме к Языкову от 10 февраля 1830 г.: «Уже певец Кубры давно то знает сам, / Что если он когда и с лирой в Лету канет». Впоследствии стихотворение было включено Хвостовым в Полное собрание стихотворений: [19, т. 5, с. 259].

[56] [19, т. 4]: Басни и сказки. СПб., 1829. Цензурное разрешение от 12 декабря 1829 г. [19, т. 5]: СПб., 1830. Цензурное разрешение от 29 октября 1829 г.

[57] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 8–8 об. Адрес рукой Хвостова: «Почтенному Николаю Михайловичу Языкову где обретается. От Графа Хвостова». (Там же. Л. 9 об.).

По-видимому, январское письмо Языкова к Хвостову, показанное Гнедичу, являлось на тот момент единственным эпистолярным обращением молодого поэта к графу, и поэтому было столь драгоценно для старца, который снял с него копии[58].

Между тем тома сочинений Хвостова выходят один за другим. Шестой том[59] граф посылает Языкову через Погодина, в письме к которому сообщает о прозвучавших в свой адрес добрых словах молодого поэта: «Александр Сергеевич Пушкин недавно сказывал мне, что Николай Михайлович всегда изъясняется на мой счет с особливой благосклонностью, и князь Петр Иванович Шаликов пишет, что он, встретясь с *огненным нашим Поэтом* (Языковым. — *А.К.*) в доме Василия Львовича <Пушкина>, слышал от первого обо мне весьма приятные отзывы. Уверьте его, что я весьма чувствителен к столь лестному для меня вниманию» [15, с. 280]. В каждом письме к Языкову Хвостов превозносит его талант и выказывает свою благосклонность, что послужило поводом молодому поэту в письме к брату Петру от 18 ноября 1831 г. заметить: «Граф Хвостов написал стихи <...> под заглавием “Радостные в августе вести”[60]! Заглавие-то гениальное! Он называет меня своим благодетелем» [10, с. 278].

18 января 1832 г. Хвостов отправляет Языкову следующее письмо:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Я посылаю Вам мою старинную безделку, вновь перепечатанную; будьте к ней благосклонны. Я посылаю Вам сей парнасской гостинец единственно для того, чтобы напомнить о себе и, между прочим, сказать Вам, что Вы достигли назначения Вашего, и, как орел, взлетели на Геликон, чему я очень рад. Вы оправдали мое предчувствие. Я Вам советовал по воле Вашей несколько лет тому назад:

Напрасно время не губи
В обителях и муз и света
Советодателя люби.

---

[58] Из сохранившихся — одна была помещена рядом с подлинником (Там же. Ф. 322. Ед. хр. 76. Л. 44), другая — послана при письме графа к Погодину от 31 января 1830 г.

[59] [19, т. 6]: Переводы. СПб., 1830 г. Цензурное разрешение от 14 августа 1830 г.

[60] Языков имеет в виду отдельное издание: «Радостная в Августе весть. Стихотворение Графа Хвостова. 17-го Сентября 1831 года» (СПб., 1831) — отклик Хвостова на взятие Варшавы русскими войсками.

Вы исполнили сие, все отрывки Ваши в разных журналах и Северных цветах напечатанные[61], доказывают Ваш мужественный талант и быстроту полета. На сих днях здешний Г. цензор Семенов показывал мне рукопись Вашу для его Альманаха присланную: вот статья истинно высокая, которая ставит Вас в ряд лучших лириков. К этой статье можно присовокупить и другие[62]. Верьте моему беспристрастию. Вы, как сами о том ко мне писали стихами в Славянине, Вы достигли славно до верхов Геликона и при том удостоили внять моему усердному совету:

Певец, постигни цель искусства,
Славь добродетели поток.

Вы теперь обладаете достоянием, Вам от природы данным. *Вы Поэт*! Языков *сам собою*, и уже не подражатель. Он имеет свою цель, свою душу и свой слог. Вот мое мнение, но старики болтливы и Вы не оскорбитесь, если я скажу Вам, как жителю в обителях муз и света снова, что в статьях Ваших к Свербеевой и в другой, *Ау*, я заметил, что Вы часто обращаетеся к *былому*, т. е. к прошедшему и старая привычка вырывает среди вдохновенного парения у Вас слова: *хмель, пьянство* и другие подобные, не свойственные настоящей Поэзии[63].

Извините мою нескромность, Почтенный любезный Николай Михайлович, я сие делаю, любя Вас и любя с почтением божественное искусство,

---

[61] В «Северных цветах на 1832 год», изданных А.С. Пушкиным и О.М. Сомовым после смерти Дельвига, увидели свет языковские стихотворения: «А.А. Дельвигу (Там, где картинно обгибая…)», «Бессоница (Что мечты мои волнует…)», «И.В. К.<иреевскому> (Щеки нежно пурпуровы...)», «Им (Много вашими устами…)», «К<аролин>е К<арловн>е Я<ниш> (Вы, чьей душе во цвете лучших лет…)», «Песня (Он был поэт: беспечными глазами…)».

[62] Цензор В.Н. Семенов готовил альманах, получивший цензурное разрешение 30 октября 1832 г. и вышедший под названием «Комета Белы, Альманах на 1833 год» (СПб., 1833), в котором были напечатаны стихотворения Языкова: «Деве (Поэта пламенных созданий…)», «Вино (Голосистая, живая…)», «Поэту (Когда с тобой сроднилось вдохновенье...)», «К *** <Е.А. Тимашевой> (Молодая ученица…)».

[63] Хвостов имеет в виду четверостишие из стихотворения «Катерине Александровне Свербеевой»:

Доселе пьяными мечтами
Студент кипеть не перестал –
И странны были бы пред вами
Вакхический напев и хмель его похвал.

(Европеец. 1832. № 1. С. 85. С изменением в стихе «Доныне пьяными мечтами» вошло в: [22, с. 254]). Надо полагать, что Хвостову также не понравилась строка «И пил да пел…я долго пил!» в стихотворении «Ау!» (Европеец. 1832. № 1. С. 86; затем включено в: [22, с. 303]). Любопытно отметить, что после выхода первого сборника языковских стихов, Пушкин, по свидетельству Н.В. Гоголя, упрекал автора в обратном: «Зачем он назвал их: Стихотворенья Языкова — их бы следовало назвать просто: хмель! Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил» [6, с. 387].

в котором Вы, нашего времени достохвальной Поэт, сын восторга, сын звучности и проповедник благородных чувств, столько успели!

Я Вас заклинаю на меня не сердиться отвечать мне на сие письмо, и верить, что с истинным почтением и душевною преданностию есмь и буду всегда

Ваш Милостивый Государь мой
Покорный Слуга
Граф Хвостов.

Прилагаю у сего мое последнее Сочинение в стихах, доселе еще ненапечатанное, к Знаменитому Пушкину. Я высоко ценю дарование сего Современника нашего; но послание мое ему, нимало не оскорбительное, доказывает только, что мы с одной точки зрения видели вещи. Я никогда не утаю о том, что постигаю и чувствую.

18 января
1832 года[64].

Данное письмо, впервые представленное нами полностью, важно по нескольким обстоятельствам. В своем обращении к молодому поэту, выдержанном в приподнятом тоне, граф, хотя и отзывается с похвалой о таланте Языкова, тем не менее, критикует его за присутствие в стихах лексики, недостойной высокой поэзии. Так было и ранее, когда внимание Хвостова привлекло стихотворение «Череп. (Послание к Д. <ельвигу>)», напечатанное в альманахе «Северные цветы на 1828 год» анонимно Пушкиным, скрывшим свое авторство за литерой «Я»[65]. Первоначально полагая, что стихи принадлежат Языкову, но позднее усомнившись в этом, Хвостов оставил крайне негативное мнение о послании: «Дерптской поэт пишет прекрасные стихи, а это сочинение, если принять его, и даже в *мистическом* смысле никуда не годится. Что за связь; чтобы убедить современника нашего Дельвига, что он, упражняяся в стихотворстве, оскорбляет дедушку своего, давно умершего барона-рыцаря; на что этого дедушку описывать глупым гордецом, а всего непростительнее — на что семинаристов или студентов, напоя пьяными, отправить на кладбище, подкупить сторожа, вырыть дедушки поэта-барона остатки плотяные. Сделать из оного скелет. Подвергнуть суду законов сторожа, погубить его, и сей скелет, когда

[64] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 10–11. Список послания к Пушкину, приложенный Хвостовым к письму, сохранился в архиве Языкова (Там же. Ед. хр. 19. 4. 88). Относящийся к Пушкину фрагмент письма опубликован в: [21, с. 108].

[65] *Я.* <Пушкин А.С.> Череп. (Послание к Д.<ельвигу>) // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 100–107.

студент принужден был переселиться в другой город, продавать по частям. Заключу, что мне очень жаль, что Языков — сочинитель сего глупого, можно сказать, послания. Слышу достоверно, что не он, а кто<-то> другой напечатал под сочинением литеру *Я*, чтобы скрыть свое имя. Оно (сочинение. — *А.К.*) так непотребно, что если бы стихи были прекраснейшие, лучше виргилиевых, то и тогда бы не годились никуды» [11, с. 81].

Под «старинной безделкой, вновь перепечатанной» граф имеет в виду отдельное переиздание своего послания М.П. Охлестышевой[66], которое было им разослано одновременно сразу нескольким адресатам, в том числе и Пушкину. В оглавлении рукописной книги с перепиской Хвостова за 1832 г. аннотируется несохранившийся лист с «четырьмя черновыми письмами при посылке стихов Охлестышевой»[67]. А.Ю. Балакиным высказано предположение, что среди них имелось и письмо к Пушкину[68]. Отправляя Языкову неопубликованное на тот момент свое послание к Пушкину[69], граф попутно характеризует его стихотворение «Клеветникам России»[70].

Не меньшее значение представляет и следующее письмо Хвостова. Оно позволяет достаточно точно установить время выхода в свет первого сборника стихотворений Языкова. 15 марта 1833 г., еще до официальных объявлений о продаже, книгу приобрел Хвостов[71], о чем на следующий день сообщил молодому собрату по перу:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович.

Я вчерась до объявления в газетах подцепил в книжной лавке за пять рублей к особливому моему удовольствию и радости Новое собрание Стихотворений Ваших, и хотя недавно о себе сказал:

[66] Послание Марье Петровне Охлестышевой. Отправлено в Крестцы с Кубры 1825 года Августа 20-го дня. Сочинение Графа Хвостова. СПб., 1832.

[67] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 78. Л. 2 об.

[68] См.: [1, с. 100–102] с локализацией хронологического отрезка получения Пушкиным записки графа и переиздания послания Охлестышевой: «1832, январь, после 19». Отправка этой же книги Языкову при письме от 18 января позволяет дополнительно уточнить время доставки ее и Пушкину.

[69] Впоследствии послание «А.С. Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России» вошло в Полное собрание стихотворений графа: [19, т. 7, с. 99–102].

[70] См. о возникшем в данной связи общении Хвостова и Пушкина в: [1, с. 83–99].

[71] [22]. Цензурное разрешение В.Н. Семенова получено 4 января 1833 г., 7 марта подписан билет на выпуск книги.

Судить, рядить писателей под масть,
И на вески умы Европы класть;
Подумайте, мое ли это дело?[72]

Однако как старик, много Вас почитающий и чувствующий цену Ваших достоинств, скажу, что большая часть стихотворений моего Пламенного Поэта Языкова превосходны, мне особенно полюбились: Поэту, К А.А. Воейковой, Ручей, Тригорское, Моя родина, Гений, Вечер, К Нянюшке Поэта Пушкина и многие другие. Что же касается до двух прекраснейших посланий мне, по благосклонности Вашей приписанных, я не знаю, как за оные Вас благодарить. Мои скудные таланты в Божественном искусстве муз предзнаменуют забвение от потомства моей Музе, но теперь я уверен, что праправнучета <так!> вспомнят Певца Кубры не по его достоинствам, а по милости Вашей, что вы о нем говорили. Какая истина в послании ко мне. Стр. 246.

Кого талант мой разобидел?
Кого мой стих оклеветал?
Какой невежда иль нахал
Меня торгующимся видел
На рынке браней и похвал?[73]

Вот стихи, вот Поэзия высокая, свидетельствующая чувства Поэта и отличные его дарования. Вы, Любезной Николай Михайлович — Поэт в пространстве слова, Поэт отличнейший. Поэт, каковых не много на земле. Блюдите высокой талант Ваш и любите Советодателя Вашего, осмелившегося некогда Вам подать *Классической Совет*. Прощайте. Верьте почтению, дружбе и удивлению Вам навсегда преданного

Покорного Слуги.
Граф Хвостов.

16-го марта 1833[74].

Еще 14 февраля 1833 г. в письме к В.Д. Комовскому — активному помощнику в издании своих стихотворений — Языков распорядился передать по экземпляру будущего сборника знакомым петербургским литераторам, в их числе Пушкину и Хвостову [9, с. 96], не предполагая, что последний приобретет книгу самостоятельно. Теперь нам известно, что Хвостов получил от Комовского предназначенный для него экземпляр

[72] Хвостов приводит строки из своего послания к Жуковскому — «Сочинителю Сказки о царе Берендее».

[73] Хвостов цитирует второе языковское послание к себе по изданию стихотворений молодого поэта.

[74] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 12–13. Адрес: «Его Высокоблагородию Милостивому Государю Николаю Михайловичу Языкову *где обретается*» (Там же. Л. 13 об.). Письмо к Языкову Хвостов отправил Погодину, вместе со своим письмом к последнему, датированным тем же днем — 16 марта (см.: [15, с. 286]), полагая, что Погодин перешлет Языкову предназначавшуюся ему корреспонденцию.

в период с 16 по 20 марта, и, вероятнее всего, в последний из этих дней[75]. Об этом свидетельствует то нетерпение, с которым благодарный старец спешил сообщить Языкову о получении книги, отправляя ему 20-го числа сразу два письма. Первое из них:

Милостивый Государь мой,
Николай Михайлович!

Чистым сердцем благодарю вас за присылку на мое имя бесценного для русского гостинца, которым я любовался, когда он еще находился в типографии, то есть прекраснейших стихотворений ваших. Повторю, что вы поэт, и поэт отличный, вы уже возмужали, я на прошедшей неделе, купя ваши стихотворения, благодарил вас за общей словесности нашей подарок и письмо мое к вам вложил в пакет Г. Погодина, а теперь благодарю за напоминание обо мне присылкою на мое имя экземпляра. Ваше внимание мне всегда лестно, хвалюся дружбою вашею и кроме тех славных сочинений, коими вы обогатили словесность нашу и кою я именовал в письме моем к вам на прошедшей неделе. Прошу потешить старика и написать, что-нибудь историческое, последуйте моему прежнему совету:

Жрец Аонид пари по воле
Воспой премудрость на престоле.
Греми Екатерины меч.
Тогда чуждаяся Суворов
Обыкновенных разговоров,
Вещал на Альпах грома речь.

Виргилий, Тасс оставили о народах своих великое воспоминание позднейшему потомству — вот чего старик глубоких лет от вас желает. Том, вами присланный, доказывает, что вы созрели: какое богатство чувств, мыслей и слов. Вам стоит только по *воле* избрать содержание, достойное вас, вы готовы, если полюбопытствуете знать обо мне: я еще пребываю, чтобы наслаждаться изящным. Почтенный М.П. Погодин покажет вам мои последние рукописные стихи к Жуковскому, также печатный Гимн Иисусу

[75] Данное обстоятельство позволяет уточнить время получения через Комовского «Стихотворений Н. Языкова» и Пушкиным. В «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» (см.: [13, с. 42–43, 606]) этот факт был датирован серединой апреля, в «Хронике жизни и творчества А.С. Пушкина» (см.: [26, с. 64–65]) — временем около 21 марта 1833 г. Ныне мы можем полагать, что книга оказалась у Пушкина не позднее 20 марта.

Христу[76]. Извините, что у меня сих стихотворений не случилось под руками, а я вам посылаю на обороте мою Комету. Прощайте.

Искренный почитатель и друг ваш
Граф Хвостов.

Марта 20 дня
1833 года.
С. Петербург[77].
<на следующем листе:>

К о м е т а
Стансы *1833-го* года февраля 1-го.

Настойчивый искатель славы,
Забыв семейство и забавы,
Трудись и реки пота лей,
Коперник, Кеплер, Галилей
Трудитесь для неблагодарных,
Комета, радуя коварных,
Запишет, медля в небесах,
Галлея мудрого в лжецах.
* *
Жни лавр победы Велизарий!
Готова мзда — лишенье глаз.
Торжеств своих припомня час,
В болотах издыхает Марий.
Вожди! В боях вы прежде руль,
Теперь пред мира вихрем — нуль.
**
Кто страждет, друг Харит в темнице,
Кто новой лире образец?

[76] Хвостов приложил к письму Погодину от 16 марта отдельное издание «Гимн Иисусу Христу. 1832 года Ноября 24 дня. Стихотворение Графа Хвостова» (СПб., 1833) и список послания к Жуковскому — «Сочинителю Сказки о царе Берендее». Позднее это послание Хвостов переслал и И.И. Дмитриеву при письме от 14 июля 1833 г., в котором дал высокую оценку размеру, которым Жуковский написал сказку: «Я отроду гекзаметров не писал, а исповедаю, что, по мнению моему, гекзаметры Жуковского лучшие на русском языке» (ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 113).

[77] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 14–14 об. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Граф Хвостов просит покорно Московский Почтамт доставить сие верно немедля Господину Университета Профессору *Михайлу Петровичу Погодину*, которой сделает одолжение доставит сие Николаю Михайловичу Языкову в *Москве* или где обретается» (Там же. Л. 15 об.). Почтовый штемпель отправления: «С. Петербург. 21 март. 1833».

Не Тасс ли в Римской колеснице,
Спеша похитить муз венец?
Шаг в Капитолию заносит
И смерть его у прага косит.
**
На волка пущен средь кустов,
Орел взвился небес на рамо,
Оттоле он, как пуля, прямо,
Слетя, схватил когтями лов;
Провидец дух, объяв предметы,
Речет: пророчу час Кометы[78].

Не надеясь, что письмо дойдет до адресата через Погодина, в тот же день граф пишет Языкову второе письмо:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Я точно сего числа уже отправил к Вам мое письмо в Москву чрез Михайла Петровича Погодина. Не зная, где вы находитесь, и дойдет ли оное к Вам (прошу его отыскать), пишу другое, чтобы Вас поблагодарить искренне в знак моего особливого почтения за ваши редкие достоинства и за присылку на мое имя экземпляра Ваших Стихотворений. Сей гостинец мне не очененен. Спасибо, что истинный поэт вспомнил старика. Стихотворения Ваши печатались здесь, и я оные имел до выхода за неделю. Удивлялся, как всегда, высокому дарованию Вашему, благодарил вас за напечатание двух ко мне посланий и много, много говорил о статьях Ваших: мне доселе неизвестных, в письме, которое сего дня послал чрез Погодина. Отыщите оное, а я в тот же день пишу к Вам в г. Корсунь, где, сказали мне, что вы обретаетесь. Симбирская губерния славится поэтами: Вы, Карамзин, Дмитриев. Не смею приобщить себя, помещика Села *Талызина* Ардатовского уезда на большой московской дороге. Прощайте Батюшка. Верьте дружбе и почтению почти 80-тилетнего Старца

Графа Хвостова.

Другое письмо в один день
20 марта 1833 года.[79]

---

[78] Там же. Л. 15. Опубликовано в: [19, т. 7, с. 169–170]. Печатный вариант концовки стихотворения читается иначе:

Провидец-дух, прозря предметы,
Речет: прорцу восход Кометы.

Стихотворение навеяно повестью Погодина «Галлеева комета», которая открывала «Комету Белы, Альманах на 1833 год».

[79] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 16–16 об. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Граф Хвостов покорно просит Симбирской губернии Г. Корсуна

Получив все три мартовские эпистолярные обращения графа, Языков отвечает Хвостову, который для своего архива аннотировал его письмо так: «Поэта Языкова от 21-го апреля о получении моих писем, благодарность за отзыв о его стихотворениях и обещание последовать классическому совету»[80].

Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Иванович!

Не знаю, как благодарить вас за благосклонность, которую Вы оказываете моей молодой Музе столь постоянно и столь искренно. На сих днях получил я три письма ваши и ваш новый подарок Русскому Парнасу. Умею ценить и чувствовать похвалу вашу: она мне дорога и лестна, точно так же, как похвала заслуженного Генерала солдату, бывшему впервые на сражении. Принимаю к сердцу и ваш классический совет; но еще не решаюсь на подвиг, требующий Мужа!

Читаю ваш Гимн Иисусу Христу и послание к В.А. Жуковскому: струны вашей лиры не истерлись и не расстроились от долгого употребления: даже оне золотые и настроены мастером. В первом из вышепоименованных стихотворений мне особенно понравились строфы вторая и последняя, позвольте выписать их как одну:

Владыко мощныя Державы,
Победами гремящий Царь,
Приносит часто жертвы[81] славы
На милосердия алтарь.
Велик, когда слезу вдовицы
Отрет ометом багряницы;
Закона грозный Приговор
Душою кроткою смягчает
И на Преступных обращает
Чадолюбивый, тихий взор.

Послание к сочинителю сказки о Царе Берендее — все вообще Прелестно[82]. Предание о болоте Берендеевом — достойно подробного исследования.

Г. почт-мейстера доставить сие немедля в поместье по сей надписи Его Благородию Милостивому Государю моему Николаю Михайловичу Языкову *в Корсуне*» (Там же. Л. 17 об.). Почтовый штемпель отправления: «С. Петербург. 21 март. 1833».

[80] Там же. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 2 об.

[81] У Хвостова: «жертву» [19, т. 7, с. 8].

[82] Ср. с мнением Языкова о сочинениях Жуковского в письме к братьям от 4 ноября 1831 г.: поэт «рассказал стихами некоторые русские сказки: прелесть!» [10, с. 276]. В другом письме, от 26 марта 1833 г. к брату Александру, отзываясь об альманахе «Новоселье», Языков особо выделяет «Сказку о царе Берендее» [10, с. 287].

С истинным уважением и совершенною
преданностию, честь имею быть
вашего Сиятельства
покорнейший
Н. Языков.

1833. Апреля 21[83].

В приведенной Языковым строфе из «Гимна Иисусу Христу» говорится о Высочайшем Манифесте об уменьшении срока осужденным на каторгу, последовавшем при рождении в 1832 г. великого князя Михаила Николаевича. Внимание Языкова к «Гимну» подкреплялось наметившимся его интересом в этот период творчества к религиозной тематике. Стоит сказать, что ответ молодого поэта не был лишь учтивой благодарностью за присланные сочинения, как например, поступал некогда литературный противник Хвостова, а впоследствии регулярный корреспондент — И.И. Дмитриев, едва ли заглядывавший в книги графомана и отвечавший ему стандартными фразами о том, что новые сочинения не уступают прежним[84].

В письме к брату Александру от 22 апреля 1833 г. Языков сообщает, что послал Хвостову издание своих стихотворений, и передает его ответную реакцию: «Г<раф> Хвостов чрезвычайно сильно принял к сердцу мой подарок: по сему случаю написал он ко мне три письма в три дня и возносит меня похвалами самыми торжественными и пышными» [10, с. 288]. Действительно, благодаря Языкова за подарок, Хвостов отвечает ему в приподнятом духе:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович.

Благодарю усердно и много за почтенное ваше от 21-го Апреля письмо, и очень рад, что вы приняли к сердцу мой Классической Совет. Исполните его, оставьте памятник Парнасу Нашему, достойный вас и отечеству. На подвиг сей вызывает знаменитого поэта не один я, но все русские музы и любители их. Еще благодарю вас за лестные Ваши отзывы о моих последних стихах. Куплет, вами выписанный, мне самому очень нравится, а что касается до послания моего к Жуковскому, то это приятная шутка. Слава Богу, что оно попало в цель, т. е. вам и многим полюбилось. До последней минуты жизни моей, я не перестану вас почитать и любить, и для того прилагаю Вам на суд мое последнее творение в рукописи. При зиме лет моих, я пою весну, и не знаю, отчего нынешняя весна, как и предыдущие, ободри-

[83] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 85–86.

[84] См. об этом: [4].

ла, укрепя физические мои, умственные силы. *Я пою дом правды, дом суда*. Это новое богатое здание для Сената и Синода, в которое надеемся перейти в конце Августа, а после того куплет, где я представляю Преобразителя, т. е. Петра Великого, *под кровом Пышным Царским*, есть Новая Галерея в Зимнем дворце, в которой *Государь намерен поместить в рост Портреты Русских Полководцев, присоединивших к своим именам имена мест, прославленных их подвигами*. История наша от самой древности до наших времен не богата проименованиями. Вот они: *Донской, Невской*, князь Меншиков *Ижорский*, Румянцов *Задунайский*, Орлов *Чесминский* <так!>, князь Долгоруков *Крымский*, кн. Потемкин *Таврический*, кн. *Италийский*, кн. Кутузов *Смоленский*, граф Дибич *Забалканский*, и последний князь *Варшавский*, вот вам и все, примолвя, что о болоте Берендеевском некоторые замечания мною в прозе сообщены для напечатания лет 7-и тому назад в Московское Историческое общество. Не худо, если бы Г. Строев[85] или другой кто Археолог, проехав мою Кубру по большой дороге от Москвы до Переславля, завернул на Царственное болото, т. е. Берендеево, в 10-ти верстах при Селе Петровском Макарова от нынешнего города Переславля Залесского[86]. Не переставайте меня любить, писать ко мне в досужное время и верить, что с истинным почтением всегда буду

Ваш Милостивый Государь мой

Покорный Слуга
Граф Хвостов.

15-го Апреля 1833[87].

Хвостов знакомит Языкова со своим еще не опубликованным в тот момент стихотворением «Весна 1833 года», в котором восклицает:

Весна! И старость обновилась
Веселым чувством юных лет,
Вселенна солнцем озарилась,
Горит восторгами поэт.
[19, т. 7, с. 63].

---

85 Русский историк и археограф.

86 В примечании к посланию «Сочинителю Сказки о царе Берендее» Хвостов пишет: «Помещик села Петровского покойный Николай Петрович Макаров, осушая болото Берендеево, ему принадлежащее, нашел признаки древнего города или селения, где открыл будто обломки деревянной мостовой, груды каменьев, городской земляной вал и расположение улиц» [19, т. 7, с. 264].

87 ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 18–19. Дата на письме: «15 апреля» — ошибочна. Из контекста следует, что Хвостов отвечает на письмо Языкова от 21 апреля.

Постоянно упоминая о собственном почтенном возрасте, граф всячески подчеркивает, что еще полон сил и творчески состоятелен. Языковское письмо от 21 апреля Хвостов получил через Комовского, и через него же передал свой ответ вместе со стихами. Последний в письме к Языкову, датированном, при его публикации, июнем 1833 г., описывал это так: «Письмо к Гр. Хвостову хотелось мне лично вручить Его Сиятельству; однако я не застал его дома и был принужден вверить сие дело кому-то из прислужников серебровласого пугала парнасских бобылей. Вследствие сего имел удовольствие получить от Его Сиятельства милостивое послание. Прилагаю оное для вашей забавы, адрес и содержание — все оригинально, все необыкновенно. Для полноты характеризования нашего поэта и его особенностей не должно пропустить и того, что вместе с письмом посланец вручил мне от Его Сиятельства гривну серебром — на почтовые издержки» [9, с. 103]. В ответ Языков писал Комовскому 10 июня: «Напрасно вы не распечатали письма графа Хвостова, которое чрез вас ко мне доставлялось: оно очень любопытно, да к нему же приложено и стихотворение Певца Кубры: Весна. Советую вам обходиться впредь смелее с подобными парнасскими бумагами» [9, с. 104]. Можно заключить, что Языков воспринимал и эпистолярные обращения Хвостова как своего рода литературные произведения, представлявшие не меньший интерес, чем его сочинения, и не делал из этого тайны. Создается впечатление, что и переписка с графом представляла для Языкова своеобразное продолжение игры, начавшейся когда-то стихотворным диалогом.

В следующем письме от 4 июля 1833 г. Хвостов сообщает Языкову о приезде в Петербург И.И. Дмитриева и своих стихах, написанных по этому случаю:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович.

Я имел удовольствие благодарить вас за последнее письмо ваше и за лестные ваши отзывы о моем Гимне И. Христу и о рукописи Сочинителю сказки о Берендее. Мне истинное удовольствие составляет переписка с вами, и я вам скажу, что нынешняя весна была мне очень благодатна, и я написал стихи на 2-ю выставку Русских изделий, которые напечатаны[88], и кажется, что их я к вам послал, а если нет, то извините, я теперь не имею ни одного экземпляра: 500 эк.<земпляро>в подарены Министерству финансов для раздачи фабрикантам, и вы их там прочитать можете; а я посылаю

[88] Имеется в виду издание: «По случаю второй Выставки Российских изделий в Санкт-Петербурге 1833 года. Стихотворение Графа Хвостова» (СПб., 1833).

в рукописи сии стихи так, как они будут напечатаны в VII-м томе моего издания, который вам доставится сего года не позже Декабря месяца. Без всякого предварения, к совершенному удовольствию моему, при моей глубокой старости, я обрадован приездом сюда Ивана Ивановича Дмитриева, пятидесятилетнего моего знакомца и помещика Симбирского, который вас очень любит и почитает как знаменитого Поэта. Мы почти вседневно с ним видимся и часто говорим о вас. Вот прочтите стихи, которые я на его приезд сделал. Он, их слушая, прослезился. Остроумец, Князь Вяземский, их очень хвалит, и говорит, что они писаны с чувством; также многие другие. В прошедшую Субботу, в присутствии Дмитриева, они читаны были в Российской Академии; очень понравились, и положено их напечатать[89]. Я совершенно буду доволен, если они полюбятся вам, покровителю моей дряхлой Музы, и ожидаю вашего мнения и замечания. Удостойте оными почитателя вашего образцового таланта. Дмитриев отселе пробирается в Дерпт, посетить Катерину Андреевну Карамзину; Дерпт — место вашего пребывания, и мне за то он очень мил. Отыщите мою посылку при сем письме под лит. *А*, ибо, по строгости почты в ней особливо вложены стихи печатные и проза.

Верьте искренней дружбе и почтению, с которыми есть и буду ваш

Милостивый Государь мой,
Покорный слуга
Граф Хвостов.

1833.
4 июля[90].

Ответное письмо Языкова сохранилось в архиве Хвостова в писарской копии. В оглавлении рукописной книги, в которую она помещена, дается такая аннотация: «Письмо Николая Михайловича Языкова о памятнике Карамзину»[91].

[89] Послание к Дмитриеву было опубликовано в «Дамском журнале» (1833. Ч. 44. №. 44. С. 68–69) под заглавием: «Свидание с почтенным другом, Иваном Ивановичем Дмитриевым, в С.-Петербурге, 1833 года Июня 9», а затем включено в собрание стихотворений Хвостова [19, т. 7, с. 124–126].

[90] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 20–20 об. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Граф Дмитрий Иванович Хвостов покорно просит Г. Губернского *Симбирского* почт-мейстера доставить сие письма <так!> в уездной город Корсунь или где находится Его Благородию Николаю Михайловичу Языкову. При сем письме посылка в холсте с печатными и рукописными стихами под *лит. А. в Симбирске*» (Там же. Л. 21 об.). Почтовый штемпель о получении письма: «Симбирск. 1833. Июл: 17».

[91] Там же. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 4 об.

Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Иванович!

Три стихотворения ваши я имел удовольствие получить. Чувствительнейше благодарю вас за сей приятный подарок нашей Литературе; мне нравится более прочих Свидание; я совершенно согласен с князем Вяземским, что в оном много чувства. Что же касается до стихотворения по случаю выставки, то оно исполнено лиризма, свойственного вашей Музе; вопреки мнению известного Петербургского Критика Н.И. Греча, стихи:

От древности славна победами Россия,
Низвергнула она владычество Батыя,
Европу целую мечом своим спасла,
Сугубя подвиги, великие дела.
Свидетельствуют в мир врагам от Россов раны:
Священный Арарат и Альпы и Балканы,
Что мужественный Росс далеких стран в краях
Цареву славу вняв, все покорял в боях.

кажутся мне лучшими тех, кои выставлены в Северной пчеле: (№162)[92] здесь-то поэт,

Еще лучей не чуждый света,

воспламеняется

И вновь восторгом чистым дышит
И вновь по чувству сердца пишет[93].

Вам уже известно, что

Владыко мощныя Державы
Победами гремящий Царь

высочайше позволил открыть подписку на сооружение памятника бессмертному Карамзину. Зачинщики сего похвального предприятия предполагают построить здание, в котором поместится публичная библиотека для чтения и будет незабвенного лице

Бессмертья видется в венце.

Вам

Младых поэтов Петрограда
Серебровласый Корифей!

следует и в сем деле воспользоваться обширным влиянием вашим на умы современников, открыть *особую подписку*, побудить к пожертвованию Синклит и Литераторов по парнасской службе вам подведомственных, и, таким образом, сильно способствовать подвигу, которым воздается должная

---

[92] В № 162 «Северной пчелы» от 21 июля 1833 г. в разделе «Новые книги» был помещен анонс брошюры Хвостова «По случаю второй Выставки Российских изделий» с фрагментами стихотворения.

[93] Языков цитирует хвостовское послание, обращенное к Дмитриеву.

дань уважения Мужу, со славою подвизавшемуся на поприще русской словесности, столь пламенно вами любимой. Сбор идет здесь весьма успешно. Вы чрезвычайно меня обяжете, если соблаговолите известить о ходе сего дела у вас в Петрограде. Надеюсь, что ваша Лира…

С Глубочайшим почитанием и совершенною преданностию честь имею быть

Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Николай Языков.

31-го Сентября
1833 года [94].

Симбирское дворянство выступило с инициативой увековечить на родине Карамзина память о нем, установив памятник историографу. Гражданский губернатор Симбирска А.М. Загряжский 13 июня 1833 г. подал соответствующее прошение на имя императора, которое было удовлетворено. Был учрежден особый комитет по сооружению монумента. Из письма Языкова мы узнаем, что он принял деятельное участие в сборе пожертвований на памятник и, думается, обратился по этому поводу к почтенному старцу не случайно: граф, много сделавший для сбора средств на сооружение памятника Ломоносову в Архангельске, имел необходимый опыт и возможность привлечь крупных меценатов. Между тем Хвостов еще 21 июля внес личный вклад в размере 50 рублей, о чем 4 августа известил комитет, а 24 августа получил письменное уведомление предводителя дворянства Симбирской губернии князя М.П. Баратаева в том, что желание графа участвовать в сборе средств «будет с удовольствием исполнено комитетом при составлении общих гг. пожертвователям списков»[95]. Открытие памятника надолго задержится и произойдет только 23 августа 1845 г. Языков откликнется на столь значимое событие стихотворением «На объявление памятника историографу Н.М. Карамзину», которое вызовет критику Белинского и поддержку Погодина и славянофилов.

Граф не замедлил с ответом на полученное от Языкова письмо:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

[94] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 184–185 об. В дате письма явная описка. Вероятнее всего, оно написано 31 августа или 1 сентября 1833 г. Дата уточняется по ответному письму Хвостова от 23 сентября.

[95] Там же. Л. 149–149 об.

Получа почтенное письмо ваше, в котором единственно по благосклонности вашей столь лестно отзываетесь о моих стихотворениях, я не знаю, как мне благодарить за дружбу вашу вас, знаменитого моего современника. Свидание мое с известным баснописцом вам полюбилось. Я сам тоже о сем Стихотворении думаю, и если бы при конце жизни моей Музы доставили мне случай воспеть мое Свидание с Вами, тогда уверен, чтобы все про меня сказали, что стихи мои пишутся по чувству сердца. Конечно, стихи на выставку, о коих вы в вашем письме упоминаете гораздо лучше тех, кои много именитый Г. Греч огласил в Северной пчеле. Благодарю за честь, которую вы мне сделали относительно подписи на памятник Незабвенного Карамзина; но, увы!

Забытый Музами поэт

не приемлет на себя и не надеется убаять наших Молодых Муз на какое-либо пожертвование, особливо денежное.

Младых Поэтов Петрограда
Серебровласый Корифей

глухим проповедывать не будет. Вы одни ко мне только милостивы, а кроме вас ни один журнал и ничьи уста ниже пикнуть, что я еще в живых и брожу на подошвах Парнаса более 50-ти лет. Что же касается до подписки на памятник бессмертному Карамзину, я не нахожу ни вам, ни мне надобности прибегать к новой подписке: это дело и без нашего посредства кончится благополучно. У вас подписка идет хорошо, а у нас еще лучше. Российско-Императорская Академия жертвует на сооружение памятника Историографу *пять* тысяч рублей.

Владыко мощныя Державы
Победами гремящий Царь

на таковое наше пожертвование на сих днях соизволяет. Итак, изволите увидеть, что недостатка в деньгах на памятник Карамзину не будет.

Заключаю сие длинное письмо желанием чаще от вас получать столько мне приятные грамотки. Прошу Вас, моего лавроносного поэта, любите меня и верьте, что я, доколе жив, пребуду с истинным почтением и преданностию

Ваш Милостивый Государь мой
Покорный слуга
Граф Хвостов.

Г. С. Петербург
1833 года
Сентября 23 дня[96].

---

[96] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 22–23. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Граф Хвостов покорно просит Симбирской губернии Г. Губернского почт-мейстера передать сие письмо немедля верно или переслать в его вотчины Его Благородию Николаю Михайловичу Языкову *в Симбирске*». (Там же. Л. 23 об.) Почтовый штемпель отправления: «С. Петербург. 25 сент. 1833».

На небольшой полоске бумаги, приложенной к последней странице письма, написано:

Продолжение разговора о невнимании ко мне пишущих современников, да молвлю то, что говорил Гнедичу в моем послании том 3-й стр. 47-я, я не Гомер и справедливо, что о моем рождении и смерти

“Не только семь городов, ниже одно село
Не пикнет, что певца на свет произвело”[97].

В следующем письме от 8 января 1834 г. Хвостов делится с Языковым петербургскими новостями, упоминает о Пушкине и сообщает о выходе первого тома «Библиотеки для чтения»:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович!

Посылаю Вам безделку, наскоро написанную и случайно напечатанную[98]. Прошу ее полюбить. Она в романтическом вкусе много говорит о русских костюмах, а я надеюся, что она писана совершенно в русском духе, идеи и чувства не низкие, а выражения, кажется, приличные. Извините, что я при старости себя хвалю, но мне лестно уловить Ваше внимание и заслужить отзывы, коими всегда меня удостаивали. Седьмой том моих стихотворений уже на станке Академической типографии[99]. На Святой неделе, или вскоре после праздника надеюся Вам его сообщить, а теперь позвольте мне поздравить Вас не по обычаю, а от чистого сердца с наступившими праздниками рождества Христова и нового году и пожелать вам всех возможных благ. А превосходной музе вашей не скупиться дарить нас истинно изящным. Давний приятель Ваш, известной А. Пушкин, сияет в златошвейном кафтане. Он с нынешнего нового году придворной человек, т. е. Камер-юнкер, то самое, что был и я в новом же годе при Екатерине II, лета 1795. И я тогда, как писал к Графу Аполосу Аполосовичу Мусину-Пушкину, что с ним вместе:

---

[97] Там же. Л. 24. Хвостов ссылается на последнее издание своих стихотворений и не совсем точно цитирует послание «Н.И. Гнедичу» (1809). Верно: «Семь спорить городов, ниже одно село». Эту строку Хвостов сопроводил примечанием: «Семь греческих городов спорили о месте рождения Гомера; каждый из них присвоивал себе честь сию. Имена сих городов заключаются в следующем двустишии: Smirna, Rhodos, Colophon, Chio, Argos, Athenae, Orbis de patria certat, Homere, tua» [19, т. 3, с. 161].

[98] Имеется в виду: «<*Хвостов Д.И.*> Русская песня. 1833 года Декабря 6 дня» (СПб., 1833).

[99] [19, т. 7]: СПб., 1834. Цензурное разрешение было получено еще 6 декабря 1833 г., но книга вышла в свет только в мае 1834 г.

“Учтивости плели и шаркали ногой”[100].

При многих Вам моих пожеланиях, желаю, чтобы Вы меня не разлюбили и имели бы терпение прочесть от доски до доски журнал Смирдина. Мне прислали огромный том за Генварь месяц, который я почти одолел, просидев целую неделю за холодом дома. Герой в оном Брамбеус или Сенковской по своей повести[101] и по толку <о> Скандинавских Летописцах[102].

Верьте дружбе, преданности и почтению, с которыми есмь и буду, Ваш

Милостивый Государь мой
Покорной Слуга
Граф Хвостов.

8 Генваря.
1834 год.[103]

«Русская песня», выпущенная отдельной брошюрой и помещенная затем в седьмом томе сочинений, была написана к 6 декабря 1833 г., ко дню тезоименитства Николая I. Тогда придворные дамы предстали в нарядах в древнерусском стиле, по поводе чего Пушкин записал в дневнике: «Дамы представлялись в русском платье. На это некоторые смотрят как на торжество» [20, т. 12, с. 317]. К некоторым относился и Хвостов, восторгавшийся придворным новшеством, в то время как иные осуждали чрезмерную роскошь, когда в стране был голод по случаю неурожая[104].

---

[100] Хвостов приводит строку из своего послания «Графу Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину» (1803); см.: [19, т. 7, с. 90].

[101] *Барон Брамбеус* <Сенковский О. И.>. Вся женская жизнь в нескольких часах. Повесть, исполненная философии // Библиотека для чтения. 1834. Т. I. Отд. I. Русская словесность. С. 33–114.

[102] *Сенковский О. И.* Скандинавские саги // Там же. Отд. III. Науки и художества. С. 1–77.

[103] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 25–25 об. Адрес: «Действительный Тайный Советник Сенатор Кавалер Граф Дмитрий Иванович Хвостов просит покорно Господина Симбирской губернии Города *Симбирска* Губернского Господина почтмейстера доставить сие письмо немедля с приложением посылки в холсте под лит. *А*. Его Благородию Николаю Михайловичу Языкову, где он обретается *в Симбирске*» (Там же. Л. 26 об.). Почтовый штемпель о получении письма: «Симбирск. 1834. Ген: 22».

[104] Хвостов прислал 6 декабря свое стихотворение А.Ф. Воейкову, у которого вечером того дня собрались известные литераторы. На следующий день, 7 декабря, Воейков с плохо скрываемой иронией писал Хвостову: «Милостивый государь граф Дмитрий Иванович! Вчерашний день, вечером, у меня был *В.А. Жуковский*, *Карлгоф*, *А. С. Пушкин*, *князь П.А. Вяземский*, много военных генералов и отличных писателей, когда принесли мне превосходнейшее стихотворение Ваше на Русскую одежду придворных дам. Я поспешил разделить с своими гостями небесное наслаждение поэзии. Все были в восторге — и громкие рукоплескания, и гул одобрения долго не умолкали. Юношеский жар, пламенная любовь к отечеству и огнь поэзии соединены в сих куплетах. Хвала Вам, честь, слава, ура! Дав Вашему сиятельству отчет сей, прибавлю глубочайшее мое прискорбие о том, что сие знаменитое произведение

Любопытны известия, которые Хвостов передает Языкову о Пушкине[105]. Будучи осведомленным о нем через общих знакомых, граф при случае сообщал новости о поэте в переписке. Так, 24 октября 1827 г. Хвостов пишет П.И. Лялину из Петербурга в Калугу: «Славный Пушкин ездил хозяйничать в деревню, снова сюда возвратился и выдал третью главу Онегина, которой прочтите похвалу в Северной пчеле»[106].

Представляет интерес и отзыв Хвостова о «Библиотеке для чтения». Творчество Сенковского граф оценивал неоднозначно. Так, после выхода в свет книги сподвижника Хвостова по составлению свода биографий литераторов («Словаря русских писателей», оставшегося в рукописях) — С.В. Руссова[107], вступившего в полемику с Сенковским, граф заметил: «Я думаю, что Сеньковский, поместивши <так!> в Библиотеке для Чтения под своим именем Скандинавские саги, прочитав возражение, усовестится и не будет впредь свою прозу наполнять подобною нелепицею»[108]. Или в другом отзыве: «Висячий гость[109], произведение, достойное пера Брамбеуса. Прекрасно!»[110] Языков с одобрением принял сочинения Сенковского. «Барон Брамбеус молодец» [10, с. 287], — пишет он брату Александру 26 марта 1833 г., имея в виду произведения, опубликованные в другом смир-

---

Анакреонтического пера Вашего не может быть напечатано в Лит.<ературных> прибавлениях, поелику все листки на нынешний год уже оттиснуты. С глубочайшим высокопочитанием имею честь быть, Вашего сиятельства покорнейшим слугою, А. Воейков. 1833-го года. Декабря 7 дня. С. Петербург» (ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 79. Л. 222). Письмо без указания даты, с произвольной заменой имени и отчества Хвостова и некоторыми изменениями в тексте было опубликовано П.О. Морозовым в: [14, с. 401–402], и в этом же виде было приведено в «Хронике жизни и творчества А.С. Пушкина» [26, с. 237] с широкими хронологическими рамками события: «1833. Декабрь, 7... 25(?). Петербург». Факт присутствия Пушкина на вечере у Воейкова при чтении «Русской песни» Хвостова требует уточнения в «Хронике» и должен быть введен в «Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина» при ее переиздании с точной датировкой: «1833. Декабрь, 6. Петербург».

[105] Введенный в: [26, с. 285] факт извещения Языкова Хвостовым о камерюнкерстве Пушкина должен быть уточнен указанием конкретной даты месяца: «1834. Январь, 8. Петербург».

[106] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 32. Л. 57 об. Пушкин уехал в Михайловское 27 июля и вернулся в Петербург 16 октября 1827 г. Третья глава «Евгения Онегина» вышла в свет 10–11 октября 1827 г. Похвала — рецензия на нее без подписи (Северная пчела. 1827. № 124, 15 октября). Данный факт осведомленности Хвостова о поэте не отмечен в хронологических сводах о жизни и творчестве Пушкина.

[107] О Сагах в отношении к Русской Истории, или Вообще о древней Руси. Соч. С. Руссова. СПб., 1834.

[108] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 2. Л. 7. Публикацию заметки см.: [25, с. 179].

[109] *Барон Брамбеус* <Сенковский О.И.>. Висящий гость. Происшествие неправдоподобное, потому что истинное // Библиотека для чтения. 1834. Т. VI. Отд. I. Русская словесность. С. 68–87.

[110] ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 2. Л. 17 об.

динском издании — альманахе «Новоселье»: повести «Незнакомка», «Антар» и «Большой выход у Сатаны».

В следующем своем письме от 21 мая 1834 г., поздравляя Языкова с Пасхальным праздником и посылая очередной том своих стихотворений, Хвостов писал:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович,

Поздравляю вас, мой почтенный вдохновенный Поэт, с праздником Светлого Христова Воскресенья. Еще более поздравляю с весною — вдохновительницею Муз, а всего более поздравляю с превосходным талантом, которым вас одарило Верховное Существо. Я давно уже к вам не писал, и, следственно, давно от вас не имел ответа. На истекшей Святой неделе были у нас большие духовные и светские торжества по случаю присяги Наследника престола, что вам уже известно по журналам, газетам и от приезжающих. Старая моя Муза воспламенилась сим отечественным событием, и я посылаю к вам несколько экземпляров стихов, мною на сей случай сочиненных[111]. Также прилагаю и на сих днях вышедший VII-й том моих стихотворений полного собрания. Вы мой превозноситель и вместе Аристарх; вы уже были столько благосклонны, что оценяли мои рукописи о выставке рукоделий, послание к Жуковскому и Свидание с Дмитриевым. Неизвестные вам прибавлены только: Европейская Слава и Послание к Живописцу Брюлову. Любите меня столько, что примите милостиво мой VII-й том, удостойте ответа, и сообщите мне ваши замечания.

Пора и вам, почтенный и любезнейший мой Поэт, чем-нибудь нас подарить. Я ожидаю от вас чего-нибудь достойного вас. Напишите, в чем вы упражняетесь и верьте, что есть и буду с истинным почтением ваш,

Милостивый государь мой,
Покорный Слуга
Граф Хвостов.

Маия 21-го дня
1834[112].

В надежде, что письмо и книги найдут адресата в его симбирском имении, Хвостов отправляет корреспонденцию губернскому почтмейстеру для пересылки Языкову. В это время граф занят подготовкой к изданию своих прозаических сочинений, которые должны были составить восьмой, так и не вышедший из-за его смерти, том,

[111] Присяга великого князя Александра Николаевича состоялась 22 апреля. Хвостов на это событие сочинил и выпустил отдельным изданием стихотворение: «22-го Апреля в С. Петербурге 1834 года. Стихотворение Графа Хвостова» (СПб., 1834).

[112] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 27–27 об.

и одновременно усиленно работает над составлением «Словаря русских писателей», для чего обращается за необходимыми сведениями к самим литераторам. А ответ Языкова на майское письмо все еще не приходит. Тем временем увидело свет написанное по случаю открытия Александровской колонны стихотворение Хвостова «30 августа 1834 года», дважды им напечатанное с небольшими изменениями в виде отдельных брошюр[113]. Первое издание граф отсылает своему молодому собрату по перу. В сопроводительном письме он обеспокоен отсутствием известий от Языкова и просит его предоставить биографические данные о себе:

Милостивый Государь мой
Николай Михайлович.

Я имел честь и удовольствие с начала весны препроводить к Вам чрез Г. Симбирского почтмейстера письмо и седьмой том моих стихотворений, на что доселе ожидаю благосклонного уведомления, а теперь тем же способом, как и весною, посылаю к Вам, знаменитому нашего времени поэту, мои стихи на открытие колонны, которые деланы почти по заказу и едва ли достойны Вашего внимания. Боюся, чтобы Вы мне не сказали также как Желблаз гранадскому Епископу[114], что пора и мне перестать писать стихи. По крайней мере Вы похвалите мой эпиграф: “Любить, хвалить царя хвалимого вселенной”, которой стих не мой, а законодателя правил и вкуса[115]. Надписываю мою грамотку и теперь чрез Г. Симбирского почтмейстера и не знаю, здоровы ли Вы и где теперь: в Москве, Симбирске или в деревне. Успокойте почти 80-летнего старца, напишите ко мне хотя строчку о Вашем здоровье и упражнении, и не замедлите присылать, как я Вас о том просил, *Парнасской Ваш послужной список*, т. е. биографию Вашу, в котором году и где Вы родились, где обучались, и когда напечатаны <так!> полное собрание Ваших стихотворений. Не поленитесь исполнить просьбу Вашего друга и искренно Вас почитающего и притом покорного слугу

Графа Хвостова.

3 сентября 1834[116].

Письма Хвостова долго шли к своему адресату. Ответ Языкова сразу на оба письма аннотирован графом так: «Симбирской губернии из г. Корсуня от знаменитого поэта Николая Михайловича Языкова

[113] 30 Августа 1834 года. Стихотворение Графа Хвостова. СПб., 1834. Цензурное разрешение П. Гаевского от 22 августа 1834 г. (первое издание) и 23 сентября 1834 г. (второе издание).

[114] Хвостов имеет в виду героя плутовского романа А.-Р. Лесажа «История Жиль Бласа из Сантильяны», известного в России в переводе В. Теплова.

[115] Хвостов подразумевает Н. Буало-Депрео.

[116] ИРЛИ. Ф. 348. Ед. хр. 19. 4. 87. Л. 29–29 об.

о получении седьмого тома Стихотворений и обещание прислать свою биографию Декабря 7»[117].

Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Иванович!

Я имел честь получить от вашего Сиятельства седьмой том ваших стихотворений и 30 Августа 1834 года. Не знаю, как выразить вам мою благодарность за внимание, которым вы не перестаете удостаивать меня, действовавшего так недолго и незначительно на том самом поприще, где вы подвизаетесь столь постоянно и достославно!

В седьмом томе, понравились мне, более прочих, стихотворения: Размышление о Спасителе Мира[118], Извлечение из Песни Моисеевой, Прощание поэта с землею, Радостная в Августе весть 1831 года, Весна 1833 года, Русская песня 6 Декабря 1833 года, Русскому живописцу Брюлову и многие мелкие; но всего более понравилось мне послание к Н.М. Языкову, несмотря на то, что я давно уже знаю его наизусть. В стихотворении 30 Августа 1834 особенно хороша последняя строфа, в ней виден поэт, чувствующий самого себя и сильно выражающий свои чувствования.

Постараюсь исполнить, как можно скорее, желание вашего Сиятельства иметь мой *парнасской послужной список, т. е. мою биографию*: я уже собираю справки, нужные для этого дела, требующего сведений самых верных.

С истинным почитанием и совершенною
преданностию честь имею быть

вашего Сиятельства
покорнейший Н. Языков.

1834 года.
Декабря 7.
Корсун[119].

Языков не спешит делиться с Хвостовым своими поэтическими «упражениями», однако благосклонно отзывается о сочинениях самого графа: седьмом томе и брошюре со стихотворением по случаю открытия Александровской колонны. Он достаточно подробно ознакомился с присланными изданиями. Стихотворение «30 августа 1834 года» написано в лучших традициях одических произведений минувшего столетия; особо отмечены Языковым заключительные строки в нем:

---

[117] Там же. Ф. 322. Ед. хр. 80. Л. 6.

[118] Так Хвостовым был переименован «Гимн Иисусу Христу» при включении его в состав седьмого тома стихотворений.

[119] Там же. Л. 193–194.

Стократно счастлив я — благодарю Творца!
Храня преклонных лет безвестного певца,
Он дар присвоил мне, послал и дух и силу —
Да прежде чем спущусь с Парнасских гор в могилу,
Величие, красу отечества узреть:
Диковинку земли — наш памятник воспеть.
Высокий цельный столб гранитный удивляет,
России к двум ЦАРЯМ он пламень чувств являет[120].

По просьбе Хвостова Языков начал собирать данные о своих публикациях и, возможно, писать автобиографию. Однако неизвестно, получил ли эти сведения граф, в его архиве их нет. 22 октября (3 ноября по новому стилю) 1835 г. престарелого стихотворца не стало.

Литература

1. *Балакин А.Ю.* Близко к тексту: разыскания и предположения. Статьи 1997–2017 годов. СПб.: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2017. 357 с.

2. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. СПб., 1890. Кн. 3. 7 + 387 с.

3. *Бодрова А.С.* Поэт Языков, цензор Красовский и министр Шишков: к истории цензурной политики 1824–1825 годов // Русская литература. 2018. № 1. С. 35–51.

4. *Вацуро В.Э.* Булгарин и граф Хвостов. Из записок филолога // Русская речь. 1987. № 3. С. 31–33.

5. *Виницкий И.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 352 с.

6. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 8: Статьи. 816 с.

7. Записки Ф.Ф. Вигеля / Изд. «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи). М. : Унив. тип., 1891. Ч. 1. 224 с.

8. Из архива Хвостова / публ. А.В. Западова // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. Т. 1. С. 359–407.

9. Из неизданной переписки Н.М. Языкова. I. Н.М. Языков и В.Д. Комовский. Переписка 1831–1833 гг. / публ. М.К. Азадовского // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 19–21. С. 33–104.

10. *Карпов А.А.* Эпоха 1830-х годов в письмах Н.М. Языкова // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. Т. 11. С. 268–295.

11. *Курочкин А.В.* А.С. Пушкин в «Записках о словесности» графа Д.И. Хвостова // Русская литература. 2019. № 3. С. 73–92.

12. *Курочкин А.В.* «…Племянник был молод, а дядя — кроток…» (А.С. Пушкин и его дядя в письмах современников к графу Д.И. Хвостову) // Русская литература. 2020. № 1. С. 79–92.

[120] 30 Августа 1834 года. Стихотворение Графа Хвостова. С. 5.

13. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: в 4 т. / сост. Н.А. Тархова. М.: Слово, 1999. Т. 4: 1833–1837. 752 с.

14. *Морозов П.О.* Граф Дмитрий Иванович Хвостов // Русская старина. 1892. № 8. С. 396–430.

15. Письма Д.И. Хвостова к М.П. Погодину / публ. Т.Ф. Нешумовой // Лица: биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. Т. 1. С. 269–286.

16. Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / изд. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, под ред. и с объясн. примеч. Е.В. Петухова. СПб., 1913. 502 с.

17. Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века) / с вступ. ст. и примеч. А.А. Чебышева. СПб., 1911. 250 с.

18. Полное собрание стихотворений Графа Хвостова: в 4 ч. СПб.: Тип. Императорскаго Воспитательнаго дома, 1821–1822.

19. Полное собрание стихотворений Графа Хвостова: в 7 т. СПб.: Тип. Имп. Рос. академии, 1828–1834.

20. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1959.

21. Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 58. С. 3–154.

22. Стихотворения Н. Языкова. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. IX + 308 с.

23. *Тихонравов Н.С.* Д.В. Дашков и граф Д.И. Хвостов в Обществе любителей словесности, наук и художеств в 1812 г. // Русская старина. 1884. № 7. С. 105–113.

24. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.

25. *Хвостов Д.И.* Заметки 1834 года / предисл., публ. и коммент. Е.Э. Ляминой // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 172–182.

26. Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина: в 3 т. 1826–1837. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Т. 2. Кн. 2: 1833–1834 / сост. Г.И. Долдобанов, науч. ред. А.А. Макаров, И.С. Сидоров. 528 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

N.M. Yazykov and Count D.I. Khvostov: Dialogue Between the Romanticist and the Classicist

© 2021. Alexander V. Kurochkin

National Pushkin Museum, Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to the relationship of prominent representatives of opposite literary trends: the romanticist N.M. Yazykov and the classicist count D.I. Khvostov. Starting as a poetic game, the communication of two poets gradually developed into correspondence. The history of their dialogue is recreated on the basis of lifetime poetic publications and epistolary materials from Yazykov and Khvostov collections in the Manuscript Department of Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. For the first time, the correspondence of two poets is introduced into scientific circulation. The work reveals the nature of their creative connections, outlines the facets of literary interests and assessments,

complementing the picture of the history of literature in Pushkin's time. The article specifies some facts related to A.S. Pushkin.

Keywords: N.M. Yazykov, D.I. Khvostov, A.S. Pushkin, romanticism, classicism, poetic dialogue, correspondence.

Information about the author: Alexander V. Kurochkin — Research Fellow, National Pushkin Museum, 191186, the Moika River Embankment, St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8291-0427 E-mail: alkurochkin@mail.ru

For citation: Kurochkin, A.V. “N.M. Yazykov and Count D.I. Khvostov: Dialogue Between the Romanticist and the Classicist.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 4 (22), pp. 173–224. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-173-224

References

1. Balakin, A.Iu. *Blizko k tekstu: Razyskaniia i predpolozheniia. Stat'i 1997–2017 godov* [*Close to the Text: Discoveries and Assumptions. Articles of 1997–2017*]. St. Petersburg, Pal'mira Publ., Moscow, Kniga po trebovaniiu Publ., 2017. 357 p. (In Russ.)

2. Barsukov, N.P. *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina: v 22 kn.* [*Life and Works of M.P. Pogodin: in 22 books*], book 3. St. Petersburg, 1890. 7 + 387 p. (In Russ.)

3. Bodrova, A.S. “Poet Iazykov, tsenzor Krasovskii i ministr Shishkov: k istorii tsenzurnoi politiki 1824–1825 godov” [“Poet Yazykov, Censor Krasovsky and Minister Shishkov: on the History of Censorship Policy in 1824–1825”]. *Russkaia literatura,* no. 1, 2018, pp. 35–51. (In Russ.)

4. Vatsuro, V.E. “Bulgarin i graf Khvostov. Iz zapisok filologa” [“Bulgarin and Count Khvostov. From the Philologist’s Notes”]. *Russkaia rech'*, no. 3, 1987, pp. 31–33. (In Russ.)

5. Vinitskii, I. *Graf Sardinskii: Dmitrii Khvostov i russkaia kul'tura* [*Count Sardinsky: Dmitry Khvostov and Russian Culture*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 352 p. (In Russ.)

6. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [*Complete Works: in 14 vols.*], vol. 8: Articles. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 816 p. (In Russ.)

7. *Zapiski F.F. Vigelia* [*Notes by F.F. Viegel*], part 1, publ. by the ‘Russian Archive’ (with supplements from the original manuscript). Moscow, Universitetskaia tipografiia, 1891. 224 p. (In Russ.)

8. “Iz arkhiva Khvostova” [“From the Khvostov Collection”], publ. by A.V. Zapadov. *Literaturnyi arkhiv. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia* [*Literary Archive. Materials on the History of Literature and Social Movement*], vol. I. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1938, pp. 359–407. (In Russ.)

9. “Iz neizdannoi perepiski N.M. Iazykova. I. N.M. Iazykov i V.D. Komovskii. Perepiska 1831–1833 godov” [“From the Unpublished Correspondence of N.M. Yazykov. I. N.M. Yazykov and V.D. Komovsky. Correspondence of 1831–1833”], publ. by M.K. Azadovsky. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 19–21. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob`edinenie Publ., 1935, pp. 33–104. (In Russ.)

10. Karpov, A.A. “Epokha 1830-kh godov v pis'makh N.M. Iazykova” [“The Era of the 1830s in the Letters of N.I. Yazykov”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Studies and Materials*], vol. 11. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 268–295. (In Russ.)

11. Kurochkin, A.V. “A.S. Pushkin v ‘Zapiskakh o slovesnosti’ grafa D.I. Khvostova” [“A.S. Pushkin in ‘Notes on Literature’ by Count D.I. Khvostov”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2019, pp. 73–92. (In Russ.)

12. Kurochkin, A.V. "'…Plemiannik byl molod, a diadia — krotok…' (A.S. Pushkin i ego diadia v pis'makh sovremennikov k grafu D.I. Khvostovu)" ["'…The Nephew Was Young, and the Uncle Was Gentle…' (A.S. Pushkin and His Uncle in the Contemporaries' Letters to Count D.I. Khvostov)"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2020, pp. 79–92. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-79-92 (In Russ.)

13. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina: v 4 t.* [*Chronicle of A.S. Pushkin's Life and Work: in 4 vols.*], vol. 4: 1833–1837, comp. by N.A. Tarkhova. Moscow, Slovo Publ., 1999. 752 p. (In Russ.)

14. Morozov, P.O. "Graf Dmitrii Ivanovich Khvostov" ["Count Dmitry Ivanovich Khvostov"]. *Russkaia starina,* no. 8, 1892, pp. 396–430. (In Russ.)

15. "Pis'ma D.I. Khvostova k M.P. Pogodinu" ["D.I. Khvostov's Letters to M.P. Pogodin"], publ. by T.F. Neshumova. *Litsa: biograficheskii al'manakh* [*Faces: Biographical Almanac*], vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1993, pp. 269–286. (In Russ.)

16. *Pis'ma N.M. Iazykova k rodnym za derptskii period ego zhizni (1822–1829)* [*Letters of N.M. Yazykov to His Relatives for the Derpt Period of His Life (1822–1829)*], publ. by the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, ed. and comm. by E.V. Petukhov. St. Petersburg, 1913. 502 p. (In Russ.)

17. "Pis'ma P.A. Katenina k N.I. Bakhtinu (Materialy dlia istorii russkoi literatury 20-kh i 30-kh godov XIX veka)" ["P.A. Katenin's Letters to N.I. Bakhtin (Materials for the History of Russian Literature of the 1820s and 1830s)"], introd. and comm. by A.A. Chebyshev. St. Petersburg, 1911. 250 p. (In Russ.)

18. *Polnoe sobranie stikhotvorenii Grafa Khvostova: v 4 ch.* [*Complete Poems by Count Khvostov: in 4 parts*]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskago Vospitatel'nago doma Publ., 1821–1822. (In Russ.)

19. *Polnoe sobranie stikhotvorenii Grafa Khvostova: v 7 t.* [*Complete Poems by Count Khvostov: in 7 vols.*]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Rossiiskoi akademii Publ., 1828–1834. (In Russ.)

20. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [*Complete Works: in 16 vols.*]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1959. (In Russ.)

21. "Pushkin v neizdannoi perepiske sovremennikov (1815–1837)" ["Pushkin in the Unpublished Correspondence of His Contemporaries (1815–1837)"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 58. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, pp. 3–154. (In Russ.)

22. *Stikhotvoreniia N. Iazykova* [*Poems by N. Yazykov*]. St. Petersburg, Tipografiia vdovy Pliushar s synom, 1833. 9 + 308 p. (In Russ.)

23. Tikhonravov, N.S. "D.V. Dashkov i graf D.I. Khvostov v Obshchestve liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv v 1812 g." ["D.V. Dashkov and Count D.I. Khvostov in the Society of Lovers of Literature, Sciences and Arts in 1812"]. *Russkaia starina*, no. 7, 1884, pp. 105–113. (In Russ.)

24. Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [*Poetics. Literary History. Cinema*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 576 p. (In Russ.)

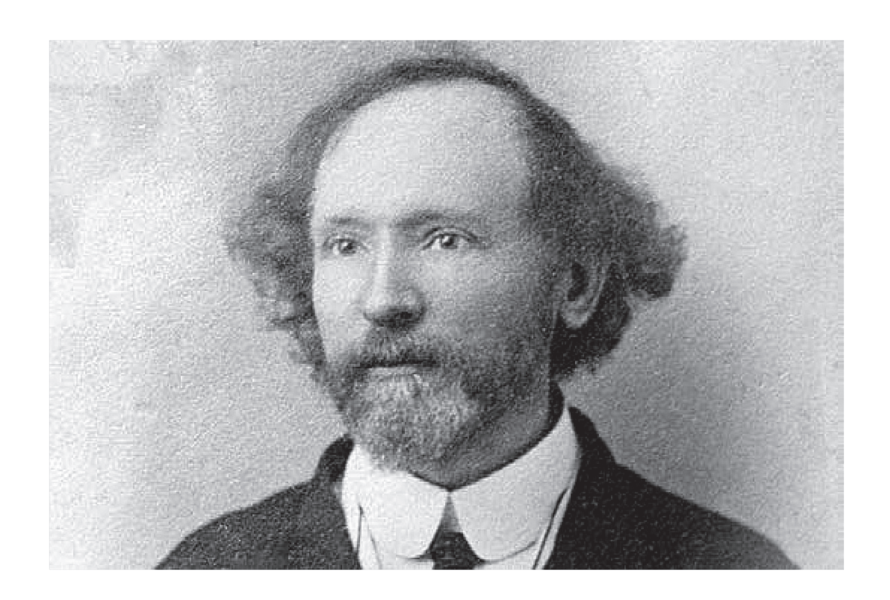
25. Khvostov, D.I. "Zametki 1834 goda" ["Notes of 1834"], introd., publ. and comm. by E.Ie. Liamina. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, 1993, pp. 172–182. (In Russ.)

26. *Khronika zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina: v 3 t. 1826–1837* [*Chronicle of A.S. Pushkin's Life and Work: in 3 vols. 1826–1837*], vol. 2, book 2: 1833–1834, comp. by G.I. Doldobanov, sci. ed. by A.A. Makarov, I.S. Sidorov. Moscow, IWL RAS, 2009. 528 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.09.2021
Одобрена после рецензирования: 05.10.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 09.09.2021
Approved after reviewing: 05.10.2021
Date of publication: 25.12.2021

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ВОКРУГ

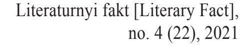
Помещая очередные материалы к изучению биографии и творчества Вяч. Иванова (в 2021 г. минуло 155 лет со дня его рождения) и его литературного окружения, редакция отмечает также две невосполнимые утраты, которые понесла наука о русской литературе Серебряного века. 7 сентября 2020 г. скончался профессор Чикагского университета Роберт Бёрд (1969–2020), посвятивший Иванову ряд фундаментальных статей, книгу “The Russian Prospero: The Creative Universe of Viacheslav Ivanov” (2006), подготовивший несколько образцовых изданий. Прошлым летом, 25 июля, ушел из жизни Николай Всеволодович Котрелёв (1941–2021), многолетний сотрудник ИМЛИ РАН, один из руководителей «Литературного наследства». При всем энциклопедизме и многообразии интересов Николая Всеволодовича Вяч. Иванов на протяжении полувека оставался в центре его научных занятий; как никто иной, Н.В. Котрелёв много сделал для формирования современного академического иванововедения.

В подготовке данного раздела приняли живое участие Е.А. Тахо-Годи, Е.В. Глухова, Г.В. Обатнин.

Продолжение материалов данной рубрики — в следующем номере «Литературного факта».

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-225-251

К истории убийства: из комментария на «Автобиографическое письмо»

© 2021, Н.В. Котрелёв

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Подготовка текста и комментарии © 2021 Г.В. Обатнина
Приложения. Материалы из архива Литературного фонда. Подготовка текста и комментарии © 2021 К.А. Кумпан

Аннотация: Публикуется доклад Н.В. Котрелева 2016 г., посвященный новым материалам, раскрывающим жизненную ситуацию первой жены Вяч. Иванова, Дарьи Михайловны, и их дочери Александры спустя годы после церковного расторжения их брака в 1896 г. У дочери с годами развивалось психическое заболевание, и Вяч. Иванов, тяжело переживая описания течения болезни, обвинял себя в «убийстве» дочери. Пытаясь помочь потерявшей доходы первой жене, Вяч. Иванов обратился за субсидией и организационной поддержкой в «Литературный фонд», в письме на имя председателя которого Ф.Д. Батюшкова подробно изложил трагическое положение дел. Приводимые в приложениях к тексту доклада материалы из архива «Литературного фонда» (РО ИРЛИ РАН) документируют историю помощи находившейся в лечебнице дочери Вяч. Иванова.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, биография писателя, «Литературный фонд», архивные материалы, литературный быт.

Информация об авторах: Геннадий Владимирович Обатнин — PhD, доцент Отделения языков Гуманитарного факультета Хельсинкского университета, P.O. Box 24 00014, Финляндия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9216-8684 E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi

Ксения Андреевна Кумпан — младший научный сотрудник Группы по изданию сочинений В.И. Иванова при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kumpan1947@gmail.com

Для цитирования: *Котрелев Н.В.* К истории убийства: из комментария на «Автобиографическое письмо». Подготовка текста и комментарии Г.В. Обатнина. Приложения. Материалы из архива Литературного фонда. Подготовка текста и комментарии К.А. Кумпан // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 225–251. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-225-251

Доклад, расшифровка которого предлагается здесь вниманию читателей, прозвучал 7 апреля 2016 г. на конференции «Музыка — философия — культура: “Родное и вселенское: К 150-летию Вячеслава Иванова”» в библиотеке «Дом А.Ф. Лосева». Уже тогда он чрезвычайно заинтересовал не только выбором свежего сюжета — это было неизменным свойством всякого доклада Николая Всеволодовича — но и бескомпромиссностью оценок, своей собственной работы в том числе. Она среди прочего отразилась в первой части заглавия, хотя стоит помнить, что свой развод с первой женой сам Иванов в «Разговорах» с М.С. Альтманом (которые, напомним, впервые также были опубликованы докладчиком) назвал именно убийством, так как ее жизнь, по его словам, впоследствии оказалась разбитой.

Рассказ ученого был ограничен временными рамками жанра, поэтому за его пределами осталась бо̀льшая часть процитированного в конце доклада письма Вяч. Иванова к Ф.Д. Батюшкову, которую мы позволили себе через отчеркивание подверстать к докладу. Далее в приложении в форме монтажа представлены фрагменты документов Литфонда, которые дополняют и уточняют весь сюжет. Они, как и указанное письмо, были разысканы и подготовлены К.А. Кумпан по просьбе самого Николая Всеволодовича и находились в его распоряжении во время работы над докладом. В монтаж, в соответствии с хронологией, введены также два письма Батюшкова Иванову, которые дополняют сюжет доклада; они были подготовлены докладчиком и пересланы Ксении Андреевне для задуманной совместной публикации. Кроме того, М. Вахтель любезно поделился с нами копиями цитировавшихся писем Дмитревской, которые также были в свое время доставлены ему докладчиком. Наконец, остается добавить, что эта публикация вообще стала возможной благодаря помощи организатора конференции Е.А. Тахо-Годи, предоставившей аудиозапись доклада, при расшифровке которой в меру возможного были сохранены особенности устной формы.

В своем интервью внуку, данном для образовательного сайта «Арзамас», Николай Всеволодович сознался, что еще со школы любил декламацию; прослушать еще раз его выступление доставило истинное удовольствие.

Вообще говоря, уважаемые коллеги, можно было бы мое выступление свести к минутам трем-четырем, ибо смысл его — комментарий к двум комментариям. А читать все остальное — тем более, ну разве что «днесь главизна нашего спасения»[1]. Все остальное настолько мрачно и тяжело, что, может быть, лучше было бы, если бы эти письма не сохранились.

---

[1] Перифраз тропаря на праздник Благовещения: «Днесь спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовествует: тем же и мы с ним Богородице возопиим: радуйся Благодатная, Господь с Тобою».

Так вот первое примечание. Давно уже, в 1993 г., в «Ежегоднике Пушкинского Дома» Ольга Александровна Кузнецова напечатала письмо Вяч. Иванова к Венгерову, в котором пишется, в частности: «Только что выслал в Литературный фонд на Ваше имя двести рублей, каковые вместе с прежде высланными на имя Ф.Д. Батюшкова ста рублями составляют триста р<ублей>. Эти деньги, как Вы несомненно знаете от Ф.Д. Батюшкова, идут на погашение текущего долга моего перед Л<итературным> фондом, который великодушно заботится о живущей в Харькове моей дочери от первого брака, психически больной, и — я надеюсь — поддержит ее и мать, по мере нужды, и в будущем»[2]. Комментарий должен был бы быть, по крайней мере, внятным, не переходящим на «Федор Дмитриевич в это время председатель Литературного фонда, а Александра Вячеславовна Иванова, дочь от первого брака». По моим представлениям об обязанностях комментария, надо было сказать «мы не знаем», но это по умолчанию.

Второе примечание на примечание много горше для меня, потому что выставляет меня не просто умалчивающим, а фантазером. В публикации переписки Иванова с Горьким, где я комментировал также известный текст Горького о встрече с Вячеславом Ивановым, запись, опубликованную уже только в 50-х гг. В разговоре упоминалось, что Вячеславу очень понравился горьковский рассказ. И сейчас будет понятно, почему комментарий так начинается: «“Раннее слабоумие” — психиатрический термин, вошедший в научный обиход с середины XIX века. По каким-то соображениям тема заинтересовала Горького. <28 декабря 1925 года> он писал И.Б. Галанту, психиатру (который занимался среди прочего и психическими отклонениями своего корреспондента, толкуя их во фрейдистском ключе), отстаивая русские приоритеты в науке о поле и т. п.: «Вас не должно удивлять то, что я думаю <и> говорю об этих вопросах. Россия — больная душа, а я — бытописатель русский. Теперь позвольте спросить Вас: читали Вы мой рассказ “Голубая жизнь” в книге “рассказы 22–24 гг.” если читали,— скажите, похоже ли заболевание Миронова на Demenzia praecox? Вячеслав Иванов убеждал меня, что это весьма точная картина именно этой формы душевного заболевания, [но я не очень верю] <…> В ответном письме И.Б. Галант ивановского диагноза не поддержал «уже хотя бы потому, что

---

[2] Письмо от 26 мая 1916 г. (Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 98). Факт получения этих денег С.А. Венгеров огласил на заседании Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым 7 июня 1916 г. (см. приложение X)

она (болезнь. — *Н.К.*) — неизлечима, а в конце говорится о полном выздоровлении»[3]. И после этого я публикую, где был опубликован этот кусок переписки Горького, письмо редактора книги[4], который рассказал мне историю термина dementia praecox, шизофрении, и так далее, но я не имел права, вероятно, ни комментарий этот писать, ни текст комментировать вообще, поскольку в тот момент я еще не читал тех текстов, которые сейчас зачту вам. Думаю, что, вообще говоря, должен быть некий ареопаг, который должен разрешать публикации ученым как молодым, так и стареющим, чтобы не получалось тех ляпов или упущений, которые допустил Н.В. Котрелев.

Та страшная история, о которой я говорю, имеет перед своим апогеем вводную информацию. 10 ноября 1909 г. Дарья Михайловна Иванова, жена Вяч. Иванова, состоящая с ним в официальном, церковном разводе (в это время в России никакого гражданского развода не было, как не было и гражданского брака, и когда пишут, что Марья Федоровна Андреева — это гражданская жена Горького, как у Гоголя написано, «наплюйте им в глаза», она сожительница, потому что гражданского брака в России не было, гражданский брак — это брак, заключенный в мэрии, то есть в секулярном некотором ЗАГСе, а все остальное — прелюбодеяние, недаром в Америке Горького не поселили с Марьей Федоровной в одном номере. Горький был так оскорблен Америкой, Америка еще была приличной страной).

Дарья Михайловна пишет в ноябре, 10 ноября 1909 г.: «Дорогой Вячеслав!» — это письмо — чуть не первое после периода развода, Дарья Михайловна была очень гордая женщина и никаких отношений, в общем, не хотела[5]. «Так как ты не ответил на письмо Шуры, посланное в ответ на твою телеграмму, то я поручила Ир.<ине> Льв.<овне> О.<всянико>К.<уликовской> спросить у тебя, на что Шура может рассчитывать с твоей стороны, если попадет в Петер-

[3] Цитируется обширное примечание из своей работы: [4, с. 585].

[4] Под редактором имеется в виду А.Е. Барзах, который в своем дополнении высказывал предположение о глубоком знакомстве Иванова с психиатрической литературой [4, с. 586].

[5] В дневнике от 5 июня 1906 г. Иванов после получения письма от Д.М. Дмитревской оставил примечательную ввиду дальнейшего сюжета запись: «Письмо от Даши о планах устройства дочери на строительных курсах в Москве — длинное, рассчитано сухое, так неприятно напоминающее и стилем и почерком и умственными идиосинкразиями и аномалиями ее мать. Это семья безнадежно дегенерирующая. Опять в душе от харьковцев смута, какая-то тупая обида, недоуменная безвыходность, но при этом отсутствие волнения сердечного...» (*Иванов В.И.* Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 746, далее сноски на это издание даются с указанием номера тома и страницы).

бург[6]. Мы обе — она и я очень обрадовались, получив письмо И.Л. и узнав о твоем отношении к ней. Я считаю это ненормальным, чтобы дочь не видала так долго своего отца, и я много раз советовала ей поехать в Петербург, но у ней мало было энергии, чтобы предпринять эту поездку. Теперь она совершеннолетняя и не видала еще столицы, и ей, как человеку молодому, все интересно. Теперь идут лекции в университете, удобнее поехать в половине Декабря[7]. Кроме того, она служит ученицей на телеграфе, не знаю, на сколько времени удобно будет ей уехать. Относительно выбора занятий она самостоятельна. Остановится она, конечно, у тебя, но будет платить за себя свою часть, которая на нее пойдет в хозяйстве». Дарья Михайлова была очень пунктуальный и аккуратный человек. Когда она принесла стихи Вячеслава Иванова Соловьеву с просьбой почитать, она сказала, а я Вам отработаю время, которое Вы потратите на чтение, я долго жила за границей и знаю, как ценится время[8]. А тут вот и родному отцу не позволяет кормить дочь.

Тут возникает вечный вопрос о соотношении наших знаний с «Введением» в четырехтомник Ольги Александровны Шор. Она пишет где-то в комментариях, что дочь Саша оказалась неконтакт-

---

6 Дату этой беседы можно определить косвенным образом по письму И.Л. Овсянико-Куликовской к Иванову от 18 октября 1909 г. с информацией, что она имеет поручение от Д.М. Дмитревской и просьбой сообщить, когда она может застать Иванова дома. Во втором из сохранившихся ее писем, датированном декабрем того же года, она писала: «В ответ на мое письмо Дарья Михайловна выразила большое удовольствие, что Вы отнеслись так сердечно к Шуре. Вы, вероятно, уже знаете из писем Шуры, что она поступила на высшие курсы и собирается приехать повидаться с Вами на праздник» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 28. Л. 3, пользуюсь случаем выразить благодарность А.Л. Соболеву за предоставление этих материалов). Супруг Ирины Львовны, известный харьковский литературовед, в том же году, что и Ивановы, переехавший в Петербург, по крайней мере, один раз был на «башенной» среде 5 октября 1905 г. во время знакомства ее жителей с кружком «реалистов». В отчетном письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал его имя появляется в значимом контексте: «Наконец я спросила, можно ли мне говорить. И, получив разрешение, при гробовом молчании сказала медленно и очень отчетливо: «Я хотела возразить против мнения Дмитрия Николаевич<а> (Овсяник<о>-Кул<иковский>, очень меня не любящий за Дарью Михайловну, и очень глупый, позитивист à outrance)» [1, с. 134].

7 Очевидно, имеются в виду Харьковские Высшие женские курсы, официально открытые весной 1907 г., где А.В. Иванова училась на юридическом факультете.

8 Встрече Дмитревской с Соловьевым в начале лета 1895 г., в частности, была посвящена отдельная статья докладчика, где был помещен фрагмент из ее письма к Иванову с рассказом об этом событии: *Котрелев Н.В.* К истории «Кормчих звезд» // Русская мысль. 1989. №. 3793. 15 сентября. С. 11; кроме того, позднее им было опубликовано еще одно письмо Дмитревской, уже 1932 г., с воспоминаниями о том же посещении [3, с. 279–280]. Ученый также возвращался к этой теме в своих докладах (например, на конференции «Символ и миф у Вячеслава Иванова и Андрея Белого», Смоленск, 2018).

ной, вялой и так, как будто ее и нет[9]. Существенно важно, что к этой теме она больше толком не возвращается, то есть это говорит о том, что в том кругу, семейном кругу, в котором Ольга Александровна знала Вячеслава, тема, вероятно, была или табуирована, или подана смягчающим образом.

Интересно в этом письме, что пишет дальше Дарья Михайловна уже о себе: «Что касается до меня лично, то я никакого поручения Ир.<ине> Льв<овн>е не давала. Мне кажется, что жить так, как мы живем теперь, это самое лучшее для тебя, для меня и для Шуры. У ней есть отец и мать, где ей будет лучше, там она и будет жить. У меня нет ни малейшей злобы ни на тебя, ни на Лидию, я выше всего ценю теперь спокойствие и избегаю волнений. Жизнь свою я менять не желаю, даже на лучшее. Будь Шуре теперь 8 лет, может быть, и было бы лучше сделать перемену для нее, хотя я и с этим не согласна, но может быть, со стороны (Ир. Льв.) так кажется. А теперь зачем? Она выросла, у ней своя жизнь, свои будут встречи и своя судьба. Светлые воспоминания юности у нас пусть остаются и дальше, но к чему нам устраивать свидание, дергать нервы (я про себя говорю) и тратить время и деньги. Лучше ей иметь отца и мать здоровых, живущих врозь, чем мать нервнобольную, п. ч. я думаю, что свидание на меня плохо подействует» и т. д.[10]

Это — 1909 г., после этого, кажется, долгое время никаких писем от Дарьи Михайловны к Вячеславу Ивановичу нет, потому что она больше всего не хотела именно контакта, как сказано. Но 18 июня 1914 г. Вяч. Иванов получает еще одно письмо из Харькова:

---

[9] В предисловии О. Дешарт пребыванию Саши в Петербурге уделен целый абзац. Ее отсталость, вялость и равнодушие биограф объясняла перспективой будущей болезни: «Возможно, что недоразвитость Саши была симптомом наследственной в семье Дмитриевских шизофрении. Еще до Октябрьской революции Александра умерла от мозгового заболевания» (I, 177).

[10] НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 31. Л. 51–52. Добавим к этому, что отношения между отцом и дочерью возобновились после того, как она письмом от 29 августа сообщила о случившейся чуть ли не полгода тому назад смерти бабушки, о чем Иванов оставил запись в дневнике от 31 августа 1909, а на следующий день даже размышлял о возможной поездке в Харьков (II, 797–798, само письмо см.: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 18. Л. 55). Но все закончилось приездом А.В. Ивановой на «башню», где она жила по крайней мере с конца декабря 1909 г., возможно, проведя с отцом Рождество (ср. выше в письме И.Л. Овсянико-Куликовской упоминание праздника, а также информацию о ее приезде в письме М.В. Сабашниковой к А.М. Петровой от 24 декабря, см.: [6, с. 238], по середину января 1910 г. (см. запись в дневнике Кузмина от 31 декабря и комментарий к ней: [5, с. 198, 661].

Вячеслав,

Нас с тобою постигло большое горе: Шура психически заболела и 6ро докторов говорят в один голос, что ее необходимо поместить в лечебницу и чем скорее, тем лучше, п. ч. ухудшение в ее болезни замечается с каждым днем все явнее. Но я не решаюсь сделать это, не спросив тебя, не спросив на это твоего согласия.

Напишу о ней более подробно: по окончании гимназии она категорически отказалась быть учительницей и желала иметь конторскую работу, но куда я ее ни помещала, она очень скоро бросала занятия, п. ч. не могла работать, это я поняла постепенно. В последний раз она служила 4 ½ месяца в угольном комитете, сама ушла в ноябре прошлого года и с тех пор она ничего не делала. У ней проявились странности, желание уединения, но все это постепенно и поэтому для меня незаметно. В прошлом году она имела сильную инфлуэнцу, но выходила ежедневно, и на одно ухо стала хуже слышать. В этом году 28 января я пригласила *доктора Давиденкова.* Он приват-доцент Харьк.<овского> универс.<итета> и директор нервной клиники при харьк.<овском> женском медиц.<инском> институте. Он пришел к нам неожиданно для нее, поэтому она не ушла, а из вежливости говорила с ним, он ее выслушал и спросил, не было ли у ней какой-нибудь болезни легких. Я потом была у него, и он сказал мне, что у ней с самого рождения «конституциональная аномалия психики», что она никогда не будет способна нигде служить и что будет такая всю жизнь, как и теперь, что он советует написать тебе, чтобы ты присылал мне денег на то, чтобы около нее иметь особое лице или фельдшерицу, п. ч. такую больную лучше не оставлять одну. Я ему не поверила, п. ч. слишком привыкла к ее странностям. В конце Марта у ней была и в этом году инфлуэнца и она опять ежедневно выходила, и в Апреле и Мае ей стало много хуже, даже очевидно для меня. Я пошла к *д-ру Андресу,* у кот. здесь своя клиника по нервным болезням. Он сказал мне, что, судя по моему рассказу, она неизлечимо больная, в будущем ей будет все хуже, она измучает окружающих, болезнь у ней наследственная — она вырождение, болезнь эта начинается в 19 лет и прогрессирует, пока не дойдет до слабоумия, все равно рано или поздно, но она попадет на Сабурову дачу, лучше раньше ее туда поместить, пока она чего не натворила. Потом я пригласила к себе *д-ра Гаккебуша* — помощника главного врача при психиатрической клинике на Сабуровой даче, т.е. это ходячее название, но это больница Харьк.<овской> губернской земской управы[11]. Шура при

[11] Существует с 1812 г., когда генерал П.Ф. Сабуров, занимавший должность губернатора области, завещал свою усадьбу дому умалишенных и неизлечимо

> нем ушла, сказав, что она вполне здорова, но он внимательно смотрел на нее, видел, как она рассердилась, долго потом сидел и говорил со мной и с Марьей Ивановной Нечаевой[12], которую я просила приехать, чтобы помочь мне. Он сказал, что ее болезнь — Dementia praecox, т. е. раннее слабоумие, ее можно замедлить, но не излечить, ей в больнице будет лучше, чем дома, п. ч. ванны ее там успокоят, вообще больную нельзя оставлять без лечения, у нее могут быть буйные проявления, опасные для окружающих, пока она еще владеет собою, но это может скоро окончиться.

Дальше диагноз dementia praecox повторяется неоднократно, и вот почему я должен был это сказать в комментарии к разговорам с Горьким, но, увы, я этого тогда не читал. Важны не только многочисленные страшные описания болезни и условий содержания в больнице и так далее, это, может быть, лучше прочесть в одиночестве и не в библиотеке, но важны биографические обстоятельства. Во-первых, «Я тебе писала в Сент.<ябре> этой зимой на курсы Раева, но не получила ответа. Я в письме предлагала описать нашу жизнь с Шурой за все эти годы в Харькове. Относительно переписки дело обстоит так: Шура писала тебе много открыток и дамам» (то есть М.М. Замятниной и В.К. Шварсалон) «с яйцами к Пасхе поздравительных и не получила ни от кого ответа»[13]. Тогда она рассуждала так: «Вячеслав не ответил, ему некогда, он придает значение только свиданию и приглашал меня, когда я захочу, к нему поехать жить, а писать ему некогда. И на этой мысли она совершенно успокоилась». Дальше я буду читать куски: «В общем за 9 лет она служила месяцев 7-8 и то почти все даром, п. ч. в начале не плотят жалованья на многих службах». Далее очень интересный момент, связанные с ответом на вопрос, на что жил Вячеслав Иванов и как люди жили. «Моя жизнь стала вдвое тяжелее с 1905 года, т.е. с тех пор, как ты перестал

больных; ныне 15-я клиническая городская психиатрическая больница. Упоминаются известный невропатолог С.Н. Давиденков (1880–1961), который в дальнейшем занимал должность ректора Бакинского университета в годы, когда там начал работать Иванов, доктор Л.И. Андерс, имевший Лечебницу для нервных больных по адресу Чернышевская 17, и В.М. Гаккебуш (1881–1931).

[12] Двоюродная сестра Д.М. Дмитревской, письма от нее к Иванову и Л.В. Ивановой, в том числе от 3 августа 1933 г. с сообщением подробностей ее кончины, см.: РАИ. Оп. 5. Карт. 8. Папка 9 (http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-5/karton-08/p09/op5-k08-p09-f01.jpg).

[13] В архиве Иванова сохранились три таких письма (еще сводной сестре), имеющие одну и ту же дату 18 апреля 1910 г. (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 20–22), ею же отмечена поздравительная открытка отцу: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 18. Л. 63 (добавим, что еще одну она послала через год, 10 апреля 1911, справкой об этом материале мы также обязаны А.Л. Соболеву).

присылать помощь на Шуру. На присылаемые тобою деньги я жила спокойно летом и отдыхала. А с 1905 г. стала по летам мучиться душою. Хотелось сохранить то немногое, что осталось, себе и Шуре, а приходилось ежегодно проживать из капитала и уменьшать %% в будущем». То есть у Дарьи Михайловны был по наследству от родителей небольшой капитал (может быть, хватит времени для уяснения этого), и она округляла не столько процентами свою нищенскую заработную плату, поскольку в секулярном обществе жена должна себя содержать, и мы сейчас услышим, как она себя содержала, но и она должна была часть ренты постоянно продавать. «Я служу уже 13 лет в гимназии и, не имея высшего диплома, получаю по 30 р. за годовой урок. За 17 ур.<оков> в неделю я получаю 510 р. в год». Александр Львович говорил, когда Вячеслав Иванов уехал из Петербурга, с «башни», он ее сдавал за сто рублей в месяц[14], а тут 510 рублей в год, «из них 10 р. идут на пенсию», то есть пенсионный взнос. «В гимн.<азии> бываю от 9 до 12. От 3½ до 8 или 9 я хожу по домам и даю частные уроки, п. ч. Шура не выносит музыки дома. Плата тоже небольшая. Заработать на 2х почти невозможно. В гимн<азии> летом не платят. В июне и июле я ничего не получаю, а в августе и Сент.<ябре> получаю по 50 р. только из гимназии. Частн.<ые> ур.<оки> муз.<ыки> кончаются в мае и начинаются в Сентябре. Летом живу на %%, но их не хватает, закладываю что можно, а в конце концов ежегодно приходится продавать из капитала, п. ч. неоткуда взять. Я иногда думала летом брать место гувернантки, но нельзя было Шуру, да и маму оставить одну, да и страшно лето не отдохнуть, вдруг сил не хватит потом на зиму, да и гуверн.<анткой> я никогда не была. Такой порядок вещей тянулся, кажется, 9 посл.<едних> лет. Конечно, Шура не помогала мне, в этом главная причина моего банкротства. Леля после мамы ничего не взял, но помогать мне не может» (Леля — это тот самый Алексей Дмитревский, ближайший друг Вячеслава Иванов, от дружбы с которым и получился брак с Дарьей Михайловной) «он получает 100 р. в месяц и все уходит на жизнь и лечение», он же туберкулезный, страдает и живет в Крыму, именно потому что климатические условия московской жизни ему оказались невозможны, и вся ученая карьера рухнула; «теперь он пишет, что у него начинается артериосклероз и едет куда-то лечиться. Работает зиму с утра до ночи и сильно устает. Он служит в Симферо-

[14] Докладчик ссылается на прозвучавший в той же секции доклад А.Л. Соболева «“Зубовская обитель”: к описанию московских адресов Вячеслава Иванова», где в цитате из письма М.М. Замятниной к Л.А. Недоброво упоминалась сумма, которую Ивановы платили за «башню» (115 руб. в месяц). Доклад вырос в статью, упомянутое письмо см.: [2, с. 314].

поле помощником секретаря городской управы. <…> Болезнь Шуры состоит в галлюцинациях зрения, она видит лица, которых нет, в галлюцинациях слуха, — она слышит голос дворника день и ночь, когда этого нет, в последнее время появляются бурные проявления гнева, пост.<оянно> разбивает посуду и ревнует живых лиц к лицам, кот.<орых> видит в галлюцинациях.

Москва — столица, может быть, там есть лучшие лечебницы» и, может быть, туда устроить Шуру и так далее. То есть уже в этом первом письме — катастрофа, однако в Москве решают проверить, и в Харьков отправляется Марья Михайловна Замятнина. Есть две ее открытки из этого путешествия, к Вере Константиновне: «Поздравляю Димушку, дорогого мальчика, крепко целую. Очень хотела бы сегодня же снарядить Вячеслава, да навряд ли он уедет» (Вячеслав еще коснеет в Москве, Марья Михайловна едет в поезде, чтобы его отправить в Петровское-на-Оке) «буду сегодня в пять часов в Москве. Шура едет с Дарьей Михайловной на дачу под Харьковом, к нам во всяком случае не приедет ни летом, ни зимой, а попозже, может быть, ее надо будет направить к Любе» (еще один психиатр) «подробно все расскажу, целую, Маруся». И вторая: «Пишу еще открытку, хоть одна из двух придет завтра, как поздравительная с Димушкой[15], вопрос о помещении Шуры уже отрицательно решен. Дарья Михайловна до моего приезда под влиянием совета нового доктора брать Шуру доктору ни в коем случае не советует».

Дальше начинается уже трудная вещь для любого рассказа. Батюшков пишет 19 января 1916 г., когда Саша (Шура) уже давно и безвыходно и навсегда в сумасшедшем доме, в жутких условиях[16]. Батюшков, Федор Дмитриевич, пишет:

---

[15] Замятнина волнуется, чтобы Д.В. Иванов без опоздания получил поздравления к своему дню рождения 17 июля.

[16] О развитии и состоянии болезни Саши известно из писем Дмитревской от 12 июля/6 сентября и 20 декабря 1915 (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 31), о которых докладчик за неимением времени не упоминает. Все они ждут своего часа, однако уже сейчас стоит сказать, что в каждом содержится просьба о денежной помощи любого объема, а также сетования на отсутствие ответных писем. Поэтому второе из ее писем (которое упоминается в ивановском ответе Батюшкову, см. далее) было послано в редакцию «Русской мысли», и в нем Дмитревская рассказывала об обстоятельствах помещения Саши в частную лечебницу Я.Я. Трутовского, причем прилагались квитанции об уплате. Здесь же обсуждалась возможность перевода ее в земскую, т.е. существенно более дешевую больницу (Сабурова дача), условия содержания в которой, в том числе питание, тогда ей показались куда хуже. После смерти Трутовского (о чем Батюшков сообщал Иванову, см. приложение VII), заведовать лечебницей стал ее бывший директор доктор А.П. Раппепорт. С марта 1916 г. А.В. Иванова, получившая поддержку на недолгое пребывание в лечебнице Трутовского, была переведена на Сабурову дачу (см. приложение X).

«Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Позвольте надеяться, что Вы не откажете в Вашей санкции одному доброму делу, которое не может быть исполнено без Вашего ведома и согласия.

Дело в следующем: одно лицо, близкое Комитету Лит. Фонда и в то же время имеющее отношение к Харькову[17], внесло заявление в Комитет о том, что Ваша дочь от первого брака помещена в лечебницу, но ее мать не обладает достаточными средствами, чтобы платить за нее, поэтому желательна помощь Комитета Лит. Фонда, как дочери “видного писателя, мыслителя и ученого”»[18].

Начинается целая история, и если первые письма, так сказать, изданы, они доступны уже десятилетиями в РГБ, еще даже в ГБЛ[19], то это письмо, кажется, еще недоступно, поскольку из необработанного фонда. И начинается целая история с Литературным фондом, подробности очень четкие в протоколах: до 1905 года Вячеслав Иванов высылал на воспитание дочери рублей 300 в год, а с пятого года прекратил высылку, теперь его несчастной дочери 27 лет. Но наконец, и сам Вячеслав Иванов пишет Батюшкову, и это отложено в протоколах Литфонда[20]. Этим письмом я закончу, поскольку оно ставит очень сложные вопросы по поводу швейцарского капитала:

«Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Благодарю Вас за Ваше доброе письмо и прошу Вас передать мою глубочайшую благодарность комитету Лит.<ературного> Фонда за его великодушную готовность поспешить на помощь моей дочери и ее матери. Прежде чем ответить на Ваш запрос, позволю себе некоторые предварительные разъяснения». Почему так глубоко нужно подавать в публичном заявлении историю своих отношений, денежных, тоже довольно трудно понять. «Общее положение было

---

[17] Речь идет о Д.Н. Овсянико-Куликовском, письмо которого к Ф.Д. Батюшкову было оглашено на заседании Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым 18 января 1916 г. (см. приложение I).

[18] Цитата отсылает к пассажу из того же письма Д.Н. Овсянико-Куликовского, где Иванов назван: «знаменитым поэтом, мыслителем и ученым», который, имея третью семью, не может помочь больной дочери (см. приложение I).

[19] Девять писем Батюшкова к Иванову см.: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 13. Фонд Иванова в РГБ разбирался в том числе Ю.П. Благоволиной (1928–2005), и Н.В. имел доступ к его документам еще до появления описи, о чем не раз публично упоминал.

[20] Это письмо Иванова датировано «24 января 1916 г.», с обратным адресом «Москва, Зубовский б.<ульвар> 25». Оно было приложено к протоколу заседания от 7 марта (приложение VI).

таково. Я женился в 1886 г. (двадцати лет от роду) на Дарии Михайловне Дмитревской. Дочь, Саша, родилась у нас в 1887 г. В 1896 г. мы были разведены. Я женился на Лидии Дмитриевне Зиновьевой (по первому ее браку — Шварсалон). Дочь моя от Л.Д., по имени Лидия, живет со мною. Материальное положение Дарии Михайловны во время развода казалось вполне обеспеченным. Мать ее, за все года нашего брачного сожительства, присылала ей деньги. Это были доходы с числившихся за нею 20.000 р.<ублей>(+ маленькое наследие в 2 или 3 тысячи). Из этого капитала было взято на семейные нужды за время нашего брака до 7 тысяч рублей». Независимо от собственных заработков и капиталов Вячеслава Ивановича. «У Д.М. есть брат (мой давний гимназический и университетский товарищ и близкий друг); он должен был, по словам их матери, получить такую же долю, как его сестра; равную же долю оставляла себе их мать» (то есть 60 тысяч). «Несомненно, впрочем, что она сильно преувеличивала семейный достаток Дмитревских» (Дарья Михайловна пишет Иванову, что Леля отказался от своей доли наследства в ее пользу). «Во всяком случае, им принадлежал дом в Москве на Остоженке, проданный еще до нашего развода — кажется, за 40 тысяч — дешевле, чем мать Д.М. первоначально рассчитывала. Сашу, нашу дочь, Д.М. хотела, по разводе удержать при себе и самолично ее воспитывать. В течение ряда лет мы с Лидией Дмитриевной посылали на воспитание Саши деньги, которые брались из содержания, получаемого Лидией Дм. от ее семьи. В 1907 г. семья Зиновьевых разорилась» (не в пятом!). «В том же году Лидия Дм. умерла. От семьи Зиновьевых дети Л.Д. от первого брака и наша дочь Лидия получают по сей день 50-рублевую месячную ренту каждый. Моя денежная помощь харьковцам прекратилась за совершенною невозможностью помогать им. Легче было держать Сашу при себе в своем доме, что было мне, само по себе, очень желанно, как и моей покойной жене; но все наши предложения отпустить Сашу к нам, хотя бы по достижению ею зрелого возраста, были отклонены. Однажды, впрочем, уже по смерти Л.Д., Саша короткое время гостила у меня в Петербурге. Это была единственная возможность ее увидеть; ибо за все время после развода Д.М. неуклонно выражала настойчивое желание не встречаться со мною, и Харьков стал для меня безусловно запретным. Мать Д.М. через несколько лет после развода умерла. Она любила детей своих всецело и нераздельно; брат Д.М., человек холостой и аскетического типа, также предан ей беззаветно. Полтора года тому назад было послано мною в Харьков лицо, близкое нашей семье (Марья Михайловна Замятнина), чтобы ознакомиться с положением

дел, в виду проявленных Сашею симптомов душевного заболевания. Общая характеристика материального положения матери и дочери, сделанная Марьею Михайловною (которую Д.М. вполне во все не посвятила), показалась мне скорее успокоительной — в том смысле, что о насущной крутой нужде речи не было; тяжело было лишь то, что Д.М., в качестве учительницы музыки, принуждена трудиться не покладая рук. Помощь с моей стороны была, без сомнения, крайне желательна, но средств на то у меня решительно не было. В настоящее время на мне 3000 р.<ублей> долга литературного (в форме авансов, забранных у издателей) и до 1000 р.<ублей> долга [частным] знакомым».

<Продолжение письма Батюшкову, опущенное в докладе>

«В последнем письме (от 20. XII.), пересланном, в виду сомнения в действительности моего постоянного москов.<ского> адреса через редакцию одного журнала и попавшем в мои руки лишь недели две тому назад, т.е. уже в январе[21], Д.М. подробно сообщает мне о болезни дочери, об устройстве ее в больницах и наконец пишет следующее: «Цель моей жизни было ее воспитание и образование. Теперь целью стало обеспечить ее материально настолько, чтобы ей не пришлось после моей смерти перейти в бесплатное отделение (теперь временно она будет там, где плохо). Для достижения этой цели Леля (брат Д.М.) хочет застраховать свою жизнь в пользу Саши, но он не может платить один за свою страховку, я буду платить по мере сил и хочу попросить Н*-ых[22] помогать нам. Напиши, будешь ли ты помогать платить страховку или откажешься». Письмо кончается словами: «Очень прошу прислать мне ответ поскорее. Если до 1 января я не получу известия, то я буду понимать это так: что ты отказываешься ей помогать». — При моей неосведомленности о реальном положении дел Д.М. (вообще очень запуганной жизнью с эпохи развода), я, признаюсь, не вычитал из приведенных слов [немедленного] призыва к немедленной помощи в крайней нужде, но тем не менее придал им надлежащее значение и уже собирался посылать в Харьков 100 р.<ублей>, мною добытых для этого, с обещанием возобновить посылку через некоторое время, — когда получил Ваше письмо, меня глубоко изумившее и огорчившее. Неожиданностью

[21] Имеется в виду «Русская мысль», см. примеч. 16.

[22] Возможно, имеются в виду Нечаевы, фамилию которых Иванов не хотел оглашать.

было для меня обращение через третье лицо от имени Дарьи Михайловны к Лит.<ературному> Фонду; неожиданностью и та крайняя нужда, которая несомненно продиктовала это решение. Простите длинное объяснение: оно казалось мне уместным, чтобы оправдать уродливость положения, ставящего Фонд перед проблемою сироты при живых родителях. Мое безучастие к судьбе моей дочери, которое является, очевидно, предпосылкою обращения к Фонду без моего ведома, мне кажется, не может, во всяком случае, быть признано безусловным, и степень относительности этой квалификации моих отношений к прежней моей семье мне важно подчеркнуть перед лицами, принимавшими участие в возбужденном деле.

Обдумав наиболее целесообразный образ действий, я счел себя, при данных сложных и деликатных условиях, прежде всего не в праве препятствовать отказом в своей санкции мерам, принимаемым Дарьей Михайловной для борьбы с крайнею, очевидно, нуждою, ибо я фактически не помогал ей и дочери за долгий ряд лет и даже не в достаточной мере об их положении осведомлен, а новою помощью замедлил и о самом решении своем на нее Дарью Михайловну еще не известил; с другой стороны помощь Л.<итературного> Фонда ей, должно быть, не представляется неудобной. Итак, я решаюсь, в виду великодушной готовности Фонда, предоставить ему оказание помощи Дарье Михайловне для ее и моей дочери, тем более что таковая может быть более обеспеченной, чем малая моя; те же деньги, которые бы я выслал Дарье Михайловне немедленно, направить в Фонд в качестве аванса по покрытию долженствующего обременить меня перед ним долга. Почему, многоуважаемый Федор Дмитриевич, позволю себе выслать на Ваше имя для передачи Фонду сто рублей, коими теперь располагаю для Харькова; это аванс по уплате долга за помощь моей больной дочери. Кроме того, присоединяюсь к ходатайству о воздействии со стороны Фонда в цели достижения льготных условий помещения моей дочери в больнице. Для полноты осведомительной части письма прибавлю, что надеюсь помочь маленькими взносами собиранию страховых денег, о которых пишет Дарья Михайловна.

Примите, многоуважаемый Федор Дмитриевич, выражения моего глубокого уважения в сердечной признательности.

Преданный Вам

Вячеслав Иванов[23].

---

[23] Черновик этого письма см.: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 5.

Приложения

I.
Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым[24]

18 января 1916 г.

№ 9

Председательствовал: Ф.Д. Батюшков.

Присутствовали: М.И. Ганфман[25], Р.В. Иванов-Разумник, Н.А. Котляревский, Л.Ф. Пантелеев, А.В. Пешехонов, П.Н. Сакулин, Ек.П. Султанова

Слушали:

……………………

5. Письмо Д.Н. Овсянико-Куликовского, за дочь от первого брака Вяч. Иванова, душевно-больную и без всяких средств.

Определили:

Утвердить

…………………

<5.> Поручить Ф.Д. Батюшкову снестись с Вяч. Ивановым[26], разрешив председателю в случае спешности выдать 150 руб.

……………………

<**Письмо Д.Н. Овсянико-Куликовского Ф.Д. Батюшкову**>

9 января 1916
Гончарная, 22

Дорогой Федор Дмитриевич!

Обращаюсь к Вам с просьбою — довести до сведения Комитета Лит. Фонда содержание сего письма.

Ко мне обратилась моя старинная знакомая, живущая в Харькове, Дарья Михайловна Дмитревская-Иванова, прося похлопотать в Л. Фонде и в Ак. Комиссии о том, чтобы ее дочь, заболевшую тяжелою формою псих. болезни (определяется — dementia praecox), поместили в лечебницу на льготных основаниях и, кроме того, назначили ей рассроченное пособие на уплату в лечебницу. Ее права несомненны, ибо она — первая и законнейшая жена знаменитого поэта, мыслителя и ученого Вячеслава Иванова. Больная (Александра Вячеславовна Иванова) — законная дочь писателя, который,

[24] РО ИРЛИ. Ф. 155. Архив Литературного фонда (в обработке). В дальнейшем при цитировании документов из этой необработанной части архива мы не сочли нужным повторять ссылку на номер фонда.

[25] Ганфман Максим Ипполитович (1873–1934), журналист; после революции – главный редактор рижской газеты «Сегодня».

[26] См. письмо Ф.Д. Батюшкова Вяч. Иванову от 19 января 1916 г., приведенное в тексте доклада.

имея уже третью семью, не имеет возможности поддерживать первую и на просьбу жены ответил отказом, а на дальнейшие письма — молчанием. Супруги разошлись давно (кажется, в 1897 г.) — по вине «его», а не «ее». До 1905 г. Вяч. Иванов высылал на воспитание дочери рублей 300 в год, а с 1905-го прекратил высылку. Теперь его несчастной дочери 27 лет. Мать живет уроками, труженица, работающая не покладая рук, женщина добрая и достойная всякого уважения. Средств нет. Временно она поместила дочь в лечебницу д-ра Трутовского (в Харькове), где берут 150 руб. в месяц. Это ей не по средствам. Она просит помочь ей поместить больную в более дешевую лечебницу (в Петрограде или в Москве[)], или в другом городе), и [помочь] назначить пособие, хотя бы напр. 50 руб. в месяц, если нельзя больше.

Полагаю, что Комитет Л.Ф., как и Постоянная Комм. (куда также обращаюсь) найдет нужным сперва снестись с Вяч. Ивановым; но предвижу, что сей путь к цели не приведет (тут взятки гладки).

Не откажите дать делу надлежащий ход. Случай — трагический, положение безвыходное… Не откажите!

Ваш Д. Овсянико-Куликовский.

P.S. Д.М. Дмитревская-Иванова пришлет прошение, а пока — доложите Комитету мое письмо…

P.P.S. Вчера я Вам звонил, мне ответили, что Вы нездоровы и лежите. Надеюсь, ничего серьезного? От души желаю скорого выздоровления.

II.
<Обращение Д.М. Дмитревской>

В Комитет Литературного Фонда

Несчастье, меня постигшее, заставляет меня обратиться к Комитету Литературного Фонда с просьбою оказать мне возможную помощь, на которую я имею право рассчитывать — как жена весьма известного писателя, Вячеслава Ивановича Иванова. От него я имею дочь, которой теперь 28 лет. Она заболела тяжелой формой душевной болезни, которая требует помещения больной в лечебницу или санаторий. Дома держать ее нельзя. Средств для уплаты в лечебницу или санаторий у меня нет. Я живу уроками — в обрез. От мужа, с которым мы давно разошлись, помощи не жду. По крайней мере, на мою недавнюю просьбу он ответил отказом, и сколько я знаю, он в самом деле не имеет возможности помочь мне. Сейчас моя дочь находится в лечебнице доктора Трутовского, куда я плачу 150 руб. в месяц — из последних средств. Я обращаюсь в Литературный Фонд с усердною просьбою — устроить мою несчастную дочь в каком-либо более дешевом заведении для душевнобольных (напр. в Петрограде или в Москве) и назначить рассроченное пособие для уплаты за ее содержание

и лечение. Прилагаю медицинское свидетельство, выданное из лечебницы д-ра Трутовского.

Дарья Михайловна Дмитревская-Иванова.
1916 года, января 16го дня
Харьков. Госпитальская ул. 20, к. 6.

III.
Архив Постоянной Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук. Протоколы совещаний Постоянной комиссии[27]

Протокол Совещания № 2
27 января 1916 г.

Присутствовали:
Председатель Комиссии: Н.А. Котляревский
Члены Комиссии, Академики: В.М. Истрин, Д.Н. Овсянико-Куликовский
Литераторы: А.А. Измайлов

Слушали:
Следующие лица просят о единовременном пособии:
……..
4. Дмитревская-Иванова, жена Вячеслава Иванова просит о единовременном пособии.
Постановили:
Отложить рассмотрение до наведения справок в Лит. Фонде.

IV.
Архив Постоянной Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук. Журнал входящих бумаг 1914–1918 гг.[28]

1 февраля 1916 год

№	откуда прислана	содержание бумаги	день получения
……..			
21.	Иванова	Прош<ение>. о ед<иновременном> пособ<ии>	27 янв.

V.
Письмо Ф. Д. Батюшкова к Вяч. И. Иванову[29]

10 февраля 1916 г. Петербург.

---

[27] РО ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 25.
[28] Там же. Л. 26.
[29] НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 13. Л. 17–18.

10/II 16
Рыночная 4.

Многоуважаемый
Вячеслав Иванович,

Простите, что промедлил Вас уведомить о постановлении Комитета Лит. Фонда: в Харьков выслано 200 р.<ублей>, т. к. Вы пишете, что от себя посылаете 100 р.<ублей>, что и составляет 300 р.<ублей>. Вместе с тем возбуждено ходатайство о льготных условиях платы в Лечебницу. Если не удастся достичь понижения платы, то Комитет обратится в другую лечебницу. Я теперь вышел, отбыв свой срок, из состава Комитета, и новым председателем избран С.А. Венгеров, с которым Вам и придется сноситься в дальнейшем. Содержание Вашего письма сообщено Комитету и приложено к делам.

Искренно уважающий Вас
Ф. Батюшков.

VI.
Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым

7-го марта 1916 г.
№ 15

Председательствовал: С.А. Венгеров.

Присутствовали: А.А. Жижиленко[30], Р.В. Иванов, Н.И. Кареев, Л.Ф. Пантелеев, А.А. Корнилов, А.М. Редько, П.Н. Сакулин, Ек.П. Султанова, Н.С. Русанов[31]

Слушали:

………..

37. Письмо д-ра Рапопорта <так!>, главн. врача лечебницы в Харькове, где находится дочь Вячеслава Иванова. Крайняя плата за больную может быть назначена в 110 руб.

От Вячеслава Иванова получено 100 руб.

Определили:

………..

Написать В. Иванову, что 100 руб. от него получены в счет пересланных в Харьков 200 руб.[32]

---

[30] Жижиленко Александр Александрович (1873 – после 1930), юрист, ученый-правовед.

[31] Русанов Николай Сергеевич (1859–1939), критик, публицист, политический деятель (сначала народник, потом — эсер).

[32] См. в приложении VII письмо Ф.Д. Батюшкова Иванову с оповещением о получении денег.

Кроме того Комитет ассигновал на дальнейшее лечение его дочери еще 300 руб. на 3 мес. По 100 р. в месяц с 1 марта[33]

Ордер на 300 руб. № 268

<Письмо А.П. Раппепорта к М.Я. Данилевскому>

<На бланке: «Лечебница учрежд. Доктором Медицины Приват-Доцентом Я.Я. Трутовским»[34]>. Машинопись,

23 февраля 1916 г.

Его Высокородию

Доктору Михаилу Яковлевичу Данилевскому

Глубокоуважаемый

Михаил Яковлевич!

Имею честь Вам сообщить, что лечебница, к сожалению, решительно лишена возможности освободить больную Иванову, Александру Вячеславовну, от платы за лечение, но в виду Вашего ходатайства Лечебница все-таки готова пойти в этом отношении навстречу и согласна понизить плату за лечение до крайнего возможного минимума, а именно до 110 р. в месяц. Такое положение, полагаю, может доставить некоторое облегчение матери больной, которая в наступившем новом месяце (с 1 февраля) до сих пор не внесла платы за лечение. Больная Иванова страдает истерическим психозом, по своему болезненному состоянию совершенно антисоциальна и крайне нуждается в систематическом специальном лечении и пребывании в закрытом лечебном заведении не менее полугода.

Благоволите принять уверение в совершеннейшем уважении.

Директор Лечебницы

Доктор Раппепорт.

1916 февраля 22 дня

Приложение: письмо Е.П. Султановой к Е.В. Пономаревой [35]

---

[33] с 1 марта — *вписано карандашом.*

[34] Официально клиника называлась: Лечебница для нервных и душевнобольных и располагалась по адресу: Харьков, Черноглазовская ул., 7.

[35] Помета, сделанная на письме М.Я. Данилевского к Е.В. Пономаревой (см. ниже), означает, что письмо к Пономаревой было переслано члену Комитета Общества — Е.П. Леткиной-Султановой. Елена Васильевна Пономарева, харьковская общественная деятельница, устроитель народных домов, досуга горожан, попечительства для бедных, участница женского движения. По просьбе своей знакомой Е.П. Летковой-Султановой обратилась к знакомому доктору М.Я. Данилевскому, который прислал ей следующее письмо. Сам М.Я. Данилевский принадлежал к знаменитой семье харьковского фотографа Я.П. Данилевского, его братьями были: академик-физиолог — В.Я. Данилевский, академик-биолог — А.Я. Данилевский и профессор-медик — К.Я. Данилевский.

<Письмо М.Я. Данилевского Е.В. Пономаревой>

Глубокоуважаемая

Елена Васильевна!

Спешу ответить на полученное вчера Ваше заказное письмо.

Вот что я могу передать из переговоров с содержателем лечебницы «имени Д-ра Трутовского» (он умер) А.П. Раппепортом, сказавшем, что никаким образом меньше Ста рублей брать не может в месяц от больной дочери Вячеслава Иванова. Теперь она должна платит 150 руб., следовательно, может сделать уступку самое большее в 50 руб. в мес. В виду того, что она хронически затяжно больная, должна быть выработана возможность о помещении ее не в частной лечебнице, где с малыми деньгами трудно, если не невозможно, устроиться, а в каком-либо казенном земском или общественном патронате. У нас на Сабуровой даче в пансионате была плата 80 руб. в месяц. Теперь же и там стала выше; а в общем земском отделении при тяжелых условиях пребывания помещают только урожденных Харьковской Губернии, при небольшой, правда, месячной плате. О том же, чтобы «даром» где-либо устроить больную и мечтать нельзя. Самое лучшее, если бы настоятельно обратились в «Литературный Фонд» или за длительной материальной помощью или за действительным участием в помещении ее в Петрограде в каком-либо учреждении, куда перевести больную, по словам Д-ра Раппепорта, можно вполне безопасно.

Желаю Вам всего хорошего и в ожидании скоро увидеть здесь и переговорить о «Досуге»[36].

Остаюсь преданный

М. Данилевский.

VII.
Письмо Ф. Д. Батюшкова Вяч. Иванову[37]

7 марта 1916 г. Петербург.

7/III 16

Рыночная 4.

Многоуважаемый

Вячеслав Иванович,

Пересланные Вами сто рубл.<ей> я передал новому казначею Лит. Фонда Русанову (со 2 февр. — новый состав Комитета, председателем которого теперь состоит С. А. Венгеров). В результате переписки с Лечебницей для нервных больных в Харькове выяснились следующие обстоятельства:

---

[36] Имеется в виду харьковский кружок «Просветительский досуг», созданный товариществом «В.Г. Пономарева и П.П. Рыжова» в 1909 г и просуществовавший до Первой мировой войны. Его опубликованные уставы и отчеты см. в фонде РНБ.

[37] НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 13. Л. 19–20.

прежний директор Лечебницы Трутовский умер.[38] Фирма осталась, но теперь другой доктор во главе — Раппопорт<так!>, который ответил, что он согласен предоставить дочери литератора некоторые льготы, скинув треть платы. Значит, надо платить по 100 р. в месяц. Д-р Раппопорт<так!> считает необходимым пребывание пациента в лечебнице, в виду характера ее недуга, который, однако, может быть излечим. Я уверен, что Комитет возобновит пособие, но нужно будет об этом напомнить Венгерову. Жаль, что Вам не удалось приехать на вечер Английского флага: хотя В.Г. Каратыгин добросовестно прочел Ваш доклад, но все-таки это не равносильно личному выступлению[39].

Искренно уважающий Вас

Ф. Батюшков.

VIII.

Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым

13 марта 1917 г.

№ 11

Председательствовал: С.А. Венгеров.

Присутствовали: М.И. Ганфман, Н.И. Кареев, Н.А. Котляревский, В.Д. Набоков, Ф.Д. Батюшков

Слушали

……………………

21. Сообщение С.А. Венгерова о том, что В.И. Иванов предполагает уплатить свой долг Фонду из причитающегося ему гонорара за автобиографию (в «[Ист.] Русск. Литерат. XX века»); в связи с этим С.А. Венгеров предполагает до получения ответа от Вяч. Иванова выдать жене г. Ивановой Дмитровской <так!> 100 руб.

Определили:

……………………

Выдать 100 руб. одновременно сообщить об этой выдаче Вяч. Иванову. Ордер № 167.

---

[38] Судя по сведениям ГАКа РНБ, Я.Я. Трутовский умер двумя годами раньше, в 1914 г. (https://search.rsl.ru/ru/record/01003663586), но лечебница продолжала носить его имя. По-видимому, представители Литфонда просили М.Я. Данилевского связаться с Трутовским, но тот, указав в письме, что Трутовский умер, связался с Раппепортом (главой клиники) и переслал в Литфонд его письмо (см. предыдущее приложение VI).

[39] Имеется в виду заседание 29 февраля 1916 г., где был прочитан доклад, который лег в основу статьи «Байронизм как событие в жизни русского духа», вошедшей в сб. «Родное и вселенское» (1917).

IX.
Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым

4 апреля 1916 г.

№ 17

Председательствовал: Н.А. Котляревский

Присутствовали: М.И. Ганфман, Р.В. Иванов, Н.И. Кареев, В.Д. Набоков, А.М. Редько, Н.С. Русанов, Е.П. Султанова.

Слушали:

…………

45. Иванова-Дмитровская <так!> (жена Вяч. Иванова). Благодарность за посланные деньги с приложением квитанций.

Определили:

………….

Принять к сведению

<Письмо А.М. Дмитревской с квитанциями об оплате на бланке «Лечебница бывш. д-ра Я.Я. Трутовского, приват-доцента Харьковского Университета»>

В Комитет Литературного Фонда

Получив от Литературного Фонда на лечение дочери моей Александры Вячеславовны Ивановой 8 Февраля 1916 года — 200 руб. и 16 марта 1916 года — 100 руб., считаю долгом представить ему четыре квитанции лечебницы д-ра Трутовского на сумму 300 руб., уплаченные мною за ее лечение в течении 2-х месяцев.

Еще раз благодарю за помощь, как оказанную раньше, так и за назначенную вновь в сумме 300 руб., из которых 100 руб. мною получены.

Харьков Госпитальная 20, кв. 6

26 марта 1916 г.

Квитанция № 181

Получено от г-жи Ивановой

за содержание в лечебнице больной А.В. Ивановой

сто рублей

25 февраля 1914 года

Квитанция № 139

То же, что выше

по 1 марта 1914 года
Пятьдесят рублей
29 <sic!> февраля 1914 года
1914 г. — не високосный.

Квитанция № 134
Тоже
Сто рублей
8 февраля 1914 года

Квитанция № 83
То же
От 1-го января 1914 года
Пятьдесят рублей
14 января 1914 года

X.
Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым

7-го июня 1916 г.
№ 22

Председательствовал: С.А. Венгеров.

Присутствовали: А.А. Жижиленко, В.Д. Набоков, Н.С. Русанов, [Е.П. Султанова], Н.А. Котляревский

Слушали:

………..

8. Иванова-Дмитровская <так!>. Сообщает, что дочь теперь находится в пансионате на Сабуровой даче за уменьшенную плату (в 40 руб.). И благодарит Фонд за помощь и сочувствие.

Вячеслав Иванов прислал 200 р. в счет его долга за содержание дочери (500 руб.).

<Письмо А.М. Дмитревской >

В Комитет
Литературного Фонда

Очень благодарю Комитет Литературного Фонда за присланные мне в начале Мая месяца 100 р., которые я получила.

Моя больная дочь, Александра Вячеславовна Иванова перевезена в начале Марта месяца из лечебницы Трутовского (где она пробыла 3 месяца — с 1 Дек. 1915 по 1 Марта 1916 г.) в пансионат при Харьковской Губернской больнице на Сабуровой даче, где к этому времени освободилось место.

В этом пансионате одинаково хорошо, если не лучше, чем в лечебнице Трутовского.

Как живущая боле 10 лет в Харькове, она пользуется правом на уменьшенную наполовину плату — вместо 80 руб.<лей> надо платить 40 рубл.<ей> Эти деньги берут за содержание и лечение, но все остальное должно быть свое.

Посылаю квитанции за 3 месяца.

Еще раз приношу мою искреннюю и глубокую благодарность Комитету Литературного Фонда за огромную помощь — в 500 рубл., полученную мною в такое тяжелое для меня время, помощь, о которой я никогда не забуду.

Д. Дмитревская-Иванова.

Госпитальная 20, кв. 6 Харьков, 30 мая 1916 года,

Конверт с адресом: Харьков, Госпитальная ул. № 20, кв. 6
Дарии Михайловны Ивановой

Печать: № 345 Конторы Хар. Богоугодного заведения

Вложены три квитанции на бланке Харьковской Губернской Земской Больницы

Все три на поступившие от Д.М. Ивановой 40 руб.

За подписью и. д. старшего врача и бухгалтера

1. Деньги получены 31 марта 1916 по ордеру 253
За лечение в пансионате Александры Ивановой с 1 апреля по 1 мая
Печать: получено 31 март 1916

2. Деньги получены 13 мая 1916 по ордену № 344
За лечение в пансионате Александры Вячеславовны Ивановой с 1 мая по 1 июня с/г.
Печать: получено 13 май 1916

3. Деньги получены 27 мая 1916 по ордеру № 362
За лечение в пансионате Ивановой А.В. с 1 июня по 1 июля с/г.
Печать: получено 27 май 1916

Литература

1. *Богомолов Н.*А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2009. 288 с.

2. Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. III. 480 с.

3. История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгарда-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

4. *Котрелев Н.В*. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. Вып. 1. С. 562–609.

5. *Кузмин М*. Дневник 1908–1915 / предисл., подг. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Иван Лимбах, 2005. 864 с.

6. *Купченко В.П*. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002. 512 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

To the History of the Murder: from the Commentary on "Autobiographical Letter"

© 2021, N.V. Kotrelev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Text preparation and comments by © 2021 G.V. Obatnin
Applications. *Materials from the archive of the Literary Fund.*
Text preparation and comments by © 2021 K.A. Kumpan

Abstract: The article presents a transcription of N.V. Kotrelev's report read in 2016 and dedicated to archival materials revealing the fate of Vyach. Ivanov's first wife, Darya Mikhailovna, and their daughter Alexandra, years after the church dissolution of their marriage in 1896. Over the years, their daughter developed a mental illness. Ivanov was very distressed by descriptions of the course of the disease and accused himself of "murder" of his daughter. In an attempt to help his first wife, who lost her income, Vyach. Ivanov applied for a subsidy and organizational support to the "Literary Fund" and in a letter addressed to the chairman of the fund (F.D. Batyushkov) described in detail the tragic situation. The materials from the archives of the Literary Fund (Manuscript Department of IWL RAS), presented in the appendixes, demonstrate the history of assistance to the Vyach. Ivanov's daughter.

Keywords: Vyach. Ivanov, biography of the writer, "Literary Fund," archival materials, literary life.

Information about the authors: Gennady V. Obatnin — PhD, Associate Professor, Department of Languages, Faculty of Humanities, University of Helsinki, P.O. Box 24 00014, Finland. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9216-8684 E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi

Ksenia A. Kumpan — employee of the Group for the publication of works by V.I. Ivanov at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; Makarova emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: xkumpan@gmail.com

For citation: Kotrelev, N.V. “To the History of the Murder: from a Commentary on the ‘Autobiographical letter’.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 225–251. (in Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-225-251

References

1. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [*Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles*]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Publ., Intrada Publ., 2009. 288 p. (In Russ.)

2. *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov: Research and Materials*], issue III. Moscow, IWL RAS, Publ. 2018. 480 p. (In Russ.)

3. *Istoriia i poeziia. Perepiska I.M. Grevsa i Viach. Ivanova* [*History and Poetry. Correspondence between I.M. Grevs and Vyach. Ivanov*], publ., research and comm. by G.M. Bongard-Levin, N.V. Kotrelev, E.V. Liapustina. Moscow, ROSSPEN, Publ. 2006. 448 p. (In Russ.)

4. Kotrelev, N.V. “Iz perepiski Viach. Ivanova s Maksimom Gor'kim” [“From the Correspondence between Vyach. Ivanov with Maxim Gorky”]. Lappo-Danilevskii, K.Iu., and A.B. Shishkin, editors. *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov: Research and Materials*], issue 1. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 562–609. (In Russ.)

5. Kuzmin, M. *Dnevnik 1908–1915* [*Memoirs. 1908–1915*], foreword, text prep. and comm. by N.A. Bogomolova and S.V. Shumikhina. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005. 864 p. (In Russ.)

6. Kupchenko, V.P. *Trudy i dni Maksimiliana Voloshina. Letopis' zhizni i tvorchestva. 1877–1916* [*Works and Days of Maximilian Voloshin. Chronicle of Life and Works. 1877–1916*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002. 512 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.10.2021
Одобрена после рецензирования: 05.11.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 21.10.2021
Approved after reviewing: 05.11.2021
Date of publication: 25.12.2021

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья с публикацией
архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-252-271

Университетское дело Вячеслава Иванова как биографический источник

© 2021, А.Л. Соболев

Независимый исследователь, Москва, Россия

Аннотация: В статье приводятся документы студенческого дела Вячеслава Иванова из архива Московского университета, на историко-филологическом факультете которого Иванов обучался четыре семестра в 1884–1886 гг. (полный курс не окончил). Фрагментарно сохранились записи о работе студента Иванова в семинарах по древне-греческой и латинской словесности, о прослушанных им курсах историков В. Герье и В. Ключевского. Особое значение имеют приложенные к делу документы о детских и школьных годах Иванова, содержащие развернутую информацию и об отце будущего писателя (формулярный список И. Иванова 1871 г.). Это свидетельство о рождении и крещении В. Иванова, аттестат 1-й Московской гимназии с отличными оценками по всем предметам, воинское приписное свидетельство и др. В студенческое дело подшито также решение духовной консистории 1896 г. о расторжении первого брака В. Иванова с воспрещением ему вступать в новый брак.

Ключевые слова: биография писателя, Вячеслав Иванов, русская литература начала XX в., Московский университет, формулярный список, публикация архивных документов.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, г. Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com.

Для цитирования: *Соболев А.Л.* Университетское дело Вячеслава Иванова как биографический источник // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 252–271. https://doi. org/10.22455/2541-8297-2021-22-252-271

Студенческое дело Вячеслава Иванова, отложившееся в архиве МГУ[1], не принадлежит к числу вовсе неизвестных источников к его биографии: фрагменты его цитировались в работах Н.А. Богомолова

[1] ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 298. Ед. хр. 281. Далее документы из этого дела (подшитые в него в хаотическом порядке) приводятся без ссылок.

[1, с. 136–137] и коллективном труде Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева и Е.В. Ляпустиной [4, с. 308, 310 и др.]. Однако и остальные документы из этого дела, волею эдиционных случайностей остающиеся пока в тени, представляют значительную научную ценность, закрывая ряд существенных лакун в наших представлениях о начальных годах поэта.

Как известно, в превосходно сбереженном ивановском архиве практически нет ранних документов официального характера: за 1880-е гг. сохранился дневник, стихи, переписка — но за все годы учебы в биографическом плане представительствуют лишь несколько выписок и конспектов. Это же касается и семейных бумаг: в фонде Иванова в РГБ полностью отсутствуют какие бы то ни было документы, относящиеся к отцу поэта: лишь довольно значительный корпус писем матери, самое раннее из которых датировано 1885 г. Получается, что всеми сведениями, касающимися родителей, детства, гимназии и первых университетских лет Вяч. Иванова мы обязаны исключительно ему самому: из одного жизнеописательного очерка в другой кочуют данные, восходящие к знаменитому «Автобиографическому письму С.А. Венгерову», поэме «Младенчество» и составленному с его слов Ольгой Дешарт «Введению» к первому тому брюссельского собрания сочинений. Между тем, материалы, составляющие университетское дело, могут подтвердить, откорректировать, а кое-где и расцветить эти сведения, добавив к ним доселе скрытые подробности.

Благодаря сложившейся к концу XIX в. бюрократической практике, студенческое дело аккумулировало весьма значительный комплекс документов, прямо не относящихся к учебному процессу. Поскольку выпускники классических гимназий обладали правом поступать в университет без экзаменов, они обязаны были приложить к прошению гимназический аттестат зрелости. Из-за особенностей призывной военной службы университет требовал у абитуриентов сведений о воинской повинности. Аналогом современного свидетельства о рождении служил документ о крещении (где указывались не только имена родителей, но и восприемников при таинстве). Регулярно (но не всегда) в дело подшивалась копия формулярного списка отца (если он состоял на государственной службе). Там же обычно фиксировались и определенные этапы студенческой жизни имярека: в частности, сданные (или несданные) им зачеты, сведения об уплате за обучение (не всегда), а особенно тщательно — касающаяся его личности переписка с правоохранительными органами, традиционно не оставляющими студентов своим вниманием. Иные

из студенческих дел продолжали пополняться еще много лет после того, как их герой оставлял свой университетский статус: туда подшивались включенные в государственный документооборот бумаги, касающиеся данного лица.

Почти все эти виды документов представлены и в ивановском «досье». Наиболее хронологически ранний из них — копия формулярного списка отца поэта.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК О СЛУЖБЕ

Помощника Ревизора Московской Контрольной Палаты Титулярного Советника Ивана Иванова.

Составлен по 3-е февраля 1871 г.

Копия сия дана из Московской Контрольной Палаты, за надлежащим подписанием и приложением казенной печати, вдове бывшего Помощника Ревизора сей Палаты Титулярного Советника Ивана Тихонова Иванова, Александре Дмитриевне Ивановой, вследствие прошения ее, для представления в одну из московских гражданских гимназий. Мая 29 дня 1874 года.

На подлинной собственной рукою написано: Управляющий Палатою Б. <И.> Черкасов.

На подлинной печать Московской Контрольной Палаты.

На подлинной собственною рукою написано: Секретарь П. Владимирский.

По окончании в Константиновском Землемерном Училище курса наук, по произведенному экзамену, выпущен в Чертежную Межевой Канцелярии Землемерным Помощником тысяча восемьсот тридцатого года июля 1-го дня.

По Указу Правительствующего Сената от 7-го января 1835 г., по ходатайству Г. Главного Директора Межевого Корпуса Сенатора <И. У.> Пейкера, за отличное усердие при составлении атласа на Курскую губернию получил денежное награждение из суммы неполного комплекта межевых чинов 150 рублей ассигнациями.

Награжден чином Коллежского Регистратора, со старшинством с тысяча восемьсот тридцать шестого года апреля двадцать третьего.

По предписанию Г. Главного Директора Межевого Корпуса от 3-го сентября 1838 года № 451 произведен в Младшие Землемеры.

По предписанию Г. Главного Директора Межевого Корпуса от 12 января 1839 года № 18 за отличное усердие к службе, похвальное поведение и успешное исполнение возложенных на него обязан-

ностей награжден из суммы неполного комплекта межевых чинов 400 р. ассигнациями.

По вновь Высочайше утвержденному в 24 день июля 1842 г. штату переименован в землемеры 3-го разряда.

По Указу Правительствующего Сената от 20 апреля 1843 г. № 6071, произведен в Губернские Секретари со старшинством с… <так в оригинале>

По Указу Правительствующего Сената от 13 декабря 1846 г. № 22589 произведен в Коллежские Секретари со старшинством с… <так в оригинале>

Состоял под следствием в Межевой Канцелярии по делу о взятии денег 752 р. ассигнациями с крестьян Макарьевской волости Тверской губернии по бытности его Иванова в оной в 1845 и 1846 г. для межевания, но решением Межевой Канцелярии от суда оставлен свободным, каковая судимость хотя по решению оправдалась на основании 1422 т.3 т. Уст<ава> о служ<бе> должна быть показана в VII графе формулярного о службе Иванова списка.

Произведен в землемеры 2-го разряда.

Указом Правительствующего Сената от 4 февраля 1849 г. перемещен в Тульские губернские землемеры.

По отношению Главного Директора Межевого Корпуса на имя Начальника Тульской губернии от 24 мая 1850 г. за № 2128 за обревизование Тульской губернской чертежной и заботливость об устройстве вверенной ему чертежной, получил от Г. Главного Директора Межевого Корпуса письменную благодарность.

Высочайшим приказом 30 июля 1853 г. за № 147 уволен от службы по прошению.

Указом Правительствующего Сената от 17 июня 1864 г. за № 97 произведен в Титулярные Советники со старшинством.

Под судом был за допущенные по службе беспорядки по управлению вверенной ему части; по решению же Тульской Уголовной Палаты, последовавшему 24 мая 1854 г. и утвержденному Г. Начальником губернии, на основании 441 ст. подвергнут строгому выговору, без внесения оной судимости в штрафную графу.

Зачислен на действительную службу при Волынской губернской чертежной для производства работ по крестьянскому делу с назначением Участковым Землемером при Дубенском Мировом съезде.

От таковой должности уволен по прошению.

Журналом Управляющего Московскою Контрольною Палатою от 31 июля 1870 г. за № 40 определен Помощником Ревизора сей Палаты с производством содержания по 800 руб. в год.

Журналом Управляющего Московскою Контрольною Палатою от 3-го февраля 1871 г. № 6 от службы, согласно прошению, по болезни уволен.

Женат вторично на дочери Титулярного Советника Александре Преображенской; имеет детей — сыновей: Евгения, родившегося 18 сентября 1853 г., Анатолия — 1858 г. июля 6 и Вячеслава — 1866 г. февраля 16. Жена и дети вероисповедания православного, находятся при нем.

Этот официальный куррикулум добавляет довольно много к тем скудным сведениям об Иване Тихоновиче, которые мы имели до сих пор. Так, выясняется, что значительный перерыв между окончанием карьеры землемера и поступлением в Контрольную палату, по всей вероятности, был стимулирован судебным процессом, причем вторым в его служебной биографии. Заслуживают внимания и сведения о его детях от первого брака, сводных братьях Иванова.

В ивановской биографии они и их семьи не играли существенной роли, хотя не раз появлялись на дальних планах его существования[2]. Из «автобиографического письма» следует, что оба они обучались в Межевом институте, а во время русско-турецкой войны были артиллерийскими офицерами [2, с. 11, 13]. Евгений Иванович Иванов после Межевого института окончил 3-е военное Александровское училище, откуда был выпущен в 16-ю артиллерийскую бригаду. В 1874 г. был произведен в прапорщики, в 1877 в подпоручики, в том же году в поручики, с 1878 — штабс-капитан, с 1886 — капитан, с 1889 — подполковник, с 1898 — полковник. С 1883 по 1907 г. служил в Московском кадетском корпусе[3]. Сохранилось одно его письмо к матери[4] и несколько писем к самому Иванову, последнее из которых датировано 22 июля 1910 г.[5]

Согласно разысканиям Е.Е. Пажитнова[6], он был дважды женат[7]; вторым браком на Елене Дмитриевне (урожд. Шавровой). От первого

[2] Ср., например, в его письме к М.М. Замятниной от 5/18 апреля 1903 г.: «О моем брате и его семье ничего не пишу. Если увидите, сами знаете, что сказать ему и что потом мне» (РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 21 об.).

[3] http://regiment.ru/bio/I/7.htm

[4] РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 13.

[5] РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 12.

[6] https://proza.ru/2016/03/13/99

[7] В письме матери он сообщает: «25 августа в 8 часов утра дорогая моя подруга жизни покинула меня с детьми» (РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 13. Л. 1; архивисты датируют его августом 1886 г.); здесь речь идет о его первой жене, чье имя нам неизвестно.

брака у него были дочери Вера (1880 – ?) и Елена (1882 – ?); от второго — дочь Елизавета (1888 – ?) и сын Николай (1890 – ?)[8]. Двое из перечисленных лиц состояли с Ивановым и его семьей в переписке. Так, Елена Дмитриевна 29 октября 1909 г. писала ему:

> Вы конечно удивитесь, дорогой Вячеслав Иванович, получивши мое письмо, которое я посылаю через Колю, так как забыла Ваш адрес. Письмо мое будет с просьбой, в которой не откажите, если для Вас возможно это сделать, зная Вашу доброту, мы и решили Вас просить.
>
> Женя вышел в отставку и мы живем на частной квартире, чтобы прожить эти месяцы до выхода пенсии, товарищи Жени дали 300 руб., но с тем, что как выйдет пенсия, он возвратил бы одолженную сумму. Конечно нам тяжело не сдержать слово, но когда мы отдадим полученную сумму, самим жить будет нечем, а потому мы и решили просить Вас, дорогой Вячеслав Иванович, одолжить нам 200 р., которые мы будем Вам выплачивать с Августа месяца. Женя конечно Вам даст вексель, или расписку, если только Вы можете, дорогой Вячеслав Иванович, исполнить как мою, так и Жени просьбу, будем Вам очень благодарны. Женя конечно тоскует без дела, но служить в корпусе с таким грубым и неблагородным человеком как Лобачевский очень тяжело, от него все бегут, да и расчету нет, так <как> Женя все выслужил, а проект такой, чтобы пенсия при отставке уменьшилась и уже получена бумага, так что Женя вовремя ушел, а кто остался в корпусе дослуживать, теперь страшно переполошились и хотят теперь подавать в отставку. Как Вы и все ваши поживают, конечно от нас всем передайте приветы. Коляша в восторге от всей Вашей семьи, не знаю был ли он у Вас теперь, так как собирался непременно быть. Буду ждать Вашего ответа, дорогой Вячеслав Иванович, конечно на имя Жени. Адрес наш: Хапиловская улица, дом Кондратовой <Кондрашовой?> кв. № 7. Женя при отставке получил чин генерала. Женя, Лиля и я целуем вас и всех ваших.
>
> Любящая Вас Е. Иванова[9].

[8] Впоследствии — отец известной мхатовской актрисы К.Н. Головко.

[9] РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 46. Л. 1–2 об. Коля — сын, Н.Е. Иванов. Валериан Лукич Лобачевский (1859 – ?) — директор кадетского корпуса. Вероятно, ее же перу принадлежит письмо к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 5 апреля 1905 г., атрибутированное ее дочери: «Милая и дорогая Лидия Дмитриевна! Простите, что так долго не могла расплатиться с Вами. Посылаю Вам теперь часть моего долга, остальную часть пришлю в первых числах Мая. Еще раз очень прошу извинить меня. Я все время надеялась Вас видеть в Москве, но теперь эта надежда исчезла. Напишите кк думаете устроиться на эту зиму? Будете Вы в России или за границей? Сережа теперь вероятно много занимается, готовясь к экзаменам. Как здоровье Веры

Несколько разных просьб содержат и другие письма представителей этой ветви семьи: так, «Лена Иванова» (почти наверняка — дочь Евгения Ивановича) в письме с обращением «Дорогой дядя!» посылала Иванову в Париж подробные инструкции о закупке необходимых предметов туалета: «Купите мне, если можно, в Париже светлые башмаки со шнуровкой, на небольшом каблуке; и если можно, черное платье из легкой материи. Пусть оно будет из дешевой материи, только бы было изящно. Все равно платья долго не носят. Я вкладываю в письмо мерки. Если только можно, то сделайте это, буду Вам очень, очень благодарна. Если возможно, чтоб это стоило не дороже 60-70 франков. Извините, что беспокою Вас такими пустяками»[10]. Известны также ее письма к В.К. и С.К. Шварсалонам[11].

В 1909 г. Иванов и В.К. Шварсалон, будучи в Москве, навестили их семью:

> В день перед отъездом мы поехали в Лефортово. Вышло целое интересное путешествие ночью по снежным дорогам пригорода, где мы мучались и блуждали, пока не попали в настоящий военный город с массой военных зданий. В коридоре 3 кадет<ского> корпуса мы встретили Ев<гения> Ив<ановича>, который сразу узнал Вячеслава, очень обрадовался и обнял его. Это очень добрый старик с добрыми, ласковыми глазами. Там были его жена, Лиля и *Коля*, уже кончающий Пет<ербургское> училище юнкерское. Елена все еще в Стародубе. Мы провели очень милый и любопытный вечер среди молодых юнкеров и других военных[12].

В 1930-е гг. Елена Евгеньевна и Николай Евгеньевич работали учителями в 5-й политехнической школе Краснопресненского района Москвы, преподавая немецкий язык и математику: одной из их учениц запомнилась «прекрасная немка Елена Евгеньевна,

---

и кк идут ее занятия? Как жаль, что Вы с Вячеславом не заедете теперь в Москву. Я, как уже кажется Вам писала, очень занята. До 4-х часов занята в гимназии, а вечером имею еще несколько уроков.

Дома у нас все по-старому. Лиля готовится к экзаменам, Коля учит все вечера уроки.

Вытирание пыли и натирка полов процветают. Погода отвратительная: холодно и идет снег. Ходим все еще в шубах. Как поживает милая Мария Михайловна?

Целую всех Вас крепко, крепко и прошу не забывать меня.

Ел. Иванова» (РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 49. Л. 1–2).

[10] Письмо от 16 июня 1903 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 47. Л. 2.

[11] РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 50; РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 51.

[12] Цит. по: [5, с. 159]. Елена — вероятно, дочь от первого брака.

очень строгая, высокая, с величественной осанкой» и «ее родной брат Николай Евгеньевич с прозаической фамилией Иванов. Он же и завуч — лицо важное, но доступное» [6, с. 133, ср. с. 134–135].

17 июня 1924 г. Г.И. Чулков сообщал М.О. Гершензону: «Вы знаете, что у Вяч. Ив. умер брат? Я сегодня на дверях его комнаты прочел записку об этом»[13]. Вероятно, речь здесь шла о Евгении Ивановиче.

Гораздо меньше известно про другого брата — Анатолия Ивановича. Согласно разысканиям Е. Е. Пажитнова, у него было четверо детей, из которых известны по именам лишь Сергей Анатольевич и Владимир Анатольевич. Очевидно, перу первого из них принадлежит письмо, отложившееся в ивановском архиве:

> Дорогой дядя!
>
> Обращаюсь к Вам с просьбой, которую Вы, как любящий моего отца, надеюсь, исполните. Папа по смерти мамы и отъезда сестер, ввел в дом женщину с репутацией проститутки — официально в качестве экономки, неофициально — как любовницу и тратит на нее свои последние средства, требуя уважения к ней, как к жене. Положение создается тяжелое, т.к. настоящее не хорошо, а в будущем нищета и его полное одиночество, может быть сопряженное и с полным расстройством организма. К тому же эта особа, видимо, видала жизнь и не первый раз практикуется на этом поприще, т.к. она была по добытым у нее сведениям, и артисткой кафешантана, и чуть ли не «барышней» от Мюр и Мерелиза. В довершение всего она его спаивает и вводит в дом подозрительных личностей, как своих знакомых. Вы один можете воздействовать на него, т.к. я не имею влияния, и убедить его бросить ее, а если это невозможно для него в данный момент, взять его на свое попечение, как брат, и спасти его от будущего, если он забыл свое общественное положение и звание и компрометирует себя. Буду очень благодарен Вам и прошу посетить его лично, если можно вечером, часов в 7 ½, т.к. я в это время бываю дома.
>
> Уважающий Вас племянник
>
> Сергей Иванов.
>
> P.S. Адрес наш: Нововоротниковский пер. близ Пименовской ул. д. № 4 кв. 10[14].

[13] РГБ. Ф. 746. Карт. 43. Ед. хр. 40. Л. 6. Указано Г.В. Обатниным.

[14] РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 14. Л. 2–3.

Следующий документ студенческого дела — свидетельство о рождении и крещении самого поэта.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

По указу Его Императорского Величества, из Московской Духовной Консистории, вследствие прошения Титулярного Советника Ивана Тихоновича Иванова о даче ему метрического свидетельства о рождении сына его Вячеслава, дано сие в том, что в метрической книге Московской Георгиевской в Грузинах церкви тысяча восемьсот шестьдесят шестого года, в статье о родившихся № 7, писано: февраля шестнадцатого дня родился Вячеслав, крещен 1-го марта; родители его: отставной Титулярный Советник Иван Тихонович Иванов и законная жена его Александра Дмитриевна, оба православного вероисповедания; восприемниками были: отставной Поручик Аркадий Иванов Сатин и жена Штабс-Капитана Ивана Николаева Беляева Марья Тихонова; крестил протоиерей Николай Руднев с причтом. Августа 20 дня 1870 года.

На подлинном собственною рукою написано: Член Консистории Спасоналивский Протоиерей Иоанн Благовещенский. На подлинном собственною рукою написано: Секретарь В. Богородский. За столоначальника А. Соколов.

У сего свидетельства Московской Духовной Консистории печать.

Копия сия дана из Московской Контрольной Палаты за надлежащим подписанием и приложением казенной печати вдове бывшего Помощника Ревизора сей Палаты Титулярного Советника Ивана Тихонова Иванова Александре Дмитриевне Ивановой, вследствие прошения ее, для представления в одну из московских гражданских гимназий. Мая 29 дня 1874 года.

На подлинном собственною рукою написано: Управляющий Палатою Б. Черкасов.

На сей копии Московской Контрольной Палаты печать.

На подлинном собственною рукою написано: Секретарь П. Владимирский.

Церковь Георгия Победоносца в Грузинах сохранилась до наших дней, хотя и в перестроенном виде. Известна в общих чертах биография служившего в ней протоиерея Николая Андреевича Руднева (1811–1876)[15]. Крестные отец и мать Иванова больше, кажется, не появлялись в его биографии и о них самих мы ничего не знаем.

Документ этот был затребован А.Д. Ивановой «для представления в одну из московских гражданских гимназий», а точнее — в Первую классическую, куда Иванов был отдан в 1875 г. и где он проучился восемь лет. О духовной его эволюции, произошедшей в эти годы, подробно рассказано в «Автобиографическом письме», но сами фактические итоги гимназического курса оказались запечатлены в официальном документе.

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Дан сей Иванову Вячеславу, сыну Титулярного Советника, вероисповедания православного, родившемуся в г. Москве 1866 года февраля 16 дня, обучавшемуся с тысяча восемьсот семьдесят пятого года в Московской 1-й гимназии и пробывшему в 8 классе один год в том,

Во-первых, что, на основании наблюдений за все время обучения его в Московской 1-й Гимназии, поведение его вообще было *отличное*[16], исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ *примерная*, прилежание примерное и любознательность ко всем предметам преподавания *равномерная*, и во-вторых, что он обнаружил нижеследующие познания:

Наименование предметов Гимназического курса	Отметки, выставленные в Педагогическом Совете на основании §45 правил об испытаниях	Отметки на испытаниях, происходивших в мае 1884 г.
По Закону Божию	5 (пять)	5 (пять)
Русскому языку и словесности	5 (пять)	5 (пять)
Латинскому языку	5 (пять)	5 (пять)
Греческому языку	5 (пять)	5 (пять)
Математике	5 (пять)	5 (пять)

[15] Русский биографический словарь. Т. Романова — Рясовский. Пг., 1918. С. 425 (Б. М<одзалевск>ий).

[16] Здесь и далее выделенное курсивом в оригинале вписано другим почерком.

Физике и математической		
географии	5 (пять)	–
Истории	5 (пять)	5 (пять)
Географии	5 (пять)	–
Немецкому языку	5 (пять)	–
Французскому языку	5 (пять)	–

Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, Педагогический Совет постановил наградить его золотою медалью и выдать ему аттестат предоставляющий все права, обозначенные в §§ 129–132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 года устава Гимназий и прогимназий. Москва 1884 года мая 30 дня.

Директор Ив. Лебедев.

Инспектор Н. Викман

Законоучитель свящ. П. Миролюбов.

Преподаватели: А. Черняковский,

Ив. Семенович,

И. Гавелька,

А. Тверской,

В. Марконет,

П. Каленов,

Н. Вознесенский,

Ф. Коробкин,

К. Зоргенфрей,

Л. Давиньон.

Секретарь Совета П. Поляков

Прим. Цифра 5 означает познания и успехи отличные, 4 — хорошие, 3 — удовлетворительные.

Благодаря труду историографа, выпустившего в 1903 г. юбилейный том к столетию гимназии (где единственной строкой упомянут и наш герой: «Иванов Вячеслав (80–1884)»[17], мы можем назвать полное имя почти каждого из преподавателей, оставивших подпись под этим аттестатом. Директор Иван Дмитриевич Лебедев (1829–1887);

[17] *Гобза И.* Столетие Московской 1-й гимназии. 1804–1904. Краткий исторический очерк. М., 1903. С. 422. Первое число означает номер выпуска, второе — год окончания гимназии. Занятно, что в прилагаемый к очерку «перечень печатных трудов лиц, окончивших курс в Московской 1-й гимназии» труды Иванова не включены вовсе, хотя многие его современники, не исключая и младших, там упомянуты.

инспектор и преподаватель латинского языка Николай Федорович Викман (ум. 1902); законоучитель протоиерей Павел Львович Миролюбов (ум. 1884), магистр Московской духовной академии, бывший преподаватель Владимирской и Вифанской духовных семинарий; учитель математики Аким Васильевич Черняковский (Чарняковский); воспитатель пансиона Иван Григорьевич Семенович; преподаватель древних языков Иван Иванович Гавелька (бывший инспектор Орловской гимназии и директор прогимназии в Измаиле); учитель русского языка и словесности Александр Васильевич Тверской; преподаватель истории и географии Владимир Федорович Марконет, дальний родственник Соловьевых и Бекетовых, будущий знакомый Блока; преподаватель древних языков Петр Александрович Каленов (1839–1900); преподаватель математики и физики Федор Семенович Коробкин; преподаватель немецкого языка К. Зоргенфрей (в истории гимназии он упомянут без имени) и учитель французского языка Лев Францевич Давиньон. Расписавшийся под аттестатом Н. Вознесенский остался для нас загадочной фигурой.

За несколько месяцев до окончания гимназии Иванов, как и большинство его ровесников, был поставлен на учет военным ведомством.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРИПИСКЕ К 3 ПРИЗЫВНОМУ УЧАСТКУ

Сын Титулярного Советника Вячеслав Иванович Иванов, родившийся шестнадцатого февраля тысяча восемьсот шестьдесят шестого года, приписан по отбыванию воинской повинности к 3 призывному участку города Москвы.

Вероисповедания православного.

Обучается в 1-ой Московской Гимназии и состоит учеником 8-го класса.

Вышепоименованный Иванов, подлежащий исполнению воинской повинности в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году, обязуется доставить в Московское Городское по воинской повинности Присутствие не позже первого марта (1887 г.) сведение о семейном его составе, согласно Высочайшего повеления 23 июля 1874 года.

Выдано Московским Городским по Воинской Повинности Присутствием марта 29 дня 1884 года за № 262 двести шестьдесят вторым.

На подлинном собственною рукою написано:

Председатель М. Ушаков. Член Присутствия.

На подлинном печать Московского Городского по Воинской Повинности Присутствия.

И, наконец, все приведенные выше документы были представлены 12 июня 1884 г. в университетскую канцелярию:

Его Превосходительству Господину Ректору
Императорского Московского Университета

От сына Титулярного Советника, Вячеслава Ивановича Иванова

ПРОШЕНИЕ

Желая для продолжения образования поступить в Московский Университет, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня на первый курс Историко-филологического факультета, на основании прилагаемых при сем документов вместе с копиями с оных, как то: аттестата зрелости, метрического свидетельства о рождении и крещении, формулярного списка отца моего и свидетельства о приписке меня к призывному участку для исполнения воинской повинности. При сем, на основании § 100 Высочайше утвержденного Устава Императорских Российских Университетов, обязуюсь во все время пребывания моего в Университете, подчиняться правилам и постановлениям Университетским. Москва, июня 12 дня 1884 года.

Вячеслав Иванович Иванов.

Спустя неделю формальности были окончены: на заявлении появились лаконичная резолюция «зачислить» и дата «19 июня». Отсюда начался отсчет двух лет, проведенных Ивановым в Московском университете.

Правила университетского делопроизводства не предполагали обязательного присовокупления к студенческому делу сведений о текущих занятиях, поэтому сохраняются они обычно окказионально. В ивановском деле подшит его «Билет для входа в университет» за второе полугодие 1885/1886 учебного года, т. е. за последний семестр обучения. Этот документ представлял собой нечто среднее между сегодняшним студенческим билетом и зачетной книжкой: в нем указывались имя, факультет и курс студента (а с начала 1900-х годов еще вклеивалась его фотография), а также список посещаемых

им курсов. В этом семестре Иванов был записан к следующим преподавателям:

Иванов — Латин<ские> авт<оры>
Стрельцов — Латин<ские> упраж<нения>
Зубков — Греческие авторы
Рождественский — Греч<еские> упр<ажнения>
Цветаев — Богослужеб<ные> древности
Герье — Семинарий Рим<ская> ист<ория>
Ключевский — Русская истор<ия>
Ключевский — Судебн<ые> грамоты.

Из них, вероятно, нуждаются в комментарии Гавриил Афанасьевич Иванов (1828–1904), Алексей Александрович Стрельцов (1859 – после 1917), упомянутый Ивановым в «автобиографическом письме» Владимир Григорьевич Зубков (1847–1903) и приват-доцент Сергей Викторович Рождественский.

Следующий комплекс документов связан с увольнением Иванова из числа студентов. Открывает его официальное прошение.

Его Превосходительству Господину Ректору
Императорского Московского Университета
От студента IV-го семестра историко-филологического
факультета, Вячеслава Иванова

ПРОШЕНИЕ

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать мне свидетельство об увольнении меня из числа студентов Московского Университета с зачислением прослушанных мною четырех семестров, в доказательство чего прилагаю удостоверения гг. Профессоров и Декана факультета.

Мая 21-е, 1886 года.

Студент IV семестра историко-филологического факультета Вячеслав Иванов.

К нему приложены сделанные на нескольких отдельных листках записи профессоров, свидетельствующие о прослушанных курсах и сданных зачетах:

По чтению Демосфена и по домашнему чтению полугодие мной зачтено г. студенту IV семестра Иванову Вячеславу.

Э<кстра->О<рдинарный> П<рофессор> В. Зубков

По изучению Ливия сделал условный зачет. В. Герье.

По чтению латинского писателя полугодие зачтено. Г. Иванов.

Курс Новой Истории в I Семестре зачтен. В. Герье.

Студенту Иванову 2-е полугодие 1885-6 учебного года по общему курсу русской истории зачтено. В. Ключевский.

Студенту Историко-филологического Факультета 4-го семестра Иванову Вячеславу зачитывается семестр по латинским письменным упражнениям.

Приват-доцент Ал. Стрельцов

1886 года, 17 мая.

Студенту IV полугодия Иванову Вячеславу истекающее (весеннее) полугодие 1886 года зачтено. Декан Э<кстра->О<рдинарный> П<рофессор> Иванов[18].

Получив эти бумаги, канцелярия университета в соответствии с обычной практикой выдала Иванову справку о незаконченном образовании.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

От Императорского Московского Университета дано сие свидетельство бывшему студенту *2* курса *Историко-Филологического Факультета сыну Титулярного Советн<ика> Вячеславу Ивановичу Иванову, прав<ославного> вероис<поведания>, родившемуся 16 февраля 1866 года, в том, что он по аттестату зрел<ости> Москов<ской> 1 гимн<азии> с золотой медалью принят был* в число студентов сего Университета в *июне* месяце 188*4* года *на Историко-Филологич<еский> фак<ультет>, где слушал лекции 1-го курса в 1884-85 г., 2 курса в 1885–86 академических годах, оба полугодия текущего учебного года ему зачтены. Ныне по прошению* из ведомства Московского Университета уволен. Во время пребывания в Университете поведения он был *очень хорошего* и ни в чем предосудительном замечен не был. Так как он, *Иванов*, полного курса наук не окончил, то права, Высочайше дарованные студентам, окончившим курс университетского учения, на него не распространяются.

[18] Здесь же — расписка библиотекаря в отсутствии книжных долгов и крайне неразборчивая записка С.В. Рождественского.

Москва *Мая 23* дня 188*6* года
Ректор Университета Боголепов
Секретарь по студенческим делам Н. Анке <?>

По неизвестным нам причинам бывший студент получал это свидетельство не в самом университете, а в канцелярии обер-полицмейстера: в деле подшита его расписка в получении документов и сопроводительное письмо начальника отделения по охранению порядка и общественной безопасности в Москве, с которым эта расписка была отправлена в в учебное заведение. Документы были получены 24 мая 1886 г., но еще днем ранее, 23-го, Иванов подал тому же обер-полицмейстеру просьбу о возобновлении выданного университетом «билета на жительство в Москве» в связи с его утратой.

В бюрократическом обиходе России существовало несколько видов документов, удостоверяющих личность — все они типологически именовались «видом на жительство», функционально между собой отличаясь[19]. Для дворян (а также чиновников, духовенства, купцов, почетных граждан и др.) основным документом для внутреннего пользования служила бессрочная или возобновляемая раз в пять лет паспортная книжка, напоминающая нынешний паспорт, с той разницей, что выдавать их имели право многие учреждения — не только полицейские управления, но и, например, депутатские собрания. Другие документы были предназначены для передвижения по стране или за ее пределами: в первом случае выдавался паспорт (на срок три, шесть или двенадцать месяцев) или «билет на отлучку», во втором — заграничный паспорт.

На этом отношения Иванова с Московским университетом были закончены — но в дело подшита еще одна, последняя бумага.

В<едомство> П<равославного> И<споведания>
С.-Петербургская Духовная Консистория.
2 экспедиция.
1 стол.
С.-Петербург
Октября 2 дня 1896 г.
№ 13547.

[19] До следующей ссылки положение дел излагается по книге: Новый закон о видах на жительство (паспортах) для дворян, чиновников, почетных граждан, купцов, мещан, ремесленников, крестьян и евреев. Третье дополненное издание неофициальное. СПб., 1897.

Господину Ректору
Императорского Московского Университета.

Определением С.-Петербургского Епархиального Начальства 24/31 мая сего 1896 года состоявшимся и утвержденным Святейшим Правительствующим Синодом как видно из указа Оного, от 29-го июля того же года, за № 3661, брак супругов Ивановых, совершенный 4-го июня 1886 года причтом Московской Иоанно-Предтеченской, в старой Конюшенной, церкви, по причине доказанного прелюбодеяния Вячеслава Иванова Иванова, на основании 253 ст. Уст<ава> Дух<овных> Консисторий, расторгнут с воспрещением ему, Иванову, навсегда вступать в новые браки и преданием его затем, по 20 пр<авилу> Поместного Анкирского Собора, семилетней церковной епитимии; Дарии же Михайловой Ивановой, урожденной Дмитревской, дозволено, если пожелает, вступить в новый брак с другим, беспрепятственным к тому, лицом.

Сообщая о сем, С.-Петербургская Духовная Консистория имеет честь просить Вас, Милостивый Государь, сделать распоряжение об учинении надлежащих отметок, — как о расторжении брака супругов Ивановых, так и об осуждении Вячеслава Иванова Иванова на всегдашнее безбрачие во всех документах бывшего студента 2-го курса вверенного Вам Университета сына Титулярного Советника Вячеслава Иванова Иванова с тем, чтобы отметка эта неопустительно была вносима во все новые документы его, в случае выдачи ему таковых. К этому Консистория присовокупляет, что в свидетельстве его, Иванова, выданном ему из Императорского Московского Университета 23-го мая 1886 года, за № 1434, Консисториею уже учинена надлежащая отметка.

Член Консистории Протоиерей М. Никифоровский.

Это постановление венчает собой хорошо известный эпизод ивановской биографии: к середине 1890-х гг. и он, и Зиновьева-Аннибал одновременно ведут дела о разводе — и если в последнем случае ситуация осложнена множеством привходящих обстоятельств, то Иванов расстается со своей первой женой почти полюбовно. В начале октября 1895 г. он при несколько фарсовых обстоятельствах официально свидетельствует свою неверность, избрав в качестве соответчицы случайную даму. 9 октября 1895 г. Иванов сообщает из Петербурга Зиновьевой-Аннибал:

> Вчера вечером, дорогая моя, я совершил главнейшую часть своей здешней миссии — свое фиктивное прелюбодеяние, — и совершил, благодаря малому педантизму «свидетелей», с наивозможным [, по-видимому,] minimum'ом гнусности, присущей этому позорному обряду: они привезли меня в публичный дом, видели меня, в одном из его cabinets, сидящим на постели рядом с женщиной и, удовольствовавшись этим, — уехали; я же, думая, что они войдут опять, лежал несколько минут в пассивном ожидании рядом с своей очень молоденькой и довольно хорошенькой complice (упругое тело которой успел эстетически оценить, не ощущая, однако, никакого эротического влечения), — пока не услышал от своего «поверенного» освободительную весть об отъезде свидетелей, после чего объявил удивленной и как будто даже слегка обиженной сообщнице своей, что немедленно уезжаю и что все случившееся было просто комедией...
>
> Завтра я должен буду дать нотариальные доверенности на ведение моего дела; потом, через несколько дней, — явиться, для [врачебного осмотра] признания меня больным, во врачебную управу, чтобы быть освобожденным от обязанности лично являться в суд. Этим и ограничивается мое личное участие в процессе, так что мой адвокат считает возможным отпустить меня через неделю на все четыре стороны [3, с. 307].

Столь же хорошо известен и способ, которым Иванов и Зиновьева-Аннибал обошли этот пожизненный суровый запрет на новый брак: в 1899 г. Иванов вновь заявил о потере паспорта, после чего получил вторичный, в котором, благодаря вознагражденной забывчивости чиновника, отметки о воспрещении не было. В том же году они обвенчались в греческой церкви итальянского Ливорно [1, с. 141–142].

Литература

1. *Богомолов Н.А.* Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. 329 с.

2. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. II. 852 с.

3. *Иванов Вяч.*, *Зиновьева-Аннибал Л.* Переписка: 1894–1903 / изд. подгот. Н. Богомолов, М. Вахтель, Д. Солодкая. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.

4. История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / изд. текстов, исследование и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

5. *Кобринский А.А.* Несколько штрихов к пребыванию Вяч. Иванова в Москве в январе — феврале 1909 года // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 155–163.

6. *Тахо-Годи А.*. Жизнь и судьба. Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2009. 692 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Vyacheslav Ivanov's University File as a Biographical Source

© 2021. Alexander L. Sobolev

Independent researcher, Moscow, Russia

Abstract: The article presents Vyacheslav Ivanov's student files from the archives of Moscow University, where Ivanov studied for four semesters in 1884–1886 at the Faculty of History and Philology (but did not complete the full course). Some documents demonstrate the course of student Ivanov's work at ancient Greek and Latin literature classes, and at the courses he took by historians V. Guerrier and V. Klyuchevsky. Of particular importance are the documents attached to the case about Ivanov's childhood and school years, containing detailed information about the father of the future writer (I. Ivanov's formulary list of 1871). These are the birth and baptismal certificate of Vyach. Ivanov, a certificate of the 1st Moscow Gymnasium with excellent marks in all subjects, a military registration certificate, etc. The student file contains also the decision of the spiritual consistory of 1896 on the annulment of Ivanov's first marriage with a ban to enter into a new marriage.

Keywords: biography of the writer, Vyacheslav Ivanov, Russian literature of the early 20th century, Moscow University, formulary list, publication of archival documents.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. "Vyacheslav Ivanov's University File as a Biographical Source." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 252–271. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-252-271

References

1. Bogomolov, N.A. *Sopriazhenie dalekovatykh. O Viacheslave Ivanove i Vladislave Khodaseviche* [*Conjugation of the Distant. About Vyacheslav Ivanov and Vladislav Khodasevich*]. Moscow, Kulagina Publ., 2011. 329 p. (In Russ.)

2. Ivanov, Viach. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [*Collected Works: in 4 vols.*], vol. II, ed. by D.V. Ivanova and O. Deshart. Brussels, Foyer Oriental Chrétien Publ., 1974. 852 p. (In Russ.)

3. Ivanov, Viach., Zinov'eva-Annibal, L. *Perepiska: 1894–1903* [*Correspondence: 1894–1903*], vol. 1, text prep. by N. Bogomolov, M. Vakhtel', D. Solodkaia. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 752 p. (In Russ.)

4. *Istoriia i poeziia. Perepiska I.M. Grevsa i Viach. Ivanova* [*History and Poetry. Correspondence between I.M. Grevs and Vyach. Ivanov*], text prep., comm. by G.M. Bongard-Levin, N.V. Kotrelev, E.V. Liapustina. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 448 p. (In Russ.)

5. Kobrinskii, A.A. "Neskol'ko shtrikhov k prebyvaniiu Viach. Ivanova v Moskve v ianvare – fevrale 1909 goda" ["Some Notes about the Stay of Vyach. Ivanov in Moscow in January – February 1909"]. *Ot Kibirova do Pushkina. Sbornik v chest' 60-letiia N.A. Bogomolova* [*From Kibirov to Pushkin. Collection of Articles in Honor of the 60th Anniversary of N.A. Bogomolov*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, p. 155–163. (In Russ.)

6. Takho-Godi, A. *Zhizn' i sud'ba. Vospominaniia* [*Life and fate. Memories*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 692 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.09.2021
Одобрена после рецензирования: 15.10.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 02.09.2021
Approved after reviewing: 15.10.2021
Date of publication: 25.12.2021

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-272-280

Было ли первое чтение «Незнакомки» на Башне Вяч. Иванова?

© 2021, Е.В. Иванова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена истории создания А. Блоком стихотворения «Незнакомка», написанного в апреле 1906 г., в период подготовки к государственным экзаменам в Санкт-Петербургском университете. На основании воспоминаний Вл. Пяста и переписки современников восстанавливаются первые впечатления от стихотворения в узком дружеском кругу. Подробно разбирается и авторское чтение «Незнакомки» в январе 1907 г. на квартире Блока в присутствии Вяч. Иванова и его жены Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, и тот отзвук, которое стихотворение получило в их творчестве. Автор статьи подвергает сомнению версию Корнея Чуковского, что это чтение происходило на ивановской Башне, и что Чуковский присутствовал при этом лично.

Ключевые слова: А. Блок, «Незнакомка», творческая история текста, Башня Вяч. Иванова, мемуары К. Чуковского и И. Гюнтера как источник, литературный быт.

Информация об авторе: Евгения Викторовна Иванова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2076-0424 E-mail: evi@l-z.ru

Для цитирования: *Иванова Е.В*. Было ли первое чтение «Незнакомки» на Башне Вяч. Иванова? // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 272–280. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-272-280

Наше сообщение посвящено истории первого публичного чтения стихотворения А. Блока «Незнакомка», которое, по мнению летописца «башенных» симпосионов А.Б. Шишкина, «сразу заняло центральное место как в мифе Башни, в большом башенном тексте, так и в мифе самого Блока… Блоковская “Незнакомка”, как в некоем световом фокусе, сводила воедино, завершала первый сезон “сред” и открывала путь к сезонам последующим». Исследователь справедливо замечал в этой связи, что «“Незнакомка” вобрала в себя многие семантические мотивы симпосионов на Башне — достаточно отметить центральную драматическую контроверзу Афродиты Небесной и Афродиты Всенародной или Пошлой, эротическую тему, интерпретируемую одновременно в высоком и низком значении, а также классический для Древнего симпосиона топос “in vino veritas”» [15, с. 339–340].

История создания «Незнакомки» подробно описана в воспоминаниях Вл. Пяста, стихотворение было написано Блоком во время подготовки к государственным экзаменам, к которым тот готовился «истово»: «Ежедневно вставал в одном и том же часу, садился за книги, работал одно и то же число часов, совершал одинаковой продолжительности прогулку, возвращался и опять работал. <…> Гулял он обыкновенно за городом, уходя туда пешком, сначала по Невке, а потом по Черной речке, на Ланское шоссе, либо в Удельный парк, либо же в Лесной — чаще в Удельную. Оттуда он проходил, а может быть и проезжал, в Озерки. Уже была весна, дачники переехали, булочная со своим классическим золотым кренделем начала “функционировать”, на озере заскрипели уключины, дамы защеголяли модами, и поэт, тяжело кончавший со своей студенческой “учебой”, видел все те образы, которые воплотил в знаменитой, написанной посреди экзаменационной страды, “Незнакомке”» [12, с. 81–82].

Сразу после окончания экзаменов Блок 7 мая 1906 г. писал Пясту, жившему в тот момент в Мюнхене: «В последнее время не бывал нигде, но все еще, пройдя экзаменационное горнило, чувствую “жар и зной” последних “сред”, на которых, по рассказам, многотысячные толпы алчущих все еще… говорили о “мистическом анархизме”. При этом, ввиду сильного атмосферического давления, многие говорили на крыше, вися над безднами, и с высоты седьмого этажа видели, как за освещенными окнами “думает” новое правительство» [6, т. 8, с. 154]. Источником сведений Блока о собеседованиях, проходивших по средам на Башне, несомненно, был С. Городецкий, это вполне отвечает тому, что писал он об атмосфере Башни позднее

в воспоминаниях[1]. Стихотворение «Незнакомка» было написано незадолго до этого письма Пясту, 24 апреля; один из его первых читателей Е.П. Иванов 6 мая 1906 г. записал: «Саша Блок читал стихи “Незнакомка”, кончается “in vino veritas”» [1, с. 141]. Тогда же С. Городецкий прислал текст «Незнакомки» Пясту, отметив ее в числе тех «крупных литературных событий», которые «в тот момент никто другой не только не назвал <…> “крупными”, но даже вообще “событиями”. <…> Мы оба понимали, что недалеко то время, когда “Незнакомку” будут все подростки заучивать наизусть, что она будет классической, хрестоматийной вещью…» [12, с. 82–83]. Блок включил стихотворение в свой сборник «Нечаянная радость», который вышел в январе 1907 г.

Первое авторское чтение «Незнакомки» в дружеском кругу описано в письме А. Кондратьева С.А. Соколову 13 января 1907 г.: «Слушали вчера чтение “Незнакомки”. Чулков с Городецким на диване, Сологуб на мягком стуле у окон, я с Вяч. Ивановым у стола. Тут же был М. Гофман (студент 17-ти лет, пишущий о соборном индивидуализме и сочиняющий стихи). Л.Д. Блок сидела, закутавшись в черный платок, недалеко от читающего мужа… Затем прочитано было два цикла стихотворений хозяина (“Снежные маски”). Вяч. Иванов сказал по поводу их, что в них есть что-то Дионисианское. Ф. Сологуб прочитал индийское стихотворение про Лингам Шивы, который целует какая-то пылкая поклонница. Вяч. Иванов, выпустивший “Эрос”, прочел стихотворение про 666 положений при любовных занятиях. Городецкий прочел 4 стихотворения, а потом мы с Сологубом поехали домой, остальные же продолжали беседу, ибо им не нужно было вставать в девятом часу утра. Остались у Блока сотоварищи его по книгоиздательству “Оры”» [10, с. 268].

Чтение происходило на квартире Блока, который в тот момент был нездоров, о чем говорит фраза в начале письма Кондратьева — «вчера забежал к Блоку пораньше…», и далее он в тексте назван «хозяином». Упомянутые «два цикла стихотворений» — части вышедшего в том же году сборника Блока «Снежная маска»: «Снега» и «Маски». Подтверждением, что это первое чтение «Незнакомки» происходило именно на квартире Блока, служит и письмо Блока к матери, которое можно датировать 13 января 1907 г. по соотнесению с письмом А. Кондратьева: «Мама, вчера были Сологуб, Вячеслав, Чулков, Пяст, Гофман, Кондратьев, Городецкий. Я прочел все стихи и “Незнакомку” и имел успех. Городецкий ночевал. Книжка моя на-

[1] *Городецкий С.* Воспоминания об Александре Блоке // Печать и революция. 1922. № 1. С. 75–88.

деюсь через месяц выйдет с обложкой Бакста» [4, с. 165]. В примечаниях к этому письму тетка и биограф Блока М.А. Бекетова ошибочно указала, что речь шла о пьесе А. Блока «Незнакомка» [4, с. 336], законченной практически одновременно со стихотворением. Автограф пьесы датирован «11 ноября 1906», она была вскоре опубликована (Весы. 1907. № 5), а 25 ноября отдана в цензуру, запретившую ее к постановке на сцене [5, с. 497]. Но, как видим, ни в одном из писем не упоминается чтение пьесы.

Отрывок из письма Кондратьева обозначает сразу несколько тем, имеющих важное значение для Блока. Главная из них — упоминание Вяч. Иванова о «дионисианском» звучании «Незнакомки», отголоском этого замечания стала дарственная надпись Блока на сборнике «Нечаянная радость» (М.: Скорпион, 1907), которая воспроизведена в каталоге «Прижизненные издания А.А. Блока»: «Вячеславу Ивановичу Иванову и Лидии Дмитриевне Зиновьевой-Аннибал любимым, близким и нужным, открывшим мне путь снежный и радостный — Александр Блок. 17 января 1907, Спб.» [11, с. 15].

Упоминание о «снежном и радостном пути», на который Вяч. Иванов направил Блока, открывают еще одну тему — историю неоконченной драмы А. Блока «Дионис Гиперборейский», черновые наброски которой сохранились в Записной книжке Блока декабря 1906 г. После записи 21 декабря: «И Александр Блок к Дионису», под 29 декабря и далее следует черновой набросок «К “Дионису Гиперборейскому”» [3, с. 87–91], в комментариях к которому сказано: «Черновой набросок “Диониса Гиперборейского” был уничтожен Блоком (об этом есть помета в составленном им “Списке моих работ”)» [3, с. 534]. Возникновение этого замысла очевидно связано с исследованиями Вяч. Иванова, опубликованными в журнале «Наш путь», — «Эллинская религия страдающего бога» (1904. № 1, 2, 3, 4, 8, 9) и «Религия Диониса. Ее происхождение и влияние» (1905. № 6); номера журнала за 1904 г. с пометами Блока сохранились в его библиотеке [2, с. 191–196].

Возвращаясь к блоковской надписи на книге «Нечаянная радость», обратим еще раз внимание на ее датировку — 17 января, т.е. Блок встречался с Ивановыми еще раз после вечера 12 января. И упоминание об этой встрече мы находим в письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал Вере Шварсалон от 21 января: «Был Блок с женой <…> Блок читал цикл дивных стихов, после которых мне страстно хотелось услышать Allegretto 7-й симфонии, оно одно было бы воистину достойно музыки трагических и проникновенных слов этого большого поэта. Вячеслав признал его первым лириком по силе и дионисизму.

Были еще Городецкий, Чулков и Волошин. <…> Дальше четвертая новость: Блок сдружился с нами необыкновенно (да: ведь этот цикл стихов “Снежная маска” набирается уже в “Орах”). Эта дружба делает нам глубокую и большую радость, потому что он высокий и страшно строгий и поэтому одинокий. На своей книжке стихов, только что вышедшей, он написал: “Вячеславу Ивановичу Иванову и Лидии Дмитриевне Зиновьевой-Аннибал, любимым, близким и нужным, открывшим мне путь снежный и нужный”» [9, с. 497]. О том, что блоковское чтение стихов произвело на Вяч. Иванова глубокое впечатление, свидетельствует его письмо В. Брюсову, написанное в феврале 1907 г., но «Незнакомка» здесь не упоминается: «Литературное событие дня — “Снежная маска” А. Блока, которая уже набирается в “Орах”. <…> По-видимому, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки. Блок раскрывается здесь впервые и вполне и притом по-новому, как поэт истинно дионисийских и демонических, глубоко оккультных переживаний. <…>Дивная тоска, и дивная певучая сила!» [9, с. 496–497].

Очевидно, сборник «Нечаянная радость» с инскриптом от 17 января Блок преподнес Ивановым, когда был у них в гостях на Башне и читал свои стихи, но, как отмечено в письмах хозяев дома, это были стихи из сборника «Снежная маска», вскоре выпущенного в руководимом Ивановым издательстве «Оры» в оформлении Л. Бакста. «Незнакомку» же ни Вяч. Иванов, ни Л.Д. Зиновьева-Аннибал не упоминают, не упоминают они и о том, что чтение Блока было приурочено к одной из симпосионных сред на Башне (впрочем, 17 января в 1907 г. приходилось на четверг, и подарок Блока вполне мог быть прямым следствием ночных поэтических бдений).

Но вот творческий отклик, оставшийся от этих чтений, получила именно «Незнакомка» — в неоконченном стихотворении Вяч. Иванова: «Отгорел твой костер. Незнакомка знакомая / Позвала, обняла, увела...» (подробнее см.: [7, с. 176–178]). Тут возникает еще одна самостоятельная тема: доверительные отношения, возникшая тогда же дружба А. Блока с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Складывавшаяся во многом независимо от общения поэта с Вяч. Ивановым, она подробно освещена в статье А.В. Лаврова «Блоковская “Незнакомка” в рассказе Л.Д. Зиновьевой-Аннибал», где представлен большой материал, касающийся разных сторон этих отношений — и рецензии Блока на выход ее книг, и отклики на ее смерть, и то, как образ Блока предстает в ее рассказе «Голова Медузы», в котором, как показано в статье А.В. Лаврова, речь идет именно о стихотворении «Незнакомка» [8, с. 160–168].

При этом и А.В. Лавров местом чтения «Незнакомки» называет «среды» Вяч. Иванова, ссылаясь, в первую очередь, на известный отрывок из воспоминаний К. Чуковского: «…помню ту ночь, перед самой зарей, когда он впервые прочитал “Незнакомку”, — кажется, вскоре после того, как она была написана им. Читал он ее на крыше знаменитой башни Вячеслава Иванова. <…> Из башни был выход на пологую крышу, — и в белую петербургскую ночь мы, художники, поэты, артисты, возбужденные стихами и вином — а стихами опьянялись тогда как вином, — вышли под белесоватое небо, и Блок <…> взобрался на железную раму, соединявшую провода телефонов, и по нашей неотступной мольбе уже в третий, четвертый раз прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, безвольным, трагическим голосом. И мы, впитывая в себя ее гениальную звукопись, уже заранее страдали, что сейчас ее очарование кончится, а нам хотелось, чтобы оно длилось часами» [13, с. 371–372]. Ссылается А.В. Лавров также и на воспоминания Иоганнеса фон Гюнтера, который некоторое время жил в квартире Ивановых [8, с. 162].

Но мемуары И. Гюнтера по существу повторяют воспоминания Чуковского, по поводу достоверности которых возникают сильные сомнения. Во-первых, об этом чтении Чуковский ни словом не обмолвился в более ранних воспоминаниях о Блоке, написанных, когда были живы его близкие друзья и родственники. Во-вторых, в дневнике Чуковского того периода, о котором мы ведем речь, посещение Башни Вяч. Иванова ни разу не упоминается, а сам ее хозяин упомянут всего несколько раз, вскользь: в момент знакомства 27 января 1906: «Вчера проводил Брюсова на вокзал и познакомился с Вячеславом Ивановым» [14, с. 121], через неделю, 4 февраля, почти неприязненно: «Читал эти несколько дней декадентов. Так надоели, что явилась потребность освежиться. Взял Hackel’я “The riddle of the Univers”. Прочел две главы. В первой доказывается польза естественных наук, во второй происхождение человека от обезьяны. Нельзя сказать, чтоб это было ново, но чрезвычайно полезно после Вячеслава Иванова и Андрея Белого» [14, с. 124]. Чуковский в тот момент только начинал свой переезд со страниц «Одесских новостей» в мир столичной журналистики, и «Загадки Вселенной» Геккеля были ему еще ближе. Школа перевоспитания Валерия Брюсова была еще впереди. 24 июля 1906 г. он характерным образом расставляет акценты, говоря о своей адаптации в столице: «Познакомился за зиму с Ясинским, Розановым, Вячеславом Ивановым, Брюсовым, сблизился с Куприным, Дымовым, Ляцким, Чюминой…» [14, с. 136]. Больше

встреч с Ивановым в эти годы дневник Чуковского не фиксирует, ни разу не упоминается в нем и о посещении Башни на Таврической, так что достоверно говорить о чтении «Незнакомки» на Башне, опираясь на эти его воспоминания, вряд ли уместно.

Литература

1. Александр Блок и Евгений Иванов: в 2 кн. СПб.: Изд-во Пушкинский Дом, 2017. Кн. 2: Иванов Е.П. Воспоминания о Блоке. Статьи / изд. подгот. О.Л. Фетисенко. 558 с.

2. Библиотека А.А. Блока. Описание. Кн. 3 / сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобова, С.Я. Вовина / под ред. К.П. Лукирской. Л.: Наука, 1986. 332 с.

3. *Блок А*. Записные книжки. 1901–1920. М.: ИХЛ, 1965. 663 с.

4. *Блок А*. Письма к родным / с предисл. и примеч. М.А. Бекетовой. Л.: Academia, 1927. Кн. 1. 372 с.

5. *Блок А.А*. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 6: Драматические произведения: (1906–1908). 597 с.

6. *Блок А.А*. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л: ГИХЛ. 1960–1963.

7. *Зубарев Л.Д*. «Мы по-своему каждый свое ясновидели...». К истории «примирения» А. Блока и Вяч. Иванова // Русская литература. 2011. № 1. С. 171–182.

8. *Лавров А.В*. Этюды о Блоке. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 320 с.

9. Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. 837 с.

10. Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. 860 с.

11. Прижизненные издания А.А. Блока. Каталог / сост. Е.И. Яцунок.. М.: ГБЛ, Отдел микрофильмирования, 1980. Вып. 1. 36 с.

12. *Пяст Вл*. Встречи / изд. подгот. Р. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 416 с.

13. *Чуковский К*. Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. 484 с.

14. *Чуковский К*. Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2006. Т. 11: Дневник. 1901–1921. 592 с.

15. *Шишкин А*. Симпосион на петербургской башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры. СПб.: Альманах «Канун», 1998. Вып. 3. С. 273–352.

Research Article

Was There Reading of Blok's "Unknown Lady" in Vyacheslav Ivanov's Tower?

© 2021. Evgeniia V. Ivanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the history of creation of the poem "Unknown Lady," written in by A. Blok April 1906 during the preparation for state exams at St. Petersburg University. Some parts of Vl. Piast's memoirs and the correspondence of contemporaries reveal the first impressions of the poem in a narrow circle of friends. The article examines in detail Blok's reading of "Unknown Lady" in January 1907 at Blok's apartment with the presence of Vyach. Ivanov and his wife L.D. Zinovieva-Annibal, and the echo that the poem received in their work. The author of the article questions the version of Korney Chukovsky that this reading took place at the Ivanov's Tower and that Chukovsky was personally present.

Keywords: A. Blok, "Unknown Lady," creative history of the text, Vyach. Ivanov's Tower, K. Chukovsky and I. Günther's memoirs as a source, literary life.

Information about the author: Evgeniia V. Ivanova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid. org/0000-0002-2076-0424 E-mail: evi@l-z.ru

For citation: Ivanova, E.V. "Was There Reading of Blok's 'Unknown Lady' in Vyacheslav Ivanov's Tower?". *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 272–280. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-272-280

References

1. *Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov: v 2 kn.* [*Alexander Blok and Evgeny Ivanov: in 2 vols.*], vol. 2: Ivanov, E.P. Vospominaniia o Bloke. Stat'i [Memories of Blok. Essays], text prep. by O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017. 558 p. (In Russ.)

2. *Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie* [*A.A. Blok's Library. Description*], vol. 3, comp. O.V. Miller, N.A. Kolobova, S.Ia. Vovina, ed. by K.P. Lukirskaia. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 332 p. (In Russ.)

3. Blok, A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [*Notebooks. 1901–1920*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 663 p. (In Russ.)

4. Blok, A. *Pis'ma k rodnym* [*Letters to relatives*], vol. 1, introd. and ref. by M.A. Beketova. Leningrad, Academia Publ., 1927. 372 p. (In Russ.)

5. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [*Complete Works and Letters: in 20 vols.*], vol. 6: Dramaticheskie proizvedeniia (1906–1908) [Dramatic Works (1906–1908)]. Moscow, Nauka Publ., 2014. 597 p. (In Russ.)

6. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols.*]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1960–1963. (In Russ.)

7. Zubarev, L.D. "'My po-svoemu kazhdyi svoe iasnovideli...'. K istorii 'primireniia' A. Bloka i Viach. Ivanova" ["'We each are clairvoyant in our own way...'. On the history of 'reconciliation' of A. Blok and Vyach. Ivanov"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2011, pp. 171–182. (In Russ.)

8. Lavrov, A.V. *Etiudy o Bloke* [*Sketches about Blok*]. St.Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)

9. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Briusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 837 p. (In Russ.)

10. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok. New Materials and Research], part 3. Moscow, Nauka Publ., 1982. 860 p. (In Russ.)

11. Prizhiznennye izdaniia A.A. Bloka. Katalog [Lifetime editions of A.A. Blok. Catalogue], issue 1, comp. by E.I. Iatsunok. Moscow, RSL, Department of microfilming Publ., 1980. 36 p. (In Russ.)

12. Piast, Vl. *Vstrechi* [*Meetings*], ed. by R. Timenchik. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)

13. Chukovskii, K. *Iz vospominanii* [*From Memories*]. Moscow, Sovietskii pisatel' Publ., 1959. 484 p. (In Russ.)

14. Chukovskii, K. Sobranie sochinenii: v 15 t. [*Collected Works: in 15 vols.*], vol. 11: Dnevnik. 1901–1921 [Diary. 1901–1921]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ., 2006. 592 p. (In Russ.)

15. Shishkin, A. "Simposion na peterburgskoi bashne v 1905–1906 gg." ["Symposium on the St. Petersburg tower in 1905–1906"]. *Russkie piry* [*Russian Feasts*], issue 3. St. Petersburg, Al'manakh Kanun Publ., 1998, pp. 273–352. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.09.2021
Одобрена после рецензирования: 25.10.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 29.09.2021
Approved after reviewing: 25.10.2021
Date of publication: 25.12.2021

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-281-301

Из комментариев к книге стихотворений и переводов Эллиса «Крест и Лира»
II. Средневековые латинские эпиграфы

© 2021, Ф.Б. Поляков

Институт славистики Венского университета,
Вена, Австрия

Аннотация: В статье рассматриваются свидетельства об обращении поэта и переводчика Эллиса (Льва Львовича Кобылинского, 1879–1947) к средневековым латинским секвенциям и другим текстам на пересечении литературы и гимнографии, которые использовались им как оставленные на языке оригинала эпиграфы (на материале сборника Эллиса «Крест и лира», 1938). Обзор привлекаемых Эллисом источников и их идентификация позволяет уточнить круг его занятий средневековыми западноевропейскими темами и выявить роль латинской гимнографии в создании его концепции взаимодействия христианских традиций Запада и Востока. Приведенный материал также характеризует поэтику адаптации католической культуры в русском символизме (и особенно — в творчестве Вяч. Иванова).

Ключевые слова: Лев Кобылинский, Эллис, русский символизм, русская эмиграция в Швейцарии, переводы средневековой латинской поэзии, рецепция западноевропейского Средневековья в русской литературе.

Информация об авторе: Федор Борисович Поляков — Dr. phil. Habil., профессор, заведующий кафедрой русской литературы Института славистики Венского университета. 1010 Wien, Universitätsring 1. Вена, Австрия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1584-0219 E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

Для цитирования: *Поляков Ф.* Из комментариев к книге стихотворений и переводов Эллиса «Крест и Лира». II. Средневековые латинские эпиграфы // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 281–301. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-281-301

На протяжении своего творческого пути Эллис неоднократно обращался к памятникам агиографии, схоластики, мистическим сочинениям и литературе западного Средневековья. Некоторые сюжеты его стихотворений, переводы и цитаты свидетельствуют об использовании им в ряде случаев также и профессиональных изданий и исследований по медиевистике; несколько таких примеров встретятся нам в дальнейшем изложении (см. также: [7]). По отношению к периоду 1900-х гг. специфику интересов Эллиса Андрей Белый определил как стремление к «латинизации символизма»[1]. Эта характеристика, при всей ее полемической заостренности, имеет под собой определенные основания, и ее можно связать с направлением последующих занятий Эллиса. Впоследствии Эллис так описывал свое погружение в мир католического предания: «Я изучил латинскую теологию, посетил Рим, Ассизи, Флоренцию, Болонью, вступал в сношения с монахами, собирал средневековые легенды, писал теолог<ические> труды»[2]. Это воспоминание относится к тому периоду его жизни, который начался после ухода от Рудольфа Штейнера в 1913 г. Однако представления о католическом религиозном идеале за пределами модернистской эстетики проявились у него значительно раньше, еще при работе над переводом Бодлера — автора, оказавшего на Эллиса огромное воздействие[3].

В составе «Цветов зла» и в первом (1857), и во втором (1861) парижском издании имеется стилизованное латинское послание некой Франсуазе под названием „Franciscae meae laudes“. После известных судебных разбирательств оно было исключено автором из этого сборника в числе других заклейменных текстов и попало в его книгу «Обломки» (брюссельское издание 1866 г.)[4]. Неоднократно подчеркивалось, что скандал по отношению к этим «похвалам» связан с использованием Бодлером сакральной символики, ориентацией на

[1] *Белый Андрей*. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Андрей Белый. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 449–450. Ср. также: [6].

[2] Письмо Эллиса (Локарно) к Н.В. Зарецкому в Прагу (около 12 августа 1933 г.): New York, Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture, Nikolai Vasil’evich Zaretskii Papers, Box 11.

[3] О роли Эллиса в русской рецепции Бодлера см., например: [30; 25; 4].

[4] См. текст послания: *Baudelaire Charles*. Les Fleurs du Mal. Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1857. P. 125–127. № LIII; *Baudelaire Charles*. Les Fleurs du Mal. Seconde édition. Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1861. P. 139–141. № LX; *Baudelaire Charles*. Les Épaves. Bruxelles, 1874. P. 181–182. № LXII. См. также: *Бодлер Шарль*. Цветы зла. По авторскому проекту 3-го издания / изд. подгот. Н.И. Балашов, И.С. Поступальский. М.: Наука, 1970. С. 361–362.

латинский язык в его церковном употреблении и ритмической близостью к таким текстам как, например, “Dies irae“ и другие секвенции. Это вызывало намеренное несоответствие между сакральными коннотациями послания и социальным положением его адресата [18; 21; 22; 28]. При всей своей безудержной увлеченности Бодлером Эллис отказался от перевода этого квази-средневекового латинского стихотворения, приняв весьма нетривиальное решение — в сборнике своих переводов полностью воспроизвести латинский текст Бодлера[5].

Рецепция средневековой латинской гимнографии в поэзии Эллиса отразилась не только в его переложениях, но и на уровне паратекста — в выборе многочисленных эпиграфов[6]. Что касается изданий латинских источников, которыми он пользовался, то нам известна лишь одна прямая ссылка Эллиса на сборник Йозефа Керайна[7]. Однако несовпадения в атрибуции отдельных текстов и в графических особенностях цитирования, в частности при передаче строфики гимнов, показывает, что за все годы работы Эллиса с таким материалом в его распоряжении было и несколько других пособий. Здесь мы не стремились разрешить вопрос, какие конкретные издания привлекались Эллисом, и ограничились идентификацией цитируемых им источников.

Их краткий обзор дает представление о круге чтения Эллиса, его постоянном обращении к католической гимнографии и религиозной поэзии, а также о функции латинских эпиграфов и цитат в различных контекстах — не только поэтических, но и полемических и квази-богословских. Так, например, два свидетельства использования латинской гимнографии в аргументации Эллиса встречаются в со-

---

[5] *Бодлэр Шарль.* Цветы Зла. Перевод Эллиса с вступительной статьей Теофиля Готье и предисловием Валерия Брюсова. М.: Книгоиздательство «Заратустра», 1908. С. 156–157. № LXII; *Бодлер Шарль.* Цветы зла и Стихотворения в прозе в переводе Эллиса. Томск: Водолей, 1993. С. 148–149. № LXII.

[6] Поэтические тексты Эллиса приводятся по изданиям: *Эллис.* Stigmata. Книга стихов. М.: Мусагет, 1911; *Эллис.* Арго. Арго — Забытые обеты — Мария. Две книги стихов и поэма. М.: Мусагет, 1914. Перепечатаны в кн.: *Эллис.* Стихотворения. Томск: Водолей, 1996 [репринт: 2000]. Далее цит. в сокращении, с указанием страниц: (1). Эллис. Stigm.; (2). Эллис. Арго; (3). Эллис. Стих.

[7] *Kehrein Joseph.* Lateinische Sequenzen des Mittelalters aus Handschriften und Drucken. Mainz: Florian Kupferberg, 1873 [reprint Hildesheim: Olms, 1969] (далее — Kehrein. Sequenzen); *Kobilinski-Ellis Dr. L.* Christliche Weisheit. Sapientia divina. Cosmologia perennis. Per Crucem ad Rosam. Nach der Lehre des Intermediarius. Basel: Frobenius, 1929. S. 178. Здесь цитируется: Kehrein. Sequenzen. S. 132. Nr. 162 („In festo corporis Christi“, 1, v. 1–3: „De superna Hierarchia / Vera descendit Sophia / In uterum Virginis“). См. этот текст также в издании: Ein Jahrtausend lateinischer Hymnendichtung. Eine Blütenlese aus den Analecta Hymnica mit literarhistorischen Erläuterungen von Guido Maria Dreves**.** Nach des Verfassers Ableben revidiert von Clemens Blume SJ. Teil II. Hymnen unbekannter Verfasser. Leipzig: O.R. Reisland, 1909. S. 215.

проводительных статьях к его антологии из трудов Владимира Соловьева. Описывая эсхатологические ожидания современной мировой истории[8], Эллис определяет это время стихом из секвенции „Dies irae“ („Rex tremendae majestatis, / Qui salvandos salvas gratis, / Salva me, fons pietatis!“)[9]. Соединение представлений о конце света с тем же литургическим текстом дано еще ранее в трактате „Vigilemus!“:

> В творениях Данте сохранилась для нас как бы трагическая исповедь коллективной души эпохи, почти обезумевшей от отчаяния и страха. Если эта эпоха, ожидавшего близкого светопреставления и Dies Irae, знала таких вождей, как *Франциск*, *Доминик* и сам *Данте*, то это были *последние* вожди, и поняты они были слишком немногими[10].

В другом месте антологии цитата из стихотворения Вл. Соловьева „Ex Oriente lux“: «Душа вселенной тосковала / О духе веры и любви!» (в книге приводится в переводе: „Voll Trauer sehnt die Weltenseele / Nach Glaubensgeist und Liebesglut“) *напрямую* связывается с эпохой Меровингов: „Dasselbe besingt auch der uralte Kirchenhymnus Venantii Fortunati“ («То же самое воспето и в древнем церковном гимне Венанция Фортуната»)[11]. Далее следует латинская цитата из Венанция († между 600 и 610 гг.), епископа Пуатье, поэта и агиографа, без перевода и без указания источника; цитата обнимает 7 строфу гимна Венанция „In Honore sanctae Crucis“ (Inc.: Pange, lingua, gloriosi / proelium certaminis)[12]. Этот текст был внесен в литургию Покло-

---

8 См. об этом также: [5].

9 Monarchia Sancti Petri. Die kirchliche Monarchie des heiligen Petrus als freie und universelle Theokratie im Lichte der Weisheit. Aus den Hauptwerken von Wladimir Solowjew systematisch gesammelt, übersetzt und erklärt durch L. Kobilinski-Ellis. Mainz: Matthias-Grünewald Verlag, 1929. S. XXVIII. В достаточно свободном переложении Эллиса 1911 г. это место читается: «Царь, меня в тот день проклятий / сопричти к блаженных рати, / о источник благодати!» (Эллис. Stigm., 51; Эллис. Стих., 33).

10 *Эллис*. Vigilemus! С. 23–24; *Эллис*. Неизданное и несобранное. С. 264 (в оригинале — разрядка). [См. сноску 33 ниже].

11 Monarchia Sancti Petri. S. 611. Отметим форму латинского генетива *Venantii Fortunati* в немецком тексте Эллиса как признак архаической стилистики. Перевод стихотворения Соловьева см.: Gedichte von Wladimir Solowjew. Ins Deutsche übertragen von Dr. L. Kobilinski-Ellis und Richard Knies. Mit einer Abhandlung über Solowjew als Lyriker, Solowjews Weisheits-Lehre, Weisheit und Weltseele bei Solowjew von Dr. Kobilinski-Ellis. Mainz: Matthias-Grünewald Verlag, 1925. S. 17.

12 Отрывок процитирован без отступов, как, например, текст, помещенный в издании: *Wackernagel Philipp.* Das deutsche Kirchenlied von der ältesten Zeit bis zu Anfang des XVII. Jahrhunderts. Bd. 1. Leipzig: B.G. Teubner, 1864. S. 61. Nr. 78. Другое расположение строк, с отступом четных стихов, в издании: Analecta Hymnica. Bd. 50. S. 71. Nr. 66.

нения Кресту на Страстную Пятницу. С какой же образностью Эллис сопоставляет фрагмент историософского стихотворения Соловьева, что именно он считает «тем же самым» переживанием?

В предыдущей, шестой строфе латинского песнопения Венанция Фортуната говорится об Агнце Божием, воплотившемся и по Своему желанию вознесенном на крест страдания; в цитированной Эллисом седьмой строфе продолжено: „Hic acetum, fel, arundo, sputa, clavi, lancea; / Mite corpus perforatur; sanguis, unda profluit, / Terra, pontus, astra, mundus quo lavantur flumine.“[13] («Здесь [были для Него] уксус, желчь, палка, плевки, гвозди, копье; / Нежное тело Его пронзено; кровь, волна проистекает / Земля, море, звезды, [весь] мир той рекой очищаются»). Для понимания того, в чем же Эллис находит сходство между описанием Страстей Христовых и цитатой из Соловьева об ожидании прихода Спасителя, в поиске этого *tertium comparationis* требуется заполнить оставшееся невыраженным пространство религиозной жизни христианских традиций. Ассоциативные механизмы в аргументации Эллиса скрыты, однако столь фронтальное сопоставление средневекового стихотворения, смыслы которого раскрываются в литургическом действе, и соловьевского фрагмента показывает отсутствие между ними непроницаемых границ, общность религиозного чувства и символическую ценность средневековой традиции в этом постулате Эллиса о сопричастности «родного и вселенского».

Обратимся к обзору латинского паратекста в поэтических книгах Эллиса и его трактате „Vigilemus!“.

I. *„Stigmata“ (1911)*

I.1 „Museum Anatomicum“ (Эллис. Stigm., 40; Эллис. Стих., 27):

Oro supplex et acclinis
Cor contritum quasi cinis:
Gere curam mei finis!

Requiem, Confutatis.

I.2 „Dies irae“ (Эллис. Stigm., 50; Эллис. Стих., 33):

Dies irae, dies illa

[13] Venant. Fortun. Carm. II, 2, v. 19–21; Venanti Honori Clementiani Fortunati presbyteri Italici Opera poetica recensuit et emendavit Friedericus Leo. Berlin: Weidemann, 1881. P. 28 (Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum t. IV pars prior).

Solvet saeculum in favilla
Testes David et Sibilla!

I.3 „Requiem“ (Эллис. Stigm., 62; Эллис. Стих., 38)

Dona ei <*sic*> requiem aeternam!

I.4 «Золотой Город» (Эллис. Stigm., 98; Эллис. Стих., 60)

Tuba mirum spargens sonum!..
Dies Irae

I.5 „Sancti“ (Эллис. Stigm., 132; Эллис. Стих., 79)

Crux est porta Paradisi,
In qua sancti sunt confisi,
Qui vicerunt omnia!
S. Bonaventura

В этих пяти эпиграфах отразилось два источника. Первый из них (№ I.1–I.4) — созданная в XIII в. в кругу францисканцев секвенция „Dies irae, dies illa“ („Ad Christum Judicem“), которая после богослужебной реформы второй половины XVI в. получила широкое распространение также за пределами Италии и вошла в состав католической заупокойной службы[14]. Соответственно, таков и литургический контекст первой цитаты, со ссылкой на песнопение *Confutatis maledictis* («Когда те, кто прокляты, будут обличены») в третьей части панихиды (III, 5, v. 4–6)[15]. Стихотворение под названием «Анатомический театр. Museum anatomicum» с посвящением Н.П. Киселеву было впервые опубликовано в 1906 г.[16] Оно содержит

[14] *Blume SJ Clemens / Henry Marriot Bannister* (Hrsg.). Analecta Hymnica Medii Aevi. Bd. 54. Leipzig: O.R. Reisland, 1915 [reprint: Frankfurt am Main: Verlag Minerva, 1961]. S. 269–275. Nr. 178 (далее — Analecta Hymnica. Bd. 54); Doctoris Seraphici S. Bonaventurae S. R. E. Episcopi Cardinalis Opera Omnia. Iussu et auctoritate R.mi P. Aloysii Lauer [...] edita studio et cura pp. collegii a S. Bonaventura. T. VIII. Ad Claras Aquas (Quaracchi): Ex Typographia Collegii S. Bonaventurae, 1908. P. 667–669; *Distelbrink Balduinus*. Bonaventurae scripta authentica, dubia vel spuria critice recensita. Roma: Istituto storico Cappuccini, 1975. P. 134. № 126 (Subsidia Scientifica Franciscalia, 5); [27, S. 220–224; 26, p. 102].

[15] См., напр.: *Chase Robert*. Dies Irae. A Guide to Requiem Music. Lanham/ Maryland — Plymouth, UK: The Scarecrow Press, 2003. P. 211–214 (описание композиции 1791 г., с участием Моцарта [KV 626]).

[16] Свободная Совесть. Литературно-философский сборник. Кн. вторая. М.: Тип. торгового дома А.П. Печковский, П.А. Буланже и К°, 1906. С. 73–76; см.: [2].

экфрасис знаменитой барочной гравюры лейденского художника Willem van Swanenburgh под названием „Theatrum anatomicum in Leyden“ („Vera Anatomiae Lugduno-Batavae Cum Sceletis Et Reliquis Quae Ibi Extant Delineatio“, 1610), по рисунку Jan Cornelis Waudanus / Jan Cornelisz van ’t Woudt. В авторском примечании указано происхождение гравюры и упоминается Германский музей в Нюрнберге, где хранится ее оригинал[17]. Включив в текст стихотворения латинские надписи («На языке, что стал давно владыкой света»), в первой публикации 1906 г. Эллис поместил в примечаниях и их перевод:

„Nos summus — umbra!..“ («Мы — тень!»);
„In nobis nosce te!..“ («В нас узнай себя!»);
„Mors — rerum ultima est linea!..“ («Смерть — предел всему!»);
„Mors sceptra omnia ligonibus aequat!..“
(«Смерть равняет скиптры
с посохами!»);
„Nascentes morimus!“ («Рождаемся, чтобы умереть!»)[18].

Но в книге 1911 г., заменив заглавие «Анатомический театр» на „Museum Anatomicum“ (прежде бывшее подзаголовком), Эллис отказался от перевода надписей и убрал соответствующие примечания, тем самым усилив степень «латинизации» стихотворения.

Второй эпиграф (№ I.2) воспроизводит три начальных стиха той же секвенции „Dies irae“ с неточностями: форма *saeculum* вместо метрически необходимого *saeclum*; чтение *Testes David et Sibilla* вместо нормативного *Teste David cum Sibylla.* Такой отход от подлинника вызывает недоумение, поскольку стихи предпосланы как раз переложению гимна, сделанному Эллисом, а эпиграф лишь призван напомнить оригинальный текст гимна. В сборник Эллиса «Крест и Лира» (1938) [далее — КЛ] вошел тот же перевод с незначительными изменениями.

В третьем эпиграфе (№ I.3) чтение *Dona ei* («Даруй ей», дат. падеж единств. числа указат. местоим. женск. р. *ea*) изменено по отношению к нормативной литургической версии: *Requiem aeternam dona eis, Domine* («Даруй им, Господи, вечный покой») на основе заключительного стиха исходного текста секвенции: *Pie Iesu Domine,* / *Dona eis requiem* («Милосердный Господи Иисусе, / Даруй

[17] Nürnberg, Germanisches Nationalmuseum, Graphische Sammlung, Inventar-Nr. HB 25433, Kapsel-Nr. 1198. О историко-культурных реалиях в связи с этой гравюрой см. в кн.: [15].

[18] Свободная Совесть. С. 76.

им покой»). Такая вариация, внесенная Эллисом, объяснима тем, что в его стихотворении речь идет о лице женского пола (ср. «Ты царица, а была рабыней» и проч., там же).

В первой публикации стихотворение «Золотой Город», вошедшее в подборку сборника «Свободная Совесть», непосредственно следовало за текстом I.1; оно имело посвящение Андрею Белому (как и прочие, снятое при составлении книги 1911 г.)[19]. Однострочный эпиграф, тождественный I.4 выше, содержал, однако, только лаконичное указание: *Requiem*. Итак, в 1911 г. Эллис уточнил происхождение эпиграфа ссылкой на первичный источник — секвенцию „Dies irae“.

Пятый эпиграф в нашем перечне (№ I.5) заимствован из секвенции „Recordare Sanctae Crucis“, авторство которого приписывается францисканцу св. Бонавентуре[20]. В книге Эллиса 1911 г. перевода секвенции нет, впервые он появляется в важном для Эллиса сборнике 1927 г.[21] Затем тот же перевод вошел в состав КЛ (см. версию КЛ по автографу в приложении). Итак, паратексты этого круга в книге „Stigmata“, ограничиваясь двумя широко распространенными первоисточниками, отсылают к *францисканской* традиции.

II. ***Поэма «Мария» (1913 / 1914)***

В следующей поэтической книге Эллиса — сборнике «Арго» — паратекстуальная композиция заметно усложняется: здесь имеются семь средневековых латинских эпиграфов, и все они сосредоточены только в одной его части — поэме «Мария», которая первоначально замышлялась как отдельная публикация и была включена в книгу уже на последнем этапе ее формирования, в сентябре 1913 г. [3, с. 523]. Автобиографический подтекст поэмы связан с отношениями

[19] Свободная Совесть. С. 77.

[20] *Dreves Guido Maria*. Analecta Hymnica Medii Aevi. Bd. 50. Leipzig: O.R. Reisland, 1907 [reprint: Frankfurt am Main: Verlag Minerva, 1961]. S. 571–573. Nr. 383; *Distelbrink Balduinus*. Bonaventurae scripta authentica... P. 25–26. № 20; см.: [27, p. 255–259; 26, p. 107–108].

[21] Св. Бонавентуры: пер<евелъ> съ латинскаго Е. <*sic!*> Кобылинскій-Эллисъ. Хвала кресту. Секвенція (Recordare sanctae crucis!) // Ex Oriente. Religiöse und philosophische Probleme des Ostens und des Westens. Beiträge orthodoxer, unierter und katholischer Schriftsteller in russischer, französischer und deutscher Sprache. Mit einem achtfarbigen Titelbild und sechs einfarbigen Bildern. Herausgegeben von Prof. Dr. theol. Ludwig Berg / Ex Oriente. Религіозныя и философскія проблемы Востока и Запада. Статьи православныхъ и католическихъ писателей на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ заглавным листомъ въ восемь красокъ и шестью иллюстраціями подъ редакціей проф. др. богословія Людвига Берга. Mainz: Matthias-Grünewald-Verlag / Майнцъ: Издательство Маттіасъ Грюневальдъ, 1927. С. 356. См. также: [6, с. 241–244].

Эллиса и М.И. Сизовой, которые он сам относил к категории *магического взаимодействия* [1]. Для определения интерпретационных границ своей поэмы Эллис намеревался поместить и отдельное метаописание, не вошедшее в опубликованную в «Арго» версию[22]. На основании этого свидетельства отбор эпиграфов и связь паратекста и текста поэмы требует в дальнейшем отдельного анализа.

II.1 [Эпиграф к поэме «Мария»] (Эллис. Арго, [153]; Эллис. Стих., 173)

O Maria, stella maris,
pietate singularis,
pietatis oculo
nos digneris intueri,
nec cuncteris misereri
naufraganti saeculo!

Sequentia Adami de S. Victore
de Beata Maria Virgine

Первая строфа (v. 1–6) секвенции (Inc: O Maria, stella maris), авторство которой долгое время приписывалось знаменитому гимнографу Адаму († ок. 1146) из августинского аббатства св. Виктора в Париже[23]. В ряде изданий начало ст. 5 дается в форме „*ne* cuncteris...“[24]. Тот же или схожий с цит. здесь текст (с формой *nec*) входит во многие антологии, например с обозначением *De Beata Virgine Maria* — в сборник Йозефа Керайна[25].

II.2 *Пролог* (Эллис. Арго, 155; Эллис. Стих., 173)

Te adorant superi
matrem omnis gratiae,
Maria!
Ad te clamant miseri
de valle miseriae,
Maria!

Sequentia de BMV

22 См. ее публикацию в работе: [2, с. 202–204].

23 Свидетельства о нем и список композиций его круга см. в работах: [12; 11, p. 415–416].

24 *Gautier Léon*. Œuvres poétiques d’Adam de S.-Victor. T. II. Paris: Julien, Lanier, Cosnard, 1859. P. 360–361; разночтения указаны в издании: Analecta Hymnica. Bd. 54. S. 386. Nr. 246.

25 Kehrein. Sequenzen. S. 200. Nr. 260 (различие в строфическом оформлении).

Секвенция (Inc.: Gaude mater luminis); текст и строфическое оформление соответствует, например, версии в сборнике Г.А. Даниэля[26].

II.3 *Песнь первая* (Эллис. Арго, 162; Эллис. Стих., 178)

Tu es regis speciosi
        mater honestissima,
odor nardi preciosi
        rosa suavissima.
                                Sequentia de BMV

Секвенция (Inc.: Veneremur virginem / Genetricem); текст соответствует сборнику Керайна, но в последнем, как и в других случаях, оформление не совпадает с цитатой Эллиса (четные стихи напечатаны без отступа)[27].

II.4 *Песнь вторая* (Эллис. Арго, 167; Эллис. Стих., 181)

Virgo virginum praeclara,
praeter omnes Deo cara,
        dominatrix coelitum,
fac nos pie te cantare,
praedicare et amare
        audi vota supplicum!
                                Sequentia de BMV

Секвенция (Inc.: Virgo virginum praeclara, / praeter omnes…); текст соответствует сборнику Керайна, но отличается орфографически[28].

II.5 *Песнь третья* (Эллис. Арго, 175; Эллис. Стих., 187)

Speculum virginitatis,
        gaude Maria!

[26] *Daniel Hermann Adalbert.* Thesaurus hymnologicus sive hymnorum canticorum sequentiarum circa annum MD usitatarum collectio amplissima. T. II. Lipsiae: J.T. Loeschke, 1855. P. 191. № 188 (*De Beata Virgine*); Kehrein. Sequenzen. S. 227. Nr. 303 (*De beata Maria virgine*; строф. отличие); Analecta Hymnica. Bd. 54. S. 358. Nr. 225.

[27] Kehrein. Sequenzen. S. 241. Nr. 331 (*De Beata Maria Virgine*); Analecta Hymnica. Bd. 54. S. 402–403. Nr. 257 (De Beata Maria Virgine), с вариантом (v. 1): „Salve, regis speciosi“.

[28] Kehrein. Sequenzen. S. 152. Nr. 190 (*De Beata Maria Virgine*).

Секвенция (Inc.: Gaude Maria, / Templum), формально измененная цитата; жанрово обусловленный порядок славословий Деве Марии предусматривает иную последовательность стихов: „Gaude Maria, / Templum summae majestatis, / Gaude Maria, / Speculum virginitatis. // Gaude Maria, / Lex testamenti gratiae …“[29].

II.6 *Песнь четвертая* (Эллис. Арго, 180; Эллис. Стих., 190)

Fac me tecum pie flere,
crucifixo condolere,
donec ego vixero;
iuxta crucem tecum stare
et me tibi sociare
in planctu desidero!

Sequentia Jacoponis de Todi
de compassione BMV

Секвенция XIII в. (Inc.: Stabat mater dolorosa); авторство Якопоне да Тоди подвергается сомнению[30]. Эллис называл этот гимн «самым захватывающим религиозным гимном человечества» [7, с. 317]; ранняя редакция сделанного им перевода вошла в „Stigmata“[31], при подготовке локарнского сборника перевод подвергся переработке.

II.7 *Песнь пятая* (Эллис. Арго, 186; Эллис. Стих., 194)

Imperatrix supernorum,
superatrix infernorum,
eligenda via caeli,
retinenda spe fideli —
separatos a te longe,
revocatos a te iunge
tuorum collegio.

Sequentia de purificatione BMV

Секвенция (Inc.: Lux advenit veneranda); Эллис пользовался изданием, в котором этот текст не атрибутируется парижскому гим-

[29] Kehrein. Sequenzen. S. 226. Nr. 302 (*De Beata Maria Virgine*); Analecta Hymnica. Bd. 54. S. 333. Nr. 213.

[30] Kehrein. Sequenzen. S. 174. Nr. 223; Analecta Hymnica. Bd. 54. S. 312–313. Nr. 201; [27, S. 287–289; 26, p. 108–109].

[31] Эллис. Stigm. С. 62–64; Эллис. Стих. С. 96–97.

ографу Адаму (ср. II.1) и в ст. 3 дается чтение *caeli* (а не *coeli*), что исключает в данном случае, например, сборник Й. Керайна[32].

III. *Паратекст полемического трактата* Vigilemus! *(1914)*

Три главы трактата объединены кольцевой композицией: заключительная фраза каждой из них зеркально повторяет ее заглавие, и в своей совокупности они представляют первый стих эпиграфа:

Нога novissima,
tempora pessima
sunt: vigilemus!

Свой источник Эллис определяет в соответствии с имевшимся у него изданием как гимн неизвестного автора XV в. („Hymnus incerti auctoris saec. XV")[33]. Столь поздняя датировка встречается редко[34], поскольку давно была установлена принадлежность этого стиха к поэме монаха Бернарда из обители Cluny (Bernardus Morlanensis) «О презрении к миру» („De contemptu mundi"), написанной до середины XII в. [23, p. 12]. Эллис цитирует восемь стихов, открывающих поэму Бернарда (Inc.: Нога novissima, / tempora pessima / sunt, vigilemus, // Ecce minaciter / imminet arbiter / ille surpemus — des.: Surgat homo reus, / instat homo Deus, / a patre iudex), которые также курсировали как отдельный текст[35].

Отметим также, что первая строка этого латинского стихотворения, которую Эллис впоследствии сделал композиционной осью своего трактата, появляется у Г.А. Рачинского как эпиграф к его сти-

[32] Kehrein. Sequenzen. S. 172. Nr. 219; Ср. также: *Gautier Léon*. Œuvres poétiques d'Adam de S.-Victor. P. 204–205 (9, v. 3 *coeli*); Analecta Hymnica. Bd. 54. S. 309–310. Nr. 198.

[33] *Эллис*. Vigilemus! Трактат. М.: Мусагет, 1914. С. 3–4, 11–12, 48–49; *Эллис*. Неизданное и несобранное / сост., подготовка текста, библиографические справки А.В. Лаврова, Г.В. Нефедьева, С.Н. Мироненко. Томск: Водолей, 2000. С. [248]–249, 255, 283–284.

[34] *Bässler Ferdinand*. Auswahl altchristlicher Lieder vom zweiten bis funfzehnten Jahrhundert: im Urtext und in deutschen Übersetzungen. Berlin: Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1858. S. 249. Nr. 139.

[35] *Daniel Hermann Adalbert*. Thesaurus hymnologicus sive hymnorum canticorum… T. II. Lipsiae: Sumptibus Io. Ambr. Barthii, 1844. P. 380. № LXXIV (в составе издания 1844 г. имеются отличия от цит. выше издания 1855 г.); Lauda Sion. Altchristliche Kirchenlieder und geistliche Gedichte lateinisch und deutsch von Karl Simrock. Köln am Rhein: Verlag J.M. Heberle (H. Lempertz), 1850. S. 292. Об обособленной традиции этого стихотворения см. также: *Chevalier Ulisse*. Repertorium Hymnologicum. Catalogue des chants, hymnes, proses, séquences, tropes en usage dans l'Église Latine depuis les origines jusqu'a nos jours. Tome I. Louvain: Imprimerie Lefever, 1892. P. 479.

хотворению «Арион» («Бушует буря, влажные могилы…») с такой отсылкой к источнику: «Католический гимн времен реформации»[36]. Как представляется, это обозначение неточно, поскольку латинский текст намного древнее, а в эпоху Реформации поэма монаха Бернарда использовалась как раз в полемике против католической Церкви (в частности, лютеранским богословом Matija Vlačić / Flacius, Illyricus)[37].

IV. *Латинские паратексты в сборнике «Крест и Лира» (1938)*

В сборнике локарнского периода встречаются только два примера прямого использования эпиграфов из средневековых латинских источников, причем один из них оставлен в оригинале, другой дается в переводе. Первый эпиграф предпослан стихотворению «Град Божий (Гимн иоаннитов)», в заглавии которого один из символов Небесного Иерусалима представлен как некий ритуальный текст рыцарского монашеского ордена. Приводим здесь это неизданное стихотворение:

Media vi<t>a in morte sumus; quem quaer[i]mus adjutorem, nisi Te, Domine?
St. Notker

Град извечно родной! Башни, легкие, стройные своды,
Купола, купола, без числа золотые дворцы,
Перед радугой Врат бестревожно-хрустальные воды,
Стены — яспис, сапфир, на стенах и на башнях зубцы!

Божий Град, где ни солнце, ни месяц не знают заката,
Непорочных созвездий не меркнет сияющий хор,
Где неведомы сердцу от века ни скорбь, ни утрата,
Где слеза не туманит блаженно-утешенный взор.

Сонмы воинов светлых и ангелов Божьих крылатых
Держат стражу у Врат; и на белых конях без узды
Мчатся в бой их ряды, на щитах и на солнечных латах
Отражается утренний блеск непорочной Звезды.

---

[36] *Рачинский Г.А.* Арион // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. 1908. Кн. XI. М. 1908. С. 174.

[37] Varia doctorum piorumque virorum, De corrupto Ecclesiae statu, Poemata, Ante nostram aetatem conscripta [...]. Cum praefatione Mathiae Flacii Illyrici. Basileae: Per Ludovicum Lucium, 1557. P. 284 ff.

Сам Христос, *вечный Царь*, в лучезарной, нетленной короне
Там как день первозданный сияет под стягом Креста...
Божий Град, он встает как корабль на бестрепетном лоне,
Он заслышит трубу и раскроет пред нами Врата.

Божий Град! все мы были твои, но стрелою Денницы
Пораженные в сердце, забылись томительным сном,
Пали горестно ниц и устало смежили зеницы,
Чтоб бесцельно томиться, блуждая в изгнанье земном.

Смерть под стягом Креста — пробужденья святая услада!
Здесь повергнуты в прах, обретая кровавый конец,
Мы пробудимся вновь там, на стогнах Господнего Града,
Лик бессмертья прияв и небесный, нетленный венец!

Эпиграф представляет собой не совсем точную цитату начальных четырех стихов (цит. без строфического разделения) хорала „Antiphona de morte“ (в оригинале *vita* вместо *via* в записи Эллиса, *quaerimus* вместо *quaeremus*)[38]. Происхождение хорала относится к середине XI в.; встречающееся начиная с XVII в. упоминание бенедиктинца преп. Ноткера (Notker Balbulus) из Санкт-Галлена († 912) как его автора ошибочно [19; 20, p. 357–358]. Этот текст в различных адаптациях и дополнениях широко известен особенно в немецкоязычной католической, а впоследствии и в протестанской традиции; был распространен и его немецкий перевод („Mitten wir im Leben sind mit dem Tod umfangen“)[39]. Внелитургическое обращение песнопения в Средние века связано с его использованием как оберега от болезни и смерти, а также заклинания перед боем [14]. Возможно, под влиянием именно такой коннотации Эллис связал свою цитату с воинской тематикой, однако настаивать на этом объяснении не приходится. По всей видимости, мотивы в стихотворении и упоминание иоаннитов отражают оригинальную концепцию Эллиса и не связаны с исторической традицией[40].

[38] *Wackernagel Philipp.* Das deutsche Kirchenlied von der ältesten Zeit bis zu Anfang des XVII. Jahrhunderts. Bd. 1. Leipzig: B.G. Teubner, 1864. S. 94. Nr. 141.

[39] Deutscher Liederhort. Auswahl der vorzüglicheren deutschen Volkslieder, nach Wort und Weise aus der Vorzeit und Gegenwart, gesammelt und erläutert von Ludwig Erk. Neubearbeitet und fortgesetzt von Franz M. Böhme. Bd. III. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1894. S. 845–846. Nr. 2148; [16, S. 232].

[40] По мнению проф. Rudolf Hiestand (Düsseldorf), специалиста по средневековой истории Ордена братьев иерусалимского госпиталя св. Иоанна Крестителя, которого мы ознакомили с встречающимися здесь мотивами, в стихотворении не отражается

Второй эпиграф встречается в обширном стихотворении «Смерть Роланда», состоящем из 84 строк:

> Я Тюрпин предстоял пред Господом в час смерти сего мученика (Роланда) 16 числа месяца июля и совершал заупокойную обедню в присутствии высокочтимого короля. Восхищен в духе, я вдруг внял ангельские гласы, не ведая, что все это значит... То святые ангелы несли душу Роланда на небо!
>
> («Повествование архиепископа Тюрпина о деяниях и смерти св. короля Карла Великого и его рыцарях»)

Цитата содержит парафразу Эллиса из Хроники Псевдо-Тюрпина — повествования, объединившего легендарные циклы о Карле Великом и Роланде[41]. Ср. следующее место главы „De visione Turpini et de lamentatione Karoli super mortem Rotolandi“ («О видении Тюрпина и об оплакивании Карлом смерти Ротоланда»)[42]:

> 1. [...] Dum beati Rotolandi martiris anima exiret a corpore, et ego Turpinus in Valle Karoli, loco prefato, adstante rege, defunctorum missam eodem die, scilicet XVI. Kalendarum Iulii, celebrarem, raptus in extasi audivi choros in celestibus canentes, ignorans quid hoc esset. [...] 3. ... tubic[in]em vestrum cum multis Michael fert ad superna.
>
> (1. В то время, когда душа блаженного мученика Ротоланда исходила от тела, и я, Тюрпин, в уже упомянутой долине Карла [Valcarlos] в присутствии короля в тот же день, 15 августа, служил отходную мессу и будучи восхищен в духе, я слышал поющие на небесах хоры, не зная, что это. [...] 3. [… воина] вашего, трубившего в рог, со многими другими возносит [Архангел] Михаил к небесам)[43].

В этом стихотворении (полный текст которого превышает рамки журнальной публикации) благодаря переводу орнаментальный характер латинского эпиграфа отходит на второй план, лишь подчеркивая использование Эллисом редкого источника, в котором историческое повествование неотделимо от легендарного. По-видимому,

какой-либо традиционный текст, который мог бы быть охарактеризован как *гимн* этого ордена.

[41] Подробнее об особенностях «двойной биографии» в этом памятнике см.: [29]. О соотношении легендарных циклов см.: [22]

[42] Ps.-Turpin, Historia Karoli Magni et Rotolandi, cap. XXV; [13, S. 82–83; 17, S. 108–109].

[43] Об этом мотиве см.: [10].

эта тенденция КЛ к снижению количества латинских эпиграфов по сравнению с предыдущими поэтическими сборниками связана с концентрацией здесь переводов и переложений таких текстов, западноевропейские истоки которых не требовали по мнению Эллиса дополнительной контекстуализации при помощи паратекста.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О св. кресте Господнем
(Recordare Sanctae Crucis) (St. Bonaventura)

Крест Господний вспоминайте,
Плоть всечасно распинайте,
Исполняйтесь радостью!
    Лишь кресту Господню верьте,
    Созерцайте древо смерти
    С несказанной сладостью!
В час покоя, в час работы,
В счастья час иль в час заботы,
Горестный иль радостный,
    Отправляясь в путь далекий,
    Меж людей иль одинокий,
    Крест да помнишь благостный!
В дни неволи, в скорби годы
От печали, от невзгоды
Крест — твое целение,
В дни рыданий, воздаяний
Крест — целение страданий,
Скорби утоление!
Крест — врата святого рая,
Крест — святых стезя страстная,
Мира победителей,
Крест — спасение вселенной,
Путь, Творцом благословенный,
Всех чудотворителей!
Крест души воскресшей сила,
Беззакатное светило,
Сладкое питание,
    Крест сокровище блаженных,
    Жизнь святых и совершенных,
    Духа ликование!..

Дай мне силу, о Распятый,
Дабы скорбию объятый,
Пройден покаянием,
Сораспят одним распятьем,
Я приник к Тебе объятьем
С горестным рыданием!

Литература

1. *Глуховская Е.А*. Меланхоличный романтик русского символизма. Автобиографический миф Эллиса в эпистолярных и поэтических текстах 1912 года // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16, № 1–2. С. 109–129. DOI: 10.26172/2587-8190-2020-16-1-2-109-129

2. *Глуховская Е.А*. Поэтическое наследие Эллиса: на пути к переизданию «Stigmata» и «Арго» // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N.S. Bd. 9. 2021. С. 193–194.

3. *Глуховская Е.А*. Эллис и Э.К. Метнер: к истории издания книги Арго (1914) // Russian Literature. LXXVII. 2015. С. 523.

4. *Нехотин В.В., Резвый В.А*. Шарль Бодлер в поздних переводах Арсения Альвинга // Литературный факт. 2018. № 10. С. 8–37. DOI: 10.22455/2541-8297-2018-10-8-37

5. *Поляков Ф*. Антихристианский национализм и судьбы культурных традиций в Европе 1930-х годов: Материалы из писем Эллиса (Льва Кобылинского) к Николаю Зарецкому // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 131–144. DOI: 10.17323/2658-5413-2019-2-2-131-144

6. *Поляков Ф*. Воссоединение как отречение: к хронологии обращения Льва Кобылинского-Эллиса в католичество // Archivio russo-italiano XI, a cura di Giuseppina Giuliano, Andrej Shishkin. Salerno: Università di Salerno, 2020. P. 236–249. (Europa Orientalis, 34).

7. *Поляков Ф*. Из комментариев к книге стихотворений и переводов Эллиса «Крест и Лира». I. Имена волхвов: след немецкой мистической традиции // Wiener Slavistisches Jahrbuch N.F. Bd. 9. 2021. С. 251–258.

8. *Поляков Ф*. Ранняя редакция сборника Эллиса «Крест и Лира»: попытка реконструкции // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 312–324.

9. *Bässler Ferdinand*. Auswahl altchristlicher Lieder vom zweiten bis funfzehnten Jahrhundert: im Urtext und in deutschen Übersetzungen. Berlin: Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1858. Nr. 139. S. 249.

10. *Dickman Adolphe Jacques*. Le rôle du surnaturel dans les chansons de geste. Paris: Champion, 1926.

11. *Fassler Margot E*. The Victorines and the Medieval Liturgy // A Companion to the Abbey of Saint Victor in Paris. Edited by Hugh Feiss & Juliet Mousseau. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 389–421 (Brill's Companions to the Christian Tradition, 79).

12. *Fassler Margot E*. Who Was Adam of St. Victor? The Evidence of the Sequence Manuscripts // Journal of the American Musicological Society. 1984. Vol. 37. No. 2. P. 234–269.

13. *Hämel Adalbert.* Der Pseudo-Turpin von Compostela. Aus dem Nachlaß hrsg. von André de Mandach. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1965. 105 S. (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse 1965. Heft 1).

14. *Hascher-Burger Ulrike.* Zwischen Liturgie und Magie: Apotropäischer Zaubergesang in niedersächsischen Frauenklöstern im späten Mittelalter // Journal of the Alamire Foundation. 2011. Vol. 3. S. 127–143.

15. *Huisman Tim.* The Finger of God: Anatomical Practice in Seventeenth-Century Leiden. Leiden: Primavera Press, 2009. 215 p.

16. *Janota Johannes.* Studien zu Funktion und Typus des deutschen geistlichen Liedes im Mittelalter. München: C.H. Beck, 1968. 510 S. (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters, 23).

17. *Klein Hans-Wilhelm.* Die Chronik von Karl dem Großen und Roland. Der lateinische Pseudo-Turpin in den Handschriften aus Aachen und Andernach. München: Wilhelm Fink Verlag, 1986. S. 108–109 (Beiträge zur romanischen Philologie des Mittelalters, XIII).

18. *Kühne Udo.* Poetische Übergänge: Charles Baudelaire, Ezra Pound und James Joyce als lateinische Dichter // Jahrbuch für internationale Germanistik. Bd. 38/I. 2006. S. 185–200.

19. *Lipphardt Walther.* “Media vita in morte sumus” // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Begründet von Wolfgang Stammler, fortgeführt von Karl Langosch. 2., völlig neu bearbeitete Aufl. Hrsg. von Kurt Ruh. Bd. 6. Berlin–New York: De Gruyter, 1987. Sp. 271–275.

20. *Macardle Peter.* The St Gall Passion Play. Music and Performance. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007. 460 p.

21. *Öberg Jan.* Baudelaire als mittelalterlicher Dichter // hrsg. von Ulrich J. Stache, Wolfgang Maaz, Fritz Wagner. Kontinuität und Wandel. Lateinische Poesie von Naevius bis Baudelaire. Franco Munari zum 65. Geburtstag. Hildesheim: Weidmann, 1986. S. 691–698.

22. *Ohly Friedrich.* Die Legende von Karl und Roland [1974] // Friedrich Ohly. Ausgewählte und neue Schriften zur Literaturgeschichte und zur Bedeutungsforschung. Hrsg. von Uwe Ruberg und Dietmar Peil. Stuttgart; Leipzig: Hirzel, 1995. S. 35–76.

23. *Pepin Ronald E.* Scorn for the World: Bernard of Cluny’s *De Contemptu Mundi.* East Lansing, Michigan: Colleagues Press, 1991. 37+189 p. (Medieval texts and studies, no. 8).

24. *Saminadayar-Perrin Corinne.* Baudelaire poète latin // Romantisme. Revue du dix-neuvième siècle. 2001. No. 113. P. 87–103.

25. *Syssoeva Yulia.* Les traductions russes des “Fleurs du Mal” aux XIXe et XXe siècles // L’Année Baudelaire. 2017. T. 21. P. 169–186.

26. *Szövérffy Josef.* A Concise History of Medieval Latin Hymnody. Religious Lyrics between Antiquity and Humanism. Leiden: Classical Folia Editions, 1985. 176 p. (Medieval Classics. Texts and Studies, 19).

27. *Szövérffy Josef.* Die Annalen der lateinischen Hymnendichtung. Ein Handbuch. Bd. II.: Die lateinischen Hymnen vom Ende des 11. Jahrhunderts bis zum Ausgang des Mittelalters. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1965. 554 S.

28. *Terrier Philippe.* Les titres en latin dans “Les Fleurs du Mal” // Versants. Revue suisse des littératures romanes. 1998. T. 33. P. 149–173.

29. *Tischler Matthias.* Tatmensch oder Heidenapostel. Die Bilder Karls des Großen bei Einhart und im Pseudo-Turpin // Jakobus und Karl der Große. Von Einhards Karlsvita zum Pseudo-Turpin hg. von Klaus Herbers. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. S. 1–37.

30. *Wanner Adrian.* Baudelaire in Russia. Gainesville, FL: University Press of Florida, 1996. XII+254 p.

Research Article

From the Commentary to Ellis' Book of Poems and Translations 'The Cross and the Lyre'. II. Medieval Latin Epigraphs

University of Vienna, Austria

Abstract: The essay examines Latin sequentiae and other texts on the border of literature and liturgy that appear in the original as epigraphs in works of the poet and translator Ellis (Lev Lvovich Kobylinsky, 1879–1947) including his third book of poems and translations *Krest i Lira* ("The Cross and the Lyre"), compiled in Locarno in 1938. The identification of these texts allows us to map out with precision the range of his work with medieval Western European themes and to explore the role of Latin liturgy in the creation of his conception of the interpenetration of Eastern and Western Christian traditions. The evidence also shed additional light upon the poetics of the adaptation of Catholic culture in Russian Symbolism (especially in works of Vyacheslav Ivanov).

Keywords: Lev Kobylinsky-Ellis; Russian Symbolism; Russian emigration in Switzerland; translations of medieval Latin poetry; reception of the European Middle Ages in Russian literature.

Information about the author: Fedor B. Poljakov — Univ.-Prof. Dr., Department of Slavonic Studies, University of Vienna. 1010 Vienna, Universitaetsring 1, Austria.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1584-0219 E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

For citation: Poljakov, Fedor. "From the Commentary to Ellis' Book of Poems and Translations 'The Cross and the Lyre'. II. Medieval Latin Epigraphs." *Literaturnyi fakt*, no 4 (22), 2021, pp. 281–301. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-281-301

References

1. Glukhovskaia, E. "Melankholichnyi romantik russkogo simvolizma. Avtobiograficheskii mif Ellisa v epistoliarnykh i poeticheskikh tekstakh 1912 goda" ["The Melancholic Romantic of Russian Symbolism. Ellis' Autobiographical Myth in Epistolary and Poetic Texts of 1912"]. *Letniaia shkola po russkoi literature*, vol. 16, no. 1–2, 2020, pp. 109–129. DOI: 10.26172/2587-8190-2020-16-1-2-109-129 (In Russ.)

2. Glukhovskaia, E. “Poeticheskoe nasledie Ellisa: na puti k pereizdaniiu ‘Stigmata’ i ‘Argo’.” [“Ellis's Poetic Legacy: Towards the Reissue of ‘Stigmata’ and ‘Argo’.”]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch. N.S.*, bd. 9, 2021, pp. 193–194. (In Russ.)

3. Glukhovskaia, E. “Ellis i E.K. Metner: k istorii izdaniia knigi Argo (1914)” [“Ellis and E.K. Medtner: On the Publication History of the Book ‘Argo’ (1914)”]. *Russian Literature*, LXXVII, 2015, p. 523. (In Russ.)

4. Nekhotin, V.V., Rezvyi, V.A. “Sharl' Bodler v pozdnikh perevodakh Arseniia Al'vinga” [“Charles Baudelaire in Late Translations by Arseny Alving”]. *Literaturnyi fact*, no. 10, 2018, pp. 8–37. DOI: 10.22455/2541-8297-2018-10-8-37 (In Russ.)

5. Poliakov, F. “Antikhristianskii natsionalizm i sud'by kul'turnykh traditsii v Evrope 1930-kh godov: Materialy iz pisem Ellisa (L'va Kobylinskogo) k Nikolaia Zaretskomu” [“Anti-Christian Nationalism and Fates of Cultural Traditions in Europe of the 1930s: Materials from the Letters of Ellis (Lev Kobylinsky) to Nikolai Zaretsky”]. *Filosoficheskie pis'ma. Pussko-evropeĭskiĭ dialog*, vol. 2, no. 2, 2019, pp. 131–144. DOI: 10.17323/2658-5413-2019-2-2-131-144 (In Russ.)

6. Poliakov, F. “Vossoedinenie kak otrechenie: k khronologii obrashcheniia L’va Kobylinskogo-Ellisa v katolichestvo” [Reunification as a Renunciation: on the Chronology of Lev Kobylinsky-Ellis’s Conversion to Catholicism]. *Archivio russo-italiano XI,* ed. by Giuseppina Giuliano, Andrej Shishkin. Salerno, 2020, pp. 236–249. (Europa Orientalis, 34). (In Russ.)

7. Poliakov F. “Iz kommentariev k knige stikhotvorenii i perevodov Ellisa ‘Krest i Lira’. I. Imena volkhvov: sled nemetskoi misticheskoi traditsii” [“From the Commentary to the Book of Poems and Translations ‘The Cross and the Lyre’ by Ellis. I. The Names of the Magi: a trace of the German Mystical Tradition”]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch. N.F.*, bd. 9, 2021, pp. 251–258. (In Russ.)

8. Poliakov, F. “Ranniaia redaktsiia sbornika Ellisa ‘Krest i Lira’: popytka rekonstruktsii” [“Early Edition of Ellis' Collection ‘Cross and Lear’: a Study in Reconstruction”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 312–324. (In Russ.)

9. Bässler, Ferdinand. *Auswahl altchristlicher Lieder vom zweiten bis funfzehnten Jahrhundert: im Urtext und in deutschen Übersetzungen*. Berlin, Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1858, nr. 139. S. 249. (In German)

10. Dickman, Adolphe Jacques. *Le rôle du surnaturel dans les chansons de geste*. Paris, Champion, 1926, 238 p. [reprint: Genève, Slatkine, 1974]. (In French)

11. Fassler, Margot E. “The Victorines and the Medieval Liturgy”. *A Companion to the Abbey of Saint Victor in Paris*, ed. by Hugh Feiss & Juliet Mousseau. Leiden, Boston, Brill, 2018, pp. 389–421. (Brill’s Companions to the Christian Tradition, 79). (In English)

12. Fassler, Margot E. “Who Was Adam of St. Victor? The Evidence of the Sequence Manuscripts”. *Journal of the American Musicological Society*, vol. 37, no. 2, 1984, pp. 234–269. (In English)

13. Hämel, Adalbert. *Der Pseudo-Turpin von Compostela. Aus dem Nachlaß hrsg. von André de Mandach*. München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1965. 105 S. (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse 1965. Heft 1). (In German)

14. Hascher-Burger, Ulrike. “Zwischen Liturgie und Magie: Apotropäischer Zaubergesang in niedersächsischen Frauenklöstern im späten Mittelalter”. *Journal of the Alamire Foundation*, vol. 3, 2011. S. 127–143. (In German)

15. Huisman, Tim. *The Finger of God: Anatomical Practice in Seventeenth-Century Leiden*. Leiden, Primavera Press, 2009. 215 p. (In English)

16. Janota, Johannes. *Studien zu Funktion und Typus des deutschen geistlichen Liedes im Mittelalter*. München, C.H. Beck, 1968. 510 S. (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters, 23). (In German)

17. Klein, Hans-Wilhelm. *Die Chronik von Karl dem Großen und Roland. Der lateinische Pseudo-Turpin in den Handschriften aus Aachen und Andernach*. München, Wilhelm Fink Verlag, 1986, S. 108–109. (Beiträge zur romanischen Philologie des Mittelalters, XIII). (In German)

18. Kühne, Udo. "Poetische Übergänge: Charles Baudelaire, Ezra Pound und James Joyce als lateinische Dichter". *Jahrbuch für internationale Germanistik*, Bd. 38/I, 2006. S. 185–200. (In German)

19. Lipphardt, Walther. "Media vita in morte sumus". *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*, Bd. 6, begründet von Wolfgang Stammler, fortgeführt von Karl Langosch. 2., völlig neu bearbeitete Aufl. Hrsg. von Kurt Ruh. Berlin–New York, De Gruyter, 1987. S. 271–275. (In German)

20. Macardle, Peter. *The St Gall Passion Play. Music and Performance*. Amsterdam, New York, Rodopi, 2007. 460 p. (In English)

21. Öberg, Jan. "Baudelaire als mittelalterlicher Dichter", hrsg. von Ulrich J. Stache, Wolfgang Maaz, Fritz Wagner (Hrsg.). *Kontinuität und Wandel. Lateinische Poesie von Naevius bis Baudelaire. Franco Munari zum 65. Geburtstag*. Hildesheim, Weidmann, 1986. S. 691–698. (In German)

22. Ohly, Friedrich. "Die Legende von Karl und Roland [1974]". Friedrich Ohly. *Ausgewählte und neue Schriften zur Literaturgeschichte und zur Bedeutungsforschung*, hrsg, von Uwe Ruberg und Dietmar Peil. Stuttgart, Leipzig, Hirzel, 1995. S. 35–76. (In German)

23. Pepin, Ronald E. *Scorn for the World: Bernard of Cluny's De Contemptu Mundi*. East Lansing, Michigan, Colleagues Press, 1991. 37+189 p. (Medieval texts and studies, no. 8). (In English)

24. Saminadayar-Perrin, Corinne. "Baudelaire poète latin". *Romantisme. Revue du dix-neuvième siècle*, no. 113, 2001, pp. 87–103. (In French)

25. Syssoeva, Yulia. "Les traductions russes des 'Fleurs du Mal' aux XIXe et XXe siècles". *L'Année Baudelaire*, t. 21, 2017, pp. 169–186. (In French)

26. Szövérffy, Josef. *A Concise History of Medieval Latin Hymnody. Religious Lyrics between Antiquity and Humanism*. Leiden, Classical Folia Editions, 1985. 176 p. (Medieval Classics. Texts and Studies, 19). (In English)

27. Szövérffy, Josef. *Die Annalen der lateinischen Hymnendichtung. Ein Handbuch*, Bd. II.: Die lateinischen Hymnen vom Ende des 11. Jahrhunderts bis zum Ausgang des Mittelalters. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1965. 554 S. (In German)

28. Terrier, Philippe. "Les titres en latin dans 'Les Fleurs du Mal'." *Versants. Revue suisse des littératures romanes*, t. 33, 1998, pp. 149–173. (In French)

29. Tischler, Matthias. "Tatmensch oder Heidenapostel. Die Bilder Karls des Großen bei Einhart und im Pseudo-Turpin". *Jakobus und Karl der Große. Von Einhards Karlsvita zum Pseudo-Turpin*, hg. von Klaus Herbers. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2003. S. 1–37. (In German)

30. Wanner, Adrian. *Baudelaire in Russia*. Gainesville, FL, University Press of Florida, 1996. XII+254 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 19.09.2021
Одобрена после рецензирования: 05.10.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 19.09.2021
Approved after reviewing: 05.10.2021
Date of publication: 25.12.2021

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
и публикация архивных документов
УДК 82.091
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-302-336

Неизвестные литографированные курсы А.Н. Веселовского: типологизация и проблема авторства

© 2021, С. Мацканти

Университет Мачераты, Мачерата, Италия

Аннотация: В статье предпринимается попытка проанализировать группу малоизученных текстов, связанных с именем А.Н. Веселовского (1838–1906). Литографированные курсы Веселовского, составленные в период с 1879 по 1888 гг., рассматриваются в контексте гибридного жанра студенческих записей и в сравнении с полноценными авторскими произведениями этого известного филолога XIX в. В центральной части статьи дается обзор всех 16 литографированных изданий курсов Веселовского: их основные внешние и текстовые характеристики, краткое содержание, типологизация. Особое внимание уделяется проблеме авторства этих изданий, на которые современные исследователи смотрят как на тексты, мало отражающие собственные концепции ученого. Несмотря на то что сам Веселовский не раз высказывался скептически по поводу значения литографированных записей своих курсов, подробный текстологический анализ и привлечение других косвенных и прямых фактов позволяет прийти к заключению, что участие профессора в создании этих изданий и, следовательно, доля его авторства, все-таки довольно значительные. Для реконструкции наследия ученого его литографированные курсы представляют собой важнейший источник, особенно в случае с лекциями, посвященными обзору главных европейских литератур (французской, немецкой, итальянской и английской), где Веселовский формулирует более ясные и последовательные обобщения, чем в своих опубликованных трудах.

Ключевые слова: история литературоведения, А.Н. Веселовский, историческая поэтика, студенческие записи, проблема авторства

Информация об авторе: Серджио Мацканти — PhD (Римский университет Ла Сапиенца), университет Мачераты, ул. Крешимбени 30/32 — 62100 Мачерата, Италия. E-mail: sergiomazzanti@gmail.com

Для цитирования: *Мацканти С.* Неизвестные литографированные курсы А.Н. Веселовского: типологизация и проблема авторства // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 302–336. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-302-336

А.Н. Веселовский (1838–1906) очень много успел в своей жизни, но, как известно, у него так же много осталось незавершенным [24; 26; и др.]. Речь идет не только о его знаменитой *Исторической поэтике*, над которой, вопреки мнению Б.М. Энгельгардта [42, с. 198–199], автор продолжал работать чуть ли не до последнего дня жизни, но и о других обширных проектах, таких как, например, задуманная монография о Пушкине [см.: 25, с. XXIII]. Сразу после кончины Веселовского его ученики и почитатели предприняли проект издания полного собрания сочинений из 26 томов, которое должно было включить все опубликованные труды ученого. Особое место в этом проекте занимает черновик «поэтики сюжетов»: единственный рукописный материал, входящий в план собрания сочинений (в итоге была опубликована только первая ее часть). В.Ф. Шишмарев красочно описывает трудности, с которыми сталкивались редакторы: «Всякий, кому приходилось разбираться в письмах Александра Веселовского, знает, что справиться с ними было не легче, чем с французской скорописью XVI века. Что же сказать о черновом наброске и записях для памяти?» [16, т. II, 1, с. XI]. Через четверть века новую попытку собрания материалов, дающих общее представление об *Исторической поэтике*, предпринял В.М. Жирмунский [17], который позднее дополнил их первой главой произведения, обнаруженной в архиве Веселовского почти в беловом варианте, но не опубликованной при жизни автора [19, с. 81–170]. Новый этап в восстановлении и обнародовании наследия Веселовского представляет собой предпринятый И.О. Шайтановым опыт реконструкции исторической поэтики, состоящий из двух частей: в первом томе помещаются все относящиеся к предмету прижизненные публикации; во втором томе «сделана попытка реконструкции того, что может дать нам представление о ненаписанных разделах, на основе уже сделанного ученым» [39, с. 6–7].

Однако, несмотря на важность переизданий прижизненных публикаций ученого, представление о научном значении Веселовского не будет полным, пока не будут проведены тщательный разбор его рукописных материалов, хранящихся в «Пушкинском Доме» (фонд 45), и сравнение их с опубликованными трудами. Промежуточное место между этими двумя частями наследия ученого занимает особая группа текстов: литографированные записи университетских курсов, составленные его студентами. Настоящая статья является первой попыткой если не обобщения, то хотя бы постановки вопроса об этих текстах.

История изучения предмета

Литература о литографированных изданиях курсов Веселовского сводится почти к нулю. В первых указателях его трудов, составленных учениками при жизни учителя [14; 15], они вообще не упоминаются, несмотря на то, что среди студентов, принимавших участие в издании, фигурирует М.И. Кудряшев [1896, с. VII], составитель пяти из этих курсов. На них обратил внимание П.К. Симони, который не только поместил их в своей библиографии трудов Веселовского, но также привел фрагменты из них [36, с. 16–36]. В статье 1938-го г. Шишмарев не раз упоминает литографированные курсы учителя, но, судя по всему, он не держал их в руках: он цитирует только Симони и путает курсы, читанные в Санкт-Петербургском университете, с лекциями Высших Женских курсов [40, с. 300, 314–315, 319]. Жирмунский привел два больших фрагмента из двух литографированных курсов для реконструкции ненаписанной части *Исторической поэтики*, снабдив их краткими комментариями [17, с. 636–643]. Новая волна интереса к Веселовскому после реабилитации его фигуры в 1970-е гг. частично охватывает также его студенческие курсы. В сборник *Типология народного эпоса* его редактор В.М. Гацак включает относительно большие фрагменты из трех литографированных курсов Веселовского (с краткой вступительной заметкой и комментариями) [23, с. 287–319]. Может быть, единственное более или менее обширное исследование интересующих нас текстов представляют собой некоторые статьи С.Н. Азбелева, где литографированные курсы Веселовского сравниваются с одной рукописью из архива Веселовского [1; 2; 3; 18, с. 99–117].

Если в последние сто лет мало кто занимался литографированными курсами Веселовского, его современники и ближайшие последователи давали им высокую оценку вопреки мнению самого автора. Азбелев приводит интересный фрагмент переписки Веселовского, показывающий его скептическое отношение к этим текстам. А.В. Марков (ученик В.Ф. Миллера), пишет Веселовскому в письме 1904-го г.: «Недавно я достал у Вл.Вл. Каллаша курс Ваших лекций по истории эпоса 1884–5 гг. Но мне бы хотелось приобрести полный курс Вашей “Теории поэтических родов в историч<еском> развитии”. Не можете ли Вы сообщить мне, могу ли — и где — я его достать?» [2, с. 18]. Ответ Веселовского на просьбу корреспондента весьма показательный: «Спешу предупредить Вас, что мои литографированные курсы я никогда не правил и никогда в них не заглядывал, боясь — оскорбиться. Полагаю, что схема осталась моя, за

подробности и пересказы не отвечаю; сужу так по попавшимся мне на глаза цитатам» [18, с. 110]. Данное свидетельство подтверждается словами Шишмарева о литографированных курсах Веселовского, согласно которым автор «относился к ним резко отрицательно и даже сердился, когда на них ссылались, указывая на то, что он отвечает только за напечатанное им» [40, с. 317]. Поэтому нельзя не согласиться с Азбелевым в том, что этим текстам следует предпочесть рукописи самого Веселовского, многие из которых сохраняются в его фонде, т. е. возвращаться, как пишет Шайтанов, «к слову, хотя и конспективному, самого Веселовского» [20, с. 519].

Тем не менее, сам факт распространения этих литографированных курсов, о которых существует целый ряд данных, заставляет задуматься как о причинах их относительного успеха, так и о сопротивлении самого автора. Но сначала рассмотрим внимательнее сами тексты, начиная с некоторых общих замечаний по поводу этого довольно своеобразного жанра.

О жанре студенческих записей

Ученические записи слов учителя — естественное и общеизвестное явление. Прародителями этого жанра можно считать, в широком смысле, такие ключевые произведения, как диалоги Платона и Евангелие, передающие мысли, соответственно, Сократа и Иисуса Христа, хоть и сквозь призму интерпретации учеников. К интересующей нас типологии текстов относятся, в более собственном смысле, произведения Гегеля, дошедшие до нас в форме студенческих записей, и еще больше *Курс общей лингвистики* Ф. де Соссюра. Мы не будем пытаться предложить точное определение жанра, которое потребовало бы широкого сопоставления данных разных стран и эпох, и ограничимся тут указанием общих признаков этих текстов, преимущественно основываясь на российском материале конца XIX – начала XX вв.

Студенческие записи являются по многим признакам гибридным жанром. Во-первых, они могут иметь разные степени обнародования. Они, по сути, предназначены для личного потребления, как способ запоминания устной речи учителя. Но во все времена среди учеников была широко распространена практика передавать записи и заметки из рук в руки. Когда изучаемый материал мог интересовать более широкий круг людей, помимо студентов, эти тексты могли распространяться за пределами университета, особенно когда речь идет об особо даровитых преподавателях, если они не фиксировали свои

мысли в опубликованных трудах. Следовательно, эти тексты могут получать обработку разной степени: так как они, по определению, составляются во время лекций студентами собственноручно, они могут свободно исправляться самим составителем или другими лицами, примыкая таким образом к жанру рукописи; иногда, наоборот, они публикуются, тем самым приобретая законченный вид. Студенческие записи часто распространяются без разрешения автора, но они могут быть им авторизованы, и иногда сам преподаватель их перерабатывает, как правило, с дополнениями и уточнениями с помощью своих собственных конспектов: в этих случаях гибридный характер этих текстов усиливается, поскольку граница между переработанной учителем студенческой записью и авторским трудом представляется весьма расплывчатой.

Из сказанного видно, что другим признаком, усложняющим природу жанра, является их авторство. Для понимания значения разных ролей в процессе создания такого рода текстов может помочь выработанная американским социологом И. Гоффманом концепция о «режиме производства» (production mode), где выделяются три роли в процессе составления текста: *аниматор* (animator) — тот, кто физически производит текст, *автор* (author) — тот, кто формулирует текст, и *принципал* (principal) — тот, кто несет ответственность за текст [46, с. 122–123]. Если применить эти функции к жанру студенческих записей, то следует отделить их первоначальный источник (чтение лекций) от письменного его выражения: если в первом случае три функции относятся к одному и тому же лицу (преподаватель), то в студенческих записях учитель разделяет роль *аниматора* с переписчиком, а *автором*, в гоффмановском понимании слова, выступает уже студент-составитель; что касается функции *принципала*, то ее можно приписать преподавателю (и то в неполном смысле) только тогда, когда запись вышла с его разрешения, иначе ответственным за текст будет опять составитель, или даже другое лицо, если не он был инициатором публикации. При разборе таких текстов, следовательно, будет нелишним учитывать роль составителя (или составителей), естественно, если его личность известна, что бывает далеко не всегда.

Для выяснения авторства, или, точнее, для выделения доли авторства каждого участвующего в создании текста, необходимо прежде всего сравнить его со смежными жанрами: с одной стороны, с опубликованными автором текстами по данному предмету, с другой стороны, с прочитанными лекциями, насколько представляется возможным реконструировать устный материал.

Литографированные курсы в России в конце XIX – начале XX вв.

Поскольку задачей данной статьи является разбор определенной группы студенческих записей, т. е. литографированных курсов Веселовского, мы приблизимся к нашей теме, применяя вышеуказанные признаки жанра к конкретному контексту: России конца XIX в.

Сначала записи курсов были, очевидно, личным достоянием каждого студента. Только потом они начали передаваться из рук в руки, и появилась возможность сравнения, позволяющего точнее передать устный текст оригинала. Эти записи распространялись все больше, по мере усовершенствования и распространения техник воспроизведения текстов, прежде всего когда литографии стали более общедоступными. Сначала они воспроизводили в основном собственноручные студенческие записи, а к концу века стали чаще появляться напечатанные машинописью тексты [см.: 10]. Феномен литографированных учебных изданий кратко описан на сайте библиотеки Бестужевских Женских Курсов: «Эта практика, между прочим, была плодотворно усвоена на Бестужевских курсах. <…> Первоначально издание лекций было результатом самодеятельности скооперировавшихся слушательниц, в некоторых случаях инициированной или одобренной лектором; впоследствии деятельность была централизована и взята под контроль дирекцией Курсов» [9].

Гибридный характер жанра, между авторизованным и не авторизованным, между авторским и коллективным, можно отчетливо проследить с помощью проведенного Н.И. Цимбаевым описания издательской деятельности Московского университета в то время:

> Литографированные лекции в этих условиях играли роль учебных пособий, позволяли студентам успешно готовиться к экзаменам. <…> Слушая лекционный курс, несколько заранее выбранных студентов делали дословную запись. <…> Затем записи расшифровывались, составлялся сводный текст. В ряде случаев профессора просматривали рукопись, исправляли описки, недослышанные слова, ошибки в формулах. Текст, подготовленный к литографированию, становился, таким образом, авторизованным. <…> Переписанный четким почерком, порой снабженный виньеткой, курс литографировался на листах в четверть, обычных для такого рода изданий. Тиражи литографированных лекций не могли быть большими, составляли 50–200 экземпляров. Распространялось издание среди студентов по подписке. Если курс читался из года в год, возникали все новые литографированные

> варианты. Студенческие литографии далеко не всегда отличались высоким качеством, особенно если они предварительно не просматривались профессором или делались вопреки его прямому запрещению [37, с. 39].

Ситуацию в столице хорошо описывает О.Б. Вахромеева:

> Издание лекционных курсов в виде литографий было традиционным для западных университетов, например, немецких и французских. В Петербургском университете профессорско-преподавательский состав в начале 1880-х гг. шел на этот шаг с большим нежеланием. Во-первых, считалось, что при наличии таких курсов может снизиться посещаемость студентов, особенно на тех лекциях, на которых было скучно и неинтересно даже самим педагогам. Во-вторых, издание литографированных курсов лекций — это большой труд, который отнимал у профессора много сил и времени. Поэтому нередко студенты Университета брали на себя труд по составлению и напечатанию таких курсов. Профессору оставалось одобрить идею и подписать рукопись к литографии [12, с. 252].

Литографированные курсы издавались иногда без авторизации и нелегально, что не могло не беспокоить органы управления. Новые университетские правила, принятые в 1885 г., имели среди прочего цель упорядочения выпуска таких изданий, для которых стало обязательным получение письменного разрешения профессора.

Спектр возможных отношений преподавателя к распространению студенческих записей довольно широк. Образцом самого усердного участия в процессе создания текста может служить историк В.О. Ключевский, как свидетельствует его студент А.В. Полетаев, составитель курса *Истории сословий в России*: «работа Василия Осиповича по редактированию Истории Сословий вовсе не была беглым просмотром студенческих записей, с целью исправления ошибок и вставки нерасслышанных или исправления перевранных слов, как это делало большинство профессоров, удостоивавших просматривать записи своих издателей: это было не только редактирование, но и научная и литературная переработка, а нередко и замена совершенно новым изложением тех или иных мест изустно прочитанного курса» [27, с. VIII–IX]. При таком подходе результат совместной работы преподавателя и студента будет отличаться от оригинального устного текста, но, с другой стороны, что явно важнее, гарантирует бóльшую близость к авторскому замыслу.

Литографированные курсы Веселовского: внешнее описание

Судя по вышеупомянутой переписке, может показаться, что Веселовский не имел к процессу составления литографированных курсов никакого отношения. Тем не менее ряд фактов предостерегает нас от недооценки доли авторства профессора в этих студенческих записях. Широкое сравнение, с одной стороны, с опубликованными трудами и рукописями Веселовского, и, с другой стороны, изучение его переписки, сохранившейся в Фонде № 45 РО ИРЛИ, может пролить свет на этот вопрос. В рамках данной статьи мы ограничимся разбором дошедших до нас текстов, лишь намечая направление для дальнейших исследований[1].

В список трудов Веселовского П.К. Симони [36] помещает 13 его литографированных курсов, отмеченных звездочкой, чтобы отличить их от полноценных авторских публикаций. Впоследствии в различных библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы обнаружилось еще 3 курса. В списке Симони обнаруживаются некоторые случаи несоответствия с просмотренными нами экземплярами; например, издание Высших Женских Курсов 1881–1882 гг. (ЛК 6) ошибочно приписано к 1883-му г. и нумерация доходит только до 176-й страницы [36, с. 24]. В большинстве случаев это можно объяснить не столько недосмотром библиографа, всегда очень аккуратно проверяющего свои данные, сколько использованием неполных экземпляров. Некоторые просмотренные нами копии отличаются от описанных Симони копий, например, прикреплением к лекциям программ курсов или других составных частей с отдельной нумерацией или без нее: речь идет, чаще всего, о программах курса, присутствующих в 11 изданиях (у Симони только в 2), или о приложениях. В случае с лекциями Санкт-Петербургского университета (СПБУ) 1884–1885 гг. (ЛК 11), в разных экземплярах одного и того же курса прикреплены две разные программы, одна из которых оказалась программой более раннего литографированного курса, СПБУ 1881–1882 (ЛК 5): вероятнее всего, две программы перепутали из-за сходства содержания. Интересно добавить, что прикрепленная в издании курса 1881–1882 гг. программа местами отличается от варианта, обнаруженного в переплете курса 1884–1885 гг., хотя оба курса написаны, судя по почерку, одной и той же рукой.

Другие различия касаются также объема публикации. Существование более коротких, урезанных версий курсов, засвидетельствова-

[1] Для обозначения каждого курса см. таблицу ниже.

но не только сравнением с данными Симони, но и его же словами о курсе *Введение в Божественную комедию* (ЛК 16): «в Б<иблиоте>ке Спб. Унив<ерситета> есть экземпляр <...> по-видимому, неполный»[2]. Неполные экземпляры всегда обрываются в конце печатного листа, и, чаще всего, когда заканчивается какой-нибудь подраздел курса.

В некоторых случаях различия разных экземпляров касаются самого текста. Первые 32 с. (два печатных листа) первого дошедшего до нас курса (ЛК 1) сохранились в двух вариантах от разных рук, которые отличаются только правописанием нескольких слов и незначительными перестановками слов. Продолжение одного из вариантов написано одной рукой, так что второй вариант, очевидно, является копией первого, может быть, сделанной, чтобы восполнить потерю первой части издания. Более интересным и запутанным представляется другой случай: первые 16 с. курса 1885–1886 гг. (ЛК 14) также сдвоены, но, несмотря на то, что оба варианта написаны одной рукой и начинаются указанием на одну и ту же лекцию («7 октября 1885 года»), первые страницы ($5\ ^{1}/_{2}$) одного варианта отсутствуют в другом; далее текст продолжается с незначительными изменениями. С 17-ой с. (начала второго печатного листа) до конца книги два экземпляра совпадают, но в варианте с расширенным вступлением текст обрывается на полуслове и пропущены целые 6 с. (ЛК 14, с. 11–16 второго экземпляра): таким образом, оба варианта являются неполными, но оглавление (с. 378–379) соответствует первому экземпляру (без вставленного начала), который выглядит, следовательно, более цельным.

Из сказанного наглядно выступает гибридная природа литографированных курсов, к которым уместно частично применять свойственные рукописным текстам текстологические приемы. В некоторых случаях только сравнение с разными вариантами одного и того же курса поможет решить обозначенные в начале этой статьи проблемы.

Содержание курсов

Корпус дошедших до нас литографированных курсов Веселовского состоит из 16 текстов (см. Таблицу); 9 из них, по всей видимости, являются записью курсов, прочитанных в Санкт-Петербургском университете (далее СПБУ), 7 остальных относятся к Высшим Женским Курсам (далее ВЖК). Они все написаны от руки, но имя

[2] К сожалению, библиограф не указывает источник полного описания курса.

составителя (или составителей) не всегда указано; в одном случае (ЛК 4) мы его приводим по Симони, поскольку в просмотренном нами экземпляре он отсутствует. Далеко не всегда четко отмечено разрешение проф. Веселовского, оно присутствует преимущественно в последних курсах (ЛК 4, 12, 14–16).

Таблица

1) 1878-9 (СПБУ?): «Всеобщая литература». Лит. Гробова. 437 + 8 с. (прогр.)
2) 1879-80 (СПБУ): «Всеобщая литература». Лит. Гробова. 283 + 3 (прил.) + 8 с. (прогр.)
3) 1880-1 (СПБУ): «Конспект по ист. ит. лит.». Лит. Гробова. 212 + 7 с. (прогр.)
4) 1880-1 (ВЖК): «История Ит. Литературы». Изд. А. Степанова. Русская Лит. Невский 106. 254 + 10 с. (прогр.)
5) 1881-2 (СПБУ): «История эпоса». Составитель-корректор М.И. Кудряшев. Лит. Гробова. 334 + 9 с. (прогр.)
6) 1881-2 (ВЖК): «История всеобщей литературы». <А.> Тютрюмова, Миллер. Лит. Фомина. 292 + 12 с. (прогр.)
7) 1882-3 (СПБУ): «История лирики и драмы». М.И. Кудряшев. Лит. Гробова. 309 + 7 с.(прогр.)
8) 1882-3 (ВЖК): «Лекции по всеобщей литературе». Изд. С. Ленина. Лит. Фомина. 223 с.
9) 1883-4 (СПБУ): «Теория поэтических родов в их историческом развитии». М.И. Кудряшев. Лит. Гробова. 546 + 13 с. (прогр.)
10) 1883-4 (ВЖК): «Лекции по всеобщей литературе». Изд. Н. Шамонина. Лит. Курочкин. 236 + 37 с. (прил.)
11) 1884-5 (СПБУ): «Теория поэтических родов в их историческом развитии». М.И. Кудряшев. Лит. Гробова. 447 + 7 с. (прогр.)
12) 1884-5 (ВЖК): «Лекции по всеобщей литературе». Изд. Н. Шамонина. Лит. Фомин. 282 с.
13) 1884-1885 (ВЖК): «Конспект по истории английской литературы». Изд. Е.В. Балобанова и О.М. Петерсон. Литограф. изд-е.
14) 1885-6 (СПБУ): «Теория поэтических родов в их историческом развитии». М.И. Кудряшев. Лит. Гробова. 379 + 5 с. (прогр.) (в двух вариантах)
15) 1887-8 (СПБУ): «История английской литературы». Лит. Гробова. 256 + 8 с. (прогр.)
16) 1887-8 (ВЖК): «Лекции по всеобщей литературе. Введение в Божественную комедию Данте». Лит. Гробова. 288 с.

Эти издания вышли в относительно короткий промежуток времени, между 1878 и 1888 гг. Они довольно сильно различаются по объему: исключая программу и приложения, размер изданий колеблется между 212 (ЛК 3) и 546 с. (ЛК 9). Все курсы СПБУ и последний курс ВЖК изданы в типографии Гробовой, остальные ВЖК в разных местах. Большинство изданий снабжено программой, в некоторых случаях приложениями (ЛК 2) или введением (ЛК 10).

На титульном листе первого издания (ЛК 1) не указано, где был читан курс, но Симони [36, с. 16] пишет: «Курс, по-видимому, университетский». В поддержку его догадки можно привести указание во втором курсе (ЛК 2), «Изд. студ. СПб. Унив.», которое по почерку и типографическим признакам напоминает литографию предшествующего года.

Предмет курса 1878–1879 гг. (ЛК 1) — история французской литературы. В просмотренной нами копии обзор продолжается до XVIII в. Симони, видимо, пользовался другим экземпляром, как видно из указания количества страниц (342 вместо 437)[3] и из приведенного короткого фрагмента с пометкой «с. 1, введ.», который отсутствует в нашем издании. Другая странность касается указания количества печатных листов: в нашем экземпляре два раза отмечен 20-й лист, на 305 с. (как и следовало ожидать) и еще раз через 6 с., так что печатный лист оказывается неполным; к тому же, листы 16–20 и вторая половина курса написаны разными руками. Программа (которой Симони не имел в наличии) по содержанию несомненно относится к нашему экземпляру. История французской литературы делится на 3 периода: 1) период феодализма и рыцарства (XI–XIV вв.); 2) век Возрождения во Франции (XIV–XVI вв.) и переходная эпоха (XVII в.); 3) период Людовика XIV (XVII в.).

Курс 1879–1880 гг. посвящен немецкой литературе и доходит до XVI в.; Симони пишет «до XV в. (частию)», может быть потому, что о XVI в. сказано очень мало, или потому, что он не мог пользоваться программой (о которой в его справочнике нет указаний). История немецкой литературы также разделена на 3 периода, но периодизация французской литературы совпадает только частично: первый период касается VIII–XI вв., т. е. предыстории немецкой литературы (эпоха Каролингов и Оттонов); хронологически и частично по содержанию вторая (XI–XIV вв., т. е. рыцарская литература) и третья эпохи (XIV–XVI вв.) соответствуют первому и второму периоду француз-

---

[3] Симони, соответственно, пишет, что курс продолжается только «до начала XVII века» [36, с. 16].

ской литературы. XVII в., о котором идет речь в последней части курса 1878–1879 гг., в курсе о немецкой литературе не рассматривается.

Для следующего академического года сохранилось два курса, один из которых помечен почти на каждом печатном листе буквами В.Ж.К. (Высшие Женские Курсы). Можно, следовательно, предположить, что другой курс этого года относится к СПБУ, хотя в самом тексте нет точных указаний о месте проведения лекций. У Симони сведения об обоих курсах несколько отличаются от наших данных: для курса СПБУ (ЛК 3) указанное количество страниц на 2 страницы больше, чем в нашем экземпляре; в курсе ВЖК (ЛК 4) насчитывается всего 206 с. хотя в нашей копии их больше (254), причем у Симони указано имя автора-составителя (А. Степанова), которого нет в нашей копии (вместо титульного листа курса помещен титульный лист программы). Тема двух курсов совпадает: после французской и немецкой литератур, Веселовский переходит к истории итальянской литературы. Но если ЛК 3 заканчивается Боккаччо, в ЛК 4 трактовка доходит до Джордано Бруно и Тассо включительно (Симони пишет «до конца XV века», видимо из-за неполноты его экземпляра). Причем первые страницы двух программ почти дословно совпадают, но программа ЛК 4 последовательно продолжается до конца XVI в., как в тексте. Деление истории итальянской литературы на периоды намечено не настолько четко, как в курсах по французской и немецкой литературам. Тем не менее здесь тоже можно выделить 3 периода: древнейший период (от падения Римской империи до начала XIII в.), эпоха «трех венцов» и период Возрождения.

Начиная с 1881–1882 гг. и вплоть до 1885–1886 гг. литографированные курсы Веселовского следуют по четко очерченному на несколько лет плану. Каждый годовой курс представлен в двух вариантах, так как университетские лекции и женские курсы идут параллельно. Курс ВЖК 1881–1882 гг. помещен Симони в список следующего года, видимо потому, что у него был неполный экземпляр (указано только 176 с. вместо 292) без программы, где, в отличие от титульного листа, указан академический год, когда был прочитан курс. Лекции 1881–1882 гг. (ЛК 5 и ЛК 6) посвящены эпосу, хотя во введении к обоим курсам автор обещает «изложить исторический очерк эпоса, лирики и драмы» (ЛК 5, с. 1) и «часть курса посвяти<ть> лирике» (ЛК 6, с. 3). Причем первые страницы обоих курсов (ЛК 5, с. 1–26; ЛК 6, с. 3–36) являются на самом деле введением в весь цикл лекций, охватывающий последовательно историю эпоса, лирики, драмы и романа. Структура двух литографированных изданий в основных

чертах совпадает: после теоретического обзора излагается развитие эпоса от формирования эпического миросозерцания до литератур нового времени. По содержанию разделы о «внутренней» и «внешней истории эпоса» очень похожи, хотя буквальных повторений не обнаружилось. Имеются, среди прочего, довольно заметные конкретные и структуральные отличия: в программе ВЖК, например, никак не отражено введение к истории литературных родов вообще; в курсе СПБУ акцент поставлен больше на теоретический подход, чем на конкретную историю национальных литератур; не случайно «резюме всего курса» (ЛК 5, с. 332–333) касается исключительно этой стороны.

В следующем году Веселовский переходит к рассмотрению «Истории лирики и драмы» (ЛК 7–8)[4]. Во «внешней истории» лирики и драмы очень четко выделены две части: классическая литература (особенно греческая) и новоевропейские литературы; в качестве связывающего звена выступает христианская традиция (ЛК 7, с. 174 и след.; ЛК 8, с. 124 и след.). И в этом случае структура лекций ВЖК несколько отличается тем, что история двух литературных родов прослеживается одновременно, тогда как в курсе СПБУ лирика и драма обсуждаются отдельно, одна за другой (трактовка драмы начинается на 249 с.).

Строго следуя предложенному двумя годами ранее плану, в курсах 1883–1884 гг. (ЛК 9–10) Веселовский продолжает историю развития литературных родов разбором романа. В издании ВЖК нет программы, зато прикреплено, с отдельной нумерацией, приложение «Введение к курсу истории романа», которое дословно повторяется в начале курса СПБУ, за исключением единичных опечаток и сносок, отсутствующих в литографии ВЖК (напомним, что у Симони вообще отсутствует издание ВЖК, а в курсе СПБУ не указана программа). Этот случай, представляющий собой самый яркий пример полного совпадения изданий двух учебных институтов, легко объясняется общим источником: текст почти дословно воспроизводит предисловие к известному произведению Веселовского *Из истории романа и повести*, которое выйдет два года спустя в «Сборнике ОРЯС» [20, с. 577–601]. Поскольку в первых десятках страниц обнаруживаются другие совпадения в изданиях СПБУ и ВЖК, можно предположить, что и тут мы имеем дело с общим источником, хотя мы не всегда смогли найти оригинальный текст в опубликованных трудах Весе-

[4] У Симони [36, с. 24] отсутствует указание на ВЖК этого года, куда приписан курс предыдущего года; зато он упоминает программу лекций СПБУ, которой не обнаружилось в нашем экземпляре.

ловского. Далее мы не нашли других буквальных повторений между двумя курсами, тем не менее общий план настолько совпадает до мелочей, вплоть до конца изданий, что нельзя не предположить прямую связь между ними. Главное различие касается объема: литография ВЖК почти вдвое короче другого издания СПБУ. В отличие от эпоса, лирики и драмы, развитие романа прослеживается здесь в хронологическом порядке, от греческого романа до Рабле и Сервантеса, с разными разделами, посвященными отдельным национальным литературным традициям и взаимосвязям между ними.

Как объясняется в первых строках литографии СПБУ (ЛК 11, с. 3–4), курс 1884–1885 гг. задуман как «восполнение» прочитанного в предыдущих годах трехлетнего цикла лекций: т. е. тема курса является историей эпоса, как и в 1881–1882 гг. Оба курса 1884–1885 гг. по данному предмету (ЛК 11–12) представлены в списке Симони, однако не указана имеющаяся в нашем экземпляре программа курса СПБУ. В литографированном издании ВЖК отсутствует вступление с ссылкой на предыдущий цикл лекций, но, за исключением первых страниц (ЛК 11, с. 3–10), структура двух курсов этого года совпадает довольно четко, хотя не настолько, как в курсах 1883–1884 гг.: буквальных повторений почти не обнаружилось, общих примеров мало, а в одном случае даже приведены два разных перевода одной французской народной песни (ср. ЛК 11, с. 49 и ЛК 12, с. 33–35). По сравнению с курсами 1881–1882 гг. здесь преобладает хронологический порядок, и прослеживается постепенное развитие эпоса от первых появлений поэтического языка до законченных форм собственно эпической литературы. Однако курс прерывается на германском эпосе, не касаясь «Песни о Роланде», которая занимала в предыдущем курсе важное место. Несмотря на то, что «курс рассчитан на три года» (ЛК 11, с. 3), расширенный материал, видимо, не уложился в пределах одного учебного года, в связи с чем Веселовскому пришлось разбить его на две части.

Если курс СПБУ 1884–1885 гг. носил на титульном листе название «Теория поэтических родов в их историческом развитии. Часть первая. История эпоса», то курс следующего года (ЛК 14), отмечен как «Часть 1-ая. Отдел 2-ой (продолжение)». В данном случае невозможно сравнение с другими курсами, потому что, впервые с 1880–1881 гг., тема ВЖК не совпадает с курсом СПБУ. Зато разные варианты этого литографированного издания [см. выше] раскрывают интересные подробности по поводу запланированного Веселовским цикла лекций. В расширенном начале введения написано: «Между началом этого курса и его продолжением явилась программа уни-

верситетского преподавания, связанная с новым университетским уставом, программа временная, но которую я должен буду принять к сведению и исполнению. Между тем, по-видимому, мой курс не отвечает ей, и мне нужно будет наперед помирить их между собою» (ЛК 14, второй вариант, с. 3)[5]. Следует довольно резкая критика узконаправленности и неадекватности министерской программы, которая была «набросана кем-то наскоро, впопыхах, причем ее автор не разобрался в классиках» (ЛК 14, с. 4); она, «преследующая по всем остальным предметам цельность знания, может относительно нашего предмета привести совсем к противоположному результату, если ее понять слишком буквально» (ЛК 14, с. 5). Для того чтобы защитить свой подход, требующий широкого кругозора и применения сравнительного метода, Веселовский утверждает, что более широкое понимание министерской программы «нисколько не препятствует мне преподавать историю литературы так, как я преподавал ее раньше» (ЛК 14, с. 8). В своих неопубликованных «Воспоминаниях» Е.В. Аничков показывает, насколько подход Веселовского противоречил новому Уставу, который «рекомендовал сосредоточиться на изучении нескольких великих писателей Запада»[6]. Курс 1885–1886 гг. следует непосредственно за содержанием лекций предыдущего года, начиная с немецкого эпоса (окончание) и продолжая эпосами северным, кельтским, финским, ново-греческим, испанским. Интересно заметить, что, согласно программе, датированной составителем «1886 г. 8-го апреля», курс завершается именно испанским эпосом, а в самом тексте, где указана дата «11-го мая 1886 г.», он включает в себя и французский: «Этим я заканчиваю свой курс. Если обстоятельства мне не помешают, то в будущем году я предложу своим слушателям подробный разбор французского эпоса» (ЛК 14, с. 364).

Видимо, в следующем году обстоятельства помешали Веселовскому вообще проводить лекции, которые он поручил своему ближайшему ученику; по литографированному изданию лекций Ф.Д. Батюшкова [7] видно, что он частично исполнил обещание учителя, уделив в своем курсе о ранней французской литературе большое внимание французскому эпосу и особенно «Песни о Роланде»; но запись его лекций больше напоминает первые курсы Веселовского об отдельной национальной литературе (ЛК 1–4),

[5] Фрагмент приведен и у Симони, благодаря чему мы узнаем, каким экземпляром он пользовался.

[6] Архив САНУ (Сербской Академии наук и искусств, Белград). Историјска збирка број: 9259/8 и 9. Аничков Е.В. «В прежней России и за границей (Повесть о судьбах родины и себе самом)»: здесь и далее цитируются фрагменты Тетрадей 8 и 9 (Скопье, март-апрель 1933 г.).

нежели начатую в 1881–1882 гг. историю литературных родов. Веселовский уже раньше отступил от этого плана, судя по названию цитированного некоторыми исследователями [19, с. 79; 29, с. 289] курса 1884–1885 учебного года: «Конспект по истории английской литературы» (ЛК 13) (у Симони на него нет указаний). О содержании этого курса может дать представление литографированное издание лекций СПБУ 1887–1888 гг. (ЛК 15), также посвященных английской литературе. В начале курса Веселовский описывает, как обычно, план лекций: «я буду читать Вам историю английской литературы, причем остановлюсь главным образом на эпохе английского Возрождения» (ЛК 15, с. 5). Согласно программе курса, тем не менее, Возрождению посвящена только последняя из пяти глав, после кельтского, англо-саксонского, англо-нормандского, и собственно английского периода («13–14 вв. до Чосера включительно»). Причем в нашем экземпляре (по всей видимости, аналогичном тому, который рассматривал Симони) изложение курса доходит только до Чосера и его подражателей (ЛК 15, с. 251–256). Несколько противоречивым выглядит здесь свидетельство Аничкова: «Вернувшись из-за границы, В<еселовски>й прочитал, правда не в Университете, а на Высших женских курсах (Бестужевских) два курса подобного рода: один о 'Божественной комедии', другой о Шекспире» [см. примеч. 2]. Поскольку в издании 1887–1888 гг. о Шекспире не идет речь, можно предположить, что ученик Веселовского имел в виду другой не дошедший до нас курс, или что он не совсем точен в своих воспоминаниях (они написаны несколько десятилетий спустя).

В 1887–1888 уч. г. программы курсов двух институтов опять расходятся, так как лекции ВЖК этого года (ЛК 16) возвращаются к итальянской литературе[7]. На титульном листе, впервые напечатанном типографическим способом, а не написанным рукой, название издания носит необычный для курсов Веселовского монографический характер: «Введение в Божественную Комедию Данте» (Аничков, очевидно, имел в виду этот курс). Более общими терминами описан предмет курса в начале первой лекции: «Итальянская литература и преимущественно тот период ее развития, который известен в истории под названием периода 'Renaissance'» (ЛК 16, с. 3). Следует отметить, что, помимо первой вступительной лекции и нескольких беглых упоминаний, о Возрождении — в общепринятом понимании слова — в тексте речь не идет. Содержание курса скорее соответствует названию и выглядит действительно как подробнейший обзор всех

[7] Программа отсутствует, что нередко в литографиях ВЖК.

общественно-культурных и литературных элементов, повлиявших на «Божественную Комедию»: классическое наследие, средневековые богословские теории, народные легенды и т. д.

О других литографированных курсах Веселовского, помимо этих 16-ти, мы не нашли никаких упоминаний. Может быть, они вообще не существовали и, в любом случае, надежд на случайную находку забытого в каком-нибудь архиве издания крайне мало.

Проблема авторства

Самой важной и труднорешаемой проблемой в оценке литографированных курсов Веселовского является авторство текста.

Для постановки вопроса необходимо прежде всего отделить понятие текста лекций (устного) от текста литографий (письменного): первый из них является источником второго, но сложно определить отношения между ними, потому что об устном тексте мы располагаем только косвенными сведениями. Начнем с письменного текста, т. е. с литографированных курсов в собственном смысле.

Большинство рассмотренных нами изданий носит как бы двойное авторское указание: профессора, читавшего лекции, и составителя. Идентифицируемость первого с Веселовским не представляет больших затруднений, хотя в некоторых случаях титульный лист утрачен (например, в экземпляре Санкт-Петербургской библиотеки ЛК 3, где автор установлен по списку Симони[8]). Что касается составителя, имя не указано в первых трех изданиях СПБУ (ЛК 1–3) и двух курсах 1887–1888 гг. (ЛК 15–16); в двух случаях литографированные курсы составлены двумя студентами (ЛК 6, 13).

Мы знаем о научной деятельности двух составителей курсов: М.И. Кудряшева, который составил все курсы СПБУ, где указано имя составителя, и Е.В. Балобановой, издавшей курс 1884–1885 гг. (ЛК 13) вместе с О.М. Петерсон.

Кудряшев известен прежде всего своим переводом с комментариями «Песни о Нибелунгах» [28], первые опыты которого мы находим именно в составленных им курсах Веселовского (ЛК 11, с. 168–171). Во вступительной части своего перевода он выражает «горячую признательность» Веселовскому, «лекции которого послужили для меня наилучшим введением в изучение вопроса» (следует прямая ссылка на литографированные курсы учителя) [28, с. 3]. В архиве Рукописного отдела «Пушкинского дома» сохранились 39 писем

[8] РГБ, шифр хранения, 37.30.4.84.

(1882–1905) Кудряшева (оп. 2, 29; оп. 3, 451), два письма ему от самого Веселовского (оп. 3, 29) и некоторые «Материалы для научных работ», написанные «рукою М. Кудряшева» (оп. 2, 29).

Балобанова и Петерсон были любимыми ученицами Веселовского, особенно первая, с которой он долго переписывался (сохранилось 26 писем к нему 1885–1895 гг.; оп. 3, 101 [см.: 29]). Главный предмет их исследований была английская литература, так что не случайно, что они составили литографированный курс именно по этому предмету. Они также стали соавторами совместного труда *Западно-европейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных тестов* (СПб., 1896–1900), который уже по названию напоминает курсы Веселовского. Имена всех составительниц литографированных курсов фигурируют в списке окончивших ВЖК [33, с. 1, 4–7, 22, 44]. Можно, следовательно, допустить прямую связь между этими изданиями и студенческими записями лекций. Но именно в случае с двумя более известными составителями вопрос осложняется тем, что они окончили университет (Кудряшев в 1883 г., Балобанова и Петерсон в 1882 г.) до выпуска некоторых изданных ими курсов: поскольку сложно представить себе, что бывшие студенты посещали все лекции учителя и после окончания университета (в случае с Кудряшевым — в течение целых трех академических лет), то четыре из рассмотренных нами изданий, в строгом смысле, выходят за рамки жанра «студенческих» записей. Это принципиально для того, чтобы уточнить их авторство.

Другой элемент, осложняющий вопрос об авторстве этих текстов, касается роли физического переписчика. В этом отношении важно заметить, что все литографированные курсы Веселовского написаны двумя, а в некоторых случаях несколькими разными руками. Поскольку в большинстве случаев указано имя только одного студента, очевидно, что роль *аниматора*, по гоффмановской схеме, далеко не всегда полностью совпадает с составителем; причем только каллиграфическое исследование сможет выяснить точное количество переписчиков, которые принимали участие в каждом отдельном издании, а также кто они. В курсе СПБУ 1881–1882 гг. упоминается стенограф, из-за отсутствия которого некоторые лекции составлены Кудряшевым (ЛК 5, с. 276–296, 316 и след.). В конце издания 1885–1886 гг., когда, напомним, составитель уже окончил университет, упоминается «студент ист. филол. фак. 4-го к. Верещагин» в качестве «издателя» (ЛК 14, с. 377). Что касается технического оформления текста, то здесь следует также учитывать роль литографической мастерской (чаще всего это литография

А.И. Гробовой). Нужно также учесть отмеченные нами отличия в составе литографированных изданий, часто снабженных программами, которые, в некоторых случаях, несомненно прикреплялись к основному тексту в разное время; иногда в одном переплете соединены два курса, в одном случае (ЛК 8) прикреплен совсем посторонний текст. Таким образом, очень сложной задачей представляется определение изначального состава издания.

Еще сложнее понять, кому принадлежит роль *автора* и *принципала*. Автором литографированных курсов в понимании Гоффмана является, строго говоря, составитель, а не профессор, которому полностью принадлежит только устный текст; но профессор обладает, естественно, немалой долей авторства, так как источником текста являются именно его лекции; в нашем случае участие Веселовского касается больше фигуры автора, чем принципала, так как он, как мы видели, отказался нести ответственность за изложение литографированных курсов, несмотря на то что в большинстве случаев они вышли с его официального разрешения.

Литографированные курсы Веселовского, таким образом, представляют собой коллективную работу нескольких лиц, исполняющих одну или одновременно несколько функций (преподаватель, составитель, корректор, издатель, стенограф, переписчик, литограф), с целью передать максимально точно слова профессора. Для определения доли участия профессора, что в конечном счете нас интересует больше всего, необходимо сравнить литографированные курсы с бесспорно авторскими текстами.

Литографированные курсы и другие труды Веселовского

В данном случае следует рассматривать три вида текстов Веселовского: опубликованные труды, рукописи и лекции. Легче всего начать с опубликованных трудов. Мы не будем останавливаться на отмеченных многими учеными тематических параллелях [17, с. 620–621; 38, с. 12; 4, с. 110], а обратимся к текстуальным повторениям.

В примечании к первому упоминанию рассматриваемых нами текстов Симони добавляет: «Не следует забывать, что литографированные курсы не всегда представляют точную передачу чтений профессора и чаще бывают наполнены выписками из его же печатных трудов и т<ому> под<обного>» [36, с. 16]. Азбелев [1, с. 138] пишет, что «упоминания об использовании некоторых статей его, находившихся тогда в печати, есть у В.М. Кудряшева, оформлявшего тексты литографированных курсов»; но прямых ссылок, подтверждающих

это утверждение, к сожалению, Азбелев не предоставляет. Так или иначе, в компилятивном характере хотя бы некоторых фрагментов наших литографированных изданий легко убедиться при более близком ознакомлении с текстом. Помимо отмеченного нами извлечения из статьи *Из истории романа и повести*, в том же издании (ЛК 14, с. 246) почти буквально повторяется фрагмент из рецензии, вышедшей в том же году [21, с. 238]. В курсе СПБУ 1883–1884 гг. вставлен большой фрагмент (ЛК, 9, с. 38–44) из более раннего труда Веселовского 1876 г. [20, с. 524–527]. Во *Введении в Божественную комедию* не раз повторяются *Опыты по истории развития христианской легенды* [см., напр.: 13, с. 307–314]; там же вкратце (но с буквальными совпадениями) изложена часть статьи «Противоречия итальянского Возрождения» [16, т. IV, I, с. 309–350][9]. Интересно также заметить, что цитаты (причем не всегда обозначенные кавычками) касаются текстов не только самого Веселовского, но и других авторов, упомянутых в лекциях в качестве цитируемой литературы: примером опять служит курс 1885–1886 гг., в котором вставлены фрагменты из произведений Я.К. Грота и В.Н. Майнова (ЛК, 14, с. 235–238). Более подробная сверка обнаружит, несомненно, еще немало повторений.

Как отмечает В.М. Жирмунский, помимо уже опубликованных трудов «широко использованы одновременные статьи Вес<еловского> по затронутым в лекциях проблемам» [17, с. 7]. Другими словами, некоторые составители курсов имели доступ к еще не опубликованным трудам учителя, отчего естественно возникает вопрос, откуда они их доставали. Чтобы ответить на этот вопрос, сперва обратимся к другим видам текстов, смежным со студенческими записями.

Как справедливо отмечает Азбелев [1, с. 129], «научное наследие Александра Николаевича Веселовского пока не может быть в полной мере осмыслено без обращения к его рукописям». В случае с литографиями его курсов следует повторить работу Ш. Балли, ученика и преемника по кафедре де Соссюра, который «предпринял попытку найти дополнительные записи лекционных курсов Соссюра и просмотреть черновики его самого» [43, с. 10]. В архиве Веселовского действительно хранится множество рукописей, отмеченных как конспекты лекционных курсов. Очень вероятно, что и другие единицы хранения относятся к этому же жанру, такие как рукопись № 149, которую тщательно проанализировал Азбелев и сопоставил с лекционными курсами 1881–1882, 1884–1885 и 1885–1886 гг. (ЛК 5–6, 11–12, 14). Исследователь обнаружил, что план и содержа-

[9] Подробнее об этом см. в комментариях к публикации лекции А.Н. Веселовского в журнале «Соловьевские исследования», 2022. Вып. 2 (74) (в печати).

ние последних настолько близки к этой рукописи, «что видеть в ней конспект какого-либо иного курса не представляется возможным» [1, с. 132]. Уже по опубликованным Азбелевым через несколько лет фрагментам из этой рукописи (большая часть текста остается до сих пор не изданной) видно, что только общий план литографированных курсов идет параллельно с конспектом тех же лекций, а буквальных совпадений не обнаруживается [18, с. 99–117]. Такое же впечатление остается от сравнения «Введения в Божественную Комедию» (ЛК 16) с конспектом того же курса, который хранится в архиве Веселовского (оп. 1, № 179). Но, несмотря на сложность расшифровки рукописи и отсутствие части текста (после листа «2» отмечен номер «12»), очевидно, что план литографированного курса только в очень общих чертах совпадает со структурой конспекта. Таким образом, судя по рукописям № 149 и 179, не вполне верным кажется мнение В.М. Гацака [23, с. 290], согласно которому в литографиях Веселовского «текст лекций воспроизводится с минимальными поправками, не затрагивающими его смысла».

Литографированные курсы и лекции Веселовского

О реконструкции устного текста лекций Веселовского как такового по очевидным причинам не может быть речи. Мы можем составить себе только приблизительное представление о преподавательской деятельности Веселовского, посредством более или менее косвенных данных.

Если исключить из рассмотрения непродолжительные юношеские опыты [см.: 40, с. 289], начало профессорской карьеры Веселовского имеет точно засвидетельствованную дату: 5 октября 1870 г. помечена известная «Вступительная лекция в курс истории всеобщей литературы, читанная в Императорском С.-Петербургском университете» [20, с. 9–21]. Курс всеобщей литературы был разрешен в 1863 г., но тогда в России мало кто был подготовлен к такому обширному и сложно определяемому предмету. В 1870 г. Веселовский был, скорее всего, самым подходящим, если не единственным кандидатом для этой кафедры. Тем не менее он сам чувствовал себя недостаточно подготовленным к такой задаче: по мнению Шишмарева, он «был всегда крайне осторожен, требователен к себе, отличался большим скептицизмом и недоверием к широким обобщениям (несмотря на то что смолоду стремился к ним) <...>; он отнесся к затее <курса по всеобщей литературе, — *С.М.*> скептически не только потому, что не верил тогда в возможность осуществления подобного

труда, а еще и потому, что сердце его к такого рода работе не лежало» [40, с. 320–321]. Так или иначе Веселовский читал лекции по этому предмету в течение 36 лет, с одним только академическим отпуском в 1886–1887 учебном году (см. выше).

В статье об истории всеобщей литературы в словаре Брогкауза и Ефрона Ф.Д. Батюшков [8, с. 820] описывает подход своего учителя к курсу: «Сначала А.Н. Веселовский занимался почти исключительно вопросами методики; затем им были прочитаны курсы по истории национальных литератур в отдельные эпохи (преимущественно — Средние века и Возрождение), а также по истории отдельных родов и видов литературы. Им организованы также практические занятия языками с чтением и разбором памятников средневековой литературы». Эти слова частично перекликаются с письмом тому же Батюшкову от 11 марта 1883 г., где Веселовский пишет о своем первом университетском курсе: «В 1870 году я принялся за него с целой толпой радужных надежд, но вовремя осекся. Сознание слабости, неприготовленности, бедности матерьяла и полученных от них частных обобщений — сказали мне свое veto. Я обратился к историческим курсам, на которые Вы имеете известное право сетовать, и к специальным фактическим работам — преимущественно по древней поре и народной, массовой поэзии» [35, с. 38]. Другие сведения по поводу первых курсов учителя Батюшков получил от Балобановой, о чем свидетельствует письмо от 20 февраля 1887 г.: «План его, по его словам и на деле, предполагал на II курсе, как курс подготовительный, историю одной из европейских литератур, а на III и IV — общий курс, т. е. историю эпоса, лирики, романа и т. д.» [29, с. 288]. Такую двухступенчатость в подходе к изучению истории литературы отмечает и Энгельгардт [42, с. 106], согласно которому Веселовский строго отличал «теорию развития поэтических родов вообще, тесно связанную для него с проблемой происхождения поэзии, от истории отдельных жанров по эпохам и странам». Действительно, литографированные курсы Веселовского по содержанию делятся почти поровну на две группы: монографические курсы об одной частной литературе (ЛК 1–4, 13, 15–16) и история родов (ЛК 5–12, 14).

При всей ценности упомянутых свидетельств учеников Веселовского, нам кажется, что они относятся преимущественно к первой части его преподавательской деятельности. Сам Веселовский в начале первой главы *Исторической поэтики*, неопубликованной при его жизни, но начатой, по всей видимости, в 1888–1890 гг. [19, с. 158], указал на время начала нового этапа своего творческого пути: «В первом моем курсе, читанном в С.-Петербургском университете

(1870 г.), я затеял дать схему поэтики <…>; к разработке этого же вопроса я вернулся в своих лекциях 1883–1887 гг., лишь небольшие отрывки которых могли быть напечатаны, потому что целое подлежало еще дальнейшим наблюдениям» [19, с. 84]. Дата указана здесь только приблизительно: курсы по теории развития поэтических родов, как мы видели, он начал читать уже в 1881–1882 гг. К 1884–1885 г. относится другой сдвиг в планах лекций Веселовского. В недатированном письме к А.И. Кирпичникову он пишет: «Курсов своих я еще не повторял (приберегал на старость), но для этого сделаю исключение — ввиду важности предмета, тем более что в будущем году никого из слушавших мои лекции по этому предмету уже не будет в Университете. Придется еще поработать над общею частью, да и матерьялу нового припасти по разным недоделанным отделам» [18, с. 227]. В публикации переписки двух ученых письмо датируется «по содержанию» летом 1883 г., но, видимо, оно относится к следующему году, когда, как мы видели, начата новая версия курса. Из того же письма ясно, что Веселовский, помимо основного курса, читал еще и другие, более специализированные лекции: «Я думаю читать в этом году готский, англосаксонский (“Беовульф”) яз<ыки> и продолжать курс, начатый мною 2 года тому назад» [18, с. 227]. Вероятно, этим объясняется существование двух курсов (ЛК 12–13) одного года в одном институте (ВЖК), несмотря на то, что литографированные курсы публиковались обычно по одному изданию в год.

Лекции второй части преподавательской деятельности Веселовского не отражены в литографированных курсах, последние из которых относятся к 1887–1888 гг. Поэтому о следующем периоде мы приведем только резюмирующие слова Жирмунского: «В дальнейшем Веселовский почти каждый год читал в университете курсы по исторической поэтике под разными заглавиями: “Введение в историю поэтических родов” (1888–1889), “История литературы и ее теория” (1890–1891), “Чтения по теории поэзии” (1892–1893), “Историческое развитие поэтических форм” (1893–1894), “Введение в поэтику” (1894–1895), “Историческая поэтика” (1896–1897 и сл.). <...> В 1897–1903 гг. основной темой чтений Веселовского по поэтике вместо истории жанров, становится “История поэтических сюжетов” (“Поэтика сюжетов”)» [17, с. 5].

Распространение литографированных курсов Веселовского

Несмотря на предостережения Веселовского, его литографированные курсы охотно читались и, судя по вышеупомянутому письму

Маркова, продавались и за пределами учебных институтов. Согласно записи 1884–1885 гг., сам Веселовский указывал на недостаточное количество экземпляров этих изданий: «не у всех из моих слушателей имеются записки читанного мною их предшественникам» (ЛК 11, с. 1). Особенной популярностью пользовался изданный Кудряшевым цикл курсов, который «долго ходил по рукам у студентов Петроградского Университета» [5, с. 304]. Пересказы литературных произведений, которые занимали немалую часть курсов, как сообщает Симони [36, с. 25, 27], были использованы, среди прочих, В.В. Сиповским в книге *Русские повести XVII–XVIII вв.*, вышедшей в 1905 г. Логично приписать знакомству с лекциями Веселовского сходства в структуре курсов его прямых учеников, как у непосредственного продолжателя Батюшкова, так и у таких ученых, как Браун [10] или Шишмарев, который посвятил свои *Очерки по истории поэзии Франции и Прованса* «светлой памяти учителя» [41, с. IV].

Если уже при жизни Веселовского его курсы получили широкое распространение, тем более естественно, что их стали еще больше разыскивать, когда из-за преждевременной кончины ученого многие начатые им работы остались незаконченными. Е.В. Аничков воспользовался записками студента, посещавшего последние лекции Веселовского, для того, чтобы определить, какие были его «окончательные выводы» о поэтике сюжетов [4, с. 104][10]. Другим свидетельством о распространении рассмотренных нами текстов является указание в архиве Научной Библиотеки в Санкт-Петербурге[11] о том, что книгу с двумя литографированными курсами Веселовского 1887–1888 гг. (ЛК 15–16) «подарил 11 янв. 1917 г. преп. Васил. Васил. Семенчиков». В архиве библиотеки В.И. Иванова находятся несколько указаний о наличии книг Веселовского, среди которых «История всеобщей литературы. Лекции А.Н. Веселовского. <СПб. 1880, литограф. изд.; СПб. 1883, литогр. изд.>» [31, с. 298]; речь идет, вероятно, о курсах по немецкой литературе (ЛК 2) и по истории лирики и драмы, неизвестно, в записях какого института (ЛК 7–8).

Даже при Советском Союзе, когда наследие Веселовского далеко не всегда встречало одобрение высшей власти [30, с. 114], некоторые авторы цитируют его литографированные курсы, иногда напрямую [44, с. 19, 23, 33], но обычно ссылаясь на Симони (например, К.Б. Бархин [6, с. 79–80] и, вероятнее всего, выше упомянутые Шишмарев и Энгельгардт). В некоторых хрестоматиях, вышедших в советское

10 Речь идет о Б.П. Сильверсване, историке и археологе, закончившем Санкт-Петербургский университет в 1906 г.

11 РГБ, шифр хранения: ЕII 18166 В 93.

время, почти буквально повторяются выражения из рассмотренных нами изданий, хотя отсутствуют прямые ссылки на них [11, с. 63; 32, с. 71]. После публикации отдельных фрагментов Жирмунским и Гацаком, обращался к литографированным курсам и Е.М. Мелетинский. Хотя последний, как замечает Азбелев, прямолинейно приписывает Веселовскому формулировки его учеников, забывая о гибридном жанре издания; к тому же, по мнению Азбелева, у него «своеобразна сама манера цитирования этих записей: обрыв цитаты почти диаметрально искажает смысл» [3, с. 39].

Таким образом, можно сказать, что литографированные курсы Веселовского, несмотря на, казалось бы, недостаточное внимание исследователей, в течение всего XX в. играли несомненно значимую роль в распространении идей ученого. Дополнительным косвенным доказательством интереса к этим изданиям служит состав многих просмотренных нами экземпляров: кто прикреплял, например, программы к соответствующим литографированным изданиям? Кто собрал разные курсы в один переплет? Эти вопросы останутся, вероятно, навсегда без ответа; тем не менее, такая усердная, постоянная работа, продолжавшаяся несколько десятилетий (по крайней мере, после выпуска списка Симони в 1921 г.), свидетельствует о повышенном внимании к этим изданиям и их автору. В какой степени они передают настоящую мысль Веселовского, поможет определить только подробный разбор их содержания, в сопоставлении с текстами, бесспорно принадлежащими его перу. Задача данной статьи была поставить этот вопрос по возможности широко.

Подведем итоги проведенного нами исследования.

Заключение

Проведенный нами разбор текстов показал, что гибридная во многих отношениях природа жанра не позволяет однозначно приписывать Веселовскому все их содержание. В случае несоответствия текстов курсов и неопубликованных трудов ученого следует отдавать предпочтение слову самого автора. Тем не менее, различия в мысленных построениях Веселовского могли возникать и вследствие развития его же взглядов; в таком случае, литографированные курсы могут дать представление о некоторых этапах в эволюции мышления ученого, не засвидетельствованных полностью в авторских трудах. Но есть и другие обстоятельства, заставляющие обращать большее внимание на эти своеобразные тексты с целью реконструкции наследия Веселовского.

Итак, доля авторства Веселовского в его литографированных курсах оказалась не столь незначительной, как он утверждал. Некоторые составители были очень близки к учителю и имели возможность и желание передать максимально точно его точку зрения. К тому же, если можно предположить, что они прибегали к опубликованным трудам самостоятельно, в случае с еще не опубликованными текстами они вряд ли могли получать и переписывать их без ведома или без инициативы самого Веселовского. И еще: как же объяснить буквальные повторения в литографиях двух разных институтов (ЛК 9–10, см. выше), если не посредничеством преподавателя? Кто еще мог бы добавить к уже опубликованному литографированному изданию критику, причем довольно резкую, министерской программы обучения (ЛК 14), если не сам Веселовский? Все эти довольно веские, но все-таки косвенные соображения поддерживают вышеупомянутые воспоминания Аничкова (к сожалению, еще неопубликованные), где бывший ученик Веселовского недвусмысленно пишет, что два курса его учителя «были изданы курсистками в литографированных листах и *оба проверены самим А<лександ>ром Н<иколаевичем>» <курсив мой, С.М.>*. «Я, разумеется, — добавляет Аничков — тогда же раздобыл их, но А<лекса>ндр Н<иколаевич> почему-то не любил о них упоминать» [см. примеч. 2]. Таким образом, мы имеем здесь прямое свидетельство, противоречащее словам самого Веселовского о том, что свои литографированные курсы он «никогда не правил и никогда в них не заглядывал» [см. выше].

Но, в таком случае, естественно задаться вопросом: почему же ученый так отрицательно относился к изданиям, в которых он сам участвовал? Нам кажется, что ответ надо искать в складе ума самого Веселовского, остававшегося всю жизнь «человеком ищущего пути» (как он назвал свой юношеский дневник [20, с. 36–38]). Веселовский был всегда не до конца доволен своими трудами, которые он часто воспринимал как предварительные этапы к более полному обобщению. Он постоянно возвращался к одному и тому же предмету, в стремлении добиться все большей научной точности[12]. Если у Веселовского был такой подход к собственным опубликованным трудам, тем более он не мог считать законченными и, следовательно, готовыми к обнародованию свои устные слова, по крайней мере, без его тщательной переработки; только через силу, видимо, он разрешал выпуск литографированных курсов, ввиду необходимости предоставить студентам подходящее пособие. Литографированные

[12] В качестве примера можно привести эволюцию взглядов Веселовского в вопросе о легенде Св. Грааля [22].

курсы, следует еще добавить, показывают, что Веселовский далеко не всегда придерживался в своих лекциях запланированной схемы. Мы видели, как часто преподаватель не выполнял обещанный во вступительных лекциях план курса, постоянно расширяя материал; наиболее наглядным примером служит второй цикл лекций об эпосе, который автор не успел довести до конца даже в течение двух учебных годов. Как Веселовский неоднократно повторял [20, с. 15], главным в его преподавательской манере был метод, которому он учил своих учеников с помощью самого разнообразного материала. Именно этот аспект, который больше всего оставался в памяти учеников, нигде не запечатлен лучше, чем в его литографированных курсах.

Если сопоставить вышеупомянутое утверждение Н.И. Цимбаева [37, с. 39] о том, что для составления литографированных курсов «несколько заранее выбранных студентов делали дословную запись» лекций учителя, с упомянутым намеком Кудряшева о присутствии «стенографа» во время лекций Веселовского, мы имеем некоторое основание предполагать, что литографированные издания, хотя бы в некоторых случаях, передают живую речь ученого.

Имеются и другие преимущества этих изданий, например, перед авторскими конспектами: даже не считаясь со сложностями, связанными с разбором почерка, часто конспекты и заметки Веселовского ограничиваются беглыми замечаниями или лаконичными заглавиями, как в случае с поэтикой сюжетов [19, с. 537 и след.]. Не случайно, думается, Азбелев до сих пор опубликовал только незначительную часть рукописи № 149 [18], а опубликованные страницы иногда настолько фрагментарны и схематичны, что без сопоставления с другими трудами Веселовского невозможно правильно их интерпретировать. В этом отношении литографированные курсы представляют собой цельный и легко читаемый текст; даже если считать их скорее пересказами студентов, чем собственными произведениями учителя, такие пересказы немало облегчают задачу внедрения в дебри мышления Веселовского.

После кончины ученого внимание российской научной среды привлек прежде всего проект создания исторической поэтики [5, с. 541]. Неудивительно, что и в случае с литографическими изданиями интерес сосредоточился именно на тех из них, которые служили своего рода черновиком этого проекта, т. е. на курсах 1881–1886 гг. Они действительно не только проливают свет на некоторые аспекты *Исторической поэтики*, но также могут помочь создать представление о неоконченных частях книги [ср.: 35, с. 40]. В этом отношении их отсутствие в опыте «реконструкции ненаписанного» [20, с. 4]

является, по нашему мнению, шагом назад по сравнению с изданием В.М. Жирмунского [17].

Если о «Теории поэтических родов в их историческом развитии» мы располагаем многими трудами, опубликованными после выпуска литографированных курсов, то вторая тематическая группа не имеет аналогов в наследии Веселовского. Нигде он не давал такого цельного обзора четырех самых важных европейских литератур: французская, немецкая, итальянская и английская литературы рассматриваются одновременно в их взаимных отношениях и в их неповторимой специфичности. В большинстве курсов второй группы можно отметить такие сквозные темы, как рыцарская литература, легенда о Св. Граале, возникновение Возрождения и другие темы, развернутые в контексте определенной национальной традиции. Из множества более узких тем, затронутых в этих текстах, некоторые имели несомненное влияние на учеников Веселовского, как, например, разбор учения Иоахима Флорского, которому Е.В. Аничков посвятил бóльшую часть второй половины своей ученой деятельности [45][13].

Более подробное исследование откроет, несомненно, еще и другие пути влияния литографированных курсов Веселовского на последующую науку. Мы же, по крайней мере, показали, что они представляют собой важную часть наследия великого ученого, заслуживающую большого внимания и, желательно, новых переизданий.

Список литературы

1. *Азбелев С.Н.* История эпоса в неизданных рукописях А.Н. Веселовского // Русская литература. 1988. № 1. С. 129–139.

2. *Азбелев С.Н.* Веселовский и историческое изучение эпоса // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы / отв. ред. П.Р. Заборов. СПб.: Наука, 1992. С. 6–31.

3. *Азбелев С.Н.* Эпосоведческое наследство А.Н. Веселовского в современности // Русский фольклор. СПб.: Наука, 1995. Т. 28. С. 32–44.

4. *Аничков Е.В.* Историческая поэтика А.Н. Веселовского // Вопросы теории и психологии творчества. 1907. № I. С. 322–430.

5. *Аничков Е.В.* Александр Веселовский // Slavia. Praha. 1922. № I (2–3). С. 302–315; 1923. № I (4). С. 524–551.

6. *Бархин К.Б.* Александр Николаевич Веселовский: К 100-летию со дня рождения // Литературная учеба. 1938. № 2. С. 68–88.

[13] Об отношении Аничкова к своему учителю см.: [34].

7. *Батюшков Ф.Д.* Лекции по всеобщей литературе / Высш. жен. курсы. СПб.: Изд. Р. Кулькиной, 1886–1887. 494 с.

8. *Батюшков Ф.Д.* История всеобщей литературы // Энциклопедический словарь. СПб.: Типо-литогр. Ефрона, 1899. Т. 28. С. 819–821.

9. Литографированные учебные издания в составе Библиотеки Бестужевских курсов // Библиотека Бестужеских курсов. URL: http://lib.pu.ru/bbk/catalogues/litpr.php (дата обращения: 27.05.2019).

10. *Браун Ф.А.* Лекции по всеобщей литературе. СПб.: Лит. Богданова, 1896–1897.

11. Историко-литературная хрестоматия / сост. Н.Л. Бродский, Н.М. Мендельсон, Н.П. Сидоров. 3-е изд. М.: Госиздат, 1922. 280 с.

12. *Вахромеева О.Б.* Петербургский университет в лицах: Иван Михайлович Гревс, Сергей Федорович Ольденбург, Дмитрий Иванович Шаховской // Рериховское наследие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. С. 246–254.

13. *Веселовский А.Н.* Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1875. Апрель. С. 307–314.

14. Указатель к научным трудам Александра Николаевича Веселовского. 1859–1885. Ученики Учителю. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. 112 с.

15. Указатель к научным трудам Александра Николаевича Веселовского. 1859–1895. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1896. 138 с.

16. *Веселовский А.Н.* Собр. соч. Александра Николаевича Веселовского. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1908–1938.

17. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / ред. В.М. Жирмунский. Л.: Худож. лит., 1940. 652 с.

18. *Веселовский А.Н.* Избранные труды и письма / ред. П.Р. Заборов. СПб.: Наука, 1999. 366 с.

19. *Веселовский А.Н.* Избранное: Историческая поэтика / ред. И.О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. 553 с.

20. *Веселовский А.Н.* Избранное: На пути к исторической поэтике / сост. И.О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. 688 с.

21. *Веселовский А.Н.* Избранное: Критические статьи и заметки / сост. Т.В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 496 с.

22. *Веселовский А.Н.* Избранное: Легенда о Св. Граале / сост. М.В. Пащенко. М.; СПб.: Петроглиф, 2016. 512 с.

23. Из лекций Веселовского по истории эпоса // Типология народного эпоса / публ. В.М. Гацака. М.: Наука, 1975. С. 287–319.

24. Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы / отв. ред. Т.В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 320 с.

25. *Жирмурский В.М.* А.Н. Веселовский (1838–1906) // *Веселовский А.Н.* Избранные статьи. Л.: Худож. лит., 1939. С. V–XXIV.

26. Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы / отв. ред. П.Р. Заборов. СПб.: Наука, 1992. 389 с.

27. *Ключевский В.О.* История сословий в России: курс, читанный в Московском Университете в 1886 году. М.: Лит.-изд. отд. Ком. нар. прос., 1918. 276 с.

28. Песнь о Нибелунгах / ред. и пер. М.И. Кудряшев. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1889. 440 с.

29. Из писем к Веселовскому. Е.В. Балобанова. Публикация Ю.Д. Левина // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы / отв. ред. П.Р. Заборов. СПб.: Наука, 1992. С. 286–312.

30. *Мацианти С.* «Встречные течения»: историзм, формализм, неомифологизм в рецепции и интерпретациях Александра Веселовского в Италии // Русская литература в зеркалах мировой литературы: рецепция, переводы, интерпретации. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 109–133.

31. *Обатнин Г.В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2002. № 21. С. 261–344.

32. *Орлов А.С.* Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII–XVII веков. Л.: Академия наук, 1934. 169 с.

33. Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших Женских Курсах. 1882–1889 гг., 1893–1903 гг. СПб.: [б. и.], 1903. 120 с.

34. *Рычков А.Л.* Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничков 1920–1930-х годов // Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы / отв. ред. Т.В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 157–195.

35. *Светлакова О.А.* Лекционные курсы А.Н. Веселовского как историко-литературная концепция // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2011. С. 35–43.

36. *Симони П.К.* Библиографический список учено-литературных трудов А.Н. Веселовского (1859–1906 гг.). Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922. 68 с.

37. *Цимбаев Н.И.* Издательская деятельность московского университета в XIX– начале XX в. // Вестник Московского университета. 1981. № 3. С. 28–40.

38. *Шайтанов И.О.* Классическая поэтика неклассической эпохи // *Веселовский А.Н.* Избранное: Историческая поэтика / ред. И.О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 5–50 (первая публ. // Вопросы литературы. 2002. № 2. С. 82–135).

39. *Шайтанов И.О.* От составителя // *Веселовский А.Н.* Избранное: На пути к исторической поэтике / сост. И.О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. С. 5–8.

40. *Шишмарев В.Ф.* Александр Николаевич Веселовский // Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л.: Наука, 1972. С. 284–335 (первая публ. // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. М., 1938. № 4. С. 3–41).

41. *Шишмарев В.Ф.* Лирика и лирики позднего средневековья: Очерки по истории поэзии Франции и Прованса. Париж: Тип. Н.Л. Данцига, 1911. 578 с.

42. *Энгельгардт Б.М.* Александр Николаевич Веселовский. Л.: Колос, 1924. 214 с.

43. *Слюсарева Н.А.* О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию // де Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990. С. 7–28

44. *Якобсон Л.* Александр Веселовский и социологическая поэтика // Литература и марксизм. М., 1928. № 1. С. 10–45.

45. *Anitchkof E.* Joachim de Flore et les milieux courtois. Roma: Collezione meridionale ed., 1931. 462 c.

46. *Straniero Sergio F.* Verso una sociolinguistica interazionale dell'interpretazione // Interpretazione simultanea e consecutiva. Problemi teorici e metodologie didattiche / a cura di C. Falbo et al. Milano: Hoepli, 1999. С. 103–139.

Research article

Unknown Lithographic Courses by A.N. Veselovsky: Typologisation and Problem of Authorship

© 2021. S. Mazzanti

University of Macerata, Italy

Abstract: The article examines a hitherto understudied group of texts associated with the name of A.N. Veselovsky (1838–1906). The author of the article discusses Veselovsky's litographed courses, compiled in the period from 1879 to 1888, in the context of the hybrid genre of student recordings and in comparison with the works of famous philologist. The central part of the article provides an overview of all 16 lithographic editions of Veselovsky's courses, namely their main external and textual characteristics, summary, typologization. The author pays special attention to the problem of authorship of these publications, which are viewed by modern researchers as texts that do not reflect the scientist's own concepts. Despite the fact that Veselovsky himself expressed skepticism about the significance of the lithographic recordings of his courses, a detailed textological analysis and other indirect and direct facts allow us to conclude that the professor's participation in the creation of these publications and, therefore, his share of authorship, after all are quite significant. His litographed courses, especially lectures devoted to a review of the main European literatures (French, German, Italian and English), where Veselovsky elaborates more clear and organic generalizations, than in his published works, are an important source for the reconstruction of the scientist's legacy.

Keywords: history of literary studies, A.N. Veselovsky, historical poetics, students' records, problem of authorship.

Information about the author: Sergio Mazzanti — PhD (Rome University "La Sapienza"), University of Macerata, via Crescimbeni 30/32, 62100, Macerata, Italy. E-mail: sergiomazzanti@gmail.com

For citation: Mazzanti, S. "Unknown Lithographic Courses by A.N. Veselovsky: Typologisation and Problem of Authorship." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 302–336. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-302-336

References

1. Azbelev, S.N. “Istoriia eposa v neizdannykh rukopisiakh A.N. Veselovskogo” [“The History of the Epos in A.N. Veselovsky’s Unpublished Manuscripts”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1988, pp. 129–139. (In Russ.)

2. Azbelev, S.N. “Veselovskii i istoricheskoe izuchenie eposa” [“Veselovsky and the Historical Study of the Epos”]. Zaborov, P.R., editor. *Nasledie Aleksandra Veselovskogo. Issledovaniia i materialy* [*Heritage of Alexander Veselovsky. Research and Materials*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, pp. 6–31. (In Russ.)

3. Azbelev, S.N. “Eposovedcheskoe nasledstvo A.N. Veselovskogo v sovremennosti” [“Epic Heritage of A.N. Veselovsky in Modern Times”]. *Russkii fol'klor*, vol. 28. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, pp. 32–44. (In Russ.)

4. Anichkov, E.V. “Istoricheskaia poetika A.N. Veselovskogo” [“A.N. Veselovsky’s Historical Poetics”]. *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva*, no. I, 1907, pp. 322–430. (In Russ.)

5. Anichkov, E.V. “Aleksandr Veselovskii.” *Slavia*, no. I (2–3). Praha, 1922, pp. 302–315; no. I (4). Praha, 1923, pp. 524–551. (In Russ.)

6. Barkhin, K.B. “Aleksandr Nikolaevich Veselovskii: k 100-letiiu so dnja rozhdeniia” [“Alexander Nikolaevich Veselovsky: to the 100th Anniversary of his Birth”]. *Literaturnaia ucheba*, no. 2, 1938, pp. 68–88. (In Russ.)

7. Batiushkov, F.D. *Lektsii po vseobshchei literature* [*Lectures on Universal Literature*], Vysshie zhenskie kursy. St. Petersburg, R. Kul'kinoi Publ., 1886–1887. 494 p. (In Russ.)

8. Batiushkov, F.D. “Istoriia vseobshhei literatury” [“History on Universal Literature”]. *Entsiklopedicheskii slovar'* [*Encyclopedic Dictionary*], vol. 28. St. Petersburg, Tipo-litografiia Efrona Publ., 1899, pp. 819–821. (In Russ.)

9. “Litografirovannye uchebnye izdaniia v sostave Biblioteki Bestuzhevskikh kursov” [“Lithographed Educational Publications as Part of the Bestuzhev’ Courses Library”]. *Biblioteka Bestuzheskikh kursov* [*Bestuzhev Courses Library*]. Available at: http://lib.pu.ru/bbk/catalogues/litpr.php (Accessed 27 May 2019). (In Russ.)

10. Braun, F.A. *Lektsii po vseobshchei literature* [*Lectures on Universal Literature*]. St. Petersburg, Litografiia Bogdanova Publ, 1896–1897. (In Russ.)

11. Brodskii, N.L., Mendel'son, N.M., Sidorov, N.P., editors. *Istoriko-literaturnaia hrestomatiia* [*Historical and Literary Anthology*]. 3rd ed. Moscow, Gosizdat Publ., 1922. 280 p. (In Russ.)

12. Vakhromeeva, O.B. “Peterburgskii universitet v litsakh: Ivan Mikhailovich Grevs, Sergei Fedorovich Ol'denburg, Dmitrii Ivanovich Shakhovskoi” [“St. Petersburg University in Persons: Ivan Mikhailovich Grevs, Sergei Fedorovich Oldenburg, Dmitry Ivanovich Shakhovskoy”]. *Rerikhovskoe nasledie* [*Roerich Heritage*]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2002, pp. 246-254. (In Russ.)

13. Veselovskii, A.N. “Opyty po istorii razvitiia khristianskoi legendy” [“Researches on the History of the Development of the Christian Legend”]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia*, Aprel', 1875, pp. 307–314. (In Russ.)

14. *Ukazatel' k nauchnym trudam Aleksandra Nikolaevicha Veselovskogo. 1859–1885. Ucheniki Uchiteliu* [*Index to Alexander Nikolaevich Veselovsky's Scientific Works. 1859–1885. Students to the Teacher*]. St. Petersburg, Tipografiia V.S. Balasheva Publ., 1886. 112 p. (In Russ.)

15. *Ukazatel' k nauchnym trudam Aleksandra Nikolaevicha Veselovskogo. 1859–1895* [*Index to Alexander Nikolaevich Veselovsky's Scientific Works. 1859–1895*]. St. Petersburg, Tipografiia V.S. Balasheva Publ., 1896. 138 p. (In Russ.)

16. Veselovskii, A.N. *Sobranie sochinenii Aleksandra Nikolaevicha Veselovskogo* [*Alexander Nikolaevich Veselovsky's Collected Works*]. St. Petersburg, Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1908–1938. (In Russ.)

17. Veselovskii, A.N. *Istoricheskaia poetika* [*Historical Poetics*], ed. by V.M. Zhirmunskii. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1940. 652 p. (In Russ.)

18. Veselovskii, A.N. *Izbrannye trudy i pis'ma* [*Selected Works and Letters*], ed. by P.R. Zaborov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 366 p. (In Russ.)

19. Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Istoricheskaia poetika* [*Selected Writings: Historical Poetics*], ed. by I.O. Shaitanov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 553 p. (In Russ.)

20. Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Na puti k istoricheskoi poetike* [*Selected Writings: Towards Historical Poetics*], ed. by I.O. Shaitanov. Moscow, Avtokniga Publ., 2010. 688 p. (In Russ.)

21. Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Kriticheskie stat'i i zametki* [*Selected Writings: Critical Articles and Notes*], ed. by T.V. Goven'ko. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 496 p. (In Russ.)

22. Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Legenda o Sv. Graale* [*Selected Writings: The Legend of St. Graal*], ed. by M.V. Pashhenko. Moscow, St. Petersburg, Petroglif Publ., 2016. 512 p. (In Russ.)

23. "Iz lektsii Veselovskogo po istorii eposa" ["From Veselovsky's Lectures on the History of the Epos"]. Gatsak, V.M., editor. *Tipologiia narodnogo eposa* [*Typology of the Folk Epos*]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 287–319. (In Russ.)

24. Goven'ko, T.V., editor. *Nasledie Aleksandra Veselovskogo v mirovom kontekste. Issledovaniia i materialy* [*Heritage of Alexander Veselovsky in the World Context. Research and Materials*]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)

25. Zhirmurskii, V.M. "A.N. Veselovskii (1838–1906)". Veselovskii, A.N. *Izbrannye stat'i* [*Selected Articles*]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1939, pp. V–XXIV. (In Russ.)

26. Zaborov, P.R., editor. *Nasledie Aleksandra Veselovskogo. Issledovaniia i materialy* [*Heritage of Alexander Veselovsky. Research and Materials*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 389 p. (In Russ.)

27. Kliuchevskii, V.O. *Istoriia soslovii v Rossii: kurs, chitannyi v Moskovskom Universitete v 1886 godu* [*History of Estates in Russia: A Course Held at Moscow University in 1886*]. Moscow, Literaturno-izdatel'skii otdel Komissariata narodnogo prosveshcheniia Publ., 1918. 276 p. (In Russ.)

28. *Pesn' o Nibelungakh* [*Niebelungenlied*], ed. and trans. by M.I. Kudriashev. St. Petersburg, Tipografiia N.A. Lebedeva Publ., 1889. 440 p. (In Russ.)

29. "Iz pisem k Veselovskomu. E.V. Balobanova" ["From E.V. Balobanov's Letters to Veselovsky"]. Zaborov, P.R., editor. *Nasledie Aleksandra Veselovskogo. Issledovaniia i materialy* [*Heritage of Alexander Veselovsky. Research and Materials*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, pp. 286–312. (In Russ.)

30. Mazzanti, S. "'Vstrechnye techeniia': istorizm, formalizm, neomifologizm v retsepcii i interpretatsiiah Aleksandra Veselovskogo v Italii" ["'Countercurrents': Historicism, Formalism, Neomythologism in the Reception and Interpretations of Alexander Veselovsky in Italy"]. *Russkaia literatura v zerkalakh mirovoi literatury: recepciia, perevody, interpretatsii* [*Russian Literature in the Mirrors of World Literature: Reception, Translations, Interpretations*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 109–133. (In Russ.)

31. Obatnin, G.V. "Materialy k opisaniiu biblioteki Viach. Ivanova" ["Materials for the Description of Vyach. Ivanov's Library"]. *Europa Orientalis*, no. 21, 2002, pp. 261–344. (In Russ.)

32. Orlov, A.S. *Perevodnye povesti feodal'noi Rusi i Moskovskogo gosudarstva XII–XVII vekov* [*Translated Novels of Feudal Russia and the Moscow State of the 12th–17th centuries*]. Leningrad, Akademiia nauk Publ., 1934. 169 p. (In Russ.)

33. *Pamiatnaia knizhka okonchivshikh kurs na S.-Peterburgskikh Vysshih Zhenskikh Kursakh. 1882–1889 gg., 1893–1903 gg*. [*Commemorative Book of those who Graduated from the Course at the St. Petersburg Higher Women's Courses. 1882–1889, 1893–1903*]. St. Petersburg, 1903. 120 p. (In Russ.)

34. Rychkov, A.L. "Razyskaniia A.N. Veselovskogo po religioznomu fol'kloru v kriticheskom osmyslenii E.V. Anichkov 1920–1930-kh godov" ["A.N. Veselovsky's Studies on Religious Folklore in Critical Understanding by E.V. Anichkov 1920–1930s"]. Goven'ko, T.V., editor. *Nasledie Aleksandra Veselovskogo v mirovom kontekste. Issledovaniia i materialy* [*Heritage of Alexander Veselovsky in the World Context. Research and Materials*]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016, pp. 157–195. (In Russ.)

35. Svetlakova, O.A. "Lektsionnye kursy A.N. Veselovskogo kak istoriko-literaturnaia koncepciia" ["A.N. Veselovsky's Lecture Courses as a Historical and Literary Concept"]. *Aleksandr Veselovskii. Aktual'nye aspekty nslediia. Issledovaniia i materialy [Alexander Veselovsky. Currant Aspects of his Heritage. Research and Materials*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 35–43. (In Russ.)

36. Simoni, P.K. *Bibliograficheskii spisok ucheno-literaturnykh trudov A.N. Veselovskogo (1859–1906 gg.)* [*Bibliographic List of Scientific and Literary Works by A.N. Veselovsky (1859–1906)*]. Petrograd, Rossiiskaia gosudarstvennaia akademicheskaia tipografiia Publ., 1922. 68 p. (In Russ.)

37. Tsimbaev, N.I. "Izdatel'skaia deiatel'nost' moskovskogo universiteta v XIX – nachale XX vv." ["Publishing Activity of the Moscow University in 19th – early 20th Centuries"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, no. 3, 1981, pp. 28–40. (In Russ.)

38. Shaitanov, I.O. "Klassicheskaia poetika neklassicheskoi epokhi" ["Classical Poetics of a Non-Classical Era"]. Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Istoricheskaia poetika* [*Selected Works: Historical Poetics*], ed. by I.O. Shaitanov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, pp. 5–50 (1st ed. *Voprosy literatury*, no. 2, 2002, pp. 82–135). (In Russ.)

39. Shaitanov, I.O. “Ot sostavitelia” [“By Redactor”]. Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Na puti k istoricheskoi poetike* [*Selected Writings: Towards Historical Poetics*], ed. by I.O. Shaitanov. Moscow, Avtokniga Publ., 2010, pp. 5–8. (In Russ.)

40. Shishmarev, V.F. “Aleksandr Nikolaevich Veselovskii” [“Aleksander Nikolaevich Veselovsky”]. *Izbrannye stat'i. Istoriia italianskoj literatury i italianskogo iazyka* [*Selected Articles. History of Italian Literature and Italian Language*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 284–335 (1st ed.: *Izvestiia AS USSR. Otdel obshchestvennykh nauk*. Moscow, no. 4, 1938, pp. 3–41). (In Russ.)

41. Shishmarev, V.F. *Lirika i liriki pozdnego srednevekov'ia: Ocherki po istorii poiezii Frantsii i Provansa* [*Poetry and Poets of the Late Middle Ages: Essays on the History of Poetry of France and Provence*]. Parizh, Tipografiia N.L. Dantsiga Publ., 1911. 578 p. (In Russ.)

42. Engel'gardt, B.M. *Aleksandr Nikolaevich Veselovskii* [*Aleksander Nikolaevich Veselovsky*]. Leningrad, Kolos Publ., 1924. 214 p. (In Russ.)

43. Sliusareva, N.A. “O zametkakh F. de Sossiura po obshchemu iazykoznaniiu” [“About F. de Saussure's Notes on General Linguistics”]. De Sossiur, F. *Zametki po obshchei lingvistike* [*Notes on General Linguistics*]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 7–28. (In Russ.)

44. Iakobson, L. “Aleksandr Veselovskii i sotsiologicheskaia poetika” [“Alexander Veselovsky and Sociological Poetics”]. *Literatura i marksizm*, no. 1, Moscow, 1928, pp. 10–45. (In Russ.)

45. Anitchkof, Eugene. *Joachim de Flore et les milieux courtois*. Roma, Collezione meridionale Publ., 1931. 462 p. (In French)

46. Straniero Sergio, Francesco. “Verso una sociolinguistica interazionale dell'interpretazione.” *Interpretazione simultanea e consecutiva. Problemi teorici e metodologie didattiche*, ed. by C. Falbo et al. Milano, Hoepli Publ., 1999, pp. 103–139. (In Italian)

Статья поступила в редакцию: 02.10.2021
Одобрена после рецензирования: 31.10.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 02.10.2021
Approved after reviewing: 31.10.2021
Date of publication: 25.12.2021

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2021 № 4 (22)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 25.12.2021
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 21,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н